

ЗВЕЗДЫ
НАУЧНОЙ
ФАНТАСТИКИ

18+

ЙЕН МАКДОНАЛД

Лауреат премий
«ХЬЮГО», «ЛОКУС»

НОВАЯ ЛУНА

ЕСЛИ ВЫ ХОТИТЕ ПРОЧИТАТЬ ПО-НАСТОЯЩЕМУ
ИННОВАЦИОННЫЙ НФ-РОМАН, КОТОРОМУ ЕСТЬ ЧТО
И КАК СКАЗАТЬ, ТОГДА «НОВАЯ ЛУНА» ДЛЯ ВАС.

SF&F Reviews

Annotation

Луна хочет тебя убить, и у нее есть тысячи способов добиться своего. Вакуум, радиация, удушающая пыль, слабеющие кости... Луна — новое государство, где нет законов, но есть бесконечные договоренности, где за воздух и информацию постоянно надо платить, и всем правят пять Драконов — пять индустриальных кланов. Между ними давно поделены сферы, каждый занимается своим делом, но основатели кланов стареют, их смерть уже близка, и между многочисленными наследниками развязывается жестокая борьба за новые сферы. Адриане Кorte восемьдесят. Ее семья управляет корпорацией «Корта Элиу». Компания выжила в жестоких корпоративных войнах, но приобрела немало врагов. И теперь, когда с таким трудом завоеванный мир начинает трещать по швам, дети Адрианы должны спасти империю матери от развала... а еще от самих себя. Так начинается один из самых масштабных научно-фантастических романов последних лет, эпическая сага об интригах, предательствах и мести в зримом, жестоком, неожиданном и потрясающе реалистичном мире будущего.

Йен Макдональд

Новая Луна

Ian McDonald

LUNA: NEW MOON

Copyright © Ian McDonald 2015. First published by Gollancz London

© Наталия Осояну, перевод, 2016

© Михаил Емельянов, иллюстрация, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

*** * ***

Посвящается Энид

Луна: список действующих лиц

Термины, относящиеся к лунным брачным обычаям и корпоративным титулам, содержатся в глоссарии.

«КОРТА ЭЛИУ»[\[1\]](#)

Адриана Корта: основательница и чхвеко «Корта Элиу»

Карлос ди Мадейрас Кастро: око Адрианы (покойный)

Рафаэл (Рафа) Корта: старший сын Адрианы. Хвэджан «Корта Элиу»

Рэйчел Маккензи: око Рафы Корты

Лусика Асамоа: кеджи-око Рафы Корты

Робсон Корта: сын Рафы Корты и Рэйчел Маккензи

Луна Корта: дочь Рафы Корты и Лусики Асамоа

Лукас Корта: второй сын Адрианы Корты. Чонму «Корта Элиу»

Аманда Сунь: око Лукаса Корты

Лукасинью Корта: сын Лукаса Корты и Аманды Сунь

Ариэль Корта: дочь Адрианы Корты. Выдающийся адвокат в Суде Клавия

Карлиньос Корта: третий сын Адрианы Корты. Руководитель поверхностных работ и защитник «Корта Элиу»

Вагнер «Лобинью» Корта: четвертый сын Адрианы Корты, изгнанный из семьи. Аналитик и лунный волк

Марина Кальцаге: рабочая-поверхностница в «Корта Элиу», позже — ассистентка Ариэль Корты

Элен ди Брага: финансовый директор «Корта Элиу»

Эйтур Перейра: глава службы безопасности «Корта Элиу»

Д-р Каролина Макарег: личный врач Адрианы Корты

Нильсон Нуньес: управляющий Боа-Виста[\[2\]](#)

МАДРИНЫ

Ивети: суррогатная мать Рафы Корты

Моника: суррогатная мать Лукаса Корты

Амалия: суррогатная мать Ариэль Корты

Флавия: суррогатная мать Карлиньоса, Вагнера и Лукасинью Корты

Элис: суррогатная мать Робсона и Луны Корты

«МАККЕНЗИ МЕТАЛЗ»

Роберт Маккензи: основатель «Маккензи Металз», генеральный директор на пенсии

Алисса Маккензи: око Роберта Маккензи (покойная)

Дункан Маккензи: старший сын Роберта и Алиссы Маккензи, генеральный директор «Маккензи Металз»

Анастасия Воронцова: око Дункана Маккензи

Рэйчел Маккензи: младшая дочь Дункана и Анастасии, око Рафы Корты и мать Робсона Корты

Аполлинария Воронцова: кеджи-око Дункана Маккензи

Эдриан Маккензи: старший сын Дункана и Аполлинии; око Джонатона Кайода, Лунного Орла

Денни Маккензи: младший сын Дункана и Аполлинии, глава «Маккензи Фьюзибл», подразделения «Маккензи Металз» по гелию-3

Брайс Маккензи: младший сын Роберта Маккензи, финансовый директор «Маккензи Металз», отец многочисленных «приемных детей»

Хоан Рам Хун: приемный сын Брайса Маккензи и на короткий срок — око Робсона Корты

Джейд Сунь-Маккензи: вторая око Роберта Маккензи

Хэдли Маккензи: сын Джейд Сунь и Роберта Маккензи; защитник «Маккензи Металз». Сводный брат Дункана и Брайса

Анелиза Маккензи: темная амор Вагнера Корты в его темной ипостаси

Оуэн Киф: глава службы безопасности «Маккензи Металз»; его преемник на этом посту — Хэдли Маккензи

Кира Маккензи: лунная бегунья

АКА

Лусика Асамоа: око Рафы Корты, позднее — член Котоко

Абена Асамоа: лунная бегунья

Коджо Асамоа: коллега Лукасинью Корты по коллоквиуму и лунный бегун

Йа Афуом Асамоа: любительница вечеринок в Тве

Адофо Менса Асамоа: омахене Золотого Трона, глава Котоко

«ТАЙЯН»

Джейд Сунь: око Дункана Маккензи

Аманда Сунь: око Лукаса Корты

Джейден Вэнь Сунь: владелец гандбольной команды «Тигры Сунь»

Джейк Тэнлун Сунь: генеральный директор недолговечного дизайнерского дома «Птички-невелички»

Фу Си, Шэньнун, Желтый Император: Три Августейших, ИИ высокого уровня, разработанные «Тайяном»

ВТО

Валерий Воронцов: основатель ВТО, последние пятьдесят лет провел в невесомости на борту циклера «Святые Петр и Павел»

Николай «Ник» Воронцов: командующий флотом лунных кораблей ВТО

Григорий Воронцов: недолгое время был амором Лукасину Корт и приютил его

КОРПОРАЦИЯ ПО РАЗВИТИЮ ЛУНЫ

Джонатон Кайод: Орел Луны, президент Корпорации по развитию Луны

Судья Куфуор: старший судья в Суде Клавия и наставник Ариэль Корт в вопросах права

Нагаи Риеко: старший судья в Суде Клавия и член Павильона Белого Зайца

Видья Рао: экономист и математик, член «Белого Зайца» и Лунарианского общества, участник кампании за независимость. Разработал Трех Августейших вместе с «Тайяном» для корпорации «Уитэкр Годдард»

СЕСТРИНСТВО ВЛАДЫК СЕГО ЧАСА

Ирман Лоа: исповедница Адрианы Корт

Мадринья Флавия: присоединилась к Сестринству после изгнания из Боа-Виста

Майн-ди-санту Одунладе Абоседе Адекола: матрона Сестер Владык Сего Часа

МЕРИДИАН / ЦАРИЦА ЮЖНАЯ^[3]

Жоржи Нардис: исполнитель босанова и амор Лукаса Корт

Сони Шарма: ученый из Университета Невидимой стороны

Мариану Габриэл Демария: директор Школы Семи Колоколов, учебного заведения для наемных убийц

Ань Сюин: торговый делегат от Китайской корпорации энергетических инвестиций

Элиза Стракки: разработчик-фрилансер в области нанотехнологий, работала на «Птичек-невеличек»

ВОЛКИ

Амаль: вожак волчьей стаи Меридиан Блю

Саша «Волчонок» Эрмин: вожак стаи Волки Магдалены из Царицы Южной

Ирина: стайная амор Вагнера Корт в светлое время

Один

В белой комнате на краю Центрального залива сидят шесть обнаженных подростков. Три девочки, три мальчика. Кожа их черна, желта, коричневая, белая. Они почесываются — непрерывно, сосредоточенно. Давление воздуха падает, и шкура сохнет, зудит.

Комната тесная — бочка, в которой едва ли можно выпрямиться в полный рост. Ребята зажаты на скамьях лицом друг к другу, бедра каждого прижимаются к соседским, колени касаются тех, что с противоположной стороны. Смотреть некуда и не на кого, кроме как друг на друга, но они избегают встречаться взглядами. Слишком близки, слишком беззащитны. Каждый дышит через прозрачную маску. Там, где она неплотно прилегает, раздается шипение кислорода. Под окошком на двери наружного шлюза — манометр. Он показывает пятнадцать килопаскалей. Понадобился час, чтобы так опустить давление.

Но снаружи вакуум.

Лукасиною наклоняется вперед и снова выглядывает в окошко. Люк увидеть легко; путь к нему открытый и прямой. Солнце стоит низко, тени длинные и густые, обращенные в сторону Лукасиною. Они чернее черного реголита и, возможно, таят множество ловушек. «Температура на поверхности — сто двадцать по Цельсию, — предупредил фамилляр. — Это будет прогулка сквозь пламя».

Прогулка сквозь пламя, прогулка сквозь лед.

Семь килопаскалей. Лукасиною кажется, что он раздулся, кожа его туго натянута и нечиста. Когда манометр покажет пять, шлюз откроется. Жаль, что с Лукасиною нет фамилляра. Цзиньцзи мог бы замедлить его колотящееся сердце, успокоить дергающуюся мышцу в правом бедре. Он мельком встречается взглядом с девушкой напротив. Она из Асамоа; рядом с нею сидит старший брат. Ее пальцы вертят амулет адинкра на шее. Фамилляр должен был ее об этом предупредить. Там, снаружи, металл может мгновенно вплавиться в кожу. Возможно, символ «Геньями» останется с ней навсегда в виде шрама. Девушка едва заметно улыбается Лукасиною. Шесть обнаженных, красивых и юных людей прижимаются бедро к бедру, но в камере царит сексуальный вакуум. Все мысли обращены к тому, что поджидает за дверью шлюза. Два Асамоа; девушка из семейства Сунь; девушка из семейства Маккензи; парнишка-Воронцов учащенно дышит от испуга; и Лукасиною Алвес Ман ди Ферро Арена ди Корта. Лукасиною перепихнулся со всеми, кроме девушки-Маккензи. Корта и Маккензи друг с другом не перепихиваются. И кроме Абены Маану Асамоа, потому что ее совершенство отпугивает Лукасиною Кортю. А вот ее брат, да — минет он делает лучше всех.

Двадцать метров. Пятнадцать секунд. Цзиньцзи выжигает эти цифры в его памяти. Расстояние до второго шлюза. Время, на протяжении которого обнаженный человек может выжить в жестком вакууме. Пятнадцать секунд до потери сознания. Тридцать секунд до необратимых повреждений. Двадцать метров. Десять широких шагов.

Лукасиною улыбается красавице Абене Асамоа. Потом включается красный свет. Шлюз открывается, Лукасиною в тот же миг вскакивает. Вместе с последним воздухом его вышвыривает наружу, в Центральный залив.

Первый шаг. Правая нога касается реголита, и от этого все мысли вылетают прочь из головы. Глаза горят. Легкие полыхают. Его вот-вот разорвет на части.

Второй шаг. Выдохнуть. «Выдыхай. Давление в легких должно равняться нулю», — предупреждал Цзиньцзи. Нет-нет, это неправильно, это смерть. Выдохни, или легкие взорвутся. Его ступня опускается.

Третий шаг. Он выдыхает. Дыхание замерзает на лице. Вода на языке и слезы в уголках глаз кипят.

Четыре. Абена Асамоа вырывается вперед. Ее кожа серая от инея.

Пять. Глаза замерзают. Он не смеет моргнуть. Веки намертво склеятся от мороза. Моргнешь — ослепнешь, ослепнешь — умрешь. Он сосредотачивается на шлюзе, обрамленном синими путеводными огнями. Тощий мальчишка-Воронцов обгоняет. Бежит как безумный.

Шесть. Сердце лихорадочно бьется, пылая. Абена Асамоа кидается в шлюз и, протягивая одну руку к маске, бросает взгляд через плечо. Ее глаза широко распахиваются, она что-то видит позади Лукасинью. Ее рот открывается в беззвучном крике.

Семь. Он оборачивается. Коджо Асамоа упал и катится кувырком. Коджо Асамоа тонет в лунном океане.

Восемь. Лукасинью, готовый броситься к синим огням шлюза, вскидывает руки и прерывает свой безудержный бег.

Девять. Коджо Асамоа пытается подняться на ноги, но он ослеп, пыль примерзла к глазным яблокам. Он размахивает руками, рывком поднимается, валится вперед. Лукасинью хватает его за руку. Вставай. Вставай же!

Десять. Краснота пульсирует в глазах: круг света и сознания, сфокусированного на круге входного шлюза. С каждым всплеском красноты в его распадающемся мозгу круг сужается. «Дыши! — вопят легкие. — Дыши!» Вверх. Вверх. Шлюз полон рук и лиц. Лукасинью швыряет себя в круг тянущихся рук. Кровь его кипит. Газ пузырится в жилах; каждый пузырек — раскаленный добела металлический шарик. Силы покидают Лукасинью. Разум умирает, но он не отпускает руку Коджо. Тянет руку, тянет парня; сам в агонии, горит. Шлюз содрогается, и с воющим звуком в него врываются потоки воздуха.

В оставшемся крошечном поле зрения Лукасинью видит путаницу из конечностей, кожи, задов и животов, с которых капает конденсат и пот. Он слышит, как судорожные вздохи переходят в смех, всхлипы — в безумное хихиканье. Тела сотрясает мелкая дрожь от сумасшедшего смеха. Мы выдержали лунную гонку. Мы победили Госпожу Луну.

Еще одно видение-вспышка: красное пятно на центральной линии наружной двери шлюза, причудливое красное на белом. Лукасинью сосредотачивается на нем как на центре мишени и весь превращается в линию, которая тянется от точки до точки. Пока сознание поглощает тьма, он понимает, что это за пятно. Кровь. Наружная дверь шлюза захлопнулась на большом пальце левой ноги Коджо Асамоа, полностью его расплющив.

Теперь — тьма.

Крылатая женщина взмывает с вершины термического потока. Свет раннего утра обливает ее золотом. Коснувшись самой крыши мира, летунья изгибает спину, прижимает руки к груди, делает резкое движение ногами и ласточкой ныряет вниз. Камнем пролетает сто метров, двести — черная точка, со свистом несущаяся из фальшивой зари мимо фабрик и квартир, окон и балконов, канатных дорог и лифтов, прогулочных дорожек и мостов. В последний момент растопыривает пальцы, расправляет первичные нановолоконные перья и прерывает падение. Устремляется вверх, высоко, крылья вспыхивают на свету, который делается все ярче. Три взмаха — и она уже на расстоянии километра, превратилась в золотую искру на фоне квадры Ориона, напоминающей своим видом грандиозный каньон.

— Сука, — шепчет Марина Кальцаге. Она ненавидит свободу летающей женщины, ее атлетичность, безупречную кожу и подтянутое, как у гимнастки, тело. Но больше всего ненавидит то, что у этой женщины

есть дыхание, которое можно тратить на приятное времяпрепровождение, в то время как Марине приходится сражаться за каждый глоток воздуха. Марина убавила дыхательный рефлекс. Чиб на глазном яблоке показывает, что ее кислородная задолженность растет. Каждый глубокий вдох стоит денег. Она превысила кредитный лимит в дыхательном банке. Все еще не может забыть панику, которую испытала, когда в первый раз попыталась сморгнуть чиб с глаза. Он все не исчезал. Она потыкала его пальцем. Тот остался прикрепленным к глазному яблоку.

— Все их носят, — сказал агент по ознакомлению и акклиматизации из КРЛ. — От Джо Лунницы напрямиком из циклера до самого Орла.

Пробудились статусные строки ее Четырех Базисов: воды, пространства, данных и воздуха. С того момента они измеряли и оценивали каждый глоток и сон, каждую мысль и вздох.

К моменту, когда Марина добирается до вершины лестницы, голова у нее плывет. Марина прислоняется к низким перилам, чтобы перевести дух. Перед нею ужасная, заполненная людьми пропасть, блистающая тысячами огней. Квадры Меридиана уходят на километр в глубину и подчиняются обратному социальному порядку: богачи живут внизу, бедняки — наверху. Ультрафиолет, космические лучи, заряженные частицы солнечных вспышек бомбардируют обнаженную поверхность Луны. Радиацию охотно поглощают несколько метров лунного реголита, но высокоэнергетичные космические лучи высекают из почвы каскадные фейерверки вторичных частиц, которые могут повредить человеческую ДНК. Поэтому человеческие обиталища уходят в глубину и граждане живут настолько далеко от поверхности, насколько могут себе позволить. Только промышленные уровни находятся выше Марины Кальцаге, и они почти полностью автоматизированы.

У фальшивых небес прыгает вверх-вниз одинокий серебристый детский шарик, угодивший в ловушку.

Марина Кальцаге идет наверх, чтобы продать содержимое своего мочевого пузыря. Скупщик кивком выпускает клиентку в будку. Ее моча скудна, охряного цвета и с вкраплениями. Неужели это следы крови? Мужчина анализирует жидкость на минералы и питательные вещества, рассчитывается. Марина переводит средства на свой сетевой счет. Можно убавить дыхание, присвоить чужую воду, выклянчить еду, но пропускную способность подаванием не заработаешь. Из облачка частиц над левым плечом возникает Хетти, фамильяр Марины. Базовая, бесплатная оболочка, но Марина Кальцаге снова в сети.

— В следующий раз, — шепчет она, продолжая подниматься, направляясь к туманной ловушке. — Я достану фарму в следующий раз, Блейк.

Последние ступеньки Марина преодолевает на четвереньках. Пластиковую конструкцию она соорудила из отборного мусора, который удалось захватить и спрятать до того, как утильботы заббалинов смогли бы использовать его для других целей. Принцип работы древний и надежный. Пластиковая сеть подвешена между опорными балками. Теплый влажный воздух поднимается и в прохладе искусственной ночи порождает мимолетные перистые облака. Туман конденсируется на мелкочаистой сетке и стекает по ее волокнам в накопительный контейнер, собираясь в достаточном объеме для питья. Глоток поменьше для нее, побольше — для Блейка.

Возле ловушки кто-то есть. Высокий, по-лунному худой мужчина пьет из контейнера.

— Отдай!

Мужчина смотрит на нее и допивает последние капли.

— Это не твое!

У Марины еще остались земные мышцы. Пусть в легких нет воздуха, она справится с этим большим, бледным и хрупким луноцветом.

— Убирайся отсюда. Это мое.

— Уже нет. — В его руке нож. Нож ей не одолеть. — Если я тебя здесь снова увижу, если что-то отсюда пропадет, я тебя порежу на куски и продам.

Марина ничего не может сделать. Никакие действия, слова, угрозы или хитроумные идеи ничего не изменят. Этот мужчина с ножом сразил ее наповал. Она может лишь скрыться с глаз долой, униженная. С каждым шагом, с каждой ступенькой позор давит все тяжелей. На маленькой галерее, с которой Марина увидела летающую женщину, она падает на колени и с судорожной яростью блюет. Рвотные спазмы сухие, натужные и непродуктивные. Внутри нее не осталось ни влаги, ни еды.

Такой вот лунный ап-аут[4].

Лукасиною просыпается. Его лицо накрыто прозрачным панцирем, который так близко, что дыхание его туманит. Лукасиною паникует, вскидывает руки, чтобы отбросить штуковину, которая вызывает клаустрофобию. Ощущение тяжести и теплоты распространяется внутри черепа, по задней части головы, вдоль рук, торса. Никакой паники. Спи. Последнее, что он видит, — фигура у изножья кровати. Лукасиною знает: это не призрак, потому что на Луне призраков нет. Ее камни их отвергают, ее радиация и вакуум изгоняют. Призраки — существа хрупкие, сотворенные из дыма, бледных красок и вздохов. Но серая фигура со сложенными руками и впрямь похожа на привидение.

— Мадринья Флавия?

Привидение смотрит на него и улыбается.

Господь не покарает женщину, которая ворует от отчаяния. Марина проходит мимо уличного храма каждый день, возвращаясь от скупщика мочи: вокруг Казанской иконы Божьей Матери светится созвездие пульсирующих биоламп. В каждом из этих пузырьков желе содержится глоток воды. Марина грешит проворно, запихивая их в свой рюкзак. Четыре отдаст Блейку. Его все время мучает жажда.

Прошло всего две недели, но Марине кажется, что она знала Блейка всю жизнь. В нищете время тянется медленно. И нищета — она как лавина. Один маленький промах-камешек вываливается, ударяется о другой, сбивает с места еще несколько, и все скользит, катится прочь. Один отмененный контракт. Однажды из агентства не позвонили. А маленькие цифры на краю ее поля зрения продолжали уменьшаться. Скользили, катились прочь. И вот она начала подниматься по приставным лестницам и каменным ступенькам, все выше по стенам квадры Ориона. Прочь от переплетения мостов и галерей, прочь от широких улиц с апартаментами, по все более крутым ступенькам и лестницам (ибо лифты стоят денег, а на самые высокие уровни и вовсе не ходят), к нависающей громаде штабелей и кубов — Байрру-Алту[5]. Разреженный воздух пах фейерверком: вокруг дикий камень, лишь недавно обработанный строительными ботами, да пористое стекло. Пешеходные дорожки опасно виляли мимо дверей-занавесок в каменных клетушках, озаряемых лишь тем светом, который падал сквозь вход и незастекленные окна. Один ложный шаг означал крик, медленно удаляющийся к неоновым огням проспекта Гагарина.

Байрру-Алту менялся с каждым проходящим месяцем, и Марине пришлось долго брести, прежде чем она разыскала жилище Блейка. «Совместная аренда квартир; суточные расходы суммируются», — гласила реклама в каталогах Меридиана.

— Я здесь не задержусь, — сообщила она, окинув взглядом единственную комнату с двумя матрасами из пены с эффектом памяти, пустые пластиковые бутылки из-под воды, валяющиеся на полу подносы от съестного.

— Никто не задерживается, — сказал Блейк. Потом выкатил глаза и согнулся пополам в приступе сокрушительного, бесплодного кашля, содрогаясь всем хилым телом.

Сухой и отрывистый кашель, тот не дал Марине заснуть; Блейк трижды кашлянул, тихонько и почти раздраженно. Потом еще трижды. И еще трижды. И еще трижды. Из-за кашля она бодрствовала все последующие ночи.

Это песня Байрру-Алту: кашель. Силикоз. Лунная пыль превращает легкие в камень. Вслед за параличом приходит туберкулез. Фаги лечат его без труда. Люди, которые живут в Байрру-Алту, тратят свои деньги на воздух, воду и пространство. Даже дешевые фаги им не по карману.

«Марина». Фамильяр так давно с ней не разговаривал, что она от неожиданности падает с приставной лестницы. «У тебя есть предложение работы». Падать несколько метров; пустяк в этой безумной гравитации. Она все еще летает во сне: превращается в заводную птицу, которая курсирует вокруг модели Солнечной системы. Системы, что вертится посреди каменной клетки.

— Я его приму.

«Это ресторанное обслуживание».

— Я согласна.

Марина готова на все. Просматривает контракт. Она низко оценила свои услуги, но предложение подходит, пусть и с натяжкой. Для нее это воздух-вода-углерод-сеть и чуть-чуть про запас. Есть аванс. Нужна новая униформа из принтера. И надо наведаться в баню. Она чувствует вонь от своих волос. И билет на поезд.

Через час надо быть на Центральном вокзале. Моргнув, Марина подписывает. Контактная линза сканирует рисунок сетчатки и передает в агентство. Фамильяры пожимают друг другу руки, и на счету появляются деньги. От внезапной радости становится больно. Мощь и магия денег не в том, чем они позволяют владеть, а в том, кем они позволяют быть. Деньги — это свобода.

— Увеличивай, — говорит она Хетти. — Восстанови значения по умолчанию.

Напряжение в легких мгновенно отпускает. Выдох прекрасен. Вдох равен экзальтации. Марина наслаждается парфюмом Меридиана: озон и порошок с нотами нечистот и плесени. А когда наступает момент, на котором вдох должен закончиться, он продолжается. Марина вдыхает глубоко.

Но время поджигает. Чтобы успеть на поезд, придется воспользоваться лифтом на 83-м западном уровне, однако он в противоположной стороне от квартиры Блейка. Лифт или Блейк? И думать нечего.

Лукасиною снова просыпается. Пытается сесть и от боли падает на кровать. Все ноет так, словно каждую мышцу в теле оторвали от кости или сустава, а на ее место засыпали измельченное стекло. Он лежит на кровати, одетый в герметичный костюм — такой же, какой надел бы для нормальной, безопасной, обычной прогулки по поверхности. Он может двигать руками, кистями. Его пальцы прогуливаются по телу вверх и вниз, проводя критический анализ. Пресс, мышечная броня поперек живота, бедра тугие и четко очерченные. Его зад на ощупь великолепен. Он хотел бы коснуться своей кожи. Ему надо знать, что с кожей все в порядке. Он знаменит благодаря своей коже.

— Я дерьмово себя чувствую. Даже глаза болят. Меня чем-то накачивают?

«Мю-опиоидные кластеры в твоём околотовопроводном сером веществе подвергаются прямой стимуляции, — говорит голос внутри его головы. — Я могу отрегулировать входной сигнал».

— Эй, Цзиньцзи, ты вернулся. — Его фамильяр придирчив, как дворецкий, и эту манеру речи ни с кем

не перепутаешь. У фамильяров проблемы с расплывчатыми формулировками. Лукасинью видит чиб в правом нижнем углу поля зрения. Человеку из семьи Корта не нужно обращать внимание на эти цифры, но он рад их видеть. Чиб сообщает, что он жив, в сознании и потребляет. — Где я?

«Ты в медицинском учреждении „Санафил Меридиан“, — говорит Цзиньцзи. — Тебя переместили из гипербарической камеры в компрессионный костюм. Ты перенес серию искусственно вызванных коматозных состояний».

— Как долго? — Лукасинью пытается сесть. Боль продирается вдоль каждой кости и сустава. — Моя вечеринка!

«Ее перенесли. Тебе предстоит еще одна искусственная кома. Отец придет повидаться с тобой».

На стенах разворачиваются белые суставчатые медицинские руки.

— Погоди, постой. Я видел Флавию.

«Да. Она приходила тебя навестить».

— Не говори ему.

Лукасинью так и не понял, отчего отец изгнал мадрию, его суррогатную мать из Боа-Виста утром того дня, когда ему исполнилось пять лет. Но ему известно, что если Лукас Корта узнает о визите мадрии Флавии, он причинит ей боль с озлобленностью, помноженной на сто.

«Я не скажу», — обещает Цзиньцзи.

Лукасинью просыпается в третий раз. В ногах кровати стоит его отец. Лукас Корта — мужчина невысокий, худощавый; он угрюм и встревожен в той же степени, в какой его брат великодушен и излучает золотое сияние. Держится с достоинством, элегантно, усы и борода словно начертаны карандашными линиями, да и только; совершенен, но постоянно просчитывает, как сохранить это совершенство: его одежда, его волосы, его ногти безукоризненны. Хладнокровный, расчетливый человек. Над его левым плечом завис Токиню. Фамильяр Лукаса Корты выглядит замысловатым переплетением музыкальных нот и сложных аккордов, которые время от времени превращаются в едва слышный шепот гитары, играющей босанова.

Лукас Корта аплодирует. Пять четких хлопков.

— Поздравляю. Теперь ты бегун.

Внутри семьи и за ее пределами известно, что Лукас Корта никогда не принимал участия в лунной гонке. Причина — его секрет: Лукасинью слышал, что людей, которые суют нос в это дело, жестоко наказывают.

— Команда скорой помощи; офтальмики, спецы по пневмотораксу; аренда гипербарической камеры, аренда герметичного костюма, оплата O₂... — говорит его отец. Лукасинью спускает ноги с кровати. Медицинские боты сняли с него гермокостюм. Вокруг открываются белые стены; роботические руки выдвигаются, предлагая свеженапечатанную одежду. — Перевод из Меридиана в Жуан-ди-Деус...

— Я в Жуан-ди-Деусе?

— Тебе предстоит вечеринка. Герой возвращается домой. Соберись с силами. И постарайся пять минут ни в кого не засовывать свой член. Прибыли все. Даже Ариэль сумела оторваться от своих дел в Суде Клавия.

Прежде всего самое главное. Металлические лабреты и штанги^[6] — сувениры, напоминающие о

расставаниях, — проникают в аккуратные отверстия в его теле. Цзиньцзи демонстрирует Лукасину его самого, чтобы юноша смог начесать кок, придав ему великолепие, какое возможно лишь при малой силе тяжести; грива цвета темной морской волны, блестящая и густая. Убийственные скулы, а об мышцы пресса можно камни разбивать. Он выше отца. Все в третьем поколении выше, чем во втором. Он чертовски хорош собой.

— Жить будет, — говорит Лукас.

— Кто? — Лукасину, поколебавшись, выбирает рубашку с меланжевым узором в светло-коричневых тонах.

— Коджо Асамоа. У него двадцатипроцентные ожоги второй степени, поврежденные альвеолы, разорванные кровеносные сосуды, мозговые поражения. И минус один большой палец на ноге. С ним все будет в порядке. В Боа-Виста дожидается делегация Асамоа, чтобы поблагодарить тебя.

Возможно, там будет Абена Асамоа. Может, она окажется настолько благодарной, что позволит себя трахнуть. Желтовато-коричневые брюки с двухсантиметровыми подворотами и шестью защипами. Лукасину застегивает ремень. Носки из паутинного шелка и двухцветные лоферы. Это вечеринка, так что пиджак спортивного типа подойдет. Он выбирает твидовый и, пропуская ткань между пальцами, чувствует покалывание волокон. Это животная штукавина, не напечатанная. Немыслимо дорогая животная штукавина.

— Ты мог погибнуть.

Надевая жакет, Лукасину замечает булавку на отвороте: «Дона Луна», сигилла лунных бегунов. Святая-покровительница Луны: Владычица жизни и смерти, света и тьмы, одна половина ее лица — черный ангел, другая — голый белый череп. Двуликая госпожа. Царица Луна.

— Что бы тогда делала семья?

Как отец Лукасину узнал, что он выберет жакет с булавкой? Потом манипуляторы забирают остальную одежду в стены, и лунный бегун успевает заметить, что «Дона Луна» есть на каждом пиджаке.

— На твоём месте я бы его бросил.

— Ты не был на моём месте, — говорит Лукасину. Цзиньцзи демонстрирует общий результат его выбора. Элегантно, но не напыщенно, небрежно, но стильно и соответствует тренду сезона, то есть европейским 1950-м. Лукасину Корта обожает одежду и украшения. — Теперь я готов к своей вечеринке.

— Я сражусь с тобой.

Слова Ариэль Корты четко разносятся по всему суду. И зал взрывается. Ответчик вопит: так нельзя. Его адвокат мечет громы и молнии — незаконное использование судебной процедуры! Юридическая команда Ариэль — теперь, когда достигнуто соглашение о судебном поединке, они стали ее секундантами — умоляет, упрашивает, кричит, что это безумие, что защитник Альяума разрежет ее на части. Публика взволнованно гудит на галерее. Судебные журналисты забили всю пропускную полосу, передавая репортажи в прямом эфире.

Рутинное разбирательство об опеке после развода превратилось в драму высшей пробы. Ариэль Корта в Меридиане — и, соответственно, на Луне — ведущий брачный адвокат, она и сводит, и разводит. Ее контракты-никахи затрагивают каждого из Пяти Драконов, величайших лунных семейств. Она устраивает свадьбы, договаривается о прекращении брака, разыскивает лазейки в титаново прочных никахах, торгуется об отступных и добивается сокрушительных алиментов. У суда, галереи для публики, прессы и хроникеров, а также у поклонников судебных разбирательств высочайшие ожидания по поводу процесса

Альяум против Филмус.

Ариэль Корта не разочаровывает следящих за процессом. Она снимает перчатки. Стаскивает туфли. Выskalзывает из своего платья от «Диор». Предстает перед Судом Клавия в блестящих и обтягивающих капри и спортивном топики. Хлопает по спине Ишолу, своего защитника. Он — широкоплечий упрямый йоруба, славный малый и жестокий боец. Из Джо Лунников — новых иммигрантов — с их земной мышечной массой получают лучшие судебные бойцы.

— Я с ним сама разберусь, Ишола.

— Нет, сеньора.

— Он меня и пальцем не тронет.

Ариэль подходит к троим судьям.

— Нет возражений по моему вызову?

Судья Куфуор и Ариэль Корта знакомы давно; они учитель и ученица. В свой первый день в юридической школе она узнала от него, что лунный закон держится на трех опорах. Первая состоит в том, что нет никакого уголовного права, только договорное: предметом сделки может служить что угодно. Вторая — в том, что чем больше законов, тем хуже законность. Третья — в том, что проворный ход, ловкий вираж и рискованный поступок в той же степени действенны, что и веский аргумент или перекрестный допрос.

— Советник Корта, вы знаете не хуже нас, что это Суд Клавия. Все можно подвергнуть испытанию, включая Суд Клавия, — говорит судья Куфуор.

Ариэль сжимает пальцы правой руки и опускает голову пред лицом судей. Поворачивается к яме, где уже стоит защитник ответчика. Он весь из мышц и шрамов, ветеран двух десятков разбирательств, которые закончились поединками, и он уже призывает ее продолжить, спуститься, сойти на судебную арену.

— Так давайте сразимся.

Зал суда ревет в знак одобрения.

— До первой крови, — кричит Эральдо Муньос, адвокат Альяума.

— О нет! — рывкает Ариэль Корта. — Насмерть — или никак.

Ее команда, ее защитник вскакивают на ноги. Судья Нагаи Риеко пытается перекричать взволнованную толпу:

— Советник Корта, я должна вас предупредить...

Среди шума и криков Ариэль Корта держится с достоинством и излучает мощь; она — воплощенное спокойствие в сердце бури из голосов. Адвокаты ответчика совещаются, опустив головы, бросают на нее быстрые взгляды и возвращаются к своему спешному и тихому разговору.

— Прошу внимания суда. — Муньос вскакивает. — Ответчик отзывает свои требования.

В зале номер три все перестают дышать.

— Тогда решение выносится в пользу истца, — говорит судья Чжан. — Расходы возлагаются на ответчика.

В третий раз зал взрывается, и теперь громче всего. Ариэль впитывает обожание до последней капли. Убеждается, что камеры видят ее во всех ракурсах. Достает из сумки длинный и изящный титановый вейпер, раздвигает на всю длину, фиксирует, зажигает и выдыхает тонкую струю белого дыма. Набрасывает жакет на одно плечо, подцепляет туфли пальцем и гордо выходит из зала суда в своей

бойцовой одежде. Аплодисменты, лица, роящееся облако фамльяров — она поглощает все. Любой суд — это театр.

Вид наружу стоит дорого; развлечения стоят еще дороже, так что Марина сидит на нижнем ярусе, на месте в центральной части, и корчит рожи мальчишке, который пялится на нее через щель между подголовниками. Из Меридиана в Жуан-ди-Деус поезд идет всего час. Смешить ребенка — достаточное развлечение. Это первый раз, когда Марина выбирается за пределы Меридиана. Она на Луне. Она на поверхности Луны, мчится по магнитным рельсам со скоростью тысяча километров в час и ничего не видит, потому что сидит внутри металлической трубы. Равнины и ободы кратеров, каньоны и крутые откосы. Великие горы и огромные кратеры. Все там, за пределами этого интерьера, теплого, пахнущего жасмином, выкрашенного в пастельные тона и располагающего к болтовне. Все серое и пыльное. Все одинаковое, лишненное великолепия. Она ничего не упускает.

У Хетти полный доступ к сети, так что, когда мальчишке велят не приставать к леди в заднем ряду, Марина занимает себя музыкой и картинками. Ее сестра загрузила новые семейные фотографии. Там есть ее новая племянница и ее старый племянник. Там есть зять Арун. Там есть ее мать — в кресле, с трубками, торчащими из тыльной стороны ладоней. Она улыбается. Марина рада, что не видит безвоздушных гор, суровых пустых морей. По сравнению с пышной листвой, небесами цвета бледно-сизого голубинового оперения, морем столь зеленым и обильным, что кажется, будто его глубину можно ощутить с помощью обоняния, Луна выглядела бы белым черепом. В этом поезде Марина может притвориться, будто она дома, на Земле, и, выйдя наружу, окажется среди деревьев и вулканов Каскадии.

«Мама начинает новый курс во вторник». Кесси бы никогда открыто не попросила денег, но просьба таится внутри. Мамины медицинские счета отправили Марину на Луну. Большой Бум на Луне! И все тянут руки. Все, каждую секунду каждого дня. Марина борется с гневом. Это не по-лунному. Если бы все вели себя в соответствии с чувствами, города бы к ночи превратились в морги.

Поезд, замедляясь, въезжает в Жуан-ди-Деус. Пассажиры собирают вещи. Инструкции Хетти гласят, что надо представиться охране на платформе номер шесть и оттуда частный трамвай отвезет куда надо. Марина ощущает прилив возбуждения; она впервые думает о том, что лежит на другом конце этой частной трамвайной линии: Боа-Виста, легендарный дворец-сад семьи Корта.

Снаружи судебного зала номер три Ариэль Карту обступает свита. Ее постоянно окружают поклонники, прилипалы, потенциальные клиенты, потенциальные ухажеры разнообразной гендерной принадлежности. «Привлекательная» — вот первая вещь, которую люди говорят про Ариэль. Члены семейства Корта никогда не отличались необыкновенной красотой, но бразильцы не бывают уродливыми, и каждый из детей Адрианы не без изящества вынуждает любоваться собой. Привлекательность Ариэль — ее опора; она несет себя с достоинством и уверенностью, с хладнокровной непоколебимостью. Внимание так и течет в ее сторону. Ее коллега Идрис Ирмек проталкивается сквозь поцелуи и поздравления.

— Ты могла там умереть.

Над головой Ариэль роятся камеры размером с насекомых.

— Нет, не могла.

— Он мог выпустить тебе кишки.

— Ты так считаешь?

Руки Ариэль поднимаются и хватают Идриса за предплечье. Она берет в захват его локоть. Если чуть

увеличит нажим, сустав выскочит, как крышка от бутылки. Свита ахает. Камеры резко снижаются для лучшего угла съемки. Это сенсационно. Сетевые сплетники будут визжать несколько дней. Ариэль освобождает «пленника». Идрис трясет рукой, которую терзает мучительная боль. Всех детей в семье Корта учат Грейси джиу-джитсу. Адриана Корта убеждена, что каждый ребенок должен быть знатоком какого-нибудь боевого искусства, играть на музыкальном инструменте, говорить на трех языках, читать годовые отчеты и танцевать танго.

— Он бы меня на ленточки порезал. Думаешь, я бы стала рисковать, если бы не знала, что Муньос капитулирует?

Идрис развел руками. Объяснить ему трюк?

— Альяумы были клиентами Маккензи, пока Бетаке Альяум не оскорбил Дункана Маккензи, не женившись на Тэнси Маккензи, — говорит Ариэль. Свита с благоговением ловит каждое слово. — Маккензи отозвали свою помощь. А раз ее нет, то, если бы Альяум меня хоть поцарапал, им пришлось бы столкнуться с вендеттой семьи Корта, не имея за спиной Дома Маккензи. Они не могли пойти на такой риск. Я все это время вела дело к судебному поединку, потому что знала: им придется уступить. — Она останавливается у двери адвокатской комнаты и поворачивается к свите. — А теперь прошу прощения, но у меня впереди лунная вечеринка в честь племянника, и я попросту не могу пойти на нее в таком виде.

В адвокатской комнате Ариэль дожидаются судья Нагаи и бутылка джина с десятью растительными компонентами.

— Если снова провернешь такой фокус в моем суде, я прикажу защитникам тебя зарезать, — говорит судья. Она притулилась на краю умывальника. Адвокатские комнаты маленькие и тесные.

— Но это будет явная халатность в отправлении правосудия, — говорит Ариэль и бросает охапку деловой одежды в депринтер. Загрузочная воронка проглатывает вещи, и ткань превращается в органическое исходное сырье. Бейжафлор, фамильяр Ариэль, уже выбрала для нее праздничный наряд: платье 1958 года от Баленсиаги, на лямках, асимметричного покроя, с черным цветочным узором на темно-сером фоне. — Неужели суд не сумеет защитить сторону договора, чьи интересы были нарушены?

— Ну почему ты не можешь просто заняться добычей гелия, как твои братья?..

— Они такие скучные ребята. — Ариэль целует судью в обе щеки. — У Лукаса отрицательное чувство юмора. — Она изучает джин: подарок клиента. — Печать по заказу. Как мило.

Чуть подталкивает бутылку к судье Нагаи. Та качает головой. Ариэль смешивает себе жгучий сухой martini.

Риеко касается левым указательным пальцем точки между глаз: общепринятый жест, предлагающий поговорить без фамильяров. Ариэль, моргнув, отключает Бейжафлор — едва заметную колибри, переливчатое облако, постоянно меняющее оттенок, чтобы соответствовать наряду хозяйки. Фамильяр Риеко — чистый лист, постоянно складывающийся в новые фигурки-оригами, — исчезает.

— Я тебя не задержу, — произносит судья Нагаи. — Буду краткой: ты, возможно, не в курсе, что я член Павильона Белого Зайца.

— Как там люди говорят? Любой, кто назовется членом «Белого Зайца»...

— ...таковым не является, — заканчивает афоризм судья Нагаи. — Из каждого правила есть исключение.

Ариэль Корта с учтивым видом пьет свой martini, но все ее чувства бдительно напряжены. Павильон

Белого Зайца — собрание консультантов Орла Луны — обитает в пространстве между мифом и реальностью. Он существует, он не может существовать. Он прячется у всех на виду. Его члены подтверждают и отрицают свое членство. Ариэль Корта и без Бейжафлор знает, что ее пульс участился, дыхание ускорилось. Приходится как следует сосредоточиться, чтобы от возбуждения не расплескать картины.

— Я член Павильона Белого Зайца, — говорит судья Нагаи. — И было им пять лет. Каждый год «Белый Заяц» меняет двух членов по принципу ротации. В этом году пришла моя очередь. Мне бы хотелось номинировать тебя на свое место.

Мышцы живота у Ариэль напрягаются. Ну почему место за круглым столом ей предложили сейчас, когда она стоит тут в нижнем белье?..

— Это честь для меня. Но вынуждена спросить...

— Потому что ты необычайно одаренная молодая женщина. Потому что «Белый Заяц» осведомлен о растущем влиянии на КРЛ кое-кого из Пяти Драконов и желает компенсировать это влияние.

— Маккензи.

Ни одна другая семья не проявляет столь неприкрытых политических амбиций. Эдриан Маккензи, старший сын директора Дункана, — око Джонатона Кайода, Орла Луны, председателя Корпорации по развитию Луны. Роберт Маккензи, патриарх клана, давно проводил кампанию за отмену КРЛ и полную лунную независимость, свободу от отеческого надзора Земли. «Луна принадлежит нам». Ариэль в курсе политических доводов и знает игроков, но всегда оставалась к ним безучастной. Лунное брачное право в большей степени, нежели другие разновидности права, представляет собой хаотическую территорию, на которой властвуют пылкая преданность, шипящее негодование и бесконечные обиды. С политикой КРЛ все это образует гремучую смесь. Но заполучить место за столом Орла... Может, Ариэль и не нюхала лунной пыли, но она Корта, а семейство Корта создано, чтобы властвовать.

— Есть персоны, приближенные к власти, которые считают, что для Корта пришло время отказаться от своей изоляции и принять участие в управлении лунным обществом.

Ариэль оказалась к политике ближе, чем все другие члены семьи. Рафа, бу-хвэджан «Корта Элиу», наделен экономической властью: благодаря «Корта Элиу» по ночам на Земле горит свет; Адриана, основательница и матриарх компании, обладает моральным авторитетом. Но Корта не пользуются всеобщим обожанием среди старых кланов. Они — Пятый Дракон; их считают выскочками, разбогатевшими жуликами, ухмыляющимися убийцами, ковбоями-кариока. Все знают, что Корта всаживают нож с улыбкой. Больше они не будут кариока-ковбоями, гелиевыми отморозками. Это их приглашение в ряды власть имущих. Это признание семейства Корта в качестве благородного дома. Мамаин будет насмехаться — кому нужно одобрение этих дегенератов, этих мягкотелых паразитов? — но порадует за Ариэль. Та всегда знала, что она не любимый, не золотой ребенок, но если Адриана Корта сурова со своей дочерью, то лишь потому, что ожидает от нее большего, нежели от сыновей.

— Так ты согласна? — спрашивает судья Нагаи. — Мне бы весьма хотелось слезть с этого рукомойника.

— Разумеется, я согласна, — говорит Ариэль. — Разве я могла сказать что-то другое?

— Ты могла бы отнестись к этому осмотрительней, — замечает судья Нагаи.

— Почему? — Глаза Ариэль распахиваются от искреннего изумления. — Надо быть душой, чтобы не принять такое предложение.

— У твоей семьи может быть другое мнение...

— Мнение моей семьи состоит в том, что я должна вернуться в Жуан-ди-Деус и покрыться пылью и потом в пов-скафе. Нет. — Она поднимает бокал мартини. — За меня. Ариэль Корта из «Белого Зайца».

Судья Нагаи проводит по лбу правым указательным пальцем. «Можем вернуться к миру, который записывается». Ариэль, моргнув, возвращает Бейжафлор к жизни. Снова появляется Око, фамилляр судьи. Нагаи уходит. Принтер издает мелодичный сигнал. Вечернее платье от Баленсиаги готово. Бейжафлор уже меняет цвет, чтобы соответствовать ему.

Маленькая Луна Корта одета в платье-баллон с рисунком из пионов. Платье белое, с присобранным краем, с дерзким рисунком в виде алых цветов. От Пьера Кардена. Но Луне восемь лет, и элегантная одежда ее утомляет, так что девочка сбрасывает туфельки и мчится босиком сквозь заросли бамбука. Ее фамилляр — тоже Луна, желтовато-зеленая «сатурния луна» с большими синими глазами на крыльях. «„Сатурния луна“ водится в Северной Америке, а не в Южной, — сказала ей бабушка Адриана. — И тебе бы не стоило давать фамилляру собственное имя. Люди могут перепутать, с кем они разговаривают».

Откуда-то вырываются бабочки и кружатся над головой Луны. Синие-синие, точно фальшивое небо, и размером с ее ладонь. Детишки Асамоа принесли подарочную коробку и выпустили их. Луна восторженно хлопает в ладоши. В Боа-Виста ей не удастся поглядеть на животных: ее бабушка их до жути боится. Не пускает в свое имение никаких существ с шерстью, чешуйками или крыльями. Луна преследует вереницу бабочек, медленно машущих крыльями, бежит не чтобы поймать, но чтобы сделаться свободной и порхать, как они. Воздух вихрится, в зарослях бамбука рождается шепот, доносятся голоса, звуки музыки и запах еды. Мясо! Луна обхватывает себя руками. Это что-то особенное. Отвлечшись на запах мяса на гриле, она проталкивается через высокие колышущиеся стебли бамбука. Позади нее медленные водопады низвергаются между громадными каменными лицами ориша.

Три с половиной миллиарда лет назад магма вырвалась из живого сердца Луны и затопила бассейн Изобилия, медленно булькая в каньонах, вдоль прирусловых валов и в лавовых трубках. Потом сердце Луны умерло, потоки остыли, и полые лавовые трубки превратились в холодные, темные и тайные окостеневшие артерии. В 2050 году Адриана Корта спустилась сюда на веревке из входного туннеля, который ее селенологи пробурили в Море Изобилия. Ее фонарь высветил скрытый мир; нетронутая лавовая трубка сотню метров в ширину и высоту и два километра длиной. Пустая, нетронутая вселенная, похожая на драгоценную жеоду. «Вот это место, — объявила Адриана Корта. — Вот где я создам династию». За пять лет ее машины облагородили внутреннюю часть, вылепили лица богов умбанда размером с городские кварталы, установили водный цикл и заполнили пространство балконами и апартаментами, павильонами и галереями. Это Боа-Виста, дворец семейства Корта. Даже в такой праздничный день скалы дрожат от вибраций экскаваторов и спекателей, которые трудятся глубоко внутри стен, создавая комнаты и пространства для юной Луны и ее потомков.

Сегодня вечеринка в честь лунной гонки Лукасинью, и Боа-Виста открыл свое зеленое сердце обществу. Луна Корта лавирует среди аморов и мадриний, родственников и слуг, Асамоа и Сунь, Воронцовых и даже Маккензи, а также людей, не принадлежащих ни к одной из великих семей. Высокие представители третьего поколения и низенькие, плотные представители первого. Платья и костюмы, отвороты и нижние юбки, вечерние перчатки и разноцветные туфли. С дюжину цветов кожи и глаз. Богатство и красота. Друзья и враги. Луна Корта рождена для этого: для звука падающей воды и бормотания искусственного ветра в зарослях бамбука и ветвях. Она не знает другого мира. Да к тому же в этот особенный день подают мясо.

Под выступающей нижней губой Ошум установили электробарбекю. Повара насаживают мясо на вертела и крутят их. Жирный дым поднимается к небесной линии, которую сегодня запрограммировали на

ясный синий день с кратковременной облачностью. Ясный день, как на Земле. Официанты разносят гостям большие блюда с мясом на шампурах. Луна пробирается между официанткой и своей целью.

— Ух ты, какое милое платье, — говорит официантка на очень плохом португальском. Она низенькая, ненамного выше Луны, и массивная. Слишком много двигается для такой гравитации. Джо Лунница, недавно с циклера. Ее фамильяр — дешевая оболочка из разворачивающихся тетраэдров.

— Спасибо, — говорит Луна, переходя на глобо, упрощенный английский, всеобщий язык. — Так и есть.

Женщина протягивает Луне поднос.

— Курятину или говядину?

Луна берет шампур с жирной, истекающей соком говядиной.

— Осторожнее, не посади пятно на свое красивое платье. — У официантки акцент норте.

— Ни за что на свете, — отвечает Луна с безмерной серьезностью.

Потом она вприпрыжку бежит по каменной тропе вдоль ручья, протекающего через сердце Боа-Виста, белыми зубками отрывая кусочки кровавой говядины. Вот и Лукасинью, одетый для вечеринки, с булавкой «Дона Луна» и коктейлем «Голубая луна»^[7] в руке. Его окружают друзья по лунной гонке. Луна узнает девушку из Асамоа и кое-кого из Суней. Сунь и Асамоа всегда были частью семьи. Легко узнать странного, бледного мальчишку-Воронцова. Он как вампир, думает Луна. А вон та девчонка, наверное, Маккензи. Вся как будто из золота.

— У тебя красивые веснушки, — объявляет Луна, бесцеремонно врываясь в круг друзей Лукасинью. Она глядит девушке-Маккензи прямо в лицо. Они смеются над ее дерзостью, и девушка-Маккензи — громче всех.

— Луна, — говорит Лукасинью, — иди и ешь эту штуку где-нибудь в другом месте.

Он произносит это шутливым тоном, но Луну не обманешь. Он на нее злится. Она встала между ним и Абеной Асамоа. Наверное, ему нужен секс с Абеной. Он такой потребитель. У его ног строй перевернутых коктейльных бокалов. Потребитель, да еще и пьяница.

— Я просто так сказала. — Корта всегда говорят то, что думают. Луна вытирает рот тыльной стороной ладони. Мясо попробовала, теперь черед музыки — вот она, уже слышна. — У меня тоже веснушки! — Девчонка касается пальцем своих щек, доставшихся от Корта и Асамоа, и бежит дальше. Стрелой проносится по дорожке из камней, пересекающей реку, в поисках источника музыки. С плеском мчится по воде, взметая брызги, которые медленно опускаются. Гости вечеринки охают и вскрикивают, отстраняются от летящей воды, но на их лицах улыбки. Луна знает, что неотразима.

— Тиу Лукас!

Луна подбегает к нему и обнимает за ноги. Конечно, дядя Лукас должен был оказаться рядом с музыкой. Он разговаривает с иммигранткой, которая подала Луне мясо. Теперь у нее в руках поднос с синими коктейлями. Луна помешала дяде. Он лохматит ее темные вьющиеся волосы.

— Луна, беги дальше, корасан. Хорошо? — Он разворачивает ее легким прикосновением к плечу. Удаляясь, девочка слышит, как он говорит официантке: — Моему сыну больше не следует подавать алкоголь. Понятно? Я не допущу, чтобы он напился и повел себя нелепо перед всеми. Сам по себе пусть делает что захочет, но я не позволю ему опозорить семью. Если возле него за весь остаток вечера окажется еще хоть капля, я отправлю вас всех обратно в Байрру-Алту клянуть бывший в употреблении кислород и пить мочу друг друга. Ничего личного. Пожалуйста, донеси это до своего начальства.

Луна любит дядю Лукаса — то, как он разговаривает с нею на ее языке, его маленькие игры, его фокусы и шутки, которые они делят между собой, но бывают моменты, когда он делается высоким и далеким, уходит в другой мир, суровый, холодный и недобрый. Луна видит, как иммигрантка бледнеет от страха, и ей ужасно жаль эту женщину.

Ее хватают чьи-то руки, поднимают высоко, подбрасывают в воздух.

— Приветик, анзинью!

И ловят, когда она падает, точно перышко; ее платье с пионами поднимается, закрыв лицо. Рафа. Луна прижимается к отцу.

— Ну-ка, угадай, кто только что прибыл? Тиа Ариэль. Пойдем разыщем ее? — Рафа сжимает руку Луны, и девочка энергично кивает.

Ариэль Корта в своем убийственно шикарном платье из коллекции Баленсиага-1958 переходит со станции в большой сад Боа-Виста. В лунной гравитации слои ткани на юбке кажутся невесомыми, как цветочные лепестки. По толпе гостей проходит шепот. Ариэль Корта! Все уже знают про дело Альяум против Филмус. Луна вприпрыжку подбегает к своей тиа. Ариэль подхватывает племянницу на лету, кружит, и Луна вопит от восторга. Вот прибывает ее мадринья, Моника. Сердечные объятия, поцелуи. Аманда Сунь, жена Лукаса. Лусика Асамоа, мать Луны. Сам Рафа подхватывает сестру и поднимает так, что она умоляет его быть осторожнее с платьем. Его другая око, Рэйчел Маккензи, в Царице Южной с их сыном Робсоном. Она не появляется в Боа-Виста. Ариэль рада, что Рэйчел здесь нет. Между ними идет разбирательство, и Маккензи таят обиды. Следующий — сам юный лунный бегун. Лукасинью неловок, неуклюж со своей тиа, чего никогда не случается, когда он с друзьями. Пальцы Ариэль на мгновение задерживаются на его «Доне Луне», привлекая взгляд Лукасинью к точно такому же значку на корсаже адвокатессы: «Вообрази меня голой, покрытой инеем, бегущей по обнаженной лунной поверхности».

Дальше верные семейные работники: Элен ди Брага, финансовый директор — она постарела с того раза, когда Ариэль Корта в последний раз бывала в Боа-Виста, — и старый честный Эйтур Перейра, глава службы безопасности. Последним появляется Лукас. Тепло целует сестру. Только ее, а не братьев он считает себе ровней. Шепотом просит переговорить наедине. Ариэль рукой в перчатке без усилий вылавливает «Голубую луну» на пронесенном мимо подносе.

— Ну и как Меридиан в этом сезоне? — спрашивает Лукас. — Никак не могу найти время, чтобы выбраться туда.

Ариэль знает: брат считает ее предательницей за то, что она выбрала право, а не «Корта Элиу».

— По всей видимости, я добилась известности. Недолгой.

— Я кое-что слышал об этом. Слухи и сплетни.

— Больше сплетен, чем кислорода, больше слухов, чем воды.

— Я также слышал, что делегация Китайской корпорации энергетических инвестиций прибывает на борт «Святых Петра и Павла». Сплетничают о пятилетней экспортной сделке с «Маккензи Металз».

— Я и сама слышала кое-что похожее.

— Еще говорят, что Орел Луны устраивает для них приветственную пирушку.

— Устраивает. И да, меня пригласили. — Ариэль знает, что информационная сеть ее брата достаточно мощная, чтобы он узнал о ее беседе с судьей Нагаи в комнате для адвокатов.

— Ты всегда хорошо разбиралась в общественной политике. Завидую этому умению.

— Что бы ни было у тебя на уме, Лукас, нет.

Лукас вскидывает руки: *mea culpa*.

— Я просто повторил несколько сплетен.

Ариэль мелодично смеется, но Лукас упрям, Лукас как сталь, Лукас поймал ее в ловушку. И тут является спаситель в облаке едкой лунной пыли.

Может, еще мяса. Может, выпить сока. Лукас загнал тиа Ариэль в угол. Дядя Лукас скучный, когда в разговоре так сильно приближает свое лицо к другому человеку. А потом Луна широко распахивает глаза, открывает рот и восторженно верещит.

Вдоль лощины широким шагом идет мужчина в пов-скафе. Шлем у него под правой мышкой, в левой руке — ранец с системой жизнеобеспечения. На ногах ботинки, а тугой как вторая кожа пов-скаф выглядит мозаикой логотипов и светоотражающих полосок, навигационных огней и гоночных значков. Его фамильяр протупает пиксель за пикселем, входя в сеть Боа-Виста. С вновь прибывшего сыплется пыль; он оставляет за собой медленно оседающий след серебристой черноты.

— Карлиньос!

Карлиньос Корта видит, как племянница бежит его обнять, и делает шаг назад, но она с шумом врывается в него, хватая за ноги, вздымает огромное облако пыли, которая, точно сажа, покрывает ее красивое платье с пионами.

На два шага отстав от Луны, появляется Рафа. Обменивается с младшим братишкой шутивными тычками, соприкасается костяшками.

— Прибыл поверху?

Карлиньос в качестве доказательства протягивает свой шлем. В пестром пов-скафе, источающий пряный пороховой запах лунной пыли, он словно пират на коктейльной вечеринке. Он бросает свой ранец, хватая «Голубую луну» и осушает одним глотком.

— Вот что я тебе скажу: после двух часов на байке, когда пьешь собственную мочу...

Рафа качает головой, оценивая такое безрассудство.

— Она тебя убьет, эта тупая езда на байке. Может, не сегодня, может, не завтра, но однажды солнце вспыхнет, а ты окажешься на поверхности, на пыльном байке, в пяти часах езды от чего бы то ни было. И тогда поджарится. Твой. Кариокский. Зад. — Каждую короткую фразу он доводит до сведения тычком в плечо.

— А когда ты в последний раз был на поверхности? — Карлиньос дурашливо пинает брата в живот. — Что это я сейчас почувствовал? Брюшко. Ты потерял форму, ирман. Вспомни, какой подготовки требует поверхность. Ты переборщил с совещаниями. Мы добычки гелия, а не какие-нибудь бухгалтеры.

Старший и младший мальчики Корта обожают спорт. Страсть Карлиньоса — пылевой байкинг. Он пионер этого экстремального увлечения. Он разработал байки, модифицировал скафы. Он рассекал по всем Дождливим Апеннинам и устроил гонку на выносливость через Море Спокойствия. Спорт Рафы спокойнее и предназначен для более закрытых пространств. Он владеет гандбольной командой из ЛГЛ. Они занимают высокое место в премьер-лиге. Рафа разделяет эту манию с шурином, Джейденом Вэнь Сунем, владельцем «Тигров Сунь». Они состязаются с юмором и свирепостью.

— Побудешь тут после вечеринки? — спрашивает Рафа.

— Я присудил самому себе увольнительную. — Карлиньос провел три месяца в Море Спокойствия, добывая гелий.

— Приходи на игру. Ты должен увидеть, что мы делаем.

— Проигрываете, как люди говорят, — отвечает Карлиньос. — Где же наш лунный бегун? Я слышал про парня Асамоа. Благое дело. Если Лукасинью когда-нибудь захочет поработать снаружи, я найду, куда его пристроить.

— В жизненные планы Лукаса это не входит.

В двух шагах от Карлиньоса — второй молодой человек в пов-скафе, темный в той же степени, в какой Карлиньос светел, с красивыми скулами и узкими глазами охотника.

— Вагнер, ирман, — говорит Рафа. Вторая волна ударов костяшками. Вагнер, самый младший брат, робко улыбается.

Луна липнет к ноге дяди Карлиньоса, вся перемазавшись в лунной пыли.

— Дайте-ка я на вас посмотрю! — объявляет Ариэль, прибывая со своей свитой. — Мои красивые мальчики! — Она изгибается, подставляя щеку для поцелуя, но не прикасается ни к Карлиньосу, ни к Вагнеру. На ее платье — никаких грязных пятен.

Лукас появляется с тактическим опозданием. Приветствует Карлиньоса вежливо, но без особого воодушевления. Поворачивается к Вагнеру.

— Люблю вечеринки. Все эти дальние родственники, с которыми не общаешься...

— Вагнер здесь в качестве моего гостя, — быстро говорит Карлиньос.

— Разумеется, — соглашается Лукас. — Мой дом — твой дом.

Между Вагнером и Лукасом возникает электрическая дуга неприкрытой ненависти, потом Карлиньос берет Вагнера за локоть и увлекает в толпу гостей.

— Луна, ступай-ка вместе с мадриньей Элис, — говорит Рафа.

— Давай хоть немного очистим тебя от грязи, — говорит мадринья Элис. Она паулистана, на голову ниже поколений, рожденных на Луне. Из земных женщин получают сильные суррогатные матери. Корта никому, кроме бразильянок, не позволяют вынашивать своих детей. Элис берет испачкавшуюся в сажу маленькую Луну за руку и уводит от взрослых разговоров поглядеть на музыкантов.

— Лукас, не здесь, — негромко говорит Рафа.

— Он не Корта, — просто заявляет Лукас.

Тыльной стороны ладони Лукаса касается чья-то рука. Рядом с ним Аманда Сунь.

— Даже для тебя это было грубо, — с упреком говорит она. Аманда Сунь из третьего поколения; полунному высокая, выше своего мужа. Ее фамильяр — темно-красная «чжень», Змея. Сунь традиционно облачают фамильяров в гексаграммы из «Книги Перемен».

— Почему? Это же правда, — говорит Лукас.

Общество удивилось, когда Аманда Сунь переехала из Дворца Вечного Света в еще не достроенный Боа-Виста. В никахе это не оговаривалось. Брак был в значительной степени династическим. Сдержки, противовесы, оговорки об аннулировании — все на месте. Однако Аманда Сунь явилась в Боа-Виста и прожила там семнадцать лет. Она кажется такой же его частью, как тихие ориша или бегущая вода. Общество — та его часть, которой по-прежнему не все равно, — думает, что Аманда затеяла долгосрочную

игру. Сунни были среди первых поселенцев; вместе с Маккензи они считают себя старой гвардией, истинной лунной аристократией. Больше полувека они сражались с гегемонией Народной Республики, которая была не прочь использовать Дом Сунни в качестве плацдарма для захвата власти на Луне. Всем известно, что Сунни не женятся на ком попало.

Последние пять лет Лукас Корта живет в своей квартире в Жуан-ди-Деусе.

Музыка — мягкий босаджаз — останавливается. Бокалы замирают на пути к губам. Разговоры угасают; слова испаряются; поцелуи прерываются. Все как зачарованные глядят на маленькую женщину, которая появилась из двери между огромными, безмятежными лицами ориша.

Прибыла Адриана Корта.

— Разве тебя не станут искать?

Лукасиною взял Абену Маану Асамоа за руку и повел прочь от оживленных троп, по коридорам, озаренным бликами света из других помещений — строительным ботам требовался свет, — по свежевыврубленным залам и комнатам, где еще слышен гул машин-копателей.

— Они будут целую вечность целовать друг другу руки и толкать речи. У нас предостаточно времени. — Лукасиною тянет Абену к себе. Жаркие лампы смягчают постоянный подповерхностный холод в минус двадцать, но воздух достаточно прохладен, чтобы дыхание повисало облачками и Абена дрожала в своем вечернем наряде. У Луны холодное сердце. — Ну так что это за особенная вещь, которую ты хочешь мне дать? — Лукасиною ведет рукой вдоль бока Абены, останавливается на ее бедре. Она со смехом отталкивает его.

— Коджо прав, ты плохой мальчик.

— Плохой — это хорошо. Нет, серьезно. Да ладно тебе, мы же лунные бегуны. — Его другая рука гладит «Госпожу Луну» Абены, движется, точно паук, вверх, к обнаженной части ее груди. — Мы живы. Прямо сейчас мы живее кого бы то ни было на этом куске скалы.

— Лукасиною, нет.

— Я спас твоего брата. Я мог умереть. Я почти умер. Я был в гипербарической камере. Меня ввели в кому. Я вернулся и спас Коджо. Я не был обязан так поступать. Мы все знали, чем рискуем.

— Лукасиною, если будешь так продолжать, все испортишь.

Он поднимает руки: сдаюсь.

— Ну так в чем дело?

Абена раскрывает правую ладонь. Там серебро: мерцающий металлический «зуб». Потом она резко подымает руку к левому уху Лукасиною. Он вскрикивает, прижимает ладонь туда, где неожиданно вспыхнула боль. На пальцах кровь.

— Что ты натворила? Цзиньцзи, что она натворила?

«Мы за пределами зоны покрытия камер Боа-Виста, — говорит Цзиньцзи. — Я не вижу».

— Я дала тебе кое-что, чтобы ты запомнил Коджо. — Может, дело в красном свете жарких ламп, но Лукасиною видит в глазах Абены сияние, какого никогда не знал. Он не понимает, кто она такая. — Знаешь, что о тебе говорят? Что ты делаешь новый пирсинг после каждого разрыва отношений. Что ж, со мной все иначе. То, что я воткнула в твое ухо, означает сотворение новых отношений. Это обещание. Когда тебе понадобится помощь Асамоа — на самом деле понадобится, когда не будет другой надежды, когда ты

окажешься в одиночестве, обнаженный и беззащитный, как мой брат, пришли мне эту вещь. Я буду помнить.

— Больно! — ноет Лукасинью.

— Значит, ты не забудешь, — говорит Абена.

И медленно, очень изящно с указательного пальца пятно крови Лукасинью.

* * *

Среди своих высоких детей и еще более высоких внуков Адриана Корта хрупка и элегантна, как птица. В лунной гравитации груз возраста легок; кожа у нее ровная и без морщин, тело не выглядит согбенным в семьдесят девять лет. Она держится с достоинством дебютантки. Она по-прежнему глава «Корта Элиу», хотя вот уже много месяцев ее никто не встречал за пределами Боа-Виста. Да и многим обитателям Боа-Виста редко случается ее увидеть. Но она все еще способна устроить шоу для семьи. Адриана приветствует детей. Три поцелуя для Рафаэля и Ариэль. Два для Лукаса и Карлиньоса, один для Вагнера. Луна вырывается из рук мадриньи Элис и бежит к своей вдове Адриане. Кто-то ахает — на платье Адрианы от Сил Чапман останутся пятна. Адриана не носит булавку с «Госпожой Луной». За годы разведки и бурения она так наглоталась вакуума, что всем лунным бегунам Боа-Виста вместе взятым и не снилось.

Лукас пристраивается за плечом матери, пока она принимает очередь внуков, мадриний, око и гостей. У нее для каждого найдется словечко. Особое внимание уделяется Аманде Сунь и Лусике Асамоа, кеджи-око Рафы.

— А где же Лукасинью? — говорит Адриана Корта. — Нам нужен наш герой.

Лукас понимает, что его сын отсутствует. Он сдерживает гнев.

— Я его найду, мама. — Токиню пытается вызвать мальчишку, но тот вне сети. Адриана Корта неодобрительно цокает языком. Протокол не будет выполнен как следует, пока она не поздравит того, в чью честь устроена вечеринка. Лукас спускается к группе музыкантов; маленький ансамбль из гитары, пианино, контрабаса, тихих шаркающих барабанов. — Вы знаете «Águas de Março»[\[8\]](#)?

— Конечно. — Это стандарт, это классика.

— Играйте сентиментально. Это любимая вещь моей мамы.

Гитарист и пианистка кивают друг другу, отсчитывают слабую долю. «Мартовские воды»: старая и милая песня, которую Адриана Корте пела своим детям, когда мадриньи приносили их и сажали ей на колени, пела, склонясь над их кроватками. Это осенняя песня с расплывчатыми образами дождя, веточек и маленьких живых существ, песня о частице вселенной в том, что умещается в ладони, одновременно радостная и пронизанная саудади. Мужской и женский голоса поют, чередуясь; подхватывают песню по сигналу друг друга; живые и игривые. Лукас слушает внимательно, страстно. Дышит неглубоко, напрягшись всем телом. Слезы появляются в складках его век. Музыка всегда оказывала на него мощное влияние, в особенности старая бразильская музыка. Босанова, МБР. Функциональная музыка; обыденность MOR[9]. Мя-а-а-акий трусливый джаз. У тех, кто такое заявляет, нет ушей; не слушайте. Они не чувствуют саудади, сладкую печаль мимолетности вещей, благодаря которой всякая радость ощущается острее. Они не слышат приглушенное отчаяние, предчувствие того, что за завесой красоты и томления случилось нечто ужасно, ужасно неправильное.

Лукас бросает взгляд на мать. Она кивает в такт колышущемуся ритму, закрыв глаза. Он отвлек ее от блудного Лукасинью. Разберется с ним позже, сам.

На первом плане в песне два голоса, играющие в капоэйру из-за одних и тех же слов, перебивающие друг друга; кувыркающиеся и уклоняющиеся. Гитарист и пианистка очень хороши. Лукас раньше не слышал этих исполнителей, но доволен, что ему довелось их послушать. Песня заканчивается. Лукас сглатывает эмоции. Он аплодирует громко и звонко.

— Bravo! — кричит он. Адриана присоединяется; потом Рафа, Ариэль, Карлиньос, Вагнер. По толпе гостей расходятся волны аплодисментов. — Bravo!

Снова несут напитки, досадный момент забыт, праздник продолжается. Лукас подходит к гитаристу, чтобы обменяться парой слов.

— Спасибо. Вы знаете толк в босе, сэр. Моей мамайн понравилось. Я бы хотел, чтоб вы пришли и сыграли для меня, в моей собственной квартире в Жуан-ди-Деусе.

— Это для нас честь, мистер Корта.

— Не «вы». Только вы один. Вскоре. Как вас зовут?

— Жоржи. Жоржи Нардис.

Фамильяры обмениваются контактными данными. А потом официантка, норте Джо Лунница с подносом коктейлей, внезапно кидается на Рафу Корту.

* * *

Ей нравится грубая текстура струпа на ухе Лукасинью. Она с наслаждением тащит его, открывая затянувшуюся рану так, что выступает немного свежей крови. От этого Абена в своем вечернем платье от Хелены Барбер делается влажной. Теперь, когда они вернулись в сеть Боа-Виста, Цзиньцзи показывает Лукасинью ее подарок — хромированный клык, изгибающийся сквозь верхнюю часть его правого уха. Выглядит хорошо. Выглядит пикантно. Но она не позволяет ему даже обнять себя рукой за талию.

Не успев дойти до окна, оба понимают: что-то пошло не так. Ни музыки, ни болтовни, ни плеска тел в пруду у водопада. Кто-то кричит, кто-то отдает резкие приказы на португальском и глобо. Зрачок каменного глаза Шанго обзревает сады Боа-Виста по всей длине. Лукасинью видит, как эскольты, телохранители семьи Корта, выпроваживают группы гостей. Музыканты и официанты держат руки за головой. Охранные дроны сканируют обработанные строительными машинами стены; их лазеры на миг задерживаются на Лукасинью и Абене.

— Что произошло? — спрашивает Лукасинью. Цзиньцзи отвечает в тот же момент, когда на лице Абены отражается шок:

«Совершено покушение на жизнь Рафаэла Корты».

Лезвие ножа прижато к горлу Марины Кальцаге. Если она шевельнется, если заговорит, если сделает слишком глубокий вдох, оно рассечет ее плоть. В безумной остроте лезвия есть нечто анестетическое: Марина и не почувствует, как оно режет трахею. Но она должна двигаться, она должна говорить, если хочет жить.

Ее пальцы постукивают по ножке перевернутого коктейльного бокала на подносе.

— Муха, — шипит она.

Мухи так себя не ведут. Марина знает мух. Она работала мушиным ловцом. На Луне насекомые — опылители, декоративные бабочки вроде тех, что порхают по Боа-Виста, выпущенные детишками Асамоа, — лицензированы. Мухи, осы, дикие жуки угрожают сложным системам лунных городов и

подлежат уничтожению. Марина Кальцаге убила миллион мух и знает, что они не летают так, прямой наводкой к незащитной мягкой коже в углу челюсти Рафы Корты. Она поймала муху в считанных миллиметрах от цели и прижала пустой бокал для мартини к подносу. Коктейльная тюрьма. И в тот же миг нож, с шуршанием выскользнувший из спрятанного магнитного чехла, оказался у ее горла. На другом конце ножа — эсколта семьи Корта в элегантном костюме с безупречно сложенным квадратиком-платочком в нагрудном кармане. Все равно вылитый головорез. Все равно воплощенная смерть.

Эйтур Перейра чопорно приседает, чтобы изучить существо в бокале. По меркам первого поколения, он большой мужчина, массивного телосложения. Крупный бывший морпех, плящущийся в перевернутый коктейльный бокал, выглядел бы комично, если не принимать во внимание ножи.

— Жучок-убийца, — заключает Эйтур Перейра. — АКА.

В один миг лезвия кольцом окружают Лусику Асамоа. Их остря в миллиметре от ее кожи. Луна вопит и всхлипывает, вцепившись в мать. Рафаэл бросается на охранников. Мужчины в костюмах наваливаются на него, обездвигивают.

— Ради вашей же безопасности, сеньор, — говорит Эйтур Перейра. — Она может прятать боевые биологические средства.

— Это дрон, — шепчет Марина Кальцаге. — Он чипированный.

Эйтур Перейра глядит внимательней. Муха бьется о стенку бокала, но в мгновения неподвижности ясно виден золотой рисунок на крыльях и панцире.

— Отпустите ее. — Адриана Корта говорит тихо, но командный тон вынуждает всех телохранителей, мужчин и женщин, вздрогнуть.

Эйтур Перейра кивает. Ножи прячутся в ножны. Лусика подхватывает на руки воющую Луну.

— И ее, — приказывает Адриана.

Марина судорожно втягивает воздух, когда нож убирают от горла, и понимает, что не дышала с того момента, как охранник схватил ее. Она начинает трястись.

Лукас кричит:

— Лукасинью? Где Лукасинью?

— Заберу-ка я это. — Эйтур Перейра кладет руку поверх бокала. Достает импульсный пистолет из маленькой кобуры. Устройство размером с его большой палец — дурацкое, наивное оружие в такой огромной руке. — Отключите своих фамильяров. — По всему Боа-Виста фамильяры исчезают, моргнув. Марина выключает Хетти. Этот наивный пистолетик обладает достаточной мощностью, чтобы вырубить всю сеть Боа-Виста. Они ничего не видят и не слышат, но маленькая высокотехнологичная муха перестает двигаться и умирает.

Лукас Корта наклоняется ближе к главе службы безопасности и шепчет ему.

— Они пытались убить моего брата. Они пробрались в Боа-Виста, в наш дом, и они пытались убить моего брата.

— Ситуация под контролем, сеньор Корта.

— Ситуация такова, что убийца оказался на расстоянии стенки коктейльного бокала от Рафы. На виду у гостей из всех Пяти Драконов. На виду у нашей матери. Что-то не похоже на «ситуацию под контролем», верно?

— Мы анализируем оружие. Мы узнаем, кто за ним стоит.

— Ну так вот, этого недостаточно. Новая атака может случиться в любой момент. Я хочу, чтобы здесь обеспечили безопасность. Вечеринка окончена.

— Сеньоры, произошел инцидент в системе защиты, — объявляет Эйтур Перейра. — Мы должны обезопасить Боа-Виста. Вынужден попросить вас уйти. Будьте любезны, отправляйтесь к трамвайной станции. Теперь можете спокойно запустить своих фамильяров.

— Найдите моего сына! — приказывает Лукас Эйтору Перейре. Друзья Лукасинью бестолково суетятся, потерянные и задвинутые на второй план. Их лунная гонка и то, как Лукасинью спас Коджо Асамоа, заслонены произошедшим. Охрана Боа-Виста выпроваживает гостей из садов на станцию. Телохранитель сопровождает главных Корта в глубь их владений. Лукас Корта рассматривает Марину Кальцаге, в его взгляде лед и железо. Она дрожит от потрясения.

— Как твое имя?

— Марина Кальцаге.

— Работаешь на компанию по ресторанному обслуживанию?

— Я берусь за любую работу. Я инженер... я была инженером по системам управления.

— Теперь ты работаешь на «Корта Элиу».

Лукас протягивает руку. Марина ее берет.

— Поговори с моим братом Карлиньосом. Семейство Корта перед тобой в долгу.

И он уходит. Все еще оцепенев от шока, Марина старается разобраться в случившемся. Корта пытаются перерезать ей глотку — и вот она на них работает. Как же... Корта! Блейк, все будет в порядке. Я достану тебе лекарства. Мы навсегда забудем о жажде. Мы сможем дышать спокойно.

Два

Луна Корта — маленькая шпионка. В Боа-Виста полным-полно мест, где может спрятаться заскучавшая девочка. Луна обнаружила служебный туннель, преследуя бота-уборщика как-то раз долгим утром в Боа-Виста. Как всех лунных детей, ее тянет в туннели и технические лазы. Ни один взрослый здесь не поместится, вот и славно — места для прятков должны быть в секрете от всех. Лаз сделался тесноватым с той поры, как Луна впервые пробралась в него и поняла, что может заглядывать в личную комнату матери и, если затаит дыхание, подслушивать. Луна ерзает, устраиваясь в пространстве позади глаз Ошоси, охотника и защитника, словно узелок в пазухе его носа.

— Они приставили нож к моему горлу.

Ее отец что-то говорит, она не может расслышать. Извивается, чтобы придвинуться ближе к вентиляционной решетке. Вверх, вокруг ее лица, бьют пыльные лучи света.

— Они приставили нож к моему горлу, Рафа!

Луна видит, как мать касается шеи пальцами, трогает лезвие ножа в своих воспоминаниях.

— Это всего лишь меры безопасности.

— Они бы меня убили?

Луна снова передвигается так, чтобы в узкой смотровой щели появились оба ее родителя. Отец сидит на кровати. Он выглядит маленьким, съезженным, как сдувшийся и поблекший аэростат.

— Они нас защищали. Любой, кто не Корта, оказался под подозрением.

— Аманда Сунь — не Корта. Я не видела ножа у ее горла.

— Муха. Все знают, что ваши люди используют биологическое оружие.

— «Ваши люди».

— Те, кто связаны с Асамоа.

— На вечеринке были и другие Асамоа. Абена Маану, например. Я не видела, чтобы к ее горлу приставили нож. Ты имел в виду всех моих людей или только некоторых?

— Зачем ты это делаешь?

— Потому что твои люди, Рафа, приставили нож к моему горлу. И я не слышу от тебя ничего, что свидетельствовало бы о том, что они бы меня не зарезали.

— Я бы никогда не позволил им это сделать.

— Если бы твоя мать отдала приказ, ты бы их остановил?

— Я бу-хвэджан «Корта Элиу».

— Не оскорбляй меня, Рафа.

— Я сержусь из-за того, что наша охрана приставила нож к твоему горлу. Я сержусь из-за того, что ты оказалась под подозрением. Я в ярости, но ты же знаешь, как мы тут живем.

— Да. Что ж, возможно, я не хочу здесь жить.

Луна видит, как Рафа вскидывает глаза.

— Я знаю, как мы живем в Тве. Это хорошее место, Тве. Это безопасное место. Там *мои люди*, Рафа. Я

хочу отвезти туда Луну.

Луна ахает. Лаз такой тесный, что она не может прижать ладони ко рту в попытке заглушить звук. Они могли услышать. Хотя... В Боа-Виста и так полным-полно охов и шепотов.

Рафа вскакивает. Когда он сердится, то подходит близко, на расстояние вдоха. На расстояние плевка в лицо. Лусика Асамоа не отступает.

— Ты не заберешь Луну.

— Здесь она не в безопасности.

— Мои дети остаются со мной.

— Твои дети?

— Ты разве не читала никакх? Или тебе слишком не терпелось прыгнуть в постель к наиболее вероятному наследнику «Корта Элиу»?

— Рафа. Нет. Не говори этого. Не опускайся до такого. Это на тебя не похоже.

Гнев Рафы теперь разгорелся. Гнев — его грех. Другая сторона его приветливости: он легко смеется, забавляется, занимается любовью. Легко приходит в ярость.

— Знаешь что? Возможно, твои люди планировали...

— Рафа. Прекрати. — Лусика прижимает пальцы к губам Рафы. Она знает, что приливы и отливы его ярости одинаково быстры. — Я бы никогда, ни за что не стала интриговать против тебя — ни я, ни *мои люди* — ради того, чтобы заполучить нашу дочь.

— Луна остается со мной.

— Да. Но я — нет.

— Я не хочу, чтобы ты уходила. Это твой дом. Со мной. С Луной.

— Здесь небезопасно для меня. Для Луны здесь небезопасно. Однако никакх не позволит мне ее забрать. Если бы ты хоть раз попросил прощения за то, что ваши эскольты приставили нож к моему горлу, все могло быть иначе. Ты рассердился. Ты не извинился.

Теперь ее отец говорит, но Луна не слышит его слов. Она ничего не слышит, кроме шума внутри головы — это звук, с которым наступает худшая из всех вещей в мире. Ее мамайн уходит. Что-то сжимается в груди. Голова кружится от ужасного свиста, как будто воздух и жизнь утекают прочь. Луна выбирается из закутка в голове Ошоси, ползет прочь от потайного местечка, в котором подслушала слишком многое. Она исцарапала туфельки и порвала свое платье от Пьера Кардена о грубый камень.

После дождя мертвые бабочки превратились в мусор на поверхности воды. По краям водоемов их крылья образуют лазурную пену. Луна Корта сидит среди трупов.

— Эй-эй-эй, что случилось? — Лусика Асамоа приседает возле дочери.

— Бабочки умерли.

— Они живут недолго. Всего день.

— Они мне нравились. Они были милые. Это несправедливо.

— Мы такими их создаем.

Лусика скидывает туфли и садится на камень рядом с Луной. Болтает ступнями в воде. Синие крылья

прилипают к ее темным ногам.

— Вы могли бы сделать так, чтобы они жили дольше одного дня, — говорит Луна.

— Могли бы, но что тогда они будут есть? Куда полетят? Они украшения, как флаги на Фестивале Ямса.

— Но это не так, — говорит Луна. — Они живые.

— Луна, что случилось с твоими туфельками? — спрашивает Лусика. — И твоим платьем.

Луна глядит на плавучие острова из бабочек, медленно дрейфующие вниз по течению.

— Ты уходишь.

— С чего ты взяла?

— Я слышала, как ты об этом сказала.

Ни один вопрос, который могла бы задать Лусика, здесь не пригоден.

— Да. Я отправляюсь обратно в Тве, возвращаюсь к моей семье. Но лишь на некоторое время. Не навсегда.

— Как надолго?

— Не знаю, любовь моя. Не дольше, чем придется.

— Но я с тобой не поеду.

— Нет. Я бы этого хотела, больше чего бы то ни было — больше, чем уехать самой, — но не могу.

— Я в безопасности, мама?

Лусика прижимает Луну к себе, целует в макушку.

— Ты в безопасности. Папа позаботится о твоей безопасности. Он оторвет голову любому, кто попытается тебя обидеть. Но мне нужно уйти, пока все не прояснится. Я не хочу, и я буду сильно по тебе скучать. Папа за тобой присмотрит, и мадринья Элис. Элис не позволит, чтобы кто-то причинил тебе боль.

Слова обжигают Лусике Асамоа глотку. Мадриньи, суррогатные матери. Наемные утробы, которые становятся нянями, становятся неофициальными тетками, становятся семьей. Лусика еще могла бы понять такое в те времена, когда корпорация семьи Корта была маленькой, когда им требовалось строить бизнес, не тратя время на беременность, роды и уход за детишками. Но зачем понадобилось навязывать это следующим поколениям, превращать сборище сдержанных, вездесущих мадриний в традицию? Она негодовала из-за того, что Луну выносила и родила высокая, скуластая бразильянка Элис. Она была потрясена, когда Рафа заявил, что суррогатное материнство не подлежит обсуждению: так принято в семействе Корта. Вложи в меня, высади во мне, позволь вырастить и выносить, выпустить в мир. Мне не нужно, чтобы какие-то там Мадонны Зачатия смешивали твою сперму с моими яйцеклетками и говорили: да будет жизнь! Не хочу я смотреть, как ваши гиноботы плавно вживляют эмбрион в льстивую, улыбчивую Элис, и наблюдать за тем, как с каждым днем она становится больше, полнее. Не нужно мне просматривать отчеты, результаты сканирования ее матки, ежедневные сообщения о том, как протекает ее беременность. И мне не нужно было запирается в своей комнате, воя и разбивая вещи, пока Элис делали кесарево. Все это должно было случиться со мной, Луна. Они должны были принести тебя ко мне. Мое улыбающееся, усталое, залитое слезами лицо должно было стать первым, что ты увидела. Лицо Асамоа. Я полна жизни, соки ее текут во мне, струятся, приливают. Я здорова, фертильна, все во мне работает естественным образом, безупречно, готово плодоносить. Но у Корта так не принято.

Я тебя люблю, Луна, но не могу полюбить то, что принято в семействе Корта.

Лусика заключает Луну в объятия, качает, утешая саму себя в той же степени, что и дочь. Одна муха-убийца расколола ее мир. Это не сад богов, не дворец вод. Это туннель в скале. Каждый полный света аграрий ее семьи, каждый город, фабрика и поселение — пустычок, хрупкий бивак из камней под безвоздушным небом, в лучах смертоносного солнца. Им всем каждую секунду угрожает опасность. И спасения нет, даже спрятаться негде.

— Твой папа, контракт и все прочие могут твердить, что ты Корта, но ты — Асамоа. Ты Асамоа, потому что я Асамоа, и мать моя Асамоа. Вот как у нас принято.

Лукас Корта проводит рукой по совещательному столу и разбрасывает виртуальные документы.

— У меня нет на это времени. Откуда она появилась? Кто ее сделал?

Эйтур Перейра опускает глаза. Он на голову ниже и на десять лет седее любого за этим столом, не считая Адрианы Корты и ее финансового директора, Элен ди Браги, темной воли «Корта Элиу».

— Мы все еще анализируем...

— У нас лучшее научно-исследовательское подразделение на Луне, и вы не можете мне сказать, кто это сделал?

— Кто-то пошел на поразительные ухищрения, чтобы спрятать все, что могло бы идентифицировать дрона. Чипы стандартные, и по узору печати у нас данных нет.

— Выходит, вы не знаете.

— Пока что не знаем. — Все за столом слышат, что голос Эйтура Перейры подрагивает.

— Вы не знаете, кто сделал эту «муху», вы не знаете, кто ее подослал, вы не знаете, как она прошла сквозь системы безопасности. Вы не знаете, не летит ли прямо сейчас еще одна такая штуковина к моему брату, ко мне или, не дай бог, к моей матери. Вы глава службы безопасности — и не знаете?

Лукас смотрит не мигая. Лицо Эйтура Перейры дергается.

— Мы в режиме тотальной безопасности. Отслеживаем все, превышающее размером частичку кожи.

— А если они уже здесь? Этого дрона могли разместить тут много месяцев назад. Вы об этом подумали? Может, сейчас просыпается еще дюжина таких же. Сотня. Им хватит одной удачной попытки. Я знаю, как действуют современные яды. Они заставляют ждать. Ждать часами, испытывая боль и чувствуя, что каждый вдох короче предыдущего, зная, что противоядия нет, понимая, что умрешь. Ты проводишь много времени лицом к лицу со смертью. И лишь потом тебе позволяют умереть. И я знаю, что кто-то пытался использовать один из этих ядов против моего брата. Вот что я знаю. Теперь скажите мне, что знаете вы?

— Лукас, достаточно. — Адриана Корта сидит во главе стола. Много месяцев ее кресло пустовало, она присутствовала лишь в виде большого и несуразного портрета в пов-скафе — Мадонны Гелиевой, обозревающей зал заседаний. Внезапная смертельная угроза детям вынудила Адриану вновь воспользоваться всей полнотой власти и вернуться сюда. Рафа сидит справа от матери, Ариэль — слева. Лукас занимает место справа от старшего брата.

— Мамайн, если твой глава службы безопасности не может обеспечить наш покой, то кто сможет?

— Эйтур был верным работником нашей семьи еще до вашего рождения. — Так язвить может только человек, наделенный высшей властью.

— Да, майн. — Лукас опускает голову, покоряясь матери.

— Разве это не очевидно? — Рафа прерывает насмешливое молчание.

— Очевидно? — переспрашивает Ариэль.

— Разве это дело не тех же рук, что всегда? — Рафа низко наклоняется к столу. Гнев как будто окутывает его облаком дыма. — Боб Маккензи так и не простил мамайн. Он медленный яд. Не сегодня, не завтра; не в этом году и даже не в этом десятилетии, но однажды, когда-нибудь... Маккензи расплачиваются втрое. Они бьют по наследию. Они хотят, чтобы ты увидела, как все построенное тобой развалится, мамайн.

— Рафа... — начинает Ариэль.

— Кира Маккензи, — перебивает Рафа. — Она была на вечеринке. Кто-то ее обыскал или ей просто махнули рукой и велели проходить, потому что она из числа друзей Лукасинью?

— Рафа, по-твоему, Маккензи рискнули бы ввязаться в полномасштабную войну? — говорит Ариэль. Как следует затягивается своим вейпером. — Seriously?

— Если они решили, что могут развалить нашу монополию, то возможно, — замечает Лукас.

— Все начинается по новой, разве вы не видите? — спрашивает Рафа.

Восемь лет назад между «Корта Элиу» и «Маккензи Металз» случилась короткая война за территорию. Экстракторы превращались в клубки искореженного металла, поезда подвергались грабежу и теряли грузы, боты и ИИ оказывались жертвами бомбардировавшего их темного кода. Пылевики сражались врукопашную, на ножах, в туннелях Маскелайна и Янсена и на поверхности, посреди каменных просторов Морей Спокойствия и Ясности. Сто двадцать убитых, ущерб на миллионы битси. В конце концов Корта и Маккензи согласились на арбитражное разбирательство. Суд Клавия присудил победу «Корта Элиу». Спустя два месяца Эдриан Маккензи вступил в брак с Джонатоном Кайодом, Орлом Луны, президентом Корпорации по развитию Луны, которой принадлежал земной спутник.

— Рафа, хватит, — говорит Адриана Корта. Ее голос слаб, ее власть неоспорима. — Мы сражаемся с Маккензи посредством бизнеса, мы победим их посредством бизнеса. Мы делаем деньги. — Адриана встает из-за стола; осанка у нее чопорная, но в лице и в движениях чувствуется усталость. Дети и слуги кланяются и провожают ее из зала заседаний.

Карлиньос встает, поджимает пальцы правой руки и кланяется матери. Он не сказал ни слова за время этого совещания. Он предпочитает помалкивать. Его место — в поле, с экстракторами, спецами по переработке гелия и пыльниками. Он и сам пыльник, а еще боец. Рафа может затмить его своим обаянием, Лукас — исколошматить аргументами, Ариэль — связать красноречием по рукам и ногам, но ни один из них не может ступить по пыли так, как это делает он.

Лукас на секунду задерживает Эйтура Перейру.

— Ты совершил ошибку, — шепчет Лукас. — Ты слишком старый. Ты свое отработал, и ты уйдешь.

В вестибюле возле зала совещаний ждет Вагнер Корта. Адриана и ее слуги проходят, не удостоив его и взглядом, следом идут Лукас и Ариэль. Ариэль кивает, натянуто улыбается. Карлиньос хлопает брата по спине.

— Эй, братишка.

Отсутствие Вагнера за совещательным столом нельзя не заметить.

— Мне надо переговорить с Рафой, — сообщает Вагнер.

— Конечно. Подкинуть тебя на байке до Жуана?

— У меня другие планы.

— Увидимся позже, Лобинью.

— О чем ты хочешь поговорить? — спрашивает Рафа. Он сидит на правом нижнем веке Ошалы. Позади него медленно течет водопад.

— О мухе. Я хочу на нее посмотреть.

Рафа позаботился о том, чтобы Вагнер получил от Эйтура Перейры схемы. Рафа всегда заботится о том, чтобы Вагнер получал все данные после каждого заседания правления «Корта Элиу».

— Тебе прислали все.

— Уважаю Эйтура и даже твой научно-исследовательский отдел, но есть вещи, которые могу увидеть я, но не он.

Рафа знает, что жизнь Вагнера сложна и протекает среди теней на границе пространства, занимаемого семьей, и что его содействие «Корта Элиу» весомо, но с трудом поддается измерению — и все же он выдающийся конструктор маленьких и замысловатых вещей. Иногда Рафа завидует двум его натурам: темной точности, светлой творческой жилке.

— Например?

— Пойму, когда увижу. Сперва мне надо на нее поглядеть.

— Я сообщу Эйтуру. — Сократ, фамилльяр Рафы, уже послал уведомление. — Я сказал ему не говорить ничего Адриане.

— Спасибо.

Вагнер был тенью в этой семье так долго, что братья и сестра выработали альтернативную социальную гравитацию: они информируют его, включают его, но в то же время сохраняют невидимым, как черная дыра.

— Когда мы тебя увидим, миуду? — спрашивает Рафа. Адриана оборачивается, ждет его.

— Когда мне будет что сказать, — отвечает Вагнер. — Ты меня знаешь. Живи и дыши, Рафа.

— Живи и дыши, Маленький Волк.

— Ариэль. — Лукас зовет сестру с верхних ступеней Ошалы. Ариэль оборачивается. — Уже уходишь?

— У меня дела в Меридиане.

— Да, прием в честь китайской торговой делегации. Я бы не стал просить тебя пропустить такое.

— Я тебе все ясно сказала во время вечеринки.

— Это же семья.

— Ох, да ладно тебе, Лукас.

Лукас растерянно хмурится, и Ариэль видит, что он не понимает, о чем она говорит. Он безоговорочно верит, что каждый его поступок — ради семьи, во имя одной лишь семьи.

— Если бы мы поменялись местами, я бы это сделал. Без колебаний.

— Для тебя все проще, Лукас. Люди интересуются моей карьерой. Моя шкура должна быть воздухонепроницаемой. Я обязана быть чистой.

— На Луне нет чистых. Кто-то пытался убить Рафу.

— Нет. Не смей так поступать.

— Может, не Маккензи. Но кто-то пытался. Мы «Корта Элиу»: мы хороши, но мы хороши только в одном. Мы извлекаем гелий. Благодаря нам горит свет там, внизу. В этом наша сила, но также и наша уязвимость. АКА, «Тайян»; они повсюду и занимаются всем. Они могут выбирать, куда идти. Даже «Маккензи Металз» диверсифицируется, забираясь в наш главный бизнес. Потеряем бизнес, и нам будет некуда деваться. Мы потеряем все. Луна не терпит неудачников. И мамайн... Она уже не та, что раньше.

Ариэль во время этой тирады смотрела мимо Лукаса, не встречаясь с его убедительным взглядом. Даже ребенком он выигрывал в гляделки. Теперь он говорит пять слов, и она уже не в силах отвести глаз.

— Даже ты должна была это заметить, — говорит Лукас. Колкость достигает цели. Прошло много месяцев с той поры, когда Ариэль в последний раз присутствовала на заседании правления «Корта Элиу».

— Я знаю, ее общественной жизнью занимается Рафа.

— Рафа Корта. Золотой Мальчик. Он превратит этот бизнес в пыль. Помоги мне, Ариэль. Помоги мне, помоги мамайн.

— Ну ты и ублюдок, Лукас.

— Неправда. Я единственный настоящий сын во всей нашей семейке. Мне нужно что-то на этих китайцев, Ариэль. Немного. Лишь одно малюсенькое преимущество. У них должно что-то быть. Кусочек свисающей шкуры, в который я мог бы вцепиться.

— Предоставь это мне.

Лукас кланяется. Когда он отворачивается от сестры, на его лице рождается слабая улыбка.

Один сигнальный огонь — двери закрываются, два — происходит расстыковка. Три означают отбытие. По скале проходит легкая дрожь, когда индукционные моторы поднимают вагон в воздух. И трамвай уезжает. От Боа-Виста до вокзала Жуан-ди-Деуса всего пять километров. Судя по объятиям Рафы, прощальным словам и, да, слезам, их разделяют несколько миров.

Лукас наблюдает за неприкрытыми эмоциями брата с антипатией. Уголок его рта подергивается. Все в Рафе крупное. Так было всегда. Он был самым большим задирой, громче всех смеялся; харизматичный мальчик, золотой луч, не скупающийся на проявления гнева и не знающий удержу в удовольствиях. Лукас вырос его тенью: сдержанный и педантичный; элегантный и скрытный, похожий на тазер в кобуре. Чувства Лукаса такие же глубокие и сильные, как у его старшего брата. Эмоции и эмоциональность — это не одно и то же. Первое — своего рода сценарий, второе — актерская игра. У Лукаса Корты есть пространство для эмоций, но оно представляет собой уединенную комнату без окон, белую и пустую. Такую белую, что даже теней там нет.

Рафа обнимает брата. Как недостойно, какой конфуз. Лукас пыхтит от огорчения.

— Она к тебе вернется.

В подобных ситуациях люди ждут именно таких банальностей.

— Она мне не доверяет.

Лукас не может понять эмоциональную несдержанность брата. Для чего придуманы брачные контракты? На доверии и любви династию не возведешь.

— Раз Луна остается здесь, она к тебе вернется, — говорит Лукас. — Она все понимает. Я подержу Лукасинью в Боа-Виста, пока ситуация с безопасностью не устаканится. Он придет в ярость. Ему же лучше.

Пусть шевелит мозгами, справляясь с трудностями. Ему все достается слишком легко. — Лукас хлопает Рафу по спине. Не бери в голову. Соберись. Отвяжись от меня наконец.

— Я собираюсь привезти Робсона назад.

Лукас подавляет раздраженный вздох. Опять он за свое... Когда Рафу охватывает недовольство, касающееся бизнеса, спорта, общества или секса, он снова погружается в нерешенную проблему в связи с тем, как несправедливо поступили с его сыном и первенцем. Три года назад Рэйчел Маккензи забрала мальчика в свою семью. Контракты были нарушены грубым и демонстративным образом. Адвокаты все еще спорят по поводу того, можно ли считать случившееся захватом заложника. Ариэль добила прочного как сталь соглашения о доступе к ребенку, но каждый раз, когда трамвай отвозит Робсона обратно в Царицу Южную или «Горнило», струпья на ранах Рафы рвутся и раны кровоточат. В таком настроении даже Лукас не может справиться с братом с помощью слов.

— Делай, что должен. — Лукас уважает мать во всем, за исключением слепого обожания, с которым она относится к Рафе. Рафа-золотце, престолонаследник. Он слишком эмоционален, слишком открыт, слишком мягок, чтобы управлять компанией. Нельзя верить судьбу династий, благодаря которым на Земле горит свет, велениям сердца. Лукас снова обнимает Рафу. Что ж, миссия ясна. Ему придется захватить власть в «Корта Элиу».

Два прыжка от Царицы Южной до Жуан-ди-Деуса. Рафа и его эскальтеры ждут в частных залах ожидания станции БАЛТРАНА. До сегодняшнего дня охранники Рафы были электронными. Сегодня они рядом, и они биологические: двое мужчин, одна женщина, вооруженные и настороже.

«Капсула в трубе лифта», — сообщает ему Сократ.

Зеленые огни. Двери открываются. Выбегает мальчик; коричневая кожа, грива из дредов; длинные ноги и руки. Врезается в Рафу. Рафа подхватывает его и кружит, смеясь.

— Ох, это ты, ты, ты, ты!

Вслед за мальчиком выходит женщина: высокая, рыжеволосая, белокожая. Зеленоглазая, как и ее сын. С безграничным самообладанием она подходит к Рафе и отвешивает ему тяжелую пощечину. Руки телохранителей взлетают к рукояткам ножей, спрятанных в хорошо скроенных костюмах.

— У нас есть поезд, знаешь ли.

Рафа начинает хохотать, и смех его подобен золоту.

— Выглядишь потрясающе, — говорит он жене. И она действительно выглядит потрясающе для женщины, которая пролетела над поверхностью Луны в переоборудованной грузовой жестянке, точно партия руды. Макияж безупречен; волосок лежит к волоску, каждый зацеп и каждая складка безукоризненны. И она права. БАЛТРАН вышел из моды с той поры, как заработали высокоскоростные железнодорожные сети: он грубый, но быстрый. БАЛТРАН — баллистическая транспортная система. В безвоздушном пространстве Луны баллистические траектории можно точно рассчитать. Электромагнитный разгонный двигатель раскручивает капсулу. Швыряет вверх. Гравитация тянет ее вниз. Принимающая сторона целевого разгонного двигателя ловит капсулу и гасит ее вращение до полной остановки. В промежутке — двадцать минут в свободном падении. Повторять по необходимости. В капсулах может быть груз или люди. Это трудно, но приемлемо и быстро; волосы дыбом встают лишь в том случае, если слишком много думать о сути способа передвижения. Рафа раньше с удовольствием использовал этот транспорт для секса в невесомости.

— Я хочу, чтобы он успел на игру. Он бы ее пропустил, если бы отправился поездом. — Он

поворачивается к мальчику: — Ты хочешь посмотреть игру? «Мусус» против «Тигров». Джейден Сунь думает, что победит, но я говорю, мы надерем «Тигра» задницу на глазах у всего стадиона. А ты что скажешь?

Робсону Корте одиннадцать лет, и один его вид, его присутствие, его изумительные волосы, его лицо, его великолепные зеленые глаза, то, как его губы приоткрываются от восторга, наполняют Рафу такой великой радостью, что от нее больно, и в то же самое время такой тяжелой утратой, что от нее тошнит. Он приседает, чтобы быть вровень с ребенком.

— День игры. Что ты думаешь, а?

— Ох, бога ради, Раф. — Рэйчел знает, Рафа знает; оба отряда телохранителей и даже сам Робсон в курсе, что дело не в гандбольном матче. Условия контракта разрешают Рафе получать доступ к сыну в любое время. Даже если мальчику придется пролететь через всю Луну и его будут швырять и ловить, швырять и ловить, как гандбольный мяч.

— Можем устроить скандал в его присутствии, если пожелаешь, — предлагает Рафа.

— Роббо, милый, ты не мог бы вернуться в капсулу? Это всего на пару минут. — Кивок Рэйчел отправляет одного из ее рубак с мальчиком. Робсон бросает взгляд через плечо на отца. Убийственные зеленые глаза. Он будет разбивать сердца. Одно разбивает прямо сейчас.

— Роббо, — презрительно повторяет Рафа.

— Я не имею никакого отношения к тому, что случилось на вечеринке.

— «Что случилось на вечеринке». На вечеринке случилось то, что меня едва не ужалила подосланная кем-то муха, заряженная нейротоксином. Я бы часами бился в конвульсиях, ссал и срал под себя, прежде чем задохнуться.

— Круто, но это не наш стиль. Маккензи любят демонстрировать свое лицо жертве, прежде чем прикончить ее. Лучше взгляни на своих дружков-Асамоа. Яды, жуки-убийцы; это так на них похоже.

— Я хочу его вернуть.

— Условия соглашения...

— На хрен соглашение.

— Предоставь это адвокатам, Раф. Ты действительно не понимаешь, о чем говоришь.

— С тобой он не защищен. Я задействую оговорку о безопасности. Пожалуйста, пришли Робсона ко мне.

— Со мной не защищен? — Смех Рэйчел Маккензи похож на удары кайлом по камню. — Ты сбрендил? Раф, мне наплевать, как тебя убьют, если вообще убьют, но я знаю Луну — тот, кто за тебя взялся, не остановится. Корни и ветви, Рафа. Позволить забрать Робсона? Ни хрена ты не получишь. Роб останется со мной. Маккензи заботятся о своих. — Она поворачивается к охраннику. — Запрограммируйте новый прыжок БАЛТРАНА. Мы отправляемся в «Горнило».

Рафа рычит в немой ярости. Ножи выскакивают из магнитных ножен: эскольты против рубак.

— Знаешь, твой брат прав, — говорит Рэйчел Маккензи. — Ты тупое дерьмо. Хочешь начать войну с нами? Не вмешивайтесь, парни. — Рубаки Маккензи открывают капсулу. Перед тем как шлюз захлопывается, Рэйчел Маккензи прибавляет: — Вот что я тебе скажу: твоя сестра пугает меня сильнее, чем ты. И яйца у нее побольше.

«Капсула в подъемнике, — говорит Сократ. — Разгонный двигатель набирает мощность».

Рафа бьет кулаком по бетону изо всех сил. Из его костяшек брызгает кровь.

— Я знаю, это была ты! — орет он. — Я знаю, это была ты! Ты хочешь посадить его во главе «Корта Элиу»!

На обратном пути в Меридиан Марина Кальцаге покупает место у окна, на верхнем ярусе. Горы и кратеры, огромные и пыльные, не очень-то величественные, как она и думала. Она смотрит теленовеллу по развлекательному каналу. Смысла нет, но все понятно. Любовь, предательство и соперничество среди элиты. В качестве элиты выступают добытчики резкоземельных элементов. Сюжет дурацкий, клишированный, актерская игра плоха. Марина смотрит, потому что может. Она посылает сообщение домой. «Мама, Кэсси: новости-новости-новости. Я ПОЛУЧИЛА РАБОТУ! Настоящую работу. В „Корта Элиу“. Термоядерные ребята. Пять Драконов. Я добуду для вас деньги». Хетти отправляет письмо, потом Марина открывает меню магазина поезда, чтобы найти для фамильяра новую оболочку. Роботы-обезьянки милы, но слишком уж банальны. Бог с мечами. Стимпанковая ведьма. Косатка-киборг. Да. Она моргает «купить», и Хетти вместо дефолтного облика получает гибкое черное тело с вкраплениями жидкого металла. Марина тихонько верещит от восторга. Деньги даруют свободу. Она снова глядит из окна на мягкие серые горы и каньоны, испещренные следами шин и отпечатками ботинок, пытается вообразить, как сама оставит там отпечатки вместе с Карлиньосом Кортой и его пылевиками. Корта черпают пыль огромными ведрами, просеивают, сортируют, экстрагируют гелий-3, а остальное выбрасывают. Грязная работа.

«Поговори с Карлиньосом», — сказал ей Лукас. Марина побежала. Посткризисные обещания забываются, если их не выполняют моментально. Карлиньос принес ей чай, усадил под куполом одного из многочисленных павильонов Боа-Виста, чтобы она смогла объясниться с ним и Вагнером.

— Ну и чем же ты занимаешься?

— У меня ученая степень по вычислительной эволюционной биологии в архитектуре промышленного контроля.

Как выяснилось, у Карлиньоса Корты была особая гримаса, обозначающая полное непонимание. Его нижняя губа провисла — всего лишь на миллиметр, — а между бровями появилась тоненькая вертикальная линия. Марина решила, что это милая особенность. Но когда на лице Вагнера появилось точно такое же выражение, это означало, что он понял куда больше, чем было сказано.

— Больше смахивает на организацию производства, чем на биологию, — сказал Вагнер.

— В очень грубом приближении. Я изучала, насколько богатая солнечной энергией среда вроде Луны сопоставима с земной фотосинтетической сухопутной системой вроде высокотравной прерии и как это могло бы породить новые производственные парадигмы и увеличить эффективность. Технология с биологией неразделимы, это навсегда.

— Интересно, — сказал Вагнер, качнув головой, как будто под грузом новых идей потерял равновесие. «А это твоя милая особенность», — подумала Марина.

— А опыт работы на поверхности у тебя есть? — перебил Карлиньос.

— Я здесь восемь недель. Ничего не видела, не считая внутренности Меридиана.

Оба брата Корта все еще были в пов-скафах. Полоски из светоотражающих пятнышек вторили очертаниям их мускулатуры. Марина вдохнула их «парфюм» с ароматом пороховой лунной пыли и переработанных жидкостей человеческого тела. Лунный пот. Парни чувствовали себя расслабленно и спокойно в своих грязных герметичных костюмах. От этого Марина почувствовала обиду и тоску; схожим образом у нее щемило в груди при виде сноубордов и защитных очков. Ее друзья занимались

сноубордингом на вершинах Снокуалми и Мишн-Ридж. Они были снежными ребятами. Как-то раз предложили взять ее с собой и обучить, но нужно было сдавать статью. Не невозможную статью, но проблемную. Требовалось время. Так что Марина оставалась в квартире, пока они загружали машину, и расплакалась от одиночества, когда та отъехала. Она закончила статью, но навсегда осталась девушкой-которая-упустила-сноубординг. Предложение так и не повторилось. Каждый раз, видя в магазинах очки, перчатки и прочее обмундирование, слыша прогноз погоды, сообщавший о первом снеге в горах, она мучилась от неутоленных желаний и чувства утраты. Где-то в параллельной вселенной существовала сноубордистка Марина, свежая и веселая. Испещренные ярлыками пов-скафы, шлемы, они манили ее, точно слухи о снегопаде. Вот он, второй шанс. Не стань женщиной-которая-упустила-Луну.

— Я хочу работать на поверхности. Я хочу попасть туда. Я могу всему научиться.

— Придется освоить целый комплекс физических навыков, — предупредил Вагнер.

— Я научу, — сказал Карлиньос. — Приходи на завод «Корта Элиу» в Жуан-ди-Деусе.

— Так и сделаю. — Беззвучным шепотом она велела Хетти подыскать жилье.

— Выучи португальский, — крикнул Карлиньос на прощание. Охранники сопровождали группы гостей и официантов на станцию. — И спасибо тебе.

Марина откидывается на спинку своего сиденья у окна. Она получила работу и квартиру, ее жизнь полностью переменялась, и все это отражается в одном мимолетном, едва уловимом движении: если взглянуть на чиб в правом нижнем углу поля зрения, то можно увидеть, что измеритель O_2 окрасился в золотой цвет. Она дышит за счет Корта. Марина почти заканчивает свой второй мохито, когда поезд въезжает в Меридиан и воздушные шлюзы совмещаются с дверьми. С помощью лифтов она поднимается в ревущий хаос хаба Орион, похожего на кафедральный собор. Каждый прилавок с чаем и водой, каждая забегаловка и магазин, каждая уличная столовая и киоск самообслуживания щеголяют вещами, которые Марина может *купить*. Потом она вспоминает про Блейка, там, на крыше города, выкашливающего легкие кусок за куском. Косатка-Хетти рассылает запросы в фармации, договаривается о цене на курс фаг-терапии. Мультиплюрирезистентный туберкулез — недавний агрессор с Земли, пробравшийся сквозь строгий карантин и быстренько нашедший себе жилье. Он прилип как белая плесень к высоким ребрам квадр, влажным и вонючим, где обитает беднота. Аптечный киоск печатает двадцать белых таблеток. Маленьких белых таблеток.

Три битси за экспресс-лифт. Один битси за эскалатор, который везет ее вверх, мимо плоских крыш, лестниц и переулков 80-х и 90-х уровней западной стороны. Выше 110-го уровня не идет ничего механического. Остаток пути наверх, в Байрру-Алту, она бежит, совершая большие и неутомимые земные прыжки; одолевает целые лестничные пролеты одним скачком. Вот торговец мочой, вот Богоматерь Казанская — ни света ей не досталось, ни любви. Вот балкон, с которого Марина завистливо наблюдала за летающей женщиной.

Комната пуста. Все исчезло: матрас; бутылки для воды, барахло Блейка. Пластиковые ложки и тарелки. Вымели последнюю частицу слизи, последнюю пылинку. Хлопья кожи — ценная органика.

Конечно, она перепутала дом.

Конечно, Блейк переехал.

Конечно, этого не может быть.

Марина прислоняется к дверной раме. Она не может дышать. Не может дышать. Хетти регулирует работу ее легких. «Дыши». Она не должна дышать, не имеет права дышать. Она не заслужила этот воздух, раз Блейка больше нет.

— Что произошло? — кричит она занавешенным дверям и пустым окнам теснящихся клетушек. На лестницах и в коридорах Байрру-Алту сплошь чьи-то повернувшиеся к ней спины. — Где же вы были?

«У меня есть запись», — говорит Хетти, и линза Марины накладывает поверх пустой комнаты изображения людей. Заббалины со своими роботами. Падальщики. Она замечает ступню с вывернутой лодыжкой на краю матраса. Заббалины собираются вокруг, и ступня скрывается из вида. Запись взята с уличной камеры, так что угол обзора неудачный и картинка зернистая из-за увеличения. Заббалины выходят, держа в каждой руке по тяжелой металлической канистре.

— Выруби это, выруби! — кричит она. Хетти отключает видео в тот самый момент, когда Марина видит, как роботы запечатывают дверь и окна вакуумным пластиком. До последней частицы кожи. До последней капли крови. И ничего нельзя сделать. Никуда не подашь апелляцию. Блейк мертв, но на Луне смерть не освобождает от долгов. Заббалины все еще взыскивают суммы с чиб-счетов Блейка, жутким образом перерабатывая каждую часть его тела в полезную органику.

Он умирал от кашля, слыша, как скребутся у двери боты заббалинов и ждут наступления тишины...

— Почему вы ничего не сделали? — кричит Марина, обращаясь к дверям и окнам. — Вы же могли хоть что-то сделать. Многого бы не потребовалось. Пара децим с каждого. Разве пара децим вас бы убила? Да что вы за люди?

Пустые дверные проемы, повернутые к ней спины, спешащие прочь плечи — вот и весь ответ, который дают Марине люди, живущие на Луне.

Трамвай отвергает его. Отказывает ему. Пренебрегает им.

До этого еще никто и никогда не пренебрегал Лукасинью Кортой. На миг от безграничной наглости оскорбления его парализует. Он снова приказывает Цзиньцзи открыть шлюз.

«Доступ запрещен для тебя».

— Что ты имеешь в виду под «запрещен для меня»?

«Доступ к трамваю ограничен для людей из следующего списка: Луна Корта, Лукасинья Корта».

А он-то думал, отец пошутил, сказав, что Боа-Виста переходит в режим строгой изоляции. Ради защиты детей.

— Обойди запрет.

«Я не в состоянии это сделать. Могу обратиться в службу безопасности. Хочешь, чтобы я обратился в службу безопасности?»

— Забудь.

Лукасинью понравилась идея о том, чтобы какое-то время отдохнуть в Боа-Виста и Жуан-ди-Деусе. Пожить как полагается. Можно не спешить возвращаться в университет: коллоквиум заполнит пропущенное. Для того он и предназначен. Теперь отец его запер, и ему надо выбраться. Клаустрофобия! Боа-Виста — каменная кишка. Лукасинью заперт в брюхе чудовища, его медленно переваривают. Он вскидывает кулак, чтобы ударить непокорный металл шлюза. Останавливается. Внезапно ему в голову приходит блестящая, куда лучшая идея.

Карлиньос и Вагнер пришли через шлюз, ведущий на поверхность. Лукасинью может через него выйти наружу. А пройдя через шлюз, он сможет отправиться куда угодно. В любое место. Прочь отсюда. На хрен строгую изоляцию, на хрен безопасность семьи. На хрен семью. Возможно, во не на хрен. Она старая и уже не та, что прежде, но еще может зажечь как следует, и Лукасинью восхищается тем, как она

вызывает уважение к себе — естественно, будто дышит. И, наверное, не Карлиньоса, хотя Лукасинью вечно не может взять в толк, что сказать дяде, как дать понять, что он считает его славным малым. Лукасинью годами боялся, что его-то Карлиньос считает говнюком. О детишках и вспоминать не стоит. Остальных на хрен.

В особенности отца.

Трико-подкладка аварийного скафандра не рассчитано на третье поколение, и Лукасинью приходится попытеть пять минут, натягивая его. В герметичном ранце, прикрепленном к наружной оболочке скафандра, нет места для одежды. Невелика потеря. Он может напечатать новые шмотки в Жуан-ди-Деусе. Лукасинью отстегивает «Леди Луну» и прячет в ранец. Аварийный скафандр — пупырчатый сай-фай робби-робот, оранжевый и светоотражающий, с маячками. Внутри он достаточно просторный, чтобы Лукасинью мог шевелиться. Цзиньцзи копирует себя в систему скафандра и запускает его. На поверхности он окажется за пределами зоны покрытия сети. Зажимы щелкают. Оболочка герметизируется. Воздух шипит, постепенно затихая.

— Давай прогуляемся, — выдыхает Лукасинью. Под управлением Цзиньцзи скафандр марширует в наружный шлюз. Лукасинью вспоминает, каково было в последний раз в таком шлюзе. Обнаженные тела. Колено к колену. Обнаженная Абена Асамоа напротив него. Пот, испаряющийся с ее безупречно округлых грудей по мере падения давления. Эти груди будут его. Где-то там, на просторах Луны. Он их найдет. Он у них в долгу. Она пустила ему кровь.

Он не думает о том, что было во внутреннем шлюзе. Клубок тел; сознание приходит и уходит. Боль, красное, черное, боль. Визг экстренного нагнетания воздуха.

Наружная дверь распахивается.

Управляя серводвигателями жесткого скафандра, Цзиньцзи запускает его в быстрый, прыгучий бег. Система безопасности узнает, что кто-то открыл шлюз и забрал скафандр. Они не поймут, кто это сделал, куда направился и как быстро. Они разберутся, но к тому моменту Лукасинью уже войдет в другой шлюз, который наполнится воздухом, сбросит скафандр и затеряется в толпах Жуан-ди-Деуса.

Не такой уж ты умный, пай.

Лукасинью выходит из шлюза Жуан-ди-Деуса и едет на лифте в деловую часть города. Скафандр развернется и самостоятельно трусцой побежит обратно в Боа-Виста. Аварийные скафандры слишком ценны, чтобы раскидывать их по Морю Изобилия. Однажды от него может зависеть чья-то жизнь. Проткнуть символом лунной гонки герметичное плетение оказалось почти так же трудно, как натянуть на себя тугое скаф-трико. Лукасинью нарушил целостность скафандра. Лучше уж не надо, чтобы однажды от него зависела чья-то жизнь... Уж точно не его собственная. Нет, Лукасинью Корта рассчитывает, что это был последний раз, когда он побывал на поверхности.

Жуан-ди-Деус — город, сделанный наполовину; здесь повсюду необработанный камень и низкие балочные перекрытия, а проспекты и квадраты тесные и узкие. Вентиляционные двери спазматически дергаются, солнечная линия мигает. Воняет дерьмом и немытыми телами, системы жизнеобеспечения работают на пределе возможностей. У воды привкус батареек. Слишком много людей, суетливых людей. Вечно кто-то оказывается впереди, загораживает путь. Кто-то тыкает тебя локтями, дышит тебе в затылок, является, точно призрак, из облака парящих фамильяров. Указатели и вывески, рекламные листовки и граффити — все на португальском. Жуан-ди-Деус — Гелий-вилль, город на фронтире. Город, построенный компанией для своих, и потому Лукасинью здесь не останется.

— Будь ты моим отцом, что бы сделал? — спрашивает Лукасинью у Цзиньцзи.

«Я бы заморозил твои счета».

Итак, Лукасинью отправляется на станцию, а не в принт-мастерскую модной одежды.

Скаф-трико — обычная вещь в Жуан-ди-Деус, даже приемлемая. На Центральном вокзале Меридиана двадцать голов успели повернуться к тому моменту, когда он добирается до главного лифта, ведущего вверх, на проспект Гагарина. Надо бы сменить этот наряд на что-то другое, пусть Лукасинью и носит его элегантно. Может, он сумеет всех убедить, что это такой новый микротренд? 1950-е — это уже прошлый месяц. Шик рабочего-поверхностника. Синие воротнички — вот в чем соль: такие честные, такие современные. Он меняет походку на более броскую, от бедра, с самодовольным видом. Ему хорошо. Он кое-чего добился. Все дело в том, что Боа-Виста его не удержал и семья не удержала. Все дело в том, что он сбежал благодаря собственному уму и крутости. Все дело в том, что он свободен. Все дело в том, что он вернулся. Это даже не «кое-что». Это много что! Лукасинью КORTE не просто хорошо; он отлично себя чувствует.

Официант в кафе не может не пялиться на Лукасинью, пока тот заказывает вейпер и мятный чай и вытягивается в кресле. Дело в наряде или в мышцах внутри него? Лукасинью выгибает спину, чтобы напрячь мышцы живота, раздвигает ноги, чтобы похвастаться бедрами. Он любит, когда на него глядят. Я богатый сыночек в скаф-трико. На мне эта штука классно смотрится, но сам я тебе не по карману.

Лукасинью зажигает кончик вейпера и вдыхает. ТГК прохладными витками уходит в горло. Он чувствует, как внутри все расслабляется, как зарождается улыбка. Он потягивает чай из стакана и просит Цзиньцзи вывести на линзу каталог «Бой де ла Бой». К моменту, когда Лукасинью заканчивает составление гардероба, его охватывает приятный кайф. Цзиньцзи отправляет заказ в принт-мастерскую. Тот немедленно возвращается.

«В оплате отказано».

Лукасинью рушится с высот, на которые воспарил. Падение долгое и завершается тяжелым ударом.

«Твой счет заморожен», — сообщает Цзиньцзи. Болезненная яма открывается в желудке у Лукасинью, полная вращающихся зубастых шестерней. Он вздрагивает, ахает, а потом озирается, чтобы проверить, не заметил ли этого кто-нибудь. Мимо жужжат моту, толпы продвигаются по проспекту Гагарина в сени деревьев. Никто-никто не знает, что в один миг он превратился из Дракона в попрошайку. Нет денег, у него нет денег. Он никогда не знал безденежья. Лукасинью не понимает, как себя вести, если у тебя нет денег.

Пальцы Лукасинью нащупывают украшение, которое Абена Асамоа вставила ему в ухо. «Когда тебе понадобится помощь Асамоа; когда не будет другой надежды, когда ты окажешься в одиночестве, обнаженный и беззащитный, как Коджо...» Он вертит серьгу, наслаждаясь слабой болью, которая появляется от того, что металлическая шутовина тревожит незажившую рану. Нет. Он пока что не отчаялся до такой степени. Он Лукасинью Корта; он наделен шармом, красив и сексуально привлекателен. С такими данными можно чего-нибудь добиться.

Четыре цифры на его чипе огромны и замечательны. Они представляют собой целый мир: воздух, вода, углерод, данные. От Четырех Базисов его не отрежут. Люди, которым приходится работать, платят за воздух и данные. У семейства Корта все это налажено. Он может дышать, он может пить, он подключен, у него есть углеродное довольствие. Исходя из этого, и надо планировать следующий шаг. В квартиру ему нельзя. Отцовские эскольты, скорее всего, уже там. У него есть друзья, у него есть аморы, у него есть места, куда можно отправиться. Ему нужны одежда и жилье.

Надо залечь на дно. Ага. Вот оно что. Отец может отследить его через сеть. Значит, Цзиньцзи должен уйти. В животе и паху Лукасинью все сжимается от страха. Вне сети, отключенный. Он колеблется, прежде чем прошептать слова, которые вырубят Цзиньцзи. Это социальная смерть. Нет, это выживание. Наверное,

отец уже определил его местонахождение по неудавшейся оплате. Контрактные охранники, возможно, уже в пути.

Надо заплатить за вейп и чай.

Нет, не надо за них платить. Он может сделать то же самое, что в Боа-Виста и Жуан-ди-Деусе — просто уйти. Что сделает официант? Проткнет его ножом? Призовет толпу? Он по-прежнему Корта. Хоть пальцем тронь одного Кортю, и остальные тебя зарежут. На Луне нет преступлений, нет краж, нет убийств. Есть только контракты и переговоры.

Лукасиною выбирается из кресла и неспешным шагом идет через проспект Гагарина. Даже в своем флуоресцентном розовом скаф-трико он исчезает в толчее людей, машин и ботов. Еще несколько шагов, и он под деревьями. Не оборачивайся. Никогда не оборачивайся. На ходу он отделяет Цзиньцзи от команд и стандартных программ, отсекает подсоединения и выключает утилиты одну за другой, пока над его левым плечом не остается пустая оболочка. Люди делаются подозрительными, когда своим дополненным зрением не видят фамильяра.

По обе стороны от него вздымаются стены квадры Ориона; ярус за ярусом, уровень за уровнем, огни и неоновые вывески; латинские, кириллические, китайские неонки. Отключение Цзиньцзи сняло с мира слой дополненной рекламы, но остались физические экраны и миленькие кавайные анимации, обращенные к нему. Один в Меридиане, без единого битси на отпечатке большого пальца. Как бедняк. Только вот у него есть друзья наверху, среди огней в стенах мира. Так что на самом деле он не такой, как бедняки. На хрен бедняков. Надо действовать.

Вся Луна влюблена в Ариэль к моменту, когда она прибывает на прием в честь китайской торговой делегации. КРЛ сняла открытый бельведер на восьмидесятом уровне ротонды, центральной оси, где встречаются пять проспектов квадры Водолея. Виды простираются на километры. Вертикальные сады роняют занавесы из ползучих растений поверх открытых арок. За ними над пустотой дрейфуют огни.

На Ариэль коктейльное платье от Сил Чапман. Все глаза устремлены на нее. Всякое человеческое существо жаждет оказаться на ее орбите. Она слышит шепоты, видит, как в унисон кивают головы. Внимание — это кислород. Она затягивается длинным титановым вейпером и углубляется в толпу гостей вечеринки.

Представлены все Пять Драконов: Яо Асамоа из Золотого Трона; нерешительный, робкий Алексей Воронцов; Верити Маккензи баюкает красивого ручного ангорского хорька, биологического. Он привлекает восхищенные взгляды. Вэй-Лунь Сунь держится в афелии по отношению к китайцам.

Китайская миссия состоит из одних мужчин, их движения все еще неловки и избыточны. Они не пытаются подстроить свои тела под требования лунной гравитации. Они не собираются пробыть здесь так долго. Они кланяются, улыбаются,жимают руку Ариэль и понятия не имеют, кто она такая, не считая того, что она, похоже, виновница большого торжества. Ариэль наслаждается слабым покалыванием сексуального возбуждения в нижней части живота. Она шпионка в платье от Сил Чапман.

Важные шишки из КРЛ. Управляющие компаниями и финансовые директора. Адвокаты и судьи.

Судья Нагаи Риеко приветствует ее с другого конца комнаты. Кивком указывает на Орла Луны. «Я сообщила о тебе Орлу, — говорит она посредством фамильяра. — Он одобрил». Ариэль вместо ответа салютует коктейльным бокалом. Добро пожаловать в Павильон Белого Зайца.

А вот и Орел Луны. Джонатон Кайод, генеральный директор Корпорации по развитию Луны; король, папа и император; в действительности — номинальный глава, птица с ярким оперением, запертая в клетке.

Его фамилляр — сам лунный орел. Только ему дозволено пользоваться этой оболочкой. Рядом его око Эдриан Маккензи, не забывающий о том, что всегда надо быть на тон тусклее блистательного Орла. Фамилляр у него в облике ворона.

— Знаменитая Ариэль Корта, — говорит Орел Луны. Он крупный для рожденного на Земле; гигант иббо[10] из Лагоса. Он стоит плечом к плечу даже с лунными детьми второго поколения. — Могу ли я надеяться, что вы не устроите здесь драку?

— В этом платье? — кокетливо говорит Ариэль, но все же переворачивает пустой коктейльный бокал вверх дном в знак того, что будет драться хоть со всеми гостями сразу. Орел Луны не знает, в чем смысл этого жеста, но его супруг-австралиец понимает шутку. Он слабо улыбается.

— Я на вас заработал на Селебдаке, — шепчет Орел. Он бросает короткий взгляд на своего око. — Мы устраиваем такие маленькие соревнования. Помогает оставаться в здравом уме. Он ужасно переживает из-за проигрышей.

— Даже на Луне девушка может привлечь к себе внимание, только если снимет одежду.

Орел Луны грубо хохочет. Смех у него неимоверно громкий. Комната застывает, потом по толпе собравшихся прокатываются маленькие афтершоки веселья; люди смеются, вторя более важным персонам.

— Чистая правда. Увы, чистая правда, верно? — Он игриво тыкает Эдриана Маккензи в ребра. Эдриан морщится, проглатывает негодование. Ходят слухи, что Эдриан Маккензи манипулирует Орлом Луны, чтобы сделать его пост более политическим, более важным, более похожим на президентский, одновременно запихнув его поглубже в карманы «Маккензи Металз». — Ваша семья как будто создана для общественного внимания. Вы провернули эффектный *coup du tribunal* в нижнем белье. Ваш племянник спас того мальчишку-Асамоа во время лунного забега. А потом — происшествие с вашим братом, о да; я шокирован. Весьма шокирован.

— Похоже, мы компенсировали одно нарушение системы безопасности другим. — Ариэль посылает дымную спираль вверх, к лампам.

Джонатон Кайод оттягивает одно веко.

— Орлиный глаз следит за вами, — насмешливо говорит глава КРЛ.

Он провожает Ариэль через занавес из гибискуса наружу, на внешний балкон. Взглядом приказывает Эдриану Маккензи оставаться внутри. Балкон высок, его обдувают воздушные течения, спиралью поднимающиеся с нижних уровней. Освещение плавно переходит в закатный режим. Солнечная линия роняет длинные золотистые лучи, тени окрашиваются в розовато-лиловый, а от далекого дна поднимается индиго; в кварталах загораются огни, похожие на блески в пыли. Джонатон Кайод говорит низким, доверительным шепотом:

— Рад видеть вас в составе моего консультативного кабинета.

— Это честь для меня.

— Между нами говоря, я думаю, что для Корта пришло время стряхнуть пыль с ботинок и занять надлежащее место в политическом сообществе. «Политика» — это не грязное слово. Однако покушение на убийство нас встревожило. Это какой-то жуткий регресс к шестидесятым. Дуэли, вендетты, покушения — мы от всего этого ушли. Разумеется, у Орла нет власти, чтобы вмешаться, но мы можем давать советы и предупреждать. Будет жаль, если открывшиеся для семейства Корта возможности окажутся заблокированы из-за поведения нескольких агрессивно настроенных братьев.

Орел Луны наклоняет голову. Ариэль Корта поджигает пальцы. Аудиенция закончена. Джонатон Кайод проходит сквозь занавес из гибискуса. Оторвавшиеся лепестки усеивают плечи его агбады. Эдриан Маккензи берет его под руку.

Ариэль задерживается, облакачивается о каменные перила. Штаговые огни дронов и педикоптеров, искрящаяся россыпь флаеров, лифты и гондолы фуникулеров точно драгоценные камни на абаке: она погружена в свет, вдыхает его, как рыба вдыхает воду. Пузырьки выдыхаемого света.

Она затягивается длинным вейпером и прокручивает в памяти короткий разговор. Две вещи. КРЛ знала о покушении на убийство, а еще об уверенности Рафы в том, что это новая вспышка старой вражды между Маккензи и Корта. И Орел Луны оставил беседу записанной; ее слышали фамильяры. Ей полагалось все передать в Боа-Виста, со всеми обещаниями и угрозами. Мы можем быть королями Луны, как являемся королями гелия, но нам полагается вести себя по-королевски, а не подобно диким бандейрантам. Орел Луны поручил ей приструнить импульсивного брата.

Вечеринка манит, и сегодня вечером она будет безудержно флиртовать, но есть еще одно последнее дело; дело Корта. Дело бандейрантов. Она кивком подзывает человека, который маячил на краю ее поля зрения весь вечер. Он выходит на балкон и на миг останавливается рядом, устремив взгляд на неустанное движение.

— Ань Сюин, — говорит он, не глядя на нее и не признавая.

И исчезает. Он чиновник среднего ранга в Корпорации по развитию Луны, в костюме не по карману, нанявший адвоката по никаху не по карману, чтобы получить возможность сочетаться браком с парнишкой из семьи Сунь, которого любит всей своей щедрой и слабой душой.

— Лукас, — шепчет Ариэль, обращаясь к Бейжафлор. Ее брат мгновенно включается. Он ждал этого звонка всю ночь.

— Ань Сюин, — говорит Ариэль.

— Спасибо.

— И больше не проси меня об услугах, Лукас, — говорит Ариэль и обрывает связь. Она выпрямляет спину, избавляется от скопившейся за день напряженности и скованности. Уверенность — самое соблазнительное ожерелье. Сексуальные драгоценности власти ей к лицу. О, они ей весьма к лицу.

Движение, шум у дверей. Фигура в розовом позади ботов и черствых охранников-людей. Кто-то чего-то хочет, кто-то с кем-то враждует, кто-то на что-то надеется. Кто-то хочет о чем-то попросить. Китайцев это заинтересовало.

— Сеньора Корта? — Ариэль не заметила приближения референтки, чей голос внезапно раздался возле ее уха. Референтам так и полагается приближаться, не привлекая внимания. Булавка с орлом в верхней части корсажа ее платья от Сюэзи Перетт демонстрирует, кому подчиняется эта референтка. — Вы знаете Лукаса Корту-младшего?

— Он мой племянник.

— Он хочет с вами увидеться. Снаружи, если сообразовалите. Он неподобающе одет.

Фигура в розовом узнаёт ее. Что это на нем надето, скаф-трико? Но красивого высокого болвана ни с кем не перепутаешь. Нельзя перепутать эти обласканные богами скулы, эту широкую улыбку, от которой тают сердца.

— Тиа, — говорит Лукасинью по-португальски, — я сбежал из Боа-Виста. Можно мне пожить у тебя?

В малюсенькой кухонной зоне, которой Ариэль не пользуется, ее поджидают пирог и мятный чай.

— Я приготовил тебе пирог, — говорит Лукасинью. — В качестве благодарности. За гамак.

Квартира у Ариэль очень маленькая. Она живет одна. Послала сюда Лукасинью с приема в честь китайцев. Гамак ждал его в воронке принтера. К моменту ее возвращения племянник уже качался в нем в глубоком беспамятстве, с открытым ртом, раскинув руки и ноги в глубоком сне, под простирившейся во всю стену фотографией лица Довимы, сделанной Ричардом Аведоном. Это единственная отделка интерьера: выбеленное лицо, мягкие темные глаза и рот, дыры вместо ноздрей.

— Ты не расскажешь папай? — говорит Лукасинью.

— Лукас узнает, — отвечает Ариэль. Берет ломтик пирога. Лимонный; легкий как вздох. — Если уже не узнал. Он меня спросит.

— Что ты скажешь?

— Мой брат мне кое-чем обязан. — Должно быть, Лукас не спал всю ночь, требуя возвращения долгов, соблазняя союзников, направляя своих агентов, биологических и информационных, на Землю. Все свои ресурсы он пустит в ход против Ань Сюина, но в большей степени — весь свой осмотрительный, безжалостный интеллект, который не будет знать покоя и не отступит, пока Лукас Корта не получит желаемое. Ариэль почти жалеет бедолагу. Лукас прибегнет к принуждению силой внезапно, резко, не оставив возможности спастись. — Так что я могу сказать что вздумается. — На этот раз. Но она не чиста. Только что получила место в Павильоне Белого Зайца — и уже выдала особо секретную информацию; прямо перед носом у самого Орла Луны. Лукас никогда не одобрял того, что она стремилась к жизни и карьере за пределами семьи. Теперь, совершив это единственное маленькое предательство в пользу семьи, она дала брату преимущество, которым он воспользуется. Не сейчас. Не скоро. Но однажды, когда ему это будет больше всего нужно. Ради семьи. Всегда ради семьи. — Этот пирог... — Ариэль откусывает еще немного. — Где ты научился готовить?

— Где все учатся? В сети. — Лукасинью подвигает пирог к Ариэль, чтобы она его оценила. — У меня хорошо получаются пироги.

— Да уж.

— Было чуточку сложно. У тебя мало что есть на кухне. Вообще-то только вода и джин.

— Ты все заказал?

— Ингредиенты, да. То, что не смог напечатать. Например, яйца.

— Тогда ты еще и очень аккуратный.

Лукасинью улыбается, не скрывая простодушную радость.

— Ариэль, могу ли я остаться?

Ариэль представляет себе, как он делается постоянной частью ее квартиры. Чем-то ярким, смешным и непредсказуемым среди строгих белых и чистых поверхностей, наряду со сделанным на заказ джином, чистой водой в ее кулере и огромным лицом давно умершей модели из 1950-х — глаза закрыты, зубы прикусывают нижнюю губу. Он добавил бы в ее жизнь милоты и доброты.

— Лукас не до такой степени мне обязан.

Лукасинью пожимает плечами.

— Ладно. Я понимаю.

— Куда ты отправишься?

— Друзья. Девушки. Парни. Мой коллоквиум.

— Погоди. — Ариэль уходит в свою комнату и достает из сумочки бумаги. — Тебе это понадобится.

Лукасиною, нахмурившись, глядит на букет серых полосок в своих руках.

— Это что такое?

— Деньги.

— Ого.

— Наличность. Твой отец заморозил твой текущий счет.

— Я никогда... Ого. Смешной запах. Немного пикантный. Как перец. Из чего они?

— Из бумаги.

— То есть...

— Измельченные тряпки, если это для тебя что-то значит. И да, КРЛ их не санкционировала, но они помогут тебе добраться куда надо и дальше, куда захочется.

— Как ты их достала?

— Клиенты часто проявляют фантазию, рассчитываясь. Постарайся не спустить все сразу.

— Как мне их использовать?

— Ты считать умеешь, верно?

— Я приготовил тебе пирог. Я умею считать. Складывать. И отнимать.

— Ну конечно, умеешь. Сотни, пятидесятки, десятки и пятерки. Вот как ими пользуются.

— Спасибо, Ариэль.

Эта великолепная улыбка, от которой тает сердце. Ариэль снова семнадцать; она только что вылетела из-под материнского крыла, моргает от яркого света большого мира. Университет Невидимой стороны только что открыл свой первый коллоквиум в Меридиане, и имя «Ариэль Корта» оказалось первым в списке учебной группы. Невидимая сторона была прибежищем эксцентриков, Жуан-ди-Деус — грязным шахтерским поселком, Боа-Виста — почти пещерой. В Меридиане царствовали цвет, шарм, энтузиазм и лучшие юридические умы на Луне. Она уехала на БАЛТРАНе. Ничто другое не унесло бы ее из «Корта Элиу» достаточно быстро. Она сбежала прочь, да там и осталась. Лукас не допустит, чтобы с его сыном произошло такое. Будущее Лукасиною распланировано, как настольная игра: кресло за совещательным столом в Боа-Виста, должность в семейной корпорации, подогнанная под его таланты и ограничения. А где местечко для пирогов, приготовленных с любовью? Там же, где место для любви его отца к музыке. Все покоряется нуждам «Корта Элиу».

Наслаждайся этой короткой свободой, малыш.

— Одно замечание: я потратила много углерода, чтоб напечатать эту одежду. От тебя требуется лишь ее носить.

Лукасиною ухмыляется. Он великолепен, думает Ариэль. Мышцы, металл и грация танцора. И пирог у него вышел на славу.

Гандбол! Ночь игры! Гандбол! «Жуан-ди-Деус Мусус» против мужской команды «Тигров Сунь».

Эстадио-да-Лус — это Колизей; крутые ряды сидений и ложи, вырезанные в грубой скале, ярус за

ярусом, так что самые верхние уровни глядят на площадку почти вертикально вниз. Выше дешевых мест только прожекторы и роботы-аэростаты в виде миленьких фигурок из маньхуа, с рекламой на животах. Фанаты сидят близко; игрок на площадке, если он сумеет уделить им хоть секунду, увидит стену лиц, ярус за ярусом. Он почувствует себя гладиатором на арене. Игрокам еще предстоит совершить свой выход. Камеры порхают над рядами фанатов, передают их лица на линзы всем и каждому. Внизу на площадке жонглеры демонстрируют потрясающе мастерские трюки, группа поддержки танцует и строит пирамиды, красивые мальчики и девочки поражают гимнастическим мастерством. Фанаты видят такое на каждой игре, но таковы правила. Музыка и огни. Аэростаты, жирные как боги, маневрируют и строятся по-новому. Глумливые возгласы и свист: КРЛ, разумеется, увеличила цену на O₂ на время игры. Но пари все равно заключаются с неистовой силой.

Люди в Жуан-ди-Деусе живут в туннелях и норах, однако гандбольный стадион у них лучший на Луне.

Рафа Корта открывает стеклянную стену директорской ложи и сопровождает Ань Сюина на балкон. Его правую руку окутывает исцеляющая перчатка. Он был глуп. Глуп и поспешен. Глуп, горяч и эмоционален. Робсон должен быть здесь, с ним, в ложе, высоко над рядами фанатов: твоя команда, сын. Твои игроки. Он все сделал неправильно. Первую ошибку совершил, когда увидел, как Рэйчел Маккензи выходит, безупречная и великолепная, из капсулы БАЛТРАНА. Он вспомнил все, что в ней обожал. Самообладание, гордость, интеллект и пламя. Династический брак. Перемирие между Корта и Маккензи, скрепленное сыном. Робсон был центральным условием брачного контракта и той вещью, которая их разделила, как лед разбивает скалу. На крещении — одно для Церкви, одно для ориша — он увидел, как Маккензи воркуют вокруг младенца, точно стая голубей-падальщиков. Вампиры. Паразиты. Каждый раз, когда Рэйчел ехала с ним навестить семью, — каждый визит оказывался длиннее предыдущего, — недоверие и ужас пробирали Рафу до костей. Его раненая рука пульсирует внутри перчатки.

Но это ночь игры. Ночь игры! И у него гость с Земли. Есть одна игра, и есть другая игра. Та, которая на самом деле важна этой ночью и на этой арене.

Отключи свое сердце, Рафа.

Звуки, виды, ощущения мгновенно ошеломяют Ань Сюина, когда он выходит на балкон. Рафа поднимает руку, обращаясь к галерке. Фанаты отвечают ревом: патран здесь! Рафа видит Джейдена Вэнь Суня в соседней ложе и спешит туда, чтобы поприветствовать и шутиливо ткнуть в ребра друга и соперника, оставив гостя впитывать атмосферу игровой ночи. Землянин цепляется за перила обеими руками, от шума и малой гравитации у него кружится голова.

Теперь стадионный спортивный комментатор зачитывает списки команд. Фанаты могут получить эти сведения мгновенно при помощи фамильяров, но тогда не будет общности, момента, эмоций. Каждое имя приветствует волна шума. Самым громким ревом встречают Мухаммеда Басру, левого углового, который недавно подписал контракт и перешел из «CSK Святой Екатерины».

— Это очень увлекательно, сеньор Корта, — говорит Ань Сюин.

— Подождите, пока появятся обе команды.

Фанфары! Гости выбегают на арену. Их болельщики сходят с ума в своем конце поля, машут баннерами и дуют в вузузелы. В соседней ложе Джейден Сунь лупит кулаком воздух и вопит до хрипоты. Его «Тигры Сунь» обмениваются мячом между собой несколько раз, репетируют прыжки, столкновения и плечевые атаки. Голкипер подвешивает небольшую иконку в задней части маленькой сетки. Вот что превращает гандбол в величайший командный спорт на Луне: пусть гравитация и невелика, но в сеть попасть сложно.

Музыка! «Парни вернулись». Звучит тема «Мусус». Вот идут ребята, ребята, ребята! Фанаты

вскакивают. Их голоса становятся чем-то бóльшим, чем шум. Закрытый Колизей Эстадио-да-Лус вибрирует от их пения. Рафа Корта в нем купается. Голоса фанатов дочиста смывают с него гнев и обиду. Этот момент он любит даже больше победы; момент, когда он раскрывает ладони и магия вырывается на свободу. Видите, что я вам даю? Но я эгоист; я это даю и самому себе. Я фанат, прямо как вы.

Команда начинает разминку на поле. Ань Сюин наклоняется через перила. Рафа видит движение его контактной линзы: его фамильяр приближает картинку. Спину Мухаммеда Басры. Там его имя, номер, логотип спонсора.

— Первый выход на поле в этих игровых костюмах, — говорит Рафа. — Новая сделка. «Холдинг Золотой Феникс».

То же самое название на спине каждого из «Жуан-ди-Деус Мусус».

Ань Сюин отодвигается от перил. Его руки дрожат. Лицо у него бледное и блестит от пота.

— Мне нехорошо, сеньор Корта. Не уверен, что могу остаться до конца игры.

И Лукас позади него. Его рубашка такая свежая, складки такие ровные, нагрудный платок такой безупречный.

— Мне жаль это слышать, мистер Ань. Такое зрелище. Неужели вас расстроил логотип, который мы выбрали для их рубашек? Интересная компания, этот «Золотой Феникс». Мне было на удивление трудно установить, чем они на самом деле занимаются. Судя по моему расследованию, они существуют только для того, чтобы перенаправлять выделяемые на развитие инфраструктуры фонды с помощью серии компаний-пустышек, зарегистрированных в налоговых гаванях — многие из них здесь, на Луне, — согласно закономерности, которую даже мне нелегко распутать. Если вы не хотите следить за игрой — «Тигры» победят, мальчики Рафы в ужасной форме весь сезон, — может быть, нам стоит поговорить о вашей связи с «Золотым фениксом». Видите ли, я могу ее обнародовать. Ваше правительство, похоже, в очередной раз принялось закручивать гайки коррупционерам. Наказания довольно суровые. Или я могу все скрыть. Рафа может убрать с поля эти майки. Вам решать. Мы также можем побеседовать о будущих потребностях Китайской корпорации энергетических инвестиций в гелии-3. «Корта Элиу», безусловно, способна их удовлетворить. Игра продлится час. Уверен, этого времени достаточно, чтобы заключить сделку.

Рука на плече уводит Ань Сюина обратно в директорскую ложу. Прежде чем закрыть дверь, Лукас кивает старшему брату.

«Рэйчел права, — думает Рафа. — Ты умнее меня». Потом раздается свисток, и мяч взлетает. Игра началась!

Один час плюс минутные перерывы. «Тигры» побеждают; 31:15. Разгром. Джейден Сунь ликует, Рафа Корта в унынии. Лукас никогда не ошибается по поводу того, чем заканчиваются игры.

В трамвае будет только одна пассажирка. Охрана Боа-Виста предупреждена. Наблюдение следует вести тайно. Пассажирку ни при каких обстоятельствах нельзя обыскивать. Она приезжает по личному приглашению Адрианы Корты.

Вагон въезжает на станцию Боа-Виста. Женщина, которая ступает на полированный камень, высокого роста даже по лунным меркам; она темноликая и темноглазая, худая, как лезвие. На ней просторные белые одежды: платье со множеством юбок, свободный тюрбан. Цвета: тканая накидка, зелено-золотая и синяя; ряды за рядами тяжелых бус на шее, золотые обручи в каждом ухе и на каждом пальце. Просторная одежда подчеркивает ее высокий рост и худобу. У женщины нет фамильяра; его отсутствие похоже на утраченную конечность. Охранники выпрямляют спины. Она искрится харизмой. Они бы и не помыслили о

том, чтобы ее обыскать.

— Ирман, — говорит Нильсон Нуньес, управляющий Боа-Виста. Она признает его легчайшим кивком. В саду семьи Корта женщина останавливается. Смотрит вверх, на небесные панели, и моргает в свете фальшивого солнца. Обозревает огромные каменные лица ориша, беззвучно проговаривает имя каждого из них.

— Ирман?

Кивок. Вперед.

Адриана Корта ждет в павильоне Сан-Себастиан, собрании колонн и куполов в высшей точке наклонной лавовой трубки. Потоки воды стремительно текут между его столпами. Два кресла, стол. Самовар с мятным чаем. Адриана Корта, одетая в домашние брюки и мягкую шелковую блузу, встает.

— Ирман Лоа.

— Сеньора Корта. Я принесла вам самые сердечные приветствия сестринства и благословения святых и ориша.

— Спасибо, сестра. Чаю? — Адриана Корта наливает в стакан мятный чай. — Как бы мне хотелось, чтобы мы могли выращивать в этом мире кофе. Прошло почти пятьдесят лет с моей последней арабики.

Женщина садится, но не прикасается к стакану.

— Сочувствую по поводу недавних неприятностей в вашей семье, — говорит она.

— Мы выжили, — отвечает Адриана. Отпивает мятный чай и морщится: — Мерзость. Никогда я не перестану за них переживать. Рафа не уступит Робсона. Карлиньос раздражен из-за того, что не может вернуться к полевой работе. Ариэль опять в Меридиане. Лукасинью сбежал. Лукас заморозил его счет, но это мальчишку не остановит. Он в большей степени похож на своего отца, чем Лукасу кажется.

Ирман Лоа поднимает крест из каскада своих бус, подносит к губам и целует распятого человека.

— Да защитят вас святые и ориша. А Вагнер?

Адриана Корта отмечает вопрос, задавая свой:

— А вы? ваш труд теперь в безопасности?

— И святой, и грешник платят налог на воздух, — говорит ирман Лоа. — А католицизм все еще настроен против нас. С другой стороны, фестиваль в честь Успения Пресвятой Богородицы оказался самым успешным из всех, что мы проводили. Ваше покровительство — неизменное благословение для нас. Так редко удается найти кого-то, с кем мы мыслим одинаково; не всякий век такое случается.

— Вы инвестируете в людей. Я инвестирую в технологии. Наши долгосрочные цели неизбежно совпадут. Лучше пусть они совпадут сейчас, чтобы узнали друг друга, когда совпадут снова, сотни — тысячи — лет спустя. Мало кто из людей способен мыслить долгосрочно. По-настоящему долгосрочно. И вы, и мы — династии.

Вдоль ручейка бежит Луна, привлеченная голосами: босоногая, в красном платье для игр.

— Ты кто? — спрашивает она женщину в белом.

— Это ирман Лоа из Сестер Владык Сего Часа, — говорит Адриана. — Мы пьем чай.

— Она не пьет, — провозглашает Луна.

— Что это у тебя над плечом, ночная бабочка? — говорит ирман Лоа. Луна кивает, все еще немного опасаясь худой женщины в белом, несмотря на ее улыбку. — Ее привлекает свет. Но из-за того, что она

такая целеустремленная, ее легко отвлечь. Бабочка так хрупка, и все же она дочь Йеманжи. Она полна интуиции, эта ночная бабочка. Ее тянет к любви, а других тянет любить ее.

— У тебя нет фамильяра, — говорит Луна.

— Мы ими не пользуемся. Они зря занимают место. Мешают нам общаться.

— Но ты можешь видеть моего.

— Мы все носим линзы, анзинью. — Ирман Лоа достает из складок тюрбана маленький предмет и вкладывает его в ладонку Луны: миниатюрный оберег в виде русалки со звездой во лбу, напечатанный из пластика. — Владычица Вод. Она будет твоей подружкой и укажет тебе путь к свету.

Луна сжимает богиню в кулачке и вприпрыжку уносится по беспокойному ручью.

— Это было очень мило с вашей стороны, — говорит Адриана. — Думаю, из всех своих внуков я Луну люблю больше остальных. Я за них боюсь. От шлепанцев к шлепанцам за три поколения. Знаете эту поговорку, сестра? Первое поколение вырастает из обуви для бедняков. Второе поколение создает богатства. Третье поколение их проматывает. И опять надевает шлепанцы. Долгосрочные проекты, сестра.

— Почему вы меня сюда пригласили, сеньора Корта?

— Хочу исповедаться.

На бесстрастном лице ирман Лоа отражается удивление.

— Со всем уважением, сеньора, вы не похожи на женщину, которая знает толк в грехах.

— А Сестры — не та религия, которая знает толк в грехах. Я старая, сестра. Мне семьдесят девять лет. Биологически возраст не такой уж большой, но я старше многих вещей в этом мире. Я не была первой, но стала одной из немногих. Я пришла из пустоты — я была девушкой из ниоткуда — и построила все это прямо здесь, в небесах. Я хочу рассказать эту историю. Полностью. Со всем хорошим и плохим. Вы действительно думали, что мои деньги были просто подарком?

— Сеньора Корта, простодушие и наивность — это разные вещи.

— Будете приходить сюда раз в неделю, и я буду вам исповедоваться. Моя семья станет задавать вопросы — Лукас стремится меня защищать, — но они ничего не должны знать. Пока я не... — Адриана Корта умолкает.

— Вы умираете, верно?

— Да. Я держала все в тайне, разумеется. Знает только Элен ди Брага. Она прошла со мной через все.

— Все уже очень далеко?

— Далеко. Боль под контролем. Знаю, я возлагаю на ваши плечи тяжелое бремя. Что вы скажете Рафе, Ариэль, но большей частью Лукасу, решайте сами. Однако Лукас будет в особенности приставать, приставать и приставать. Ваша ложь должна быть герметичной, как повс-скаф. Если дети узнают, что я умираю, они разорвут друг друга на части. «Корта Элиу» падет.

— Я бы хотела помолиться за вас, сеньора Корта.

— Поступайте как знаете. Итак, я начинаю.

Три

Мое имя. Начнем с моего имени. Корта. Не португальское имя. Слово испанское: оно означает «рубка». На испанском это на самом деле не совсем имя, а звук, который катался по всему миру, от страны к стране, от языка к языку, и стал словом, а потом именем, и наконец его волнами принесло к берегам Бразилии.

Когда подаешь заявку, чтобы отправиться на Луну, КРЛ настаивает на ДНК-тесте. Если планируешь остаться, если собираешься растить детей, КРЛ не нужно, чтобы в зрелом возрасте или в потомках проявились хронические генетические заболевания. Моя ДНК со всей Земли. Старый Свет, Новый Свет; Африка, Восточное Средиземноморье, Западное Средиземноморье, тупи, японцы, норвежцы. Я планета, заключенная в одной женщине.

Адриана Корта. Адриана — в честь моей двоюродной бабки Адрианы. Мое самое четкое воспоминание о ней — то, как она играла на электрооргане. Она жила в маленькой квартирке, и посреди комнаты стоял огромный электроорган. Это была единственная ценная вещь, принадлежавшая ей, причем защищенная от грабителей: никто бы не смог вытащить орган из квартиры. Она играла, а мы танцевали вокруг. Нас было семеро. Байрон, Эмерсон, Элис, Адриана, Луис, Иден, Кайо. Я была средним ребенком. Хуже не придумаешь, чем быть средним ребенком. Но тебе многое сходит с рук, когда ты посередине. Твои братья и сестры — твой камуфляж. В доме всегда звучала музыка. Моя мама не умела играть ни на каком инструменте, но любила петь, и где-то всегда работало радио. Я выросла, слушая старую добрую музыку. Привезла ее с собой. Когда я работала на поверхности, она играла в моем шлеме. Лукас — единственный, кто унаследовал мою любовь к музыке. Жаль, что у него нет голоса.

Адриана Арена ди Корта. Мою мать звали Мария Сесилия Арена. Она была медработником в католической благотворительной организации. Забота о детях, и никакой контрацепции. Я к ней несправедлива. Она работала в Вила-Каноас; провожать ее на пенсию пришла вся фавела^[11]. Мой отец однажды обжег руку, когда варил какую-то деталь автомобиля. Он отправился к матери, чтобы она обработала ожог, и в итоге «приварил» себя к ней. Она была крупной, медлительной женщиной с неповоротливыми бедрами; после рождения Иден бросила работу и редко выходила из квартиры. Она и не пыталась бегать следом за нами, зато кричала. Ее громкий, зычный голос всегда в точности достигал ушей того, кому следовало услышать. Она была такой доброй. Папа ее обожал. У нее было плохое кровообращение и больное сердце. Почему медработники всегда самые нездоровые?

Я все еще скучаю по ней. Из всех, кто там остался, о ней я думаю чаще всего.

Адриана Мано ди Ферро Арена ди Корта. Мано ди Ферро. Железная Рука. Ну и имя, да? Мы все были Железные Руки, как мой отец и дядя. Это прозвище носил мой дедушка Диогу из Белу-Оризонти, который умер до моего рождения. Он работал в железных шахтах с четырнадцати лет, пока его не перестали нанимать, потому что он представлял опасность для себя и остальных. Десять миллионов тонн перелопатил. Я перелопатила еще больше. В тысячу раз больше. В десять тысяч раз больше. Если кого и можно назвать Железной Рукой, то меня. Горные работы и металл. Отец мой машинами торговал. Он умел разбирать двигатели на винтики и заново собирать еще до того, как научился водить. Он приехал в Рио, когда по Минас-Герайс ударила рецессия, и получил работу в мастерской, которая занималась «конструкторами» — берутся два списанных по страховке автомобиля, от одного отрезают переднюю часть, от другого — заднюю и приваривают одну к другой. Новая машина! Работа ему никогда не нравилась — он был честным человеком, мой отец. Мог раскричаться у экрана, заслышав какие-нибудь новости о коррупции или незаконных доходах. В Бразилии в десятых и двадцатых годах он кричал

постоянно. Незаконные доходы за счет Олимпийских стадионов! Рабочие люди не могут себе позволить ездить на автобусе! Он ввязался в торговлю машинами — хотя я бы не стала вникать в детали по поводу того, насколько это честнее, чем конструировать поддельные авто. Но он быстро заработал деньги, чтобы открыть свой автосалон, а потом рискнул и купил франшизу «Мерседес». Это оказалось лучшее из всех решений, которые он принял, — после женитьбы на майн. У моего отца, похоже, был талант к бизнесу. Он перевез нас в Барра-ди-Тижук. Ох! Я никогда не видела ничего похожего! Целый этаж в многоквартирном доме — только для нас. Мне приходилось делить комнату лишь с одной сестрой. И если мы высовывались из окна да выгибались за угол, то там, между другими многоквартирными домами, можно было увидеть море!

Адриана Мария ду Сеу Ману ди Ферро Арена ди Корта. Мария Небесная. Мадонна звездного неба. Моя мать работала на «Абригу Крису Редэнтур», мы ходили на мессы и читали катехизис, но она оставалась далека от того, чтобы быть хорошей католичкой. Когда мы болели, она зажигала свечку и клала священный медальон под подушку, но также покупала травы, молитвы и иконы у майн-ди-санту. Двойная страховка, так она это называла. Чем больше божеств привлечь к делу, тем лучше. Мы выросли на пересечении двух невидимых миров, святых и ориша. Так что меня называли в честь католической святой, которая также была Йеманжей. Помню, мама водила нас на пляж в Барре на Ревейллон. Это был тот единственный раз в году, когда она ходила на пляж. Океан ее пугал. Неделью после Рождества мы проводили, делая костюмы — сине-белые, священных цветов. Майн сооружала фантастические головные уборы из проволоки и старых колготок, а пай раскрашивал их краской из баллончика в задней части мастерской. Вот чем для меня пахнет Новый год — краской для машин. Майн одевала нас всех в белое, и люди глядели на нее с уважением, когда она шла на пляж. Я так гордилась — она была похожа на большой корабль. Миллионы людей отправлялись на Ревейллон в Рио, но мы в Барре были не лыком шиты. Это был наш фестиваль. Все вывешивали с балконов пальмовые листья. Машины ездили туда-сюда по авенида Сернамбетиде, играя музыку. Людей собиралось так много, что ездить приходилось медленно, чтобы даже очень маленьким детям ничего не угрожало. Были диджеи и много еды. Все, как нравилось Йеманже. Травка. Цветы. Белые цветы, бумажные лодки, свечи. Мы шли к краю воды, и океан касался наших пальцев. Даже майн по лодыжки уходила в набегающие волны, и песок ускользал из-под ее пальцев. Цветы в наших волосах, свечи в наших руках. Мы ждали момента, когда край луны взойдет над морем. И вот он появлялся — узкий серп, тонкий, как срезанный ноготь. Он как будто проступал над горизонтом. Огромный. Такой огромный. Потом мое восприятие сдвигалось, и я видела, что он не поднимался из-за края мира; он возникал из воды. Море кипело и бурлило, и пена на волнах сходилась в одну точку, превращаясь в луну. Я теряла дар речи. Все мы теряли. И вот мы стояли, тысячи и тысячи людей, и смотрели. Мы были бело-синей полосой вдоль края Бразилии. Потом луна восходила, ясная и полная, и серебристая линия тянулась через море от нее ко мне. Тропа Йеманжи. Дорога, по которой Мадонна шла, чтобы достичь нашего мира. И я помню, как думала: но ведь дороги ведут в оба конца. Я могла бы пройти по этой тропе до луны. Потом мы бросали цветы в воду, и волны уносили их прочь. Мы помещали короткие свечи в бумажные лодочки и пускали их вслед за цветами. Большинство тонули, но некоторых утягивало по лунной тропе к Йеманже. Я никогда не забуду эти миниатюрные лодочки, которые, прыгая на волнах, удалялись к луне.

Майн так и не поверила, что там, наверху, на Луне, были люди. Она не могла такое постичь. Луна — личность, не каменный спутник планеты. Люди не могут ходить как блохи по коже других людей. Она все еще не верила, что люди там ходят, много лет спустя, когда я привела ее на пляж, прежде чем уехать. К тому моменту она уже с трудом передвигалась. Я наняла машину, и мы проехали пару сотен метров до пляжа. Пай потерял свой автосалон. Мы больше не были «автомобильщиками». Квартира у нас осталась, потому что пай рано выплатил кредит. В ней опять нас было полно: Байрон, Эмерсон, Элис, Луис, Иден,

Кайо. Адриана. Все птички вернулись на свои жердочки.

Майн к тому времени сделалась огромной, как луна, но все люди, что пришли на Ревейллон, выказывали ей уважение, и машины на авениде гудели в ее честь. Она была величественной и святой. Я взяла ее за руку, провела к воде, и мы увидели, как луна восстает из моря, и я сказала: «Скоро буду там». Она рассмеялась и не поверила, но потом сказала: что ж, мне будет нетрудно выйти на балкон и помахать тебе.

Адриана Мария ду Сеу Мано ди Ферро Арена ди Корта. А Отра. Отринья. Другая, просто какая-то там малышка. Среднестатистическая Джейн. Вот что значит мое последнее имя. Оно-то и предопределило мою жизнь в большей степени, чем все остальное. Средняя. Не первая красавица, не самая умная и не самая общительная. Не та, кто первой получает от вову деньги на Пасху. Просто какая-то там Адриана. Ноги у меня были хорошие, но тело — слишком короткое, а нос и уши — чересчур большие. Глазки как щелочки, и кожа слишком темная. Мои родители думали, что оказывают мне услугу. Они не хотели, чтобы я питала какие-нибудь иллюзии. Они говорили: тебе не быть красавицей, судьба не осыплет тебя золотом, не одарит удачей, так что не жди, что мир упадет в твои руки, как персик. Тебе придется ради этого трудиться. Тебе придется использовать все свои сильные стороны и таланты, чтобы добиться того, что другие получают за красивые глаза и улыбки. Другая. Никто меня так не называл уже пятьдесят лет. Вы единственная в этом мире знаете это имя. И я чувствую, как напрягается моя челюсть. Я стискиваю зубы. Все из-за этого имени. Пятьдесят лет в этом мире, и по-прежнему это имя! Это имя!

Итак: не досталось мне от рождения ни благодати, ни чьей-то поддержки. Итак: нос мой был слишком большим, а кожа — слишком темной. Я должна была сделать себя исключительной. Я должна была стать той, кто может совершить что угодно, на что угодно осмелиться. Я знала, что меня никогда не поймают. В школе я первой поднимала руку. Я не затыкалась, когда мальчики разговаривали. Я взломала школьную сеть и подменила результаты экзаменов. Ясное дело — в этом обвинили одного задрота. Я попросила Малыша Нортон, звезду футзала, которого боготворили все девочки, засунуть мне руку под юбку спереди. Он так и сделал, и все были в таком шоке. Я носила камуфляж миловидности. В женскую футзальную команду меня взять не захотели. Ну и ладно: я нашла себе другой вид спорта, бразильское джиу-джитсу. Маме это совсем не понравилось. Пай любил смотреть бои без правил по кабельному, и он нашел мне додзе. Я была маленькой, хитрой и подлой, могла бросать на землю мальчишек в два раза старше себя. Я тогда училась в средней школе. Ох, я была плохая. Я обставляла милашек в борьбе за мальчиков, потому что те знали, что я способна на все. Да, я делала все, но меньше, чем думали милашки. Легенда существовала сама по себе. Милашки вышвырнули меня из своих кругов и компашек для избранных. Большая потеря. Они интриговали, пытались как-то меня унижить, но ни одной из них не хватило мозгов на мало-мальски стоящий мошеннический трюк. Они постили про меня всякое на «Фейсбуке»; в ответ я взламывала их десять раз. Кодила я лучше, чем они все вместе взятые. И они не осмелились запугивать меня физически или обливать кислотой из аккумуляторов; я была быстрой, крепкой и могла их расшвырять, как кукол Барби. Средняя школа стала бесконечной войной. Разве всегда и везде не так?

Парни большей частью были ничего, кстати. Болтали про анал, но парни всегда болтают про анал. Минета хватало, чтобы их удовлетворить. Они боялись меня не меньше девушек.

Разве это не скандально? Дама моего возраста, говорящая про анальный и оральный секс...

Папай обрадовался, когда услышал, что я собираюсь изучать инженерную науку. Горное дело. Я была истинной дочерью Минас-Герайс. Истинной Железной Рукой. Моя мать испытала все десять разновидностей ужаса. Инженерия была мужским занятием. Я никогда не выйду замуж. У меня никогда не будет детей. Я стану есть пальцами, под ногтями у меня будет грязь, и ни один мужчина не взглянет в мою

сторону. Да к тому же мне предстояло учиться в Сан-Паулу, в этом жутком, жутком городе.

Я полюбила Сан-Паулу. Мне понравилось его пугающее уродство. Понравилась его анонимность. Понравилась его банальность. Понравился бесконечный пейзаж из небоскребов. Понравилось, что он не терпит компромиссов. По сравнению с Луной Сан-Паулу — ангел красоты. На Луне нет ничего красивого. Сан-Паулу был как я; смотреть не на что, но так и брызжет энергией, идеями, гневом и слюной.

Компания друзей у меня подобралась хорошая. В первую очередь и в основном парни — по тем временам женщина, изучающая горное дело, все еще была редкостью, ну а я лучше знала, как устроены парни, чем девушки. Мужчины были простыми и прямолинейными. Я обнаружила, что девушки могут стать моими подругами. Я узнала, чем именно женская дружба отличается от мужской. Я поняла, что девушки могут мне нравиться. Я поняла, что могу их любить. Я была оппортунисткой, скандалисткой. Я знала толк в разных уловках. Я думаю о той молодой женщине, какой была тогда, о ее смелости и дерзости, и обожаю ее. Она не теряла ни единого шанса. Едва въехав в кампус, я раскрасила себя в цвета национального флага, с головы до пят, и проехала голой на велосипеде по улицам Сан-Паулу. Все на меня смотрели — и никто меня не видел. Я была голой и невидимой. Мне это очень понравилось. О, какое у меня тогда было тело. Сколько еще я могла бы с ним сделать!

Теперь я вам расскажу про Лиоту. Это имя я тралом вытащила из глубины своей памяти — вы знаете, что такое траление? Я иногда забываю, что существуют слова и понятия из старого мира, которые новое поколение себе даже не представляет. Животные сравнения, например, — мои внуки просто хмурят брови, когда их слышат. На Луне никто не видел корову, свинью или даже курицу, живую и кудахчущую.

Лиоту. Я больше не вижу его четко, но помню его голос с южным акцентом — он был из Куритибы. Кажется, он стал моей первой любовью. О, вы улыбаетесь... Я не флиртовала с ним, не дразнила его, не соблазняла, не играла с ним в сексуальные игры, так что, наверное, это была любовь. Я встретила его в команде по джиу-джитсу. Спортивные команды — сплошной секс-секс-секс; все им постоянно занимаются. Мы были на соревновании — я в женской команде, легкий класс, пурпурный пояс. Он был из тяжелых, черный, пятый. Помню его вес и пояс, но не его лицо.

Папай одалживал самый яркий «мерседес» из демонстрационного зала и ехал на домашние соревнования. Поездка получалась долгой, но ему нравилось. Потом он вез меня через Жардинс, чтобы поужинать в каком-нибудь местечке подороже. Я выходила из той большой машины и чувствовала себя миллионершей.

И вот однажды он подъехал, а я не села в машину и не отправилась с ним. Я хотела пойти выпить пива с Лиоту, а потом — на вечеринку. Помню печаль на лице папай, когда он понял, что не проедет снова по руа Барано ди Капанема, проверяя меню на экране машины. Думаю, он благодаря мне тоже чувствовал себя миллионером. Он продолжал посещать турниры до самого моего отъезда в Ору-Прету, в аспирантуру. Туда ему было слишком далеко добираться, и я к тому времени начала терять интерес к боям. Год за годом кувиркаешься на мате, чтоб то новый дан получить, то пояс — ну куда это годится?

Лиоту был уже два года как мертв. Мы оставались любовниками больше года. Меня не оказалось рядом, когда его застрелили на Праса-да-Се. Я работала над курсовым проектом, когда сообщили новость. Я никогда не увлекалась политикой. Я была инженером, он — студентом литфака. Активистом. Он говорил, что я прирожденная капиталистка и не заняла никакой должности лишь потому, что пока не задумалась о политике. У меня был прагматизм. У него — теория. Я никогда не могла с ним спорить, потому что у него все было продумано; доводы выстроены, как солдаты в колониальной армии. Если одна шеренга падала, другая занимала ее место и вела огонь. Мировой порядок прогнил. Его поразили недуги: социальная несправедливость, расизм, сексизм, неравенство и плохая гендерная политика. Я думала, это просто естественное состояние Бразилии. Но даже я видела, что число вертолетов, летающих над кампусом

Университета Сан-Паулу, увеличивается с каждым днем: это были лимузины супербогачей, людей, которые жили наверху, на башнях, и никогда не касались земли. Перемены свалились на наши головы, точно микрометеоры, сотнями маленьких ударов. Стоимость проезда на автобусе и метро снова выросла. Мои друзья вешали на велосипеды метки, потому что участилось воровство, потому что приходилось больше тратить. Магазины закупали глухие ставни, потому что все больше людей спали у входа. Из-за тех, кто спал на улицах, там стало больше камер. Появились следящие дроны. В Сан-Паулу! Может, в каком-нибудь европейском государстве или в Заливе, но это же не по-бразильски. Где дроны, там и полиция. Где полиция, там всегда будет насилие. И цена на хлеб каждый день поднималась выше, выше, выше... Если что-то и способно вывести людей на улицы, то это цена на хлеб.

Лиоту был идейным. Он отправился на Праса-да-Се, рисовал плакаты и проводил пикеты. Он думал, мне это безразлично. Я не была безразличной, но не по отношению к незнакомцам. Не по отношению к китайским компаниям, которые скупали целые провинции и выгоняли людей с их земель. Не по отношению к беженцам из сельской местности, на которых даже фавеладос глядели свысока. Я могла заботиться лишь о том, что знала. О близких, друзьях, семье, что когда-то должна была у меня появиться. Семья прежде всего, семья навсегда.

Я боялась за него. Я смотрела «Ютуб». Я видела, как протесты усугубляются. От криков протестующие перешли к камням и бутылкам с зажигательной смесью. На каждый шаг полиция отвечала: от полицейских щитов дошло до слезоточивого газа и пистолетов. Я сказала Лиоту, что мне не нравится, что он туда ходит. Я сказала, его могут арестовать, или он попадет в тюрьму, потеряет свой РФЛ и больше никогда не получит ни кредита, ни хорошей работы. Я сказала, что он больше заботится о чужаках, чем о людях, которые заботятся о нем. Обо мне. Мы на некоторое время расстались. Секс у нас все же был. Никто на самом деле не перестает встречаться.

Сперва я не знала, что произошло. Сразу пришла дюжина сообщений. О боже. Полиция стреляет. Люди стреляют. Слышны выстрелы. Лиоту ранен, Лиоту в порядке, Лиоту подстрелили. Сообщения приходили, обгоняя друг друга. Была какая-то дерганая съемка: тело затаскивают в дверь магазинчика. Потом сирены, прибыли «скорые». Все вздрагивает, все трясется. Картинка не в фокусе. В отдалении выстрелы. Вы когда-нибудь слышали пальбу? Полагаю, нет. На Луне нет пистолетов. Выстрелы звучат тихо и злобно. Вся эта информация бомбардировала меня, но я не могла различить в ней правды. Я попыталась дозвониться ему. Нет сигнала. Потом начали просачиваться слухи. Лиоту подстрелили. Его забрали в госпиталь. Какой госпиталь? Можете себе представить, какой беспомощной я себя чувствовала? Я обзвонила всех, кто знал Лиоту, кто знал хоть кого-то из его друзей-активистов. Госпиталь Сириу-Либанес. Я украла байк. У меня ушло несколько секунд, чтобы хакнуть следящий чип. Я ехала как чокнутая по загруженным улицам Сан-Паулу. Мне не позволили его увидеть. Я ждала в приемном отделении — там повсюду была полиция и новостные камеры. Я ничего не сказала и забилась в уголок. Полиция задавала мне вопросы, а затем и новостники подключились. Я слушала и слушала, но ничего не узнала о том, как он. Потом появилась его семья. Я никогда с ними не встречалась, я даже не знала, что у него есть семья, но сразу поняла, кто они такие. Я ждала и ждала, пытаюсь подслушать. Потом сообщили, что он умер в приемном отделении. Семья была вне себя от горя. Сотрудники госпиталя удержали полицию подальше. Новостники сняли все нужные кадры. Ничего нельзя было сделать. Ничего нельзя было изменить. Смерть все забирает себе. Я уползла прочь на своем ворованном байке.

Погиб Лиоту и еще пятеро. Он был не первым, кого застрелили, так что никто не помнил его имени. Никто не писал краской из баллончика на стенах и автобусах: помните Лиоту Мацусита! Никто не помнит, кем был второй человек на Луне. Я помню, что оцепенела от потрясения; пришла в ужас, но моей главной эмоцией оставался гнев. Я была разгневана, что он так мало думал обо мне, раз подверг себя смертельной опасности. Я была разгневана из-за того, что он умер так глупо. Я помню гнев, но не чувствую болезненного

ощущения, напряженных мышц, давления за глазами — этого ощущения, словно ты умираешь внутри, снова и снова. Я старая. Я долгий путь прошла от той студентки-инженера в Университете Сан-Паулу. У гнева есть период полураспада, верно?

Я спрашиваю себя: если бы Лиоту выжил, что бы он думал обо мне? Я богатая и могущественная. Одно мое слово — и на Земле выключатся все лампы, планета погрузится во тьму и зиму. Я даже не один процент; я один процент из одного процента; из тех, кто покинул Землю.

Через неделю мы забыли про Лиоту Мацусита, второго мученика. Случились новые беспорядки, новые смерти. Правительство нарушило все свои обещания. Потом произошел первый из серии биржевых крахов, и каждый опускал страну и экономику все ниже, пока они не грохнулись оземь и не сломались так, что ремонту уже не подлежали.

Я тогда не знала, что Лиоту был одной из первых жертв классовой войны. Великой классовой войны, направленной на уничтожение среднего класса. Финансовая экономика не нуждалась в рабочих, и механизация загоняла средний класс в гонку по нисходящей. Если робот мог все делать приемлемо и дешевле, робот получал твою работу. Конкурировать приходилось с машинами. Те даже производили приборы, которые требовались, чтобы конкурировать с ними и друг с другом. Если ты был дешевле машины, тебе хватало на еду. С трудом. Мы всегда думали, что робоапокалипсис наступит в виде флотилий дронов-убийц, боевых механизмов размером с дома и терминаторов с красными глазами. А на самом деле его предвестниками были механизированные кассы в местном «Экстра» и на алкостанциях; онлайн-банки; беспилотные такси; автоматические системы оказания медпомощи в госпиталях. Боты один за другим приходили и заменяли нас.

И вот мы здесь, в самом зависимом от машин обществе, которое когда-либо порождало человечество. Я разбогатела, я создала династию на тех самых роботах, которые ввергли Землю в нищету.

Мой отец не помнил, как североамериканцы приземлились на Луне, но он сказал мне, что старый Мано ди Ферро помнил. Он выпивал в баре в Белу-Оризонти. Телевизор переключили на футбол, и Мано ди Ферро чуть не начал драку, настаивая, чтобы хозяин бара вернул репортаж про высадку на Луну. Творится история, сказал он. Мы не увидим более великой вещи за всю свою жизнь. Подделка, кричали другие в баре. Снято в голливудском павильоне! Но он стоял перед телевизором и неотрывно глядел на черно-белые изображения, бросая вызов любому, кто захочет снова переключить на футбол. А сама я помню, когда Маккензи высадили на Луну роботов. Я тоже была в баре со своей исследовательской группой. Я вернулась на родину, в Минас-Герайс и ДЕМИН, горный институт, в аспирантуру. Я сделала еще большей диковинкой в Ору-Прету. Нет, я была уникальной. Я оказалась там единственной женщиной. Мужчины стали супервежливые и компанейские. Я не позволяла себя исключать из компании, так что в том баре пила с ними пиво. Хозяин перескакивал между спортивными каналами и на миг попал на новости. Я увидела Луну, я увидела машины, я увидела следы колес. Я закричала бармену: эй-эй-эй, оставь. Я была единственным человеком в баре, который смотрел на экран, наблюдал, как вершится история. Австралийская корпорация «Маккензи Майнинг» послала роботов на Луну, чтобы разведывать редкоземельные металлы для IT-индустрии. Почему вы это не смотрите? Мне хотелось наорать на свою группу. Почему не видите того, что вижу я? И вы называете себя инженерами? Глядя на экран, я ощутила проблеск понимания, внутренним взором увидела нечто великолепное. У меня как будто дыхание перехватило, а сердце словно пропускало каждый третий, четвертый такт. Это было чувство, с которым невозможное становилось не просто возможным, но достижимым. Я могла его достичь. Потом новостной сюжет закончился — он шел ближе к концу выпуска, никого не интересовали космос и наука. Выходки звезд теленовелл и топ-моделей были куда интереснее. Я вышла из бара на террасу, села на стену под пыльными деревьями и посмотрела на ночное небо. Я увидела Луну. Я сказала себе: там, наверху,

происходит кое-что важное и кое-кто делает деньги.

Отец приехал повидаться со мной. Приехал на автобусе. Я тотчас же поняла, что новости плохие. Ору-Прету был далеко, но отец сделал бы из поездки приключение. Он потерял свой автосалон. Никто больше не покупал высококлассные «мерседесы», даже в Барре. Он проявил осторожность: выкупил квартиру, и мое образование было в безопасности. При условии, что я защищусь в течение двух лет и не буду еженедельно заполнять холодильник пивом. Но с бизнесом все было кончено, и в его возрасте не осталось надежды на переобучение, чтобы подстроиться под экономику машинного кода, не говоря уже о том, чтобы найти другую работу. Отец был опечален, но горд — он сделал все возможное, наилучшим образом. Его подвели рынки.

Потом явилась Мадонна Туберкулезная и перевернула все его планы. Кайо, малыш; младший братик. Кайзинью: последыш, как мы его называли. Он так и не съехал из родительской квартиры, и казалось, ему вечно будет тринадцать лет. Потеря работы, разводы и семейные проблемы заставили остальных детей мамайн Корта вернуться домой. Всех, кроме меня. Ученая, хранительница. Потом Кайо вдохнул бациллу АР-туберкулеза — в автобусе, в аудитории, на мессе. Тогда было три типа туберкулеза. МР, ЗР и АР. Множественно резистентный, значительно резистентный, абсолютно резистентный. МР-туберкулез устойчив к антибиотикам первой линии. ЗР устойчив даже по отношению к лекарствам второй линии, а это, по большому счету, токсичные препараты для химиотерапии. АР: сами догадайтесь. Белая Леди, так мы эту болезнь называли, и она, влетев в легкие Кайо, проросла там.

Мамайн превратила одну из комнат в санаторий; запечатала ее пластиком. Папа придумал устройство для вентиляции. Госпиталь был им не по карману, как и лекарства. Они покупали экспериментальные препараты на черном рынке — экспериментальные русские фаги; лекарства-дженерики, в которых была черт знает какая химия. Я вернулась домой. Я увидела Кайо через пластик. Входить в комнату было небезопасно. Майн просовывала ему еду на подносах, которые мои братья и сестры воровали в «Макдональдсе», просовывала через два слоя толстого пластика. Кайо упаковывал отходы в два мешка. Я видела его, я видела, что пай устал до мозга костей, я видела, что майн разговаривает со своими святыми и ориша. Я видела, что мои братья, сестры и их дети собирают каждый реал, где только можно: что-то сдают на слом, что-то покупают и продают, где-то устраивают подпольную «животную лотерею». Кайо должен был умереть, но мне не в чем было обвинить своих родных, которые сэкономили каждый сентаво и продолжали надеяться. Они не могли себе позволить, чтобы я закончила аспирантуру. Но был способ, позволявший мне ее завершить. Через несколько недель после высадки Маккензи в профессиональных журналах и на сайтах начали появляться рекламные объявления.

Я подала заявку о переводе на Луну.

Мой научный руководитель помог получить заем. Статья о солнечной очистке редкоземельных элементов, выделяемых из лунного реголита, сделала меня ценным ресурсом для развития Луны. Я получила контракт с «Маккензи Металз». Мою заявку одобрили и выдали заем.

В те выходные я отправилась домой. Я могла себе позволить полететь в Барру и увидела, как трава пробивается сквозь нимейеровскую брусчатку. На крышах многоквартирных домов и в пустых окнах росли кусты. Вдоль авениды Сернамбетиды выстроились ларьки и шалаши, и каждый многоквартирный дом опутала паутина водопроводных труб и электрических кабелей, похожих на фиги-душители. На каждой круговой развязке громоздилось скопище резервуаров с водой и солнечных панелей. Футбольный стадион, Олимпийский парк — вырванные скамейки, половина крыш, сорванная последним штормом, отсутствовала. Город умирал. Вся планета умирала.

Квартира была битком набита людьми, но мне выделили комнату. Кайо все еще ютился в своей пластиковой пещере. Теперь он находился на кислороде. Кайо и я, в наших отдельных комнатах;

умирающий принц и вернувшаяся домой принцесса. Днем и ночью работал телевизор, днем и ночью люди приходили и уходили — мужья, жены, партнеры и их родственники, члены семьи, которые на самом деле не были членами семьи. И моя мамайн, такая большая, что могла только ковылять, командовала ими при помощи криков. Той ночью я отправилась на балкон и увидела Луну. Йеманжа, моя богиня: только вот она не восставала из моря; она была далеко за пределами этого мира, и мир обращался к ней. Мир поворачивался, подставляя меня ее взгляду, и вся вода в океане тянулась к ней. И я тоже. О, и я тоже.

Подготовка к Луне мне понравилась. Я бегала, я плавала, подымала тяжести и бегала кроссы. Я была худощавой, целеустремленной и очень, очень спортивной. Я обожала свои мышцы. Думаю, я была весьма влюблена сама в себя. Я сделала не просто Железной Рукой, а Железной Женщиной.

Южноамериканский тренировочный центр находился в Гвиане, неподалеку от космодрома ЕКА. Во время пробежки я слышала, как режут, включаясь, двигатели межорбитальных транспортных аппаратов. От них я так тряслась, что глохла. От них тряслись Земля и Небеса. Потом я видела инверсионный след, который изгибался, уходя вверх, увенчанный маленькой темной иглой разгонявшегося космического корабля. Вверх, прочь из этого мира. Они заставляли меня плакать. Каждый раз.

Вот в чем суть тренировок для Луны: ты не тренируешься для Луны. Ты тренируешься для запуска. Луна не нуждалась в моем фантастическом теле. Она должна была его медленно сожрать. Она собиралась превратить меня в себя.

Я была не единственной женщиной, но все же нас оказалось мало. Станция Куро походила на ДЕМИН на стероидах. Луна должна была стать чем-то вроде гигантской университетской футбольной команды в космосе. До меня дошло, что Луна — небезопасное место. Она знала тысячу способов убить тебя, если ты сглупишь, если проявишь невнимательность, если поленишься, но реальную опасность представляли окружающие люди. Луна была не миром, а подводной лодкой. Снаружи поджидала смерть. Я окажусь в замкнутом пространстве с этими людьми. Никаких законов, никакого правосудия; только руководители. Луна была фронтиром, но по ту сторону фронта простиралась пустота. Бежать некуда.

На подготовку к Луне ушло три месяца. Тренировка в центрифуге, тренировка в невесомости — в воздухе, на древнем А319 над южной Атлантикой, и меня рвало каждый раз, когда мы уходили в нырок. И тренировка в скафандрах — они были огромными звякающими штуками по сравнению с пов-скафами, которые у нас есть теперь: попробуй завернуть винт в таких рукавицах! У меня получалось хорошо. Хорошая мелкая моторика. Тренировки при низком давлении, тренировки при нулевом давлении. Производство при малой силе тяжести, производство в вакууме, робототехника и кодирование 3D-печати. Три месяца! Трех лет бы не хватило. Трех жизней.

А потом остались три недели до дня запуска. Я снова отправилась домой. Папа устроил вечеринку на крыше. Он всегда хватался за любую возможность устроить шуррасерию. Все говорили мне, как я здорово выгляжу. Это была великолепная вечеринка, радость, пронизанная саудади. Это были поминки по усопшей. Все знали, что я никогда не вернусь.

Кайо умер за три дня до запуска. И мысли мои были не об утрате или скорби. Мои мысли были: почему ты не смог подождать? Неделью, может, пять дней? Почему тебе понадобилось дать мне повод для эмоций, когда я думала лишь о громадной Луне там, наверху, и о звезде в утреннем небе, что делалась немного ярче с каждым днем — то был циклер, приближавшийся к Земле, — а в самую первую очередь о черной птице, которая ждала возможности выкатиться из ангара номер шесть на взлетную полосу.

Итак, гнев, а вслед за ним — угрызения совести. Я попросила внеочередной отгул по семейным обстоятельствам. Мне отказали. Нельзя было рисковать подцепить инфекцию так близко ко дню запуска.

Любая бацилла устроила бы хаос в замкнутом пространстве циклера и станции. Луна была огромной стерильной комнатой. Нас ежедневно проверяли на ОРЗ, паразитов, насекомых. Никаких вредителей на Луне.

И вот они сожгли Кайо, чтобы убить Белую Леди, а меня в это время везли в герметичном автобусе к космическому самолету. Мы дюжину раз репетировали посадку в ангаре, но все равно прижались лицом к затемненным окнам, чтобы в первый раз увидеть МТА, черный и блестящий в лучах солнца. Он излучал мощь и безграничные возможности человеческого разума. Многие мужчины плакали. Мужчинам так легко расчувствоваться.

Одетые в костюмы и шлемы, мы пристегнулись и выключили экраны. Мы делали это раньше двадцать раз, но я все равно копошилась с ремнями, с проверочным списком безопасности. Я была не готова. К такому невозможно подготовиться. Я не переставала думать о резервуарах с водородом впереди и позади себя, о резервуаре с кислородом под ногами. Я вся одеревенела от страха. Но потом я обнаружила место за пределами страха и нашла там не спокойствие, не красоту, не покорность или беспомощность, но непоколебимую решимость.

Потом МТА выкатился из ангара и поехал по рулежной дорожке — бряк! бряк! бряк! — шины местами расплющились, пока он стоял. Пятьдесят лет прошло, а я все помню так четко. Я почувствовала, как мы повернули к взлетной полосе. Я почувствовала, как космический самолет замедлился, а потом включились двигатели. О боже! Какая мощь! Вы бы не смогли ничего подобного ощутить, даже воспользовавшись БАЛТРАНОм. Казалось, что каждая часть моего тела вопит. И я обнаружила, что лежит за той решимостью, которая прячется за страхом. Восторг. Чистейший восторг. Это была самая сексуальная вещь, которая когда-либо происходила со мной.

Двигатели отключились. Космолет вздрогнул: отделился отсек с полезной нагрузкой. Наступила невесомость. Я ощутила, как желудок выходит из строя, едкая желчь обожгла мне горло. Вырвать в собственный шлем не просто мерзко. От этого можно захлебнуться. Потом я почувствовала, как центробежная сила тянет желудок вниз, и поняла, что фал нас держит и раскручивает, чтобы зашвырнуть на промежуточную орбиту, к циклеру. «Же» достигла пика, кровь прилила к пальцам моих ног. Опять невесомость. В следующий раз я почувствую свой вес в центрифуге циклера.

Вибрация. Рывок, громкое дребезжание, стук, вой сервомоторов. Мы пристыковались к циклеру. Ремни безопасности растянулись. Я оттолкнулась и полетела к открытому шлюзу. Он казался слишком маленьким даже для маленькой меня. Но я прошла, и остальные прошли, все двадцать четыре человека.

Я немного задержалась в шлюзе, вцепившись в стойку, борясь с тошнотой, глядя сквозь окошко на космолет, висевший напротив огромной голубой Земли. Планета была слишком большая, слишком близкая, чтобы можно было ощутить движение циклера, который уносился от нее прочь. Но я его ощутила. Я находилась на пути к Луне, я: Адриана Мария ду Сеу Ману ди Ферро Арена ди Корта.

Четыре

Два поцелуя для Адрианы Корта, по одному в каждую щеку. Маленький подарок, упакованный в японскую печатную бумагу, мягкую, как ткань.

— Что это?

Лукас любит преподносить матери подарки, когда приходит в гости. Он неумолим: по меньшей мере раз в неделю приезжает на трамвае в Боа-Виста и встречается с матерью в павильоне Санта-Барбары.

— Открой, — говорит Лукас Корта.

Он видит, как восхищение разливается по лицу матери, когда она аккуратно разворачивает бумагу и улавливает красноречивый аромат подарка. Ему нравится управлять эмоциями.

— Ох, Лукас, не стоило. Это же так дорого.

Адриана Корта открывает маленькую жестянку и вдыхает густой запах кофе. Лукас видит, как на ее лице отражаются годы и сотни тысяч километров.

— Увы, он не бразильский.

Кофе дороже золота. Золото на Луне дешево, ценится лишь за красоту. Кофе дороже, чем алкалоиды или диаморфины. Принтеры могут синтезировать наркотики; ни один принтер ни разу не произвел кофе, который не был бы дерьмом на вкус. Лукас не любит кофе — слишком горький и еще лживый. Вкус совсем не похож на запах.

— Я его сберегу, — говорит Адриана; закрывает жестянку и на миг прижимает ее к сердцу. — Это нечто особенное. Я выберу подходящий момент. Спасибо тебе, Лукас. Ты звонил Аманде?

— Я подумал, на этот раз можно и пропустить.

Адриана не выражает чувств ни словом, ни взглядом. Брак Лукаса с Амандой Сунь давным-давно превратился в формальность.

— А Лукасинью?

— Я перекрыл ему финансирование. Думаю, Ариэль ему что-то дала. Грязную наличность. Что это говорит о семье?

— Он образумится.

— В какой-то момент мальчику придется взять на себя хоть какую-то ответственность.

— Ему семнадцать. В этом возрасте я бегала со всеми мальчиками и девочками, какие только были доступны. Пусть перебесится. Конечно, отрежь его от денег — будет к лучшему, если он поживет своим умом. Тот трюк с аварийным скафандром был проявлением инициативы.

— Своим умом? Ума-то ему и не хватает. В мать пошел.

— Лукас!

Лукас морщится от упрека.

— Аманда — по-прежнему часть семьи. Мы не говорим плохо о родственниках. И у тебя нет права обижаться на Ариэль. Она еще не согрела свое кресло в «Белом Зайце», а ты ее уже скомпрометировал.

— Мы получили сделку с китайцами. Мы обставили Маккензи.

— Мне это очень понравилось, Лукас. Майки гандболистов были милой деталью. Мы перед тобой в

долгу. Но бывают и более важные вещи, чем семья.

— Не для меня, мамайн. Не мой случай.

— Ты сын своего отца, Лукас. Истинный сын своего отца.

Лукас принимает похвалу, хотя для него она горька как кофе. Он никогда не знал своего отца. Он всегда хотел быть сыном своей матери.

— Мамайн, мы можем поговорить по секрету?

— Конечно, Лукас.

— Я беспокоюсь за Рафу.

— Хотелось бы мне, чтобы Рэйчел не забирала Робсона в «Горнило», да к тому же так быстро после покушения на убийство. Кое-кто мог бы усмотреть в этом признаки заговора.

— Рафа убежден, что так и есть.

Адриана поджимает губы, досадливо качает головой.

— Ох, да ладно тебе, Лукас.

— Он видит руку Маккензи повсюду. Рафа мне сам это сказал. Ты знаешь Рафу: старого доброго Рафу, смешного Рафу, тусовщика Рафу. Кому еще он может сказать то же самое, когда на миг потеряет бдительность? Ты понимаешь, в чем опасность для компании?

— Роберт Маккензи пожелает расплаты за потерю сделки с китайцами.

— Конечно. Мы бы поступили в точности так же. Но Рафа усмотрит в этом еще один признак личной вендетты Роберта Маккензи.

— Чего ты просишь, Лукас?

— Побольше рассудительности. Только и всего.

— Ты хочешь сказать, что достаточно рассудителен?

— Рафа — бу-хвэджан. Я с этим не спорю. Я не собираюсь умалять его престиж. Но, может быть, кое-какие полномочия можно делегировать?

— Продолжай.

— Он лицо «Корта Элиу». Пусть остается лицом. Пусть будет свадебным генералом. Пусть занимается совещаниями и болтовней. Пусть и дальше сидит в своем кресле во главе совещательного стола. Просто надо очень осторожно пресечь для него возможность принимать решения от имени компании.

— Чего ты хочешь, Лукас?

— Только лучшего для компании, мамайн. Только лучшего для семьи.

Лукас Корта целует мать на прощание: дважды, во имя семьи. По разу в каждую щеку.

Когда до «Горнила» остается двадцать километров по рельсам, фамильяр Робсона Корт-Маккензи будит его песней на ухо. Мальчик бежит в смотровой «пузырь» в передней части вагона и прижимает ладони к стеклу. Для одиннадцатилетки первый взгляд на столицу Маккензи — это навсегда. Их железнодорожный вагон — частный рейсовый челнок «Маккензи Металз», курсирующий через Океан Бурь по медленной восточной линии Первой Экваториальной: шесть комплектов рельсовых путей трехметровой ширины; чистых и сияющих в отраженном свете Земли, огибающих край мира, огибающих весь мир.

Скоростной экспресс из Цзиньчжуна как будто выскакивает из пустоты и исчезает, превращаясь в размытую вспышку света. Вид из переднего конца вагона действует на нервы Рэйчел. Мальчику он нравится.

— Погляди, тягач «Ган» — класса, — говорит Робсон, когда вагон проносится вдоль бока длинного, массивного грузового поезда, идущего по медленному четному пути. И быстро забывает об увиденном, ибо на восточном горизонте восходит второе солнце; светящаяся точка, такая ослепительная, что стекло темнеет, защищая человеческие глаза. Точка разрастается, превращаясь в шар, зависший как мираж над краем мира, как будто не приближаясь и не становясь ярче.

«Мы прибудем в „Горнило“ через пять минут», — объявляют фамилляры.

Рэйчел Корта прикрывает глаза рукой. Она много раз видела этот фокус: точка будет плясать и ослеплять, а потом, в последний миг, проступят детали. Это зрелище никогда не перестает изумлять. Ослепительное сияние заполняет весь смотровой «пузырь», а потом челнок въезжает в тень «Горнила».

«Горнило» оседлало четыре внутренних пути Первой Экваториальной. Его вагонные тележки бегают по двум отдельным наружным путям; старая добрая сталь, не маглев. Жилые модули, испещренные окнами и фонарями, висят в двадцати метрах над путями, отбрасывая на рельсы вечную тень. Над модулями — сепараторы, сортировальные машины, плавильни; еще выше параболические зеркала фокусируют солнечный свет и направляют в конвертеры. «Горнило» — десятикилометровый поезд, оседлавший Первую Экваториальную. Пассажирские экспрессы, товарняки, ремонтные вагоны ездят под ним и сквозь него, как если бы он был надстройкой колоссального моста. Вечно в движении с неизменной скоростью десять километров в час он совершает один оборот вокруг экватора за один лунный день. Над его зеркалами и плавильнями — постоянный полдень. Сунь называют свой стеклянный шпиль на вершине горы Малаперт Дворцом Вечного Света. Маккензи с презрением относятся к их притязаниям. Они и есть обитатели вечного света. Они купаются в свете, пропитываются им, питаются им; он их выщелачивает и обесцвечивает. Рожденные в мире без теней, Маккензи выпестовали тьму внутри себя.

Вагон заезжает под край «Горнила», в рассеченную лучами прожекторов тень. Проступают очертания товарняка, который извергает реголит через батарею архимедовых винтов. Вагон-челнок замедляется; его ИИ обменивается протоколами с ИИ «Горнила». Эта часть Робсону нравится больше всего. Вагон цепляют захватами, поднимают с путей и помещают в один из доков, предназначенных для прочих железнодорожных челноков «Маккензи Металз». Шлюзы стыкуются, давление выравнивается.

«Добро пожаловать домой, Робсон Маккензи».

Сквозь узкие окна в крыше падают лучи света — такие яркие, что он кажется плотным. Подходы к сердцу «Горнила» охраняет световой частокол; он как будто состоит из осколков тех зеркал, что фокусируют солнечный свет на плавильнях. Тысячу раз Рэйчел шла по этому коридору и неизменно чувствовала вес и жар тысяч тонн расплавленного металла над своей головой. Это опасность, это богатство, и это защита. Расплавленный металл — единственный щит, который бережет «Горнило» от карающего меча радиации. Это постоянное напоминание для людей на борту поезда: расплавленный металл над их головами подобен стальной пластине в разбитом черепе. Шаткое равновесие. Однажды какая-нибудь система может отказать, и металл прольется с небес, но не сегодня, не вскорости, не при ее жизни.

Робсон бежит впереди. У шлюза, ведущего в следующий отсек, он видит Хэдли Маккензи, своего любимого дядюшку, пусть между ними разница в возрасте в каких-то восемь лет. Хэдли — сын патриарха Роберта от его позднего брака с Джейд Сунь. Получается, он дядя, но больше похож на старшего брата. У Роберта Маккензи рождаются только сыновья. «Человеком-на-Луне может быть только мужик», — все еще шутит старый монстр. Посредством селективных абортов, составления генетических карт эмбрионов,

хромосомной инженерии шутка стала правдой. Хэдли подхватывает Робсона, бросает в воздух. Мальчик взлетает высоко, смеется, и сильные руки Хэдли Маккензи его ловят.

— С бразильцем все ясно, полагаю, — говорит Хэдли и целует сводную племянницу в каждую щеку.

— Сдается мне, он сам как ребенок, — отвечает Рэйчел Маккензи.

— Мне ненавистна сама мысль о том, что Роббо мог бы расти там, — заявляет Хэдли. Он невысокий, жилистый и стальной, весь состоит из узлов доведенных до совершенства мышц и сухожилий. Клинок Маккензи, густо покрытый веснушками от множества сессий в соляриях. Пятно на пятне; человек-леопард. Он постоянно скребется и чешет шкуру. Слишком много времени провел под солнечными лампами, перебрал витамина D. — В таком месте ребенок не научится правильной жизни.

«Сообщение от Роберта Маккензи», — объявляет Камени, фамильяр Рэйчел. Выражения лиц Хэдли и Робсона говорят Рэйчел, что им пришли аналогичные известия. «Рэйчел, любовь моя. Рад, что ты привезла Робсона домой в целости и сохранности. Восхищен. Приходи повидаться со мной». Голос мягкий, все еще не утративший западноавстралийского акцента и нереальный. Роберт Маккензи потерял этот голос еще до того, как родились три человека, сейчас стоявшие в вестибюле. Изображение на линзах — не Роберт Маккензи, но его фамильяр: Рыжий Пес, символ города, который породил амбиции патриарха «Маккензи Металз».

— Я отведу тебя к нему, — говорит Хэдли.

Капсула отвозит Рэйчел, Робсона и Хэдли к голове «Горнила»; десять километров по четному пути. Рэйчел кажется, что маглев-двигатель капсулы усиливает слабое, но постоянное дрожание, порожденное движением поезда. Медленное раскачивание «Горнила» на рельсах — пульс, с которым бьется сердце ее дома. Рэйчел Маккензи была начитанным ребенком, и на экранах, среди миров, выстроенных из слов, она плавала по океанам из воды с грозными пиратами и головорезами. В мире каменных морей сердцебиение «Горнила» — единственное ощущение, которое она в своем воображении может сравнить с пребыванием на борту парусника.

Капсула резко сбавляет скорость, и происходит стыковка. Открывается шлюз. Рэйчел вдыхает зелень и гниль, влажность и хлорофилл. Этот вагон — огромная стеклянная теплица. При постоянном освещении и в низкой лунной гравитации папоротники вырастают до громадной высоты; зеленый свод из листьев затмевает изогнутые опорные балки оранжереи. Свет здесь пестрый, полосатый как тигриная шкура: солнце стоит неподвижно, на волосок от зенита. Все папоротники наклонены в его сторону. Посреди папоротников раздаются птичьи крики, мелькает яркое оперение. Кто-то где-то ухает. Это райский сад, однако Робсон хватается за руку матери. Здесь обитает Боб Маккензи.

Тропа вьется между бассейнами и тихо журчащими ручьями.

— Рэйчел. Дорогая!

Джейд Сунь-Маккензи приветствует свою сводную внучку двумя поцелуями. То же с Робсоном. Она высокая, с длинными пальцами, элегантная и нежная, как ветви папоротников вокруг. Она как будто не постарела ни на день после того, как вышла замуж за Роберта Маккензи девятнадцать лет назад. Никого из потомков Роберта Маккензи не обманывает ее внешний вид. Она состоит из проволоки и шипов, из тугой и мускулистой воли.

— Ему не терпится увидеть тебя.

Робсон крепче сжимает руку матери.

— Он был в дурном настроении после того, как Корта украли ту экспортную сделку с китайцами, — бросает Джейд через плечо. Она видит, как Робсон смотрит на мать снизу вверх. — Но вы подсластите

пилюлю.

Роберт Маккензи дожидается в бельведере, сотворенном из сплетенных ветвей папоротников. Волнистые попугайчики и длиннохвостые попугаи все так же безумно чирикают и щебечут. Роботы-бабочки лениво порхают, размахивая радужными полимерными крыльями.

Легенда гласит, что Роберта Маккензи в живых поддерживает кресло, но одного взгляда хватает, чтобы понять правду: все дело в воле, которая горит в глубине его глаз. В желании властвовать, владеть, удерживать и не отдавать ничего, даже эту брентную оболочку. Роберт Маккензи играет со смертью в гляделки. Система жизнеобеспечения возвышается над его головой, точно корона, точно гало. Трубки пульсируют, насосы шипят и крутятся, моторы жужжат. Тыльные стороны его ладоней покрыты пятнами медленно заживающих гематом там, где иглы и катетеры пронзают кожу. На трубку в его горле никто не может смотреть дольше одного мгновения. Запах папоротников, запах свежей воды не скрывает вони. Желудок Рэйчел Маккензи сводит судорогой, стоит ей унюхать колостому^[12].

— Дорогая моя.

Рэйчел наклоняется, чтобы поцеловать впавшие щеки. Роберт Маккензи заметит любое промедление или признаки отвращения.

— Робсон. — Он раскрывает объятия. Робсон шагает вперед и позволяет его рукам обхватить себя. Уродливая старая мумия целует мальчика в обе щеки. Роберту Маккензи было сорок восемь лет, когда он предпочел Море Островов Западной Австралии и посвятил Луне свою семью и свое будущее. Слишком старый, чтобы отправиться на Луну, он не должен был пережить подъема на орбиту, не говоря уже о низкой гравитации, которая грызла его кости, кровеносные сосуды и легкие, о неустанном радиационном дожде. Ему следовало передать дело в руки детей и роботов. Но Роберт Маккензи пришел сам и заложил фундамент для миллиона людей с лишним, которым предстояло поселиться на Луне. Это существо в кресле с системой жизнеобеспечения имеет полное право называть себя Человеком-на-Луне. Ему сто три года, дюжина медицинских ИИ следит за его телом, поддерживает его, но оно работает на том же горючем, что и раньше, — на воле, которая горит в бледно-голубых глазах.

— Ты славный пацан, Робсон, — выдыхает Роберт Маккензи на ухо мальчику. — Славный пацан. Как хорошо, что ты вернулся туда, где должен быть, подальше от этих ворюг-Корта. — Покрытые тонкой как бумага кожей руки-клешни встряхивают мальчика. — Добро пожаловать домой. — Робсон вырывается из хрупких клешней. — Им не выкрасть тебя обратно.

— Моему супругу пришла в голову идея, — говорит Джейд Сунь. Она стоит позади, положив одну руку на плечо старику. Рука тонкая, изящная, ногти лакированные, но Роберт Маккензи как будто проседает под ее малым весом. — Разве есть какая-то причина, препятствующая Робсону вступить в брак?

Привет, мам, привет, Кэсси. Ребята, если вы это видите, привет. Знаю, от меня некоторое время не было вестей. Я могу все объяснить. Короче говоря: как я и известила вас в своем весьма поспешном сообщении, я работаю на Драконов. «Корта Элиу». Добытчиков гелия-3.

Я работаю на «Корта Элиу». Просто захотелось повторить это еще раз, чтобы вы оценили. Что это значит прямо сейчас: никакой больше заботы о кислороде, воде, углероде или сети, потому я могу послать вам это. Не думаю, что вы поймете, каково это — больше не переживать из-за Четырех Базисов. Все равно что выиграть в лотерею, где главный приз — возможность продолжать дышать, а не десять миллионов долларов.

Я не могу вам слишком многое рассказать о том, как получила работу, — это связано с безопасностью: Пять Драконов, они точно мафия, вечно грызут друг другу глотки. Но могу сообщить, что я под личной

опекой Карлиньоса Корта. Кэсси, сестричка. Тебе надо эмигрировать. На этой каменюке полным-полно горячих парней.

Я в учебной бригаде по работе на поверхности. Мы луноходцы. Нам надо многому научиться. Луна знает тысячу способов, чтобы убить тебя. Таково правило номер один, и оно распространяется на все. Есть особые способы двигаться, читать знаки и сигналы, выходить на связь и отключаться, анализировать данные скафандра, и все эти способы надо изучить, иначе одно маленькое упущение поджарит тебя, или заморозит, или задушит, или под завязку напичкает радиацией. Мы три полных дня занимались одной только пылью. Есть пятнадцать разновидностей пыли, и следует знать физические свойства каждой, от абразивных до электростатических и адгезивных. Помните Шерлока Холмса, который выучил пятьдесят типов сигарного пепла? Есть еще время перезарядки батарей, лунная навигация — Джо Лунники неправильно оценивают горизонт и думают, что все находится гораздо дальше, чем оно есть на самом деле. А ведь нас еще даже не вывели на поверхность. И скафы. Знаю, они должны быть тугими, но неужели размер мне подобрали правильно? Ушло целых десять минут, чтобы влезть в эту штуку. Не хотелось бы проделывать такое при разгерметизации. Наденешь его неправильно — и будут синяки там, где давят швы. Впрочем, если наступает рэ-гэ, о синяках беспокоятся в последнюю очередь.

Я, скорее всего, напугала вас до смерти. Но к этому привыкаешь. Невозможно постоянно жить в ужасе. Однако, если проявить безалаберность хоть раз, пощады не жди. Карлиньос говорит, обычно в каждой учебной бригаде как минимум один человек погибает. Я как следует забочусь о том, чтобы это было не про меня.

Моя бригада: Олег, Жозе, Саадия, Тандека, Пейшенс и я. Я единственная норте. На меня пялятся. Наверное, говорят про меня разное, но тут единственный язык — глобо, а у меня лишь родной английский. Я им не нравлюсь. Карлиньос время от времени работает со мной один на один, и это меня выделяет. Делает особенной. Так что тренеры думают, что я шпион Корта, а класс — что я в любимчиках у учителя. С наименьшей неприязнью ко мне относится Пейшенс. Она родом из Ботсваны, но, как и остальные в бригаде, побывала в университетах и корпорациях по всему миру. Джо Лунники, должно быть, самые образованные иммигранты в истории. Пейшенс беседует со мной, и мы пьем вместе чай. Жозе не прочь меня убить. Если бы он сумел это подстроить так, чтобы не поймали, думаю, не стал бы колебаться. Он постоянно меня перебивает. Не могу понять, в том ли дело, что я женщина, или в том, что я североамериканка. Наверное, и в том и в другом. Говнюк. Менталитет в бригаде — как в университетской футбольной команде. Вечная агрессия-агрессия-агрессия. В каждом вдохе чувствуется тестостерон. Дело не только в том, что это добывающая индустрия; все молоды, умны, амбициозны и очень-очень мотивированны. В то же самое время это самое сексуально раскрепощенное общество, которое когда-либо существовало. В лунном глобо даже нет слов для обозначения натуралов или геев. Каждый занимает свое особое место в спектре.

Я вам скажу, с чем мне тяжело. С португальским. Да что это за язык такой? На нем разговариваешь так, словно у тебя вечный насморк. Ни одно слово не звучит, как пишется. По крайней мере читается португальский логично. Но вот произношение... Есть португальское произношение, а есть еще бразильское португальское произношение. А вдобавок — рио-бразильское произношение. И напоследок еще лунный вариант рио-бразильского португальского произношения; на нем-то и говорят в «Корта Элиу». Я предложила, чтобы Хетти все переводила; как же на меня уставились. Итак, пришло время учить португальский. Это значит, adeus, eu te amo, e eu vou falar com vocde novo em breve!^[13]

Лукас Корта, легкий и хрупкий, как сон, спускается вдоль лиственных колонн. Вода капает и течет, льется тонкими струйками и сочится через тонкие и толстые трубки, которые соединяют расположенные

ярусами резервуары для выращивания растений. Он движется по спирали вокруг центрального столба из зеркал, которые отражают солнечный свет, направляя его на резервуары. Смотрит вверх: стены цилиндра кажутся бесконечными, но в итоге покрывающая их зелень сливается с ослепительно-ярким пятном солнечного света размером с монетку, увенчивающим крышу фермы. Глубина сельскохозяйственной шахты — один километр. В аграрии Обуаси таких шахт пять, а Тве лежит в центре пентаграммы из семидесяти пяти аграриев. Латук и прочие разновидности салата растут так густо, что между ними и жук не проползет. Впрочем, на Луне нет жуков, как и тли или жующих гусениц: никаких насекомых-вредителей. Кусты картофеля смахивают на деревья; вьющиеся бобовые стебли поднимаются по опорным решеткам на сотню метров. Корнеплоды отращивают длинные листья; зеленеют грядки калалу и аки. Ямс и батат; горлянки и другие тыквенные, кое-какие размером с меридианские моту. Каждое растение получает струйкой или по каплям обогащенную питательными веществами воду; все они выведены и симбиотически сведены в самообеспечивающиеся микроэкосистемы. Обуаси не потерял ни одного урожая, а их здесь собирают четыре раза в год. Теперь Лукас смотрит вниз. Там, далеко, на одном из узких мостиков над резервуарами с рыбой, два человечка-насекомых. Утки крикают, лягушки рыгают. Один из человечков — он сам.

— Качество звука потрясающее, — говорит Лукас и, моргнув, отключает трансляцию.

— Спасибо, — говорит Кобби Асамоа. Он громадный мужчина, высокий и широкоплечий. Лукас Корта рядом с ним выглядит бледной тенью. Кобби Асамоа поднимает руку, и муха приземляется на нее.

— Можно?

Мысль приказывает мухе перелететь с его руки на руку Лукаса. Тот поднимает ее на уровень глаз.

— Вы могли бы всех нас перебить во сне. Мне это нравится. — Лукас Корта подбрасывает муху в воздух и следит за тем, как она поднимается по шахте из света, зелени и сырого хлорофилла, пока не исчезает из вида. — Я ее покупаю.

— Срок жизни модуля — три дня, — предупреждает Кобби Асамоа.

— Мне понадобятся тридцать штук.

— Мы можем поставить десять и допечатать остальное.

— Договорились.

Токинью берет цену у фамильяра Кобби Асамоа и высвечивает на линзе Лукаса. Она довольно непристойная.

— Разрешите оплату, — приказывает Лукас.

— Мы их вам принесем на вокзал, — говорит Кобби Асамоа. Его большое, широкое и открытое лицо снова морщится. — Со всем уважением, мистер Корта, разве это не слишком дорогой способ следить за вашим сыном?

Лукас Корта хохочет. Смех Лукаса Корты глубокий, резонирующий, мелодичный, точно перезвон колокольчиков. Кобби Асамоа это весьма удивляет. Утки и лягушки трубофермы-5 агрария Обуаси замолкают.

— Кто сказал, что она для моего сына?

Эйтур Перейра позволяет мухе побегать по своей ладони, и миниатюрные лапки с крючочками щекочут его темную, морщинистую кожу. Как бы он ни поворачивал руку, муха Асамоа остается сверху.

Лукас говорит:

— Мне требуется наблюдение двадцать четыре часа в сутки.

— Конечно, сеньор. Кто цель?

— Мой брат.

— Карлиньос?

— Рафаэл.

— Слушаюсь, сеньор.

— Я хочу знать, когда мой брат трахается, пердит или тратит деньги. Я хочу знать все. Моей матери не следует об этом сообщать. Никто не должен об этом знать, кроме тебя и меня.

— Слушаюсь, сеньор.

— Токиню вышет протоколы. Я хочу, чтобы ты этим занимался лично. Ты один. Мне нужны ежедневные отчеты, зашифрованные, через фамильяра.

Лукас читает на лице Эйтура Перейры отвращение. Он бывший бразильский морской офицер, уволенный со службы, когда Бразилия приватизировала свои оборонные войска. Оказался невостребованным на море и отправился на Луну, где, как очень многие бывшие военные, основал частную охранную компанию. Те дни, когда Адриана отрывала «Корта Элиу» от грудной клетки «Маккензи Металз», были кровавыми днями — с захватом чужих участков, дуэлями чести и драками фракций, когда правовые споры быстрее и экономичнее разрешались ножом во тьме. Люди жили в тесноте, дышали чужим воздухом. Эйтур Перейра много ножей остановил ради Адрианы Корты. Его верность, его храбрость и честь неоспоримы. Все дело в том, что они бессмысленны. «Корта Элиу» обвела его вокруг пальца. Однако ненависть, которую видит Лукас, не связана с этим или даже с мухой-шпионом. Эйтур ненавидит свой промах на вечеринке в честь лунной гонки, из-за которого он и оказался под ярмом и в упряжи. Лукас может требовать от него что угодно, отныне и вовек.

— И, Эйтур...

— Сеньор?

— Не подведи меня.

Лукасиною Корта осторожно приподнимает руку Григория Воронцова и выскальзывает из объятий юноши. Потягивается, напрягает мышцы, хрустит суставами. Этот малый, Воронцов, тяжел. И требователен. Лукасиною пять раз, балансируя на краю сна, чувствовал прикосновение колючей бороды к щеке, шепот на ухо — эй, эй, — пульсацию твердеющего пениса на внутренней стороне своего бедра.

Лукасиною всегда знал, что Григорий по нему сохнет — прямо скоро сдохнет, как сказала Афуа в учебной группе во время одной из тех женских игр, в которых тебе никогда не говорят о правилах, но жутко наказывают, если ты их нарушаешь, — но понятия не имел, что он такой ненасытный. Трахаться мог часами. Равномерно, глубоко, жестко. Безжалостно даже. И руками работает щедро. У Лукасиною сил не осталось даже на стоны. Кто мог знать, когда они встречались на еженедельных личных семинарах коллоквиума, что в этом парне, сидящем напротив, таится такая страсть? Это было великолепно, обалденно, лучший секс, какой у него случался с парнем, но хватит уже, ладно? Хватит.

Ибо за то, что получил Лукасиною Корта, чем он расплатится? Пирогам. Поскольку отец перекрыл ему финансирование, больше давать нечего. Пока Григорий похрапывает, Лукасиною ищет холодильник. Почти такой же пустой, как у Ариэль, но того, что есть, хватит на партию брауни без муки. Две партии. Лукасиною размышляет о следующей постели. В этой он не останется даже на следующую ночь. Ему не

хватит сил. Лукасинью добавляет в смесь немного жидкого ТКК из запасов Григория. Они его прошлой ночью парили, распластавшись друг на друге на кушетке, чередуя затяжки и поцелуи. Бросает через плечо взгляд на Григория, который раскинулся на кровати, точно звезда. Такой волосатый. Волосатый и чудной. Космосом пришибленный. Лукасинью знает легенды. Дом Воронцовых ведет свое начало от Валерия, первого патриарха, который инвестировал в частный космодром в Центральной Азии, где бы она ни находилась. Они построили орбитальные лифты, два циклера, которые постоянно описывают восьмерку между Луной и Землей; БАЛТРАН, сеть железных дорог. Космос их изменил. Они превратились в странное племя: диковинные, длинные существа, рожденные для невесомости. Никто вот уже много лет не видел ни одного члена экипажа циклера. Они не могут сойти. Гравитация раздавит их, как декоративных бабочек. Но им по странности не сравниться с самим Валерием — все еще живым, разросшимся до огромных размеров монстром, таким раздутым, что он заполняет все ядро циклера. В легендах нет согласия по поводу того, какого — «Святых Петра и Павла» или «Александра Невского». Вот как можно понять, что это правда. Выдумки всегда слишком аккуратны.

Лукасинью машет рукой над панелью духовки, чтобы стекло сделалось прозрачным, глядит на свои пирожки. Бросает беспокойный взгляд на Григория. Сейчас не время для пробуждения чудовища. Еще несколько минут. А теперь вытаскиваем, и пусть охлаждаются. Лукасинью чувствует тень на своей коже еще до того, как ощущает прикосновение волос и мышц Григория.

— Привет.

— Привет.

— Что ты делаешь?

— Кайфую. [\[14\]](#)

— В смысле?

— Брауни пеку. Они вкусные. С травкой.

— Ты всегда кайфуешь вот так?

— Как?

— Голышом.

— Так я един с тем, что делаю.

— По-моему, это круто.

У Лукасинью обрывается сердце. Григорий близко, прижимается, у него встает. Этот парень сделан из спермы? Лукасинью отрывает корочку охлаждающегося брауни и поворачивается, чтобы вложить ее между губами Григория.

— Сладко...

И они возвращаются к прежнему занятию.

У Марины есть балкон. Он маленький, но весьма притягательный. В конце каждого дня она возвращается с занятий со своей группой совершенно измотанная — тело ее ноет от всех новых вещей, которые надо выучить для работы в «Корта Элиу», — и отправляется на свой балкон.

Квартира, что ей выделили в «Корта Элиу», расположена на 23-м Западном уровне квадры Санта-Барбара, так что балкон нависает над улицей, пусть до нее и не так далеко падать, как из Байрру-Алту до проспекта Гагарина. Марина сражается с головокружением. И со звуками. Улицы Жуан-ди-Деуса говорят

по-португальски, в другом тембре по сравнению с улицами Меридиана. Возгласы и приветствия; подростки кричат, привлекая внимание, раздаются голоса детей, которые жужжат туда-сюда по проспекту Кондаковой[15] на трициклах с большими колесами. Голоса звучат совсем по-другому. Гудят двигатели моту, лифты, эскалаторы и движущиеся дорожки, воздушные фильтры; доносятся другие шумы. Небесная линия светится ярче, спектр более желтый, чем в Меридиане. Цвета неоновых реклам тяготеют к синезеленому и золотому — цветам старой Бразилии. Имена, вывески только на португальском. Все непохожее, захватывающее. Жуан-ди-Деус — компактный город; восемьдесят тысяч людей в трех квадрах, у каждой из которых фаза сдвинута на восемь часов по сравнению с соседними: маньяна, тарде, ноче. Он во многом старомоден, этот город, выстроенный из лавовых трубок, которые пронизывают кожуру Моря Изобилия. Квадра Санта-Барбара имеет в диаметре триста метров, и Марине там тесно. Крыша города кажется близкой, тяжелой. Она испытывает легкую клаустрофобию. Но воздушного пространства маловато для летунов, и это радует Марину. Она ненавидит атлетичных, надменных аэронавтов.

— O bloqueio de ar não é completamente despressurizado,[16] — говорит она. Пытается говорить в квартире на португальском. Запрограммировала Хетти не переключаться на глобо.

«Daqui a pouco sair para a superfície da lua, — раздается в ответ. — Seu sotaque é péssimo»[17].

Фамильяр не только говорит по-португальски лучше Марины, но к тому же делает это с безупречным акцентом «Корта Элиу».

Хетти прерывает урок.

«Carlinhos Corta está na porta»[18], — говорит она.

Волосы в порядке, лицо в порядке, одежду разгладить, проверить зубы, незаправленную постель убраться в стену. Через двадцать секунд Марина готова принять босса.

— Ой...

Карлиньос Корта одет в шорты, пятипалые кроссовки и разноцветные шнуры на локтях, запястьях, коленях и лодыжках. И все. Он приветствует ее по-португальски. Марина едва его слышит. Он хорош на загляденье. Пахнет медом и кокосовым маслом. Красивый и пугающий.

— Одевайся, — говорит Карлиньос на глобо. — Ты пойдешь со мной.

— Я одета.

— Ничего подобного.

«Senhor Corta está acessando a sua impressora»[19], — говорит Хетти. Принтер выдает шорты (короткие), топ-бра (откровенный) и пятипалые кроссовки. Предписания ясны. Марина переодевается в своей ванной комнате. Пытается натянуть топ пониже, шорты — повыше. Чувствует себя обнаженной обнаженного. В комнате ее босс, а она даже не понимает, что он делает, зачем явился, кто он такой и что он такое на самом деле.

— Для тебя. — Карлиньос достает из принтера охапку зеленых шнуров. — Даю тебе символ своего ориша, Огуна. — Он показывает, как обвязать шнурами суставы, какой длины хвост нужно оставить. Кроссовки как будто сосут ее пальцы. — Ты же бегать умеешь, верно?

Марина следует за ним по ладейру. Лестницы узкие и с невысокими ступеньками, передвигаться трусцой по ним трудно. Прохожие вжимаются в стены и приветствуют их кивками. Она бежит рядом с Карлиньосом по Третьему, параллельно центральному проспекту, но на три уровня выше. Мимо проносятся велосипеды и моту. Марина чувствует запах кукурузы на гриле, горячего масла, жарящегося фалафеля. Из крошечных, вырезанных прямо в скале баров на пять табуретов доносятся музыкальные

ритмы. Небесная линия тускнеет, окрашивается в пурпурно-алые оттенки. На перекрестке Карлиньос сворачивает налево. Теперь их путь освещают лампы. Из Т-образного пересечения туннелей впереди доносятся звуки, напоминающие песнопения. Потом Марина видит, как по туннелю мчится компания бегунов, над которыми зависла свита фамильяров. Обнаженная кожа блестит от масла, пота, краски для тела. Кисточки и шнуры струятся от локтей и колен, запястий и шей, лбов. Раздается пение. Они поют. От удивления Марина едва не замирает как вкопанная.

— Давай догоняй, — говорит Карлиньос и отрывается на полметра. Марина бросается за ним. Она не бегунья, но у нее все еще земные мышцы, и догнать его легко. Карлиньос сворачивает в широкий служебный туннель, плавно уходящий влево. Марине незнакома эта часть Жуан-ди-Деуса. Впереди компания бегунов, плотно сбитый пелотон[20]. Благодаря лунной гравитации они движутся плавными рывками, точно газели. Точно морские волны. Сквозь песнопения Марина слышит барабаны, свистки, звон напальчиковых тарелок. Карлиньос пристраивается в хвосте. Марина отстает от него на два шага. Бегуны расступаются, чтобы принять их, и Марина легко подстраивается под их темп.

— Прибавь ходу, — зовет Карлиньос и вырывается вперед.

Марина ускоряется и следует за ним в сердце стаи. Растворяется в ритме — он становится ритмом ее сердца, ее ног. Поющие голоса зывают к ее голосу. Она не понимает слов, но хочет к ним присоединиться. Она выходит за пределы своего «я». Ее чувства, ее личное пространство соединяются внахлест с бегунами вокруг, и в то же самое время она блистательным образом осознает собственное тело. Легкие, нервы, кости и мозг достигли единства. Она движется без усилий, безупречно. Каждое чувство выкручено на максимум. Она слышит барабаны в своих коленях, в пятках. Чувствует запах пота Карлиньоса. Игра кистей по ее коже эротична. Она различает каждую парящую пылинку. Она узнает татуировку на плече бегуньи во главе стаи, и, как если бы взгляд был прикосновением, Саадия из ее бригады поворачивается, признает ее. Волна неразбавленной радости проходит по всему телу Марины.

Слова. Теперь она их понимает. Они на португальском, на языке, который она не до конца выучила, на диалекте, который она не может постичь, но их значение теперь проясняется. «Святой Георгий, владыка железа, супруг мой. Святые бьют смело. Есть вода у святого Георгия, но купается он в крови. Две сабли есть у святого Георгия. Одна — чтоб резать траву, другая — чтобы делать отметины. Одежды пламенные носит он. Рубашку из крови носит он. Три дома у него. Дом сокровищ. Дом благосостояния. Дом войны». Слова у нее в горле, слова у нее на губах. Марина понятия не имеет, как они там оказались.

— Прибавь ходу, Марина, — в третий раз говорит Карлиньос, и они вместе движутся сквозь плотную толпу бегунов и фамильяров над их головами. Перед Мариной пустота. Туннель изгибается впереди, уходит в вечность. Она чувствует кожей прохладные порывы ветра. Могла бы бежать так все время. Тело и разум, душа и чувства стали единым целым, более великим и восприимчивым, нежели любая из его частей. — Марина. — Голос зовет ее вот уже некоторое время. — Отходим. — Они отрываются от лидирующей позиции и уходят в сторону. — Поворачивай направо.

Физически больно оставлять бегунов, уходя в поперечный туннель, но эмоциональная обида еще больней. Марина резко останавливается, упираясь руками в бедра, опустив голову, и воет от утраты. Она слышит, как голоса, барабаны и звон исчезают в отдалении вместе с бегунами, и чувствует себя так, словно ее вышвырнули из страны эльфов. Такт за тактом Марина вспоминает, кто она такая. Кто он такой.

— Простите. О боже.

— Лучше продолжать двигаться, или случится судорога.

Она принуждает свое тело к болезненному бегу трусцой. Поперечный туннель выходит на Третий уровень квадры Санта-Барбара. Небесная линия темна, квадра светится — низкие озера уличных огней,

десять тысяч окон. Теперь Марине холодно.

— Как долго я...

— Два полных оборота. Шестнадцать километров.

— Я не заметила...

— И не должна. В этом весь смысл.

— Как давно...

— Никто не знает наверняка, но это происходит всю мою жизнь. Идея в том, что бег никогда не останавливается. Бегуны приходят, бегуны уходят. Мы бежим по кругу, минуя всех святых. Это моя церковь. Здесь я исцеляюсь, здесь исчезаю на время. Здесь я перестаю быть Карлиньосом Кортой.

Теперь груз тех шестнадцати километров снисходит на бедра и икры Марины. До предзапусковых тренировок она бегала редко и с неохотой. Это другое. Часть ее всегда будет там, всегда будет бежать вечно вращающемся молитвенном колесе. Ей не терпится вернуться.

— Спасибо, — говорит она. Лишние слова могут испортить момент. — И куда мы теперь?

— Теперь, — отвечает Карлиньос Корта, — мы в душ.

Анелиза Маккензи спускается по винтовой лестнице из спальни и попадает во внутренности мухи; взорванные, развернутые, увеличенные и аннотированные. Крылья раскатаны до лопастей; глаза распались на составляющие их линзы; вокруг ее головы вертятся лапки, усики и хоботок, наночипы и протеиновые процессоры. В центре комнаты спиной к Анелизе сидит Вагнер — обнаженный, каким ему нравится быть, когда надо сконцентрироваться; он подзывает и отпускает части мухи, увеличивает и накладывает друг на друга изображения, и Анелиза все это видит. Это блестяще, это головокружительно! Особенно в четыре тридцать утра.

— Ана.

Она не произвела ни единого звука, какой услышала бы сама, но Вагнер различил ее на фоне царящего в квартире шипения, гудения и скрипа. Все начинается с повышенной чувствительности, неугомонности, безграничной энергии. Эта бессонница — кое-что новенькое.

— Вагнер, это...

— Погляди-ка сюда.

Вагнер откидывается на спинку кресла, рукой обхватывает Анелизу за зад. Его другая рука вертит по комнате расчлененную муху.

— Что это? — спрашивает Анелиза.

— Это муха, которая пыталась убить моего брата.

— Прежде чем ты поспешишь с выводами: это не я, мы тут вообще ни при чем.

— О, я в этом уверен. — Вагнер тянется вперед, вытаскивает из «взорванной» мухи узел протеинового контура и отключает все остальное. — Видишь? — Он поворачивает руку, увеличивает узел, пока тот не заполняет всю маленькую комнату; мозг из сложенных белковых молекул.

— Ты же знаешь, у меня к таким штукам нет таланта. — Анелиза занимается специализированной мета-логикой и играет на ситаре в классическом персидском ансамбле.

— Эйтур Перейра не знал бы, что искать. И даже ребята из научно-исследовательского отдела ничего

бы не нашли. У меня ушло некоторое время, чтобы разобраться, но когда я увидел, то подумал, что это оно и есть, и я все разложил по полочкам, и это было, ну, понимаешь, написано на каждой молекуле, она как будто нацарапала свою метку повсюду, просто надо знать, что ты ищешь, надо знать, как это увидеть!

— Вагнер...

— Я слишком быстро говорю?

— Именно. По-моему, начинается.

— Не может быть. Слишком рано.

— Оно начиналось все раньше и раньше.

— Не может быть! — огрызается Вагнер. — Это как часы. Солнце встает, солнце садится. Такое не изменить. Это астрономия.

— Вагнер...

— Прости. Прости. — Он целует впадину на ее животе и чувствует, как напрягаются мышцы под медовой кожей, и ему такое очень сильно нравится, потому что это не техника, не коды и не математика; это физика и химия. Но он чувствует перемену — она приближается, как рассвет. Вагнеру казалось, его настроением руководили увлеченность и целеустремленность, но на самом деле причиной увлеченности была происходящая с ним перемена. Во время полной Земли он может работать сутками, самозабвенно. — Мне надо в Меридиан.

Он чувствует, как Анелиза отстраняется.

— Ты же знаешь — я ненавижу, когда ты туда уезжаешь.

— Там женщина, которая сделала этот процессор.

— Раньше тебе никогда не требовались оправдания.

Он опять целует ее подтянутый живот, и она запускает руку ему в волосы. Анелиза пахнет ванилью и кондиционером для белья, которым обработана постель. Вагнер делает глубокий вдох и отстраняется.

— Мне надо еще поработать.

— Ступай в постель, Анелиза, — говорит она, обращаясь к самой себе.

— Я поднимусь позже.

— Не поднимешься. Обещай, что будешь здесь утром.

— Буду.

— Ты не пообещал...

Когда Анелиза уходит, Вагнер раскидывает руки и сводит ладони в медленном хлопке, призывая взорванные элементы мухи-убийцы. Он запускает их вращаться по медленной орбите вокруг себя, выискивая другие улики, ведущие к ее создателям, но ему не удается сконцентрироваться. На границе слышимости, на границе всех чувств Вагнер слышит призыв своей стаи по другую сторону Моря Спокойствия.

Для Павильона Белого Зайца Ариэль Корта надевает репринт Диор-1955 шоколадного цвета; у блузы короткие цельнокроеные рукава из кружева шантли, глубокий вырез и рюши. Шляпка-таблетка, украшенная коричневой шелковой розой, перчатки до середины предплечья, сумка и туфли в тон. Не того же цвета — это было бы отвратительно. Ариэль выглядит профессионально, но не чопорно.

Рецепционист провожает ее наверх, в конференц-зал. Отель обставлен со вкусом, сервис ненавязчивый, но до самых дорогих или самых напыщенных заведений Меридиана ему далеко. В лифте Ариэль выключает Бейжафлор, как ей было предписано. На определенном уровне политической и социальной жизни постоянное подключение к сети только мешает. Нагаи Риеко приветствует Ариэль в вестибюле, где советники общаются, пьют чай, берут с подносов сладкие бобовые баоцзы[21]. Советников четырнадцать, считая тех членов, которые покидают собрание. Столь много изысканных платьев, столь много обнаженных плеч. Ариэль чувствует себя так, словно ее пригласили на тайную секс-вечеринку с дурной репутацией: непристойно, слегка скандально.

Риеко знакомит ее с остальными. Цзайю Сунь, глава отдела развития в «Тайян»; Стефани Мэйор Роблес, специалист по педагогике из Царицы Южной. Профессор Моника Дюжарден с факультета астрофизики Университета Невидимой стороны. Доу Суу Хла, чья семья связана с Асамоа кровью и бизнесом, Атаа Афуа Асамоа из Котоко и ее чрезмерно активный ручной сурикат, которого никак не удастся приструнить. Модный шеф-повар Марин Олмстед: Ариэль моргает, увидав его. «Все так делают», — говорит шеф-повар. Он в «Белом Зайце» четыре года. Петр Воронцов из ВТО. Марлена Лесник из «Санафил Хелф», главного учреждения по медицинскому страхованию. Шейх Мухаммед эль-Тайиб, великий муфтий Центральной мечети Царицы Южной, ученый и правовед, известен своей фетвой, избавляющей тех, кто прижился на Луне, от необходимости совершать хадж. Найлз Ханрахан, покидающий совет, и В. П. Сингх — поэт, его замена. Шесть женщин, пять мужчин, один нейтро, все успешные, профи и при деньгах.

— Видья Рао. — Маленькое, пожилое нейтро энергично пожимает руку Ариэль. — Радо знакомству, сеньора Корта. В «Белом Зайце» уже давным-давно ощущалась необходимость в присутствии вашей семьи.

— И я тоже рада, — говорит Ариэль, но уже сканирует комнату, умная как сурикат, прикидывая, как бы занять в этом обществе лидирующую позицию.

— Необходимость ощущалась давным-давно, — опять говорит Видья Рао. — Я было доктором математики в Университете Невидимой стороны, но последние десять лет вхожу в совет директоров «Уитэкр Годдард».

Ариэль резко переводит внимание на нейтро.

— Форвардные сделки Рао.

Видья Рао хлопает в ладоши в знак признательности.

— Спасибо. Я польщено.

— Я знаю про форвардные сделки Рао, но на самом деле их не понимаю. Мой брат регулярно спекулирует с их помощью.

— А я-то подумало, Лукас Корта слишком осторожен для спекуляций на форвардном рынке...

— Так и есть. Я имела в виду Рафу. Лукас настаивает, чтобы он использовал для спекуляций только собственные деньги.

Рафа объяснял форвардные сделки Рао несколько раз — слишком много. Это финансовый инструмент — вариация фьючерсной сделки, основанной на задержке связи в 1,26 секунды между Землей и Луной: таково время, которое требуется любому сигналу, путешествующему со скоростью света, чтобы преодолеть 384 000 километров. Этого времени достаточно для того, чтобы между земным и лунным рынками открылись «ценовые ножницы»: разница в ценах, которой могут воспользоваться трейдеры. Форвард Рао — краткосрочный контракт купли-продажи на лунной бирже деривативов по фиксированной

цене. Если лунные цены упадут, ты получаешь деньги. Если вырастут, ты вне игры. Как и вся торговля фьючерсами, это игра в угадку; хорошая, подкрепленная железным законом скорости света. В этом месте Ариэль Корта перестает что-либо понимать. Прочее — абракадабра. Для ИИ, которые ведут на электронных рынках торговлю, руководствуясь миллисекундами, 1,26 секунды — эон. Миллиарды форвардов, триллионы долларов торгуются туда-сюда между Землей и Луной. Ариэль слышала, что Воронцовы подумывают о создании автоматизированной трейдинговой платформы в точке Лагранжа L1 между Луной и Землей, что позволило бы создать вторичный форвардный рынок с временной задержкой 0,75 секунды.

— Лукас убежден, что никогда нельзя инвестировать в то, чего не понимаешь.

— Лукас Корта — мудрый человек, — говорит Видья Рао с улыбкой.

Двери в конференц-зал открываются. Внутри низкие столы, мягкие диваны, обтянутые выращенной в чанах кожей, подобранные со вкусом произведения искусства.

— Пройдемте?

— Разве не стоит подождать Орла? — спрашивает Ариэль.

— О, его не приглашали, — говорит Видья Рао. — Марин — наш связной. — Э[22] кивком указывает на знаменитого шеф-повара.

— Все очень неформально, — говорит судья Риеко, стоя у дверей. Они с Найлзом Ханраханом остаются снаружи, а Ариэль следует за Видьей Рао в зал. Сотрудники отеля закрывают двери, и заседание Павильона Белого Зайца начинается.

— Привет.

Коджо Асамоа лежит лицом к стене. Медицинские боты порхают и мечутся туда-сюда над ним. При звуке голоса Лукасинью он переворачивается и садится от удивления.

— Привет! — Взмах руки изгоняет медицинские машины. Они сбиваются в стайки по углам комнаты — цифровой эквивалент беспокойства. Доступ в медицинский центр оказался не таким простым делом теперь, когда Лукасинью — «отключенный парень». Григорий Воронцов все устроил. Он всегда был лучшим кодером в коллоквиуме.

— Что на тебе надето?

Лукасинью щеголяет в скаф-трико. Ариэль напечатала ему высококлассные модные шмотки, но он один раз их надел, а потом сложил в ранец. Теперь ему нравится, как выглядит скаф-трико. В нем он этакий тощий бунтарь. Бросается в глаза. Люди провожают его взглядами, когда он проходит мимо. Это хорошо. Может, даже получится стать законодателем моды.

Он целует Коджо в губы, по-мужски.

— Как ты?

— Скучно-скучно-скучно-скучно-скучно.

— Но ведь все в порядке?

Коджо откидывается назад, закинув руки за голову.

— Все еще выкашливаю частицы легких, но теперь хоть могу лежать на собственной заднице. — Он приподнимает левую ногу. Она заключена в нечто похожее на ботинок от пов-скафа, и трубки от этой штуки уходят в основание кровати. — Мне выращивают новый палец. Напечатали кость, посадили стволые

клетки. Примерно через месяц будет готово.

— Я тебе кое-что принес.

Лукасиною достает из ранца герметичный пакет, открывает. Медицинские боты взволнованно роятся, когда их сенсоры регистрируют шоколад, сахар, ТГК. Коджо приподнимается на локте, берет предложенный брауни, обнюхивает.

— И с чем они?

— С кайфом.

— Говорят, вы с Григорием Воронцовым изрядно покайфовали.

— Кто говорит?

— Афуа.

— На этот раз она права.

Коджо садится в постели. Лицо у него растерянное.

— Что случилось с Цзиньцзи?

— Я его не ношу.

Не носить фамильяра — все равно что не носить одежду. Или кожу.

— Афуа сказала, ты сбежал из семьи. Отец отрезал тебя от счетов.

— И по этому поводу она тоже права.

— Ого. — Коджо внимательно разглядывает Лукасиною, будто высматривая грехи или паразитов. — Это самое... ты хоть дышать-то можешь?

— До такого бы никогда не дошло. Бабушка его бы не простила. Она меня любит. С водой тоже все нормально, однако он заморозил мои счета по углероду и данным.

— Как ты деньги зарабатываешь?

Лукасиною разворачивает наличку веером.

— У меня полезная тетушка.

— Я такого раньше никогда не видел. Можно понюхать? — Коджо машет банкнотами под носом. Вздрагивает. — Подумать только, сколько рук их щупали.

Лукасиною садится на кровать.

— Коджо, как долго ты собираешься тут быть?

— Что тебе нужно?

— Просто если ты не пользуешься своей квартирой...

— Тебе нужна моя квартира?

— Я тебе жизнь спас. — Лукасиною немедленно жалеет, что пустил в ход козырь. Это выигрышный шаг, это подлый шаг.

— Ты поэтому сюда явился? Просто чтобы спрятаться в моей квартире?

— Нет, совсем нет... — Лукасиною меняет курс. Слова не помогут. Он предлагает брауни. — Я их сделал для тебя. Правда.

— Мне не положено никакого кайфа, пока палец не отрастет, — говорит Коджо и берет один брауни. Кусает. Тает. — Ох, дружище, как круто... — Он приканчивает брауни. — Ты и впрямь хорош в этом деле. — Наполовину съев второй брауни, Коджо Асамоа говорит: — Квартира твоя на пять дней. Я уже перепрограммировал замок на твою радужку.

Лукасинью забирается на кровать и сворачивается клубочком у ног Коджо, точно ручной хорек. Теперь и он берет брауни. Медицинские боты жужжат и роятся, регистрируют у своего пациента растущий уровень наркотической интоксикации. Два подростка жуют и хихикают, вместе им хорошо.

Высокие двойные двери открываются, советники поднимаются со своих диванчиков и неторопливо уходят; в шуме голосов не различить отдельных разговоров. Заседание Павильона Белого Зайца подошло к концу.

— Итак, сеньора Корта, что вы скажете о первом знакомстве с лунной политикой? — Банкир Видья Рао незаметно оказывается возле Ариэль.

— Она на удивление банальна.

— Внимание к банальным вещам сохраняет нам жизнь, — говорит Видья Рао. Шеф-повар Марин Олмстед спешит в вестибюль лифта, ему не терпится вернуть фамильяра в рабочий режим и отчитаться перед Джонатоном Кайодом. — Разумеется, политика не обязана быть до такой степени банальной. — Э касается руки Ариэль, приглашая задержаться, о чем-то поговорить тайком. — Существуют советы внутри советов.

— Я только успела разместиться за столом в этом совете, — замечает Ариэль.

— Ваша кандидатура не получила единогласного одобрения, — отвечает банкир. Э приглашает Ариэль присесть рядом. От прикосновения чанной кожи она, как обычно, покрывается мурашками. Не может забыть, что вырастили эту кожу из человеческих клеток.

— Называть имена было бы неразумно, — замечает Ариэль.

— Конечно. Кое-кто из нас прилагал все усилия к тому, чтобы вас приняли. Я было одним из них. Я следило за вашей карьерой с интересом. Вы исключительная молодая женщина, вас ожидает блестящее будущее.

— Я слишком тщеславна, чтобы краснеть, — признается Ариэль. — Тоже на это надеюсь.

— О, моя дорогая, это не пустые мечтания, — говорит Видья Рао. Глаза эо сверкают. — Все было смоделировано с высокой степенью точности. Форварды Рао — лишь самое малое из моих достижений. Чего желает каждый инвестирующий банк, так это возможности заглянуть в будущее. Предсказать, какие цены продержатся долго, а какие — нет, что дало бы нам мощное преимущество.

— Вы сказали «нам», — говорит Ариэль.

— Сказало, не так ли? Последние семь лет я создавало алгоритмы для моделирования рынков. В результате я создало теневые рынки, работающие на квантовых компьютерах, опираясь на которые можно делать обоснованные предположения по поводу того, как будет развиваться ситуация на настоящих рынках. Точность изумительная, хотя инструмент оказался менее полезным, чем мы себе представляли, — используя эту информацию, мы, скажем так, разоблачаем себя, и рынок действует наперекор нам, аннулируя любое преимущество, которое хотела бы получить «Уитэкр Годдард».

— Абракадабраномика, — говорит Ариэль. — Черная магия. — Она раздвигает вейпер на полную длину и закрепляет. Зажигает, вдыхает, выпускает вьющуюся струйку пара.

— Мы нашли более полезное применение для техники, — говорит Видья Рао. Э наклоняется вперед, вынуждая Ариэль посмотреть эу в глаза. — Пророчества. Впрочем, никакой религиозной тарабарщины. Речь о полезных предсказаниях, основанных на грамотных прикидках, которые проистекают из мелкомасштабного компьютерного моделирования. Моделирования лунной экономики и лунного общества. У нас три независимые системы, каждая прорабатывает модель. «Тайян» сконструировал три квантовых универсальных ЭВМ, я разработало алгоритмы. Мы их называем Три Августейших: Фу Си, Шэньнун и Желтый Император. Эти трое редко соглашаются друг с другом — в их выходных данных приходится выискивать закономерности, — но они с высокой долей уверенности пришли к согласию относительно одного человека. Вас.

Внешне Ариэль спокойна и элегантна — такова ее маска для посторонних, — но внутри она чувствует, как от сердца до самой сердцевины мозга пробегает волна холодного электричества.

— Не уверена, что мне по нраву известие о том, что некое тайное собрание квантовых компьютеров провозгласило меня Избранной.

— Ничего столь тенденциозного. Мы просто смоделировали Пять Драконов. Вы главные творцы экономического и политического общества Луны. Вы показали себя важной фигурой в семье Корта. Важной фигурой!

— Но бу-хвэджан у нас Рафа.

— А Лукас — сила позади трона. Вы же знаете, он планирует захватить компанию. Ваши мальчики талантливы, но предсказуемы.

— И вы предсказали мою непредсказуемость. — Ариэль выпускает еще одну струю пара. Без усилий, хладнокровно. Внутри у нее все искрится от бдительности.

— Три Августейших были единомышленны. Три Августейших никогда не проявляют единомыслия. Скажу откровенно, Ариэль. Мы желаем сделать ставку на ваш потенциал.

— Вы говорите не про «Уитэкр Годдард».

— Я говорю о некоем движении, о призраке, о философии, об отклонении.

— Если вы намекаете на борьбу добра со злом, разговор окончен. — Но маленькое нейтро привлекло ее внимание. Любопытство и тщеславие всегда находят общий язык.

— Твоя мать построила Луну. — Голос судьи Риеко. Ариэль и не заметила, как та вернулась в вестибюль. — Но политическое наследие КРЛ и Пяти Драконов в общем и целом представляет собой феодализм. Великие дома и монархия, распределяющие территории и привилегии, монополизирующие водное, кислородное и углеродное довольствие. Вассалы и сервы в кабале у своих корпораций-спонсоров. Как в Японии времен сегуната или в средневековой Франции.

Риеко садится рядом с Видьей Рао. Ариэль начинает чувствовать себя мишенью.

— Три Августейших согласны с тем, что модель недолговечна, — говорит Видья Рао. — Пять Драконов достигли пика своей мощи — в прошлом квартале прибыль от торговли деривативами превысила прибыль Пяти Драконов, и так уже третий квартал подряд. Финансовые предприятия вроде «Уитэкр Годдард» находятся на подъеме.

Ариэль смотрит Видье Рао в глаза, пока э не отворачивается. Презрение Корта.

— Женщина в Гамбурге подключает машину к зарядному пункту на улице, девушка в Аккре заряжает чип своего фамильяра от школьной сенсорной панели, мальчик в Хошимине играет на диджейском оборудовании, мужчина в Лос-Анджелесе садится на поезд-экспресс до Сан-Франциско; все они

пользуются гелием Корта.

— Красноречиво, сеньора.

— По-португальски звучит еще красноречивее.

— Уверено. Факт есть факт, будущее принадлежит финансам. Наша экономика бедна ресурсами и богата энергией. Очевидно, что наше будущее связано с невесомыми, цифровыми товарами.

— Невесомые товары становятся до странности тяжелыми, когда обрушиваются тебе на голову. Или Пять Крахов вас ничему не научили?

— Три Августейших...

— Мы представляем движение за независимость, — встречается Нагаи Риэко.

— Ну еще бы, — говорит Ариэль Корта с кошачьей улыбкой и медленно затягивается своим блестящим вейпером.

— У нас есть собственный павильон. Лунарианское общество.

— Опять болтовня.

— Лучше слова, чем клинки.

— И вам нужна я.

— Лунарианское общество опирается на всех Пятерых Драконов и все уровни общества.

— Мы куда демократичнее «Белого Зайца», — мимоходом замечает Видья Рао.

— Я же Корта. Мы не играем в демократию.

Видья Рао не в силах скрыть гримасу отвращения. Нагаи Риэко улыбается.

— Вы хотите пригласить меня вступить в ваше общество, — говорит Ариэль.

Видья Рао откидывается на спинку стула с искренним удивлением на лице.

— Дорогая моя сеньора Корта, мы не собираемся вас приглашать. Мы хотим вас купить.

Обзаведшись постелью и наличкой в кошельке, Лукасинью врывается в круговорот вечеринок. Молодому КORTE легче легкого отыскать вечеринку. Он следует по цепи от знакомого к знакомому до квартиры Сяотин Сунь на Тридцатом, в хабе Водолея. Репутация бежит впереди него. Ты удрал от отца? То есть ни сети, ни углерода, ни единого битси? А где ночуешь?

У Коджо Асамоа. Пока он отращивает новый палец на ноге. Я спас ему жизнь. Но они переходят напрямик к следующему вопросу: «Что это на тебе надето?»

Сяотин Сунь наняла Баньяну Рамилепи, нового наркодиджея. Она смешивает и печатает разные виды кайфа, настроения и любви, превращая их в сок для батареи вейперов. Лукасинью дрейфует по вечеринке, эффектный в своем обтягивающем розовом наряде, впитывает эмпатию, религиозный восторг, удовольствие, которое лучше любого секса, эйфорию, золотую меланхолию. На двадцать минут он сильно-сильно влюбляется в невысокую широкобедрую серьезную девушку из Будиньо. Она ангел, богиня, его божественная любовь, он бы каждый день просто сидел и глядел на нее, сидел и глядел. Потом химия распадается, превращается в ничто, они сидят и пялятся друг на друга, и он капает новый сок в свой вейпер. К исходу вечера парень и девушка маркерами рисуют на его скаф-трико существ родом из галлюцинаций.

Никто не возвращается с ним в квартиру Коджо.

На вечеринке следующим вечером в квадре Ориона обнаруживаются две девушки в скаф-трико, неоновом-зеленом и светоотражающем оранжевом. Лукасину все еще пытается вспомнить, была ли одна из них на вечеринке у Сунь, когда перед ним появляется девушка с блондинистой шапкой коротких кудрей и спрашивает: «Можно взглянуть на деньги?»

Он достает банкноты и разворачивает веером, точно уличный фокусник.

А это битси?

Пять, десять, двадцать, пятьдесят, сотня.

Собирается толпа, банкноты переходят из рук в руки, их ощупывают, ими хрустят.

А если я ее просто заберу?

А если порву на две части?

А если подожгу?

«Получатся мертвые деньги, — говорит Лукасину. — Эти штуки не застрахованы».

Парень берет банкноту в пять битси и что-то пишет на ней карандашом. Он один из тех мосус, которые чуть-чуть высовывают язык от сосредоточенности. Не привык писать.

А если так?

Он поменял «пять» на «пять миллионов».

«Никакой разницы», — говорит Лукасину. Парень оставил еще одно послание, написанное вдоль края таким плохим почерком, что Лукасину с трудом может прочитать. Место в квадре Антареса и время.

Квадра Антареса отстает от Ориона на восемь часов, так что Лукасину едва хватает времени, чтобы запихать скаф-трико в стирку, чуть вздремнуть, принять душ и заказать немного углерода за наличку, прежде чем он оказывается на верхотуре Западного 97-го, в закатной темноте, и вокруг него проносятся ездоки на светящихся байках. Подъем долгий, потому что лифты и фуникулеры не принимают бумажные деньги. Он оказывается на импровизированной гоночной трассе; это пятикилометровая гонка на байках по крутому городскому маршруту. Зигзаги по эстакадам и лестничным пролетам. Впечатляющие прыжки, траектория которых пролегает высокой дугой над крышами, упираясь в узкие переулки; и дальше, дальше, поворачивая за «шпильки»[\[23\]](#), ускоряясь на эстакадах, чтобы снова взлететь. Дальше и дальше, мчась во тьме на полной скорости, ориентируясь по линзам ночного видения и светящимся стрелкам, нарисованным на стенах, по фонарям Западного Антареса, свистя, чтобы предостеречь пешеходов и тех, кто гуляет по ночам. Девичья рука хватает Лукасину и затягивает в дверной проем, когда свистки раздаются из ниоткуда, и два байка проносятся мимо, оставляя на его сетчатке светящиеся послеобразы.

«Господи, это ты?»

«Я», — говорит Лукасину. Он стал знаменитостью. Он покупает ей муджадару в одном из киосков в верхней части «гоночной трассы», не потому что она голодная, но потому что ей хочется увидеть, как работает наличность.

«Тебе приходится все складывать в уме?»

«Это не так трудно».

Вместе они смотрят, как полосы света проносятся через переулки, над крышами и вдоль дорожек, то исчезают из вида, то появляются, когда ныряют под надстройки или огибают углы. Далеко внизу, на проспекте Бударина, маленькие световые спирали вьются вокруг друг друга: байки на финишной прямой. Время прибытия не имеет значения. Победитель не имеет значения. Сама гонка не имеет значения. Что

важно, так это зрелищность, отвага, непокорность и ощущение того, что нечто чудесное свалилось с небес и озарило безопасную и заурядную лунную жизнь.

Этим вечером скаф-трико встречаются куда чаще. Два парня украшают друг друга светящейся краской, которой гонщики разрисовали свои байки. Присутствие Лукасинью каким-то образом благословило гонки. Две девушки пробираются к нему сквозь толпу. Они одеты как мужчины европейского девятнадцатого века: фраки, воротники-стойки с отогнутыми углами, цилиндры и монокли. Локоны и макияж, убивающий наповал. В руках, затянутых в перчатки, держат трости. Их фамильяры — маленькие драконы, один зеленый, другой красный. Одна из них шепчет время и место на ухо Лукасинью. Он чувствует, как она зубами прихватывает металлический штырек в его мочке. Приятная слабая боль. Абена Асамоа слизала его кровь на вечеринке в честь лунной гонки.

Девушку, которая его спасла и разделила с ним муджадару, зовут Пилар. Она не из какой-нибудь семьи, однако возвращается в квартиру Коджо вместе с Лукасинью и засыпает в гостевом гамаке. Еще светло. Лукасинью спит до местного утра и готовит ей свежие маффины в качестве подарка на прощание.

Остальное берет с собой на новую вечеринку. Она в квадрате Антареса, на утренней стороне города, охватывает семь комнат в здании коллоквиума. Встречают две девушки, которых он видел прошлым вечером. Они все еще одеты как мальчики-аристократы из девятнадцатого века.

«О, кайфовая выпечка», — говорит одна.

«А вот это уже старье, — говорит другая, ведя кончиком пальца по скаф-трико Лукасинью и задерживаясь у него под подбородком. Ее губы очень пухлые и красные. — Надо бы нам что-то с тобой сделать».

Остаток вечера они проводят, придумывая Лукасинью Кorte новый облик. Лукасинью хихикает, пока девушки его раздевают, но он достаточно тщеславен, чтобы демонстрировать свое тело с наслаждением.

«Видишь ли, дело не в том, кого ты трахаешь».

«Ты такой би, такой спектральный, такой нормальный».

«Дело в том, кто ты такой».

«Что ты такое».

Они разрисовывают его, покрывают косметикой, меняют прическу, спреем наносят временные татуировки, играют с его пирсингом, наряжают с головы до ног. Подбирают одежду в стиле ретро и ни в каком определенном стиле; применяют к нему изобретения студентов-дизайнеров; меняют гендер и отменяют гендер.

«Это ты».

Платье из золотого ламе^[24] в стиле 1980-х, с подчеркнута узкой талией, с рукавами, пышными у плеча и облегающими от локтя до запястья, с подплечниками. Колготки и красные туфли на каблуках.

«Безусловно, ты».

Толпа кивает, и да, и ух ты. Сперва Лукасинью думает, что попал на вечеринку модных платьев: мини-турнюры и балетные пачки, в волосы вплетены зеркала и птичьи клетки; шляпы и каблуки; рваные чулки и кожа; трико с большими вырезами и наколенники. Все наряжены согласно сотне разных стилей, все безупречно. Потом он понял, что это субкультура, в которой каждый сам себе субкультура.

У одного из парней есть зеркало в сумочке, которую он прибавил к наряду в качестве подходящего аксессуара, и Лукасинью изучает свое отражение. Он великолепен. Он не девушка, он не трансвестит. Он мосу^[25] в платье. Его челку взбили и с помощью геля уложили в риф. Легчайшее прикосновение макияжа

превращает его скулы в заостренные лезвия, а глаза — в темных убийц. Он движется как ниндзя на каблуках. Не девушка, не совсем парень.

«Думаю, ему нравится», — говорит Цилиндр-и-монокль.

«А я думаю, он понял, кто он такой», — прибавляет Воротничок-и-трость.

Одна из девушек цепляется к нему: «Эй, ты, Лукасинью Корта, платье супер, покажи наличку». Говорит: «Хочешь прийти на вечеринку?»

«Куда?»

Она дает ему адрес, и только вернувшись в квартиру Коджо и оставшись в одиночестве, Лукасинью понимает, что это в Тве, столице Асамоа, и что Абена Асамоа может быть там. И что ему нужна — сильно-сильно нужна — и всегда была нужна только та девушка, которая проткнула его ухо металлическим штырьком.

— Странная комната, — говорит музыкант.

Лукас сидит на диване. Напротив дивана стоит стул, другой мебели в комнате нет.

— Она акустически безупречна. Ее разработали для меня, и лучшей акустики ты нигде не слышал.

— Куда мне...

Лукас указывает на стул в центре комнаты.

— Ваш голос, — замечает музыкант.

— Да. — Лукас говорит тихо и без усилий, но его слова разносятся по всей комнате. Он сомневается, что в мире есть другая звуковая комната, которая могла бы сравниться с этой. Инженеров-акустиков, руководивших ее постройкой, он привез из Швеции. Лукасу нравится ее сдержанный стиль. Звуковые чудеса прячутся в стенах с микрожелобками, под звукопоглощающим черным полом и потолком, способным менять форму. Акустическая комната — единственный порок Лукаса, как считает он сам. Он сдерживает волнение, пока музыкант открывает гитарный футляр. Это эксперимент. Он еще ни разу не слушал в этой комнате живую музыку.

— Если не возражаешь. — Лукас кивком указывает на открытый футляр на полу. — Он исказит рисунок волн.

Футляр выносят из комнаты; музыкант склоняется над гитарой и играет тихую гамму на пробу. Лукасу звуки кажутся мягкими и чистыми, как дыхание.

— Очень хорошо.

— Тебе бы стоило присесть сюда и послушать, — говорит Лукас. — Только вот кто тогда будет играть на гитаре?

Закончив настройку, музыкант кладет обе руки на деревянный корпус инструмента.

— Что бы вы хотели услышать?

— Я просил тебя на вечеринке сыграть песню. Мамину любимую.

— «Águas de Março».

— Сыграй ее для меня.

Пальцы порхают над грифом, для каждого слова находится аккорд. Голос у парня не самый сильный и не самый изысканный из всех, какие Лукасу доводилось слышать, — скорее, интимный шепот, как будто он поет самому себе. Но он ласкает песню, превращает музыкальный диалог в постельный разговор между

певцом и гитарой. Голос и струны синкопируют, вторя ритму; между ними он исчезает, оставляя лишь беседу: аккорды и стихи. Дыхание Лукаса становится неглубоким. Каждое его чувство настроено так же точно, как и струны гитары, наполнено живой гармонией и резонирует, сосредоточившись на певце и песне. Вот душа саудади. Вот святая мистерия. Эта комната — его церковь, его террейру. Это все, о чем Лукас может мечтать.

Жоржи, музыкант, завершает песню. Лукас берет себя в руки.

— «Eu Vim da Bahia»? — спрашивает он. Старая песня Жуана Жильберту со сложной нисходящей аккордовой последовательностью и разбивающим сердце группетто. Жоржи кивает. «Lua de São Jorge». «Nada Sera Como Antes». «Cravo e Canela». Все старые песни, которые мать Лукаса привезла из зеленой Бразилии на Луну. Песни его детства, песни заливов, холмов и закатов, которые он никогда не видел и не сможет увидеть. Они были семенами красоты, сильными и печальными, в сером аду Луны. Лукас Корта еще в юности понял, что живет в аду. Единственный способ преобразить ад, хотя бы выжить в нем, — сделаться его правителем.

Лукас чувствует, как по его щеке бежит слеза.

«Por Toda a Minha Vida» заканчивается. Лукас сидит молча и не шевелясь, позволяя эмоциям успокоиться.

— Спасибо, — говорит Лукас. — Ты красиво играешь. — Мыслью посылает фамильяру Жоржи оплату.

— Это больше, чем мы условились.

— Музыканту не нравится, что ему переплатили?

Жоржи приносит футляр и прячет в него гитару. Лукас следит, с какой заботой и любовью он обращается с инструментом: вытирает пот со струн, выдувает пыль из-под конца грифа. Словно укладывает ребенка в колыбель.

— Эта комната слишком хороша для меня, — говорит Жоржи.

— Эта комната создана для тебя, — отвечает Лукас. — Приходи снова. На следующей неделе. Пожалуйста.

— За такие деньги я приду, стоит вам только свистнуть.

— Не искушай меня.

И вот оно — промелькнувшая улыбка, мимоходом встретившиеся взгляды.

— Хорошо найти того, кто ценит классику, — говорит Жоржи.

— Хорошо найти того, кто ее понимает, — вторит Лукас. Жоржи поднимает тяжелый футляр с гитарой. Токинью открывает дверь акустической комнаты. Даже приглушенные шаги и поскрипывание гитарного футляра звучат безупречно.

Пространство вокруг сражающихся фигур рассекают узкие лучи света, похожие на копыя. Холл ножей — туннель из ярких, пыльных солнечных колонн. Двое мужчин, высокий и низенький, делают выпады и танцуют, уклоняются и отвечают ударом на удар; они сражаются босиком на абсорбирующем полу, постоянно перемещаясь из света в тень. Зрелище красивое, как балет. Рэйчел Маккензи следит за ними из маленькой галереи для зрителей у входа. Робсон быстр и отважен, но ему одиннадцать, а Хэдли Маккензи — мужчина.

Нет закона на Луне, только консенсус, и консенсусом запрещено кинетическое оружие. Пули

несовместимы с герметичной средой и сложной машинерией. Ножи, дубинки, гарроты, изысканные машины и медленные яды, маленькие биологические убийцы, которых так любят Асамоа: таковы инструменты насилия. Война на Луне — все равно что острие ножа у глазного яблока. Рэйчел ненавидит то, что Робсон оказался в Холле ножей. Она еще больше ненавидит то, как он любит сражаться и как быстро усваивает техники, которым его учит Хэдли. Больше всего она ненавидит то, что это необходимо. Пятерым Драконам беспокойно на груди сокровищ. Хэдли — семейный дуэлянт. По «Горнилу» туда-сюда курсируют слухи о том, что Роберт Маккензи отдал такое распоряжение, чтобы удержать в узде амбиции Джейд Сунь и чтобы сохранить наследственную линию Маккензи чистой. Никто лучше него не обучит Робсона стезе ножа, но Рэйчел хотелось бы, чтоб между ним и Хэдли сформировалась другая, лучшая связь. Какой-нибудь вид спорта — вроде гандбола, которым так одержим Рафа, — был бы полезнее и безопаснее, направь Робсон свою энергию на него.

Только гляньте на мальчика — легкий, но острый, точно клинок в его правой руке. Бойцовские штаны свисают с худых бедер. Узкая грудь ходит ходуном, но глаза окидывают длинную комнату зорким взглядом. Крик. Робсон пинает, целясь в коленную чашечку, затем наносит рубящий удар — сверху вниз и слева направо. Метит в глаза, в горло. Хэдли увертывается от пинка, ныряет под нож и выворачивает противнику руку. Робсон вскрикивает. Нож падает. Хэдли ловит его на лету. Еще один финт, подсечка — и Робсон оказывается на спине. Хэдли обрушивается на мальчика, точно молот, целясь сразу двумя ножами в горло.

— Нет!

Лезвия останавливаются в миллиметре от коричневой кожи Робсона. Капля пота падает со лба Хэдли в глаза Робсону. Хэдли ухмыляется. Он даже не услышал крик Рэйчел. Она не остановила его руку. Есть только они двое. Больше ничего не существует. Интимность насилия.

— Каково правило, Роббо? Если взял нож...

— Убей им.

— На этот раз — только на этот раз — я позволю тебе жить. Так в чем же урок?

— Никогда не теряй ножа.

— Никогда не сдавайся. Используй оружие врага против него, — раздается голос от двери.

Рэйчел не видела, как вошел Дункан. Ее отцу чуть за шестьдесят, но у него энергия и осанка мужчины на двадцать лет моложе. Костюм — простой серый, консервативный, однобортный, безупречно скроенный, но неброский. Его фамильяр Эсперанса — простая сфера из серебристой жидкости, поверхность которой украшают лишь пробегающие по ней волны. Ничто в отточенном минимализме и сдержанности Дункана Маккензи не афиширует, что он генеральный директор «Маккензи Металз». Все в Дункане Маккензи заявляет об этом.

— Он хорош? — спрашивает Дункан Маккензи.

— Может тебя зарезать, — говорит Хэдли.

Дункан Маккензи отвечает мрачной кривой ухмылкой.

— Возьми его, и идем со мной, Рэйчел, — говорит он. — Я хочу его кое с кем познакомить.

— Он будет пять минут в душе, — говорит Рэйчел.

— Возьми его, и идем со мной, Рэйчел, — повторяет Дункан Маккензи.

Робсон смотрит на мать. Она кивает. Хэдли поднимает нож: приветствие бойца.

* * *

Рэйчел Маккензи всегда испытывала отвращение к своему дяде Брайсу. Роберт ужасен, но Брайс Маккензи, финансовый директор «Маккензи Металз», — монстр. Он огромен. Высокий даже по меркам второго поколения, неимоверно растолстевший в лунной гравитации. Он тучный человек-гора, балансирующий на странно маленьких ножках. Не жирный — огромный. Но движется с грациозностью и учтивостью, какими часто обладают крупные мужчины.

Брайс Маккензи окидывает Робсона взглядом с головы до ног — как скульптуру, как бухгалтерскую отчетность.

— Какой милый мальчик.

Юный приемыш приносит мятный чай. Официально Брайс Маккензи подбирает своих мальчиков, когда те достигают половой зрелости, и устанавливает над ними опеку, а потом находит им работу в «Маккензи Металз». Многие сочетались браком с кем-то из компании или за ее пределами, некоторые стали отцами. Брайс близок со своими бывшими любовниками и щедро их поддерживает. Не случилось никаких скандалов. Брайс для этого слишком почтителен. Чайный мальчик — один из трех аморов, которые в настоящее время обслуживают Брайса. Их пальцы встречаются над стаканчиком с чаем. Взгляд, улыбка. Рэйчел представляет себе, как этот мальчик оседлывает Брайса, человека-гору. Тыг-дык, тыг-дык. Зад ходит ходуном.

— Робсон, познакомься с твоим новым мужем, — говорит Дункан. Глаза Рэйчел распахиваются. — Это Хоан Рам Хун. — Взрослый мужчина, хорошо сложен: двадцать девять — тридцать лет от роду.

— Один из твоих мальчиков, — язвит Рэйчел.

Брайс оскорбленно надует мягкие, полные губы.

— Рэйчел, — предупреждает Дункан.

Хун пожимает плечами с беззаботным видом, но в изгибе его рта прячется намек на обиду.

— Вот никак. — Брайс посылает распечатанный контракт через стол, и в тот же миг Камени получает файл. Включается правовой суб-ИИ и сводит контракт к основным тезисам.

— Да ты шутишь, — говорит Рэйчел Маккензи.

— Это стандартная форма. Ничего опасного, никаких сюрпризов, — говорит Брайс.

— Ты спросил Робсона о том, что он предпочитает? — резко спрашивает Рэйчел.

— Папа этого хочет, — заявляет Дункан Маккензи.

— Что ты сказал? — Рэйчел поворачивается к отцу. Она сожалеет, что создала тот образ чайного мальчика, оседлавшего нагую тушу Брайса. Теперь в ее воображении такие кошмарные картины, что она вынуждена зажимать рот ладонями.

— Как Брайс и сказал, это стандартный договор.

— Мне нужен день или два.

— Да о чем тут думать? — спрашивает Брайс. Рэйчел бессильна. Воля Роберта Маккензи правит «Горнилом», а она в самом сердце его владений. Ей не к кому апеллировать. Джейд Сунь всегда будет придерживаться того же мнения, что и муж. Не имеет значения, окажется ли Хун добрым или жестоким; брак сделает Робсона заложником Маккензи.

Дункан снимает колпачок с ручки. Камени преподносит цифровую панель для подписи на виртуальном контракте.

— Я тебя никогда не прощу, Брайс.

— Принято к сведению, Рэйчел.

Два быстрых, решительных удара ручкой, и Рэйчел выколет Брайсу глаза. Но она вздыхает, и Камени печатает ее цифровую «инь». Сделано.

— Робсон, сынок, ступай к своему новому мужу, — говорит Дункан.

Хун стоит, благожелательно раскинув руки. Рэйчел приседает и прижимает Робсона к себе.

— Я тебя люблю, Роббо. Я всегда буду тебя любить и никогда не дам тебя в обиду. Поверь мне.

Она за руку ведет мальчика через комнату. Три шага, и мир меняется: из сына в мужа. Рэйчел останавливается возле Хуна и шепчет достаточно громко, чтоб услышали все:

— Если ты его обидишь, если хоть прикоснешься; я убью тебя и всех, кого ты когда-то в жизни любил. Усвой это. — Рэйчел обращается к Хуну, но не сводит глаз с Брайса. Влажный полный рот ее дяди искажается в неудовольствии.

— Я о нем позабочусь, мисс Маккензи.

— Я за этим прослежу.

Хун кладет руку Робсону на плечо. Рэйчел хочет сломать каждый палец, по одному за раз. Она шлепком сбивает эту руку с плеча сына.

— Я тебя предупредила.

Прикосновение к ее руке: отец.

— Пойдем, Рэйчел.

Дверь офиса открывается, и входят два охранника Дункана.

— Что, по-твоему, я собираюсь сделать, отец?

— Пойдем, Рэйчел.

Рэйчел Маккензи целует сына, потом отворачивается от него — быстро, чтоб никто не увидел выражение ее лица. Никогда, больше никогда она не позволит дяде, отцу, деду увидеть отметины, которые оставили их ногти, проткнувшие ее сердце.

— Мам, что происходит? — Дверь плотно закрывается за Рэйчел, но она все еще слышит крики сына. — Что происходит? Мне страшно! Мне страшно!

Никогда не сдавайся, сказал ее отец. Используй оружие врага против него.

Шлюз просторный, построенный для вездеходов и автобусов, но, когда позади закрывается внутренняя дверь, Марина чувствует, как сердце стискивает клаустрофобия. Пока в камере шлюза падает давление, она наблюдает. Наблюдение за деталями — ее способ справляться со страхом замкнутого пространства. Она отрешается от самой себя в потоке сенсорной информации. Пыль хрустит под подошвами ботинок. С затихающим свистом уходит воздух. Пов-скаф плотнее прижимается к телу по мере того, как умная ткань подстраивается под вакуум. Фамильяры, зависшие над плечами ее отряда, выглядят чудно. Им бы следовало надеть виртуальные пов-скафы.

Хосе, Саадия, Тандека, Пейшенс. Олег мертв. Убит физикой. Перепутал вес с массой, скорость с

движущей силой. Такую ошибку мог совершить только Джо Лунник. Он думал, что сможет остановить поехавший грузовой поддон одной рукой. Движущая сила загнала кости его вытянутой руки в грудную клетку и разорвала сердце на части.

Олег, Блейк в Байрру-Алту. За недолгую жизнь Марины на Луне умерло столько же людей, сколько за все ее годы на Земле. Смерть Олега расширила расщелину между нею и другими членами бригады. Хосе больше с ней не разговаривает. Марина знает, бригада винит в случившемся ее. Она приносит несчастья, она буреизвестник, магнит для плохой кармы. То и дело раздается новое лунное слово; апату — дух раздора. Луна — мать магии и суеверий.

Марина не может выкинуть из головы Долгий Бег. Она не понимает, как могли исчезнуть часы и километры. Она не понимает, как могла потеряться в чем-то столь иррациональном. Это был всего лишь эндорфин с адреналином, но, лежа в постели, она чувствует ритм ног, слышит сердцебиение барабанов. Ей не терпится вернуться. В следующий раз она разрисует тело краской.

Вращаются красные огни. «Шлюз разгерметизирован», — говорит Хетти. Она и все фамилары исчезают, моргнув, и снова появляются в виде зеленых имен членов бригады, зависнув над каждой головой. Зеленый означает, что все системы работают нормально. Желтый — тревога: запас воздуха, воды, заряд батарей, что-то неладное с окружающей средой. Красный — опасность. Мигающий красный: чрезвычайная опасность, риск немедленной смерти. Белый — смерть.

— Проверка связи, — говорит Карлиньос.

Марина произносит свое имя и короткую скороговорку дня, чтобы проверить, не началось ли у нее азотное отравление.

— Прием, — поспешно добавляет она. Столько всего надо помнить...

— Открывается наружный шлюз, — говорит Карлиньос.

Его пов-скаф — мозаика наклеек, логотипов и иконок, а в центре спины — Огун, Сан-Жоржи, его личный ориша. На стене перед наружной дверью шлюза — икона Госпожи Луны. Ту сторону ее лица, что представляет собой череп, истерли тысячи пальцев в перчатках. Прикоснись на удачу. Прикоснись, чтоб обмануть смерть.

— Это Госпожа Луна. Она суше самой сухой пустыни, горячей самых горячих джунглей, холоднее тысячи километров антарктического льда. Она всякий ад, который когда-то был придуман. Она знает тысячу способов, чтобы убить вас. Проявите неуважение — и она это сделает. Без раздумий. Без сожалений.

Один за другим Джо Лунники выстраиваются в очередь, чтобы коснуться Госпожи Луны. Пустыни, джунгли, Антарктика — это не то, что Карлиньос знал по собственному опыту, думает Марина. Они звучат как старая мантра. Молитва пылевика. Марина проводит пальцами по образу Госпожи Луны.

Через подошвы ботинок Марина чувствует, как со скрежетом поднимается наружная дверь. Полоса серого между серой дверью и серым полом увеличивается, открывая уродливую машинерию: парк поверхностных вездеходов, служебных роботов, коммуникационные башни, изогнутые кверху «рога» БАЛТРАНА. Брошенные машины, сломанные машины, машины на ремонте. Экстрактор, слишком высокий даже для этого громадного шлюза, опутанный гирляндами из желтых служебных мигалок: новогоднее дерево с фонариками и маячками. Ряды солнечных панелей, медленно поворачивающихся вслед за солнцем. Далекие-предалекие холмы. Поверхность Луны похожа на свалку металлолома.

— Давайте прогуляемся, — говорит Карлиньос Корта и ведет свою бригаду по эстакаде.

Марина попадает на поверхность. Нет никакого перехода, никакой границы между внутренним

пространством и огромным наружным, нет даже особого ощущения голой поверхности и обнаженного неба. Близкий горизонт заметно искривлен. Карлиньос ведет бригаду по километровой петле, обозначенной световыми шнурами. Сотни Джо Лунников ходили этой дорогой, ее испещряет бесчисленное множество отпечатков, которые накладываются друг на друга. Следы ботинок повсюду; отпечатки колес, изысканные отметины крадущихся и карабкающихся роботов. Реголит — палимпсест каждого путешествия, которое совершили по нему. Он очень уродлив. Как всякий ребенок, которому вручили бинокль, Марина глядит на Главный Хрен, увеличив картинку; громадный семьяизвергающий член длиной в сотню километров, который посреди Моря Дождей соорудили с помощью следов ботинок и отпечатков шин горняки, страдавшие избытком свободного времени. Пятнадцать лет назад он уже успел потускнеть, иссеченный следами, которые оставили последовавшие миссии. Марина сомневается, что к этому моменту в нем что-то сохранилось от бывшего заливчатского духа мужского братства.

Марина смотрит вверх. И цепь ее собственных отпечатков прерывается.

Над Морем Изобилия стоит половина Земли. Марина никогда не видела ничего более синего, более истинного. В видимом полушарии доминирует Атлантика. Можно разглядеть западный край Африки, изгиб Бразилии. Можно проследить за круговертью океанских штормов, тянущихся к углублению Карибского бассейна, где они, взбаламученные, превращаются в чудовищ и монстров, а потом уходят, кружась, вдоль изгиба Гольфстрима к невидимой Европе. На востоке граница света и тени оказалась во власти урагана. Марина легко читает его спиральную структуру, точку его глаза. Синее и белое. Ни следа зелени, но ничего более живого Марина еще не видела. На циклере ВТО она смотрела на Землю из смотрового «пузыря» и изумлялась великолепию развернувшегося перед нею зрелища. Струящиеся облака, вращающаяся планета, линия восхода вдоль края мира. Первую половину движения по удаляющейся орбите она смотрела, как уменьшается Земля, вторую — как растет Луна. Марина ни разу не видела Землю с Луны. Она заполнила небо, планета Земля; она куда больше, чем Марина воображала, и она так ужасно далека. Яркая, задумчивая и грозная; не достичь ее и не коснуться. Сообщения Марины летят к ее семье секунду с четвертью. Это дом, и ты от него очень далеко — такое сообщение передает ей полная Земля.

— Будешь тут стоять весь день? — трещит голос Карлиньоса на частном канале Марины, и она понимает, вздрогнув от досады, что все вернулись в шлюз, а она стоит как дура и пялится на Землю, задрав голову.

Вот и еще одно различие. Из циклера она смотрела на Землю вниз. На Луне Земля всегда сверху.

— Как долго я там стояла? — спрашивает она Карлиньоса, пока в шлюз нагнетается воздух.

— Десять минут, — говорит Карлиньос. «Ветряные лезвия» сбивают пыль с пов-скафов. — Когда я впервые вышел, сделал в точности тоже самое. Стоял и пялился, пока Сан-Жоржи не выдал мне предупреждение о том, что воздух заканчивается. Я никогда не видел ничего подобного. Эйтур Перейра был со мной; первые слова, какие я смог произнести, были: «Кто ее туда засунул?»

Карлиньос отстегивает шлем. В те секунды, пока разговор еще приватный, Марина спрашивает:

— И что мы теперь будем делать?

— Теперь, — говорит Карлиньос, — мы идем пить.

— Он тебя трогал?

Маленький ровер рассекает Океан Бурь. Ударяется о каждую яму и камень на полной скорости, взмывает в воздух и приземляется с мягким взрывом пыли. Ускоряется, вскидывая из-под колес большие облака пыли. Два его пассажира мотаются и дергаются во все стороны, опутанные ремнями безопасности,

и уже успели покрыться ушибами и синяками. Рэйчел Маккензи разгоняет ровер до пределов, предусмотренных рабочим режимом.

«Маккензи Металз» охотится на нее.

— Он с тобой что-то сделал? — снова спрашивает Рэйчел Маккензи сквозь вой двигателей и треск и грохот подвески.

Робсон качает головой:

— Нет. Он был очень милым. Он приготовил мне ужин, и мы говорили о его семье. Потом он учил меня карточным фокусам. Я тебе покажу. Они здоровские. — Робсон тянется в карман пов-скафа.

— Когда прибудем, — говорит Рэйчел.

Она думала, что у нее будет больше времени. Она была так осторожна с уловками и обманами. Женщины Маккензи знают толк в этом деле. Камени забронировала поезд в Меридиан. Рэйчел даже взломала шлюз, чтобы создать впечатление, будто два человека его покинули. Роберт Маккензи остановил железнодорожный челнок дистанционно через двадцать километров. Одновременно два ровера выехали из «Горнилы» в разные стороны. Первый двинулся очевидным маршрутом, на северо-восток, к серверным фермам «Тайяна» в бороздах Местлина. Логичный путь к побегу; Суни упрямо не желали присоединяться ни к одному из лунных семейств в их политических играх. Гнев Роберта Маккензи не испугал бы дом Сунь.

Рэйчел выбрала нелогичный путь. Ее курс как будто бы лежит на юго-восток, к старой полярной грузовой линии. Вдоль дороги тянутся электростанции и склады с провизией. По древней традиции — древней по лунным стандартам — Воронцовы должны остановить поезд для любого, кто включит маяк с дороги. Потом надо договариваться, но традиция поддержки и спасения живет. Дункан Маккензи наймет частную охрану, чтобы встретить поезда на всех главных станциях: Меридиан, Царица, Хэдли. Но не туда направляется Рэйчел Маккензи. И даже не к железной дороге.

В ровере нет окон, нет воздуха, он не герметичен, в нем почти ничего нет, кроме трансмиссии и топливной системы. Автоматический возврат и возможность дистанционного управления были отключены на нем и на ровере-приманке, который движется в противоположном направлении. Рэйчел всегда была хорошим кодером. Семья так и не оценила этот талант, как и все прочие ее таланты. Ее истинная цель — изолированная станция БАЛТРАНа во Флемстиде. Она запрограммировала серию прыжков. Но роверы «Маккензи Металз» приближаются со стороны экстракционных заводов на юге и востоке. Камени превратилась в тень самой себя: Рэйчел не хочет рекламировать свое местонахождение по сети. Она надеется, что охотники попытаются отрезать ее от железной дороги. Время путешествия можно рассчитать с высокой точностью. Уравнения отточены и холодны. Если они догадаются о станции БАЛТРАНа, ее поймут. Если предположат, что дело в магистральной линии, она спасется. Но надо подключиться к сети, и это продемонстрирует всей Луне, где она.

— Мы скоро будем на месте, — говорит Рэйчел Маккензи сыну. Поглядите на него — одетый в пов-скаф, привязанный ремнями безопасности по другую сторону брюха ровера, такого узкого, что они соприкасаются коленями; поглядите на него. Под щитком шлема не видны волосы и абрис лица, все внимание притягивают к себе глаза, эти глаза, огромные зеленые глаза. Ни один мир — ни этот серый мир, ни большой голубой там, наверху — не может быть прекрасней его глаз. — Мне надо кое с кем поговорить. Я запущу Камени, но не включай Джокера. Еще рано.

Камени подключается к сети, и Рэйчел испытывает физическое облегчение; это как дышать полной грудью.

Звонок принимает фамилляр Ариэль Корты. Пожалуйста, подождите. Потом сама Ариэль Корта

появляется на линзе Рэйчел.

— Рэйчел. Что происходит?

Платье, волосы, кожа, макияж Ариэль безупречны. Рэйчел считала свою невестку высокомерной, равнодушной карьеристкой. Она наделена достаточной честностью, чтобы признаться в зависти — эти бразильянки от рождения обладают всем, чем только можно. Ариэль много раз разбивала ее семью в пух и прах в суде, но теперь Рэйчел в ней нуждается.

Она в общих чертах обрисовывает побег. Камени передает никах.

— Одну секундочку, пожалуйста. — Ариэль ненадолго заменяет Бейжафлор, потом она появляется опять. — Это стандартный брачный контракт, согласно которому мой племянник заключает десятилетний брак с Хоан Рам Хуном. Он крепкий.

— Вытащи Робсона из него.

— Контракт правомерен и обязателен. Правомочия обеих сторон ясны. Нет такого положения, которое позволило бы освободить Робсона. Я могу сделать так, что контракт признают недействительным.

— Сделай. Ему одиннадцать. Меня заставили подписать.

— С точки зрения закона, минимального возраста для брака или сексуального согласия не существует. Не факт, что по нашему праву акт принуждения можно признать мотивом для защиты. Мне придется продемонстрировать, что, не проконсультировавшись с Робсоном по поводу его предпочтений перед тем, как подписать клаузулу о занятиях сексом, ты нарушила свои обязанности, предусмотренные родительским договором с ним. Это аннулирует никах. Я не буду выступать за тебя, я буду выступать за Робсона против тебя. Я попытаюсь доказать, что ты плохая мать. Плохая мать уровня Лукреции Борджиа. Однако, предпринимая такие действия, сбежав вместе с Робсоном, ты действуешь как хорошая мать. Это Уловка-22. Есть способы ее обойти.

— Мне наплевать, насколько плохой ты меня выставишь.

Неужто она увидела, как Ариэль Корта, безупречная Ариэль Корта позволила себе чуть улыбнуться?

— Будет много грязи.

— Маккензи создали свое состояние из грязи.

— Как и я. Робсону придется нанять меня и заключить сделку. И опять же, только хорошая родительница посоветовала бы ему нанять меня. Не для протокола хочу заметить, что, обратившись с этим делом в суд, ты положишь начало недвусмысленному и открытому конфликту между нашими семьями. Это объявление войны.

— Война будет объявлена, если Рафа узнает, что я отпустила Робсона без драки. Он голыми руками разорвет «Горнило» на части, чтобы вернуть сына.

Ариэль Корта кивает.

— Ситуация сложнее не придумашь. Как будто твой дедушка намеренно выбрал самый провокационный из всех возможных поступков...

Ровер дергается. От внезапного ускорения ремни безопасности Рэйчел натягиваются. И опять. Что-то ударяет по корпусу ровера, снова и снова. Она не слышит, но чувствует вибрацию резачков, дрелей. Внезапно скорость начинает падать: ровер замедляется.

— Что происходит? — спрашивает Ариэль Корта. На ее безупречной маске тревога.

— Камени, покажи мне! — кричит Рэйчел.

— Я сообщу Рафе, — говорит Ариэль, а потом Камени выводит на верхнюю часть линзы Рэйчел картинку с наружных камер.

К вездеходу прицепился служебный дрон, похожий на маленький и зубастый ночной кошмар. Манипуляторы и резак рубят проводку, кабели топливной системы. Вот дрон отсекает еще одну батарею, и ровер еще сильнее замедляется. Как эта машина здесь оказалась? Откуда она взялась? Камени дает панорамное изображение с камер: среди рощи солнечных панелей возвышаются изогнутые кверху рога БАЛТРАНА, и до них меньше двухсот метров. Вот и ответ: ее семья перепрограммировала служебного дрона со станции.

Но они забыли, что ровер безвоздушный. Двести метров в вакууме — легкая прогулка, если на тебе пов-скаф.

Рэйчел касается колена Робсона. Он вздрагивает; его глаза распахнуты от страха.

— Когда я скажу «идем», следуй за мной. Нам придется завершить это путешествие пешком.

Ровер содрогается и заваливается набок. Рэйчел швыряет туда-сюда в ремнях безопасности. Ровер застывает, опрокинувшись под безумным углом. Дрон срезал колесо. Потом он вырубает последнюю камеру.

— Робсон, любовь моя, беги!

Вылетает крышка люка. Пыль и холмы, плоские черные небеса. Рэйчел хватается за край люка и выскакивает наружу. Прыгает на реголит, бежит. Бросает взгляд через плечо и видит, что Робсон приземлился с легкостью колибри и побежал. Дрон взгромоздился на обломки ровера. Рэйчел думает про Брайса Маккензи — про раковую опухоль, если бы раковая опухоль могла передвигаться и охотиться.

Теперь бот приподнимается на своих манипуляторах, выбирается из обломков машины. Разворачивает резак и длинные острые пластиковые пальцы. Спускается на поверхность, направляясь в ее сторону. Он движется не быстро, однако от него не скрыться. И есть операции, которые Рэйчел должна выполнить, прежде чем они с Робсоном катапультируются в безопасное место.

— Робсон!

Шаг за шагом бот догоняет мальчика. На реголите того заносит. Он не знает, как двигаться в вакууме, как не вскидывать на бегу слепящие тучи пыли. Отец слишком долго продержал его в уютной утробе Боа-Виста. Надо было взять его на поверхность в пять лет, чтобы посмотреть на Землю, как принято у Маккензи. Надо было — можно было — следовало бы.

«Люк готов», — говорит Камени. Шлюз для персонала вмещает одного человека за раз. Посреди лунных морей установки БАЛТРАНА сооружают кое-как, и предназначены они в первую очередь для транспортировки грузов навалом.

— Залезай! — кричит Рэйчел. Робсон копошится у шлюза. Он слишком неуклюж.

— Я внутри!

Камени закрывает люк. Теперь Рэйчел ждет своей очереди, чтобы попасть в капсулу. Медленно. Почему так медленно? Где бот? У нее нет времени даже для того, чтобы оглянуться. От наивысшей сосредоточенности она дышит сквозь зубы, со свистом, пока Камени включает систему запуска.

Боль в правой икре такая резкая и четкая, что Рэйчел даже не вскрикивает. Нога ее не держит. Что-то рассечено. Шлем выдает красную вспышку; она ахает, когда ткань пов-скафа уплотняется над прорехой, запечатывая костюм, сжимая рану.

«Твое правое подколенное сухожилие рассечено, — сообщает Камени. — Целостность костюма

нарушена. Ты истекаешь кровью. Бот здесь».

— Впусти меня, — шипит Рэйчел, а потом приходит боль, и ее больше, чем, как она думала, существует во вселенной, и она кричит; крики ее ужасны, вопли агонизирующих мучений. Такие крики как будто не способны издавать человеческое горло. Движение, бросок, второй чистый рубящий удар, и Рэйчел падает. Бот над нею, тень на фоне черного неба. В свете ее налобных фонарей блестят три сверла, опускаясь на щиток.

— Запускай, Камени! Унеси его отсюда!

«Последовательность запуска начата, — говорит Камени. — Вероятность твоего выживания — ноль. Прощай, Рэйчел Маккензи».

Сверла с визгом вгрызаются в закаленное стекло. И конец свой Рэйчел Маккензи встречает во гневе: гневе на то, что должна умереть, на то, что это случится здесь, в холоде и грязи пустынного Флемстида, гневе из-за того, что вечно семья тебя предает. Щиток раскалывается. Когда воздух стремительным взрывом покидает шлем, она чувствует, как трясется земля, видит, как мелькает капсула БАЛТРАНа, вылетая из пасти пусковой трубы.

Ушел.

Рафа Корта мечет громы и молнии, несется во главе отряда службы безопасности. Жуан-ди-Деус — его город; его лицо знакомо работникам «Корта Элиу» и вспомогательному персоналу, но не таким: воплощение ярости и восторга. Он Шанго Справедливый, Сан-Жеронимо, судия и защитник. Его люди избегают попадаться ему на глаза и уступают дорогу.

Мальчик уже вышел из шлюза. Он стоит один в приемной зоне, все еще в пов-скафе и шлеме, испачканный в пыли, с фамильяром, зависшим над левым плечом.

— Он обучил меня фокусу, — говорит Робсон. Джокер транслирует его слова в мир за пределами шлема. — Это очень хороший фокус. — Рука в перчатке достает колоду игральных карт из кармана на бедре. Робсон разворачивает их веером. Голос у него мертвый, ровный, чужой. Джокер передает интонации в точности. — Выбери одну.

Карты выпадают из пальцев. Колени подгибаются, он падает лицом вперед. Рафа успевает его подхватить.

— Твоя мать. — Рафа встряхивает дрожащего мальчика. — Где твоя мать?

Пять

Дункан Маккензи мчится сквозь «Горнило», точно буря. Люди расступаются перед ним, машины подстраиваются под него. Генерального директора «Маккензи Металз» нельзя задерживать из-за тривиальных вопросов безопасности. Не сейчас, когда им владеет бледный гнев. Ярость Дункана Маккензи серая, как его костюм, его волосы, поверхность Луны. Эсперанса превратилась в твердый и тусклый свинцовый шар.

Джейд Сунь-Маккензи встречает его у шлюза, ведущего в личный вагон Роберта Маккензи.

— Твой отец проходит запланированную очистку крови, — сообщает она. — Полагаю, ты в курсе, что процесс нельзя остановить.

— Я хочу его видеть. — Голос Дункана Маккензи настолько же холоден, насколько металл над его головой горяч.

— Мой муж подвергается деликатной и важной медицинской процедуре, — с прежней уверенностью говорит Джейд Сунь. Дункан Маккензи хватает ее за горло. Бьет затылком о дверь шлюза. По белой поверхности медленно стекает большая капля крови.

«У тебя повреждение кожи и, возможно, сотрясение», — сообщает ее фамилльяр, Тун Жэнь.

— Пропусти меня к нему!

«У меня есть картинка», — говорит Эсперанса. Фамилльяр накладывает на линзу Дункана снятое с высоты изображение старой жуткой развалины на диагностической кушетке. Развалину окружают живые медсестры и машины. Трубки и катетеры пульсируют красным.

— Вранье. Ты скормила Эсперансе эту картинку. Вы же умные, ублюдки.

— Мы? Ублюдки? — шепчет Джейд Сунь. Дункан Маккензи отпускает ее.

— Моя дочь мертва, — говорит он. — Моя дочь мертва, ты понимаешь?

— Дункан, мне так жаль. Ужасное происшествие, ужасное. Программная ошибка.

— Спасательный отряд, который мы за ними послали, нашел в пов-скафе Рэйчел точные разрезы. Бот подрезал ей поджилки. — Дункан Маккензи зажимает рот ладонью, словно не давая ужасу вырваться на волю. Миг спустя он продолжает: — На шлеме следы сверла. Весьма точная программная ошибка.

— От радиации софт в чипах регулярно отказывает. Ты же в курсе, это эндемичная проблема.

— Не смей меня оскорблять, мать твою! — рычит Дункан Маккензи. — Эндемичная. Эндемичная! Да что это за слово такое?! Мою дочь убили. Это отец приказал?

— Роберт бы ни за что так не поступил. Ты же не намекаешь, что твой отец — мой око, мой супруг — мог приказать, чтобы его собственную внучку убили. Это нелепо. Нелепо и гнусно. Я видела отчет. Это был ужасный несчастный случай из-за поломки робота. Скажи спасибо, что мальчик не пострадал.

— И теперь Корта носятся с ним, как с гандбольной звездой, только что подписавшей контракт. Когда придурок Рафа Корта не орет, что перережет горло каждому встреченному Маккензи. Мы из-за этого на грани войны.

— Роберт бы никогда не навлек неприятности на компанию своими действиями. Никогда!

— Ты вкладываешь в уста моего отца много слов. Я бы хотел услышать, как он их произнесет сам. Пропусти.

Джейд Сунь делает шаг вперед. В шлюз можно попасть только через нее.

— На что ты намекаешь?

— Как ты и сказала, Роберт бы ни за что не навредил собственной внучке.

— Это обвинение?

— Почему ты не позволяешь мне увидеть отца?

Дункан Маккензи хватается Джейд Сунь за плечи, вздергивает в воздух, швыряет о дверь шлюза. Она падает без сил. На плечи Дункана ложатся чьи-то руки. Кто-то оттаскивает его прочь от женщины, которая тяжело дышит и дрожит от шока. Дункан Маккензи вырывается из рук тех, кто его держит. Четверо мужчин в таких же серых деловых костюмах, как его собственный. Крупных мужчин, Джо Лунников, с тяжелыми земными мускулами.

— Оставьте нас, — приказывает он.

Четверка не шевелится. Их взгляды перебегают на Джейд Сунь.

— Это мои личные рубаки, — говорит она, все еще бледная, все еще трясущаяся на полу.

— С каких пор? — орет Дункан Маккензи. — Кто разрешил?

— Твой отец. С той поры, как в «Горниле» для меня стало небезопасно. Дункан, по-моему, тебе надо уйти.

Самый массивный рубака, похожий на гору маори с клубами мышц на загривке, кладет ладонь на плечо Дункана Маккензи.

— Убери от меня свои гребаные лапы, — говорит Дункан Маккензи и бьет рубаку по руке.

Но их четверо, и они здоровенные, и они не его. Он вскидывает руки: все, я спокоен. Охранники отступают. Дункан Маккензи отряхивает пиджак, поправляет манжеты. Рубаки Джейд Сунь становятся между ним и его мачехой.

— Я встречу с отцом. И я приказываю начать собственное расследование того, что там случилось.

Дункан Маккензи поворачивается и широким шагом уходит прочь, тропой позора и унижения через потоки света, которые отбрасывают плавающие зеркала — но есть еще время для последнего слова, à l'esprit de l'escalier^[26]:

— Я главный исполнительный директор этой компании. Не мой отец. Не твои гребаные родственники!

— Мои гребаные родственники стоят плечом к плечу с твоими гребаными родственниками! — кричит в ответ Джейд Сунь. — Воронцовы — варвары, Асамоа — крестьяне, а Корта — гангстеры прямиком из фавел. Сунь и Маккензи построили этот мир. Сунь и Маккензи он и принадлежит!

* * *

— Она все время носит одно и то же платье.

Элен ди Брага и Адриана Корта стоят у перил балкона на восьмом уровне, между каменными скулами Огуна и Ошосси. Щеки пересохли, водопады отключены. Садовники, роботы и люди, чистят пруды и русло реки от листьев.

— Каждый раз, когда оно пачкается, Элис просто печатает ей новое, — говорит Адриана Корта. Луна в своем любимом красном платье бежит босиком по лужам на дне пруда, плещет водой на садовых ботов,

прыгает с камня на камень согласно сложной закономерности: на этот можно наступать только левой ногой, на тот — правой, на третий двумя сразу или пропустить совсем. — Наверное, у тебя в ее возрасте тоже было любимое платье.

— Лосины, — говорит Элен ди Брага. — На них были черепа со скрещенными костями. В свои одиннадцать я сделалась настоящей маленькой пираткой. Мама не могла их с меня снять, так что купила еще одни. Я отказалась носить новые лосины — дескать, не то, но на самом деле не могла отличить одну пару от другой.

— У нее есть маленькие норы и берлоги по всему Боа-Виста, — говорит Адриана Корта. Луна исчезает среди зарослей бамбука. — Я знаю большинство из них — больше, чем Рафа. Не все. Я не хочу знать все. У каждой девочки должны быть секреты.

— Ты им расскажешь?

— Я подумывала сделать это в день своего рождения, но вышло бы слишком болезненно. Я пойму, когда наступит время. Мне сначала надо закончить с ирман Лоа. Завершить свою исповедь.

Элен ди Брага поджимает губы. Она по-прежнему добрая католичка. Еженедельные мессы в Жуан-ди-Деус; святые и новенны. Адриана Корта знает, что ее подруга не одобряет умбанда, хоть и проводит каждый день под взглядом языческих богов. Что же она думает о том, что Адриана совершает святое таинство исповеди не перед священником, но перед жрицей?

— Оберегай Рафу, — просит Адриана.

— Ну хватит уже об этом.

— Я буду делаться все более и более бесполезной. Я уже это чувствую. А Лукас положил глаз на трон.

— Он и не спускал глаз с трона.

— Он приставил к Рафе слежку. Он использует покушение на убийство, чтобы выбить Рафу из колеи. А после того, что случилось с Рэйчел...

Элен ди Брага крестится.

— Deus entre nós e do mal.[\[27\]](#)

— Рафа хочет провести независимое расследование.

— Этому не бывать.

Элен ди Брага и Адриана Корта — из одного поколения, поколения первопроходцев. Элен — бухгалтерша, трипейру из Порту — была при деньгах. Адриана — инженер, кариока из Риу — добилась всего сама. Адриана изменила своей клятве никогда не доверять не-бразильцам. Помимо национальности, помимо языка, обе были женщинами. Элен ди Брага тихонько управляла финансами «Корта Элиу» вот уже больше сорока лет. Она в той же степени семья для Адрианы, что и любой из ее детей.

— Робсон в безопасности, — говорит Элен ди Брага.

Дети Адрианы всегда были для нее второй семьей. Ее собственные дети и внуки рассеялись по Луне и живут в десятке поселений при заводах «Корта Элиу».

— Этот грязный никак, — говорит Адриана. — Из «Горнила» уже прислали требования о компенсации.

— Ариэль в суде его в клочки разорвет.

— Она хорошая девочка, — говорит Адриана. — Боюсь я за нее. Она ужасно уязвима. Неужели с моей стороны глупо хотеть, чтобы она оказалась здесь, дома, и между нею и всем остальным миром оказались

бы Эйтур и пятьдесят эскольт? Но ведь я не перестану переживать, верно? Суд Клавия и даже Павильон Белого Зайца — они ее не защитят.

— Когда же мы с тобой превратились в двух старух, которые стоят на балконе и обсуждают вендетты? — спрашивает Элен ди Брага.

Адриана Корта кладет свою руку поверх руки подруги.

В сердце бамбуковой рощицы есть тайное место, особое шепчущее место. Естественное высыхание обнажило почву, а любопытные руки и ноги очистили и вытоптали зачарованный круг. Это секретная комнатка Луны. Камеры ее не видят, боты слишком большие, чтобы проследовать сюда сквозь заросли, отец ничего не знает, и она почти уверена, что бабуля Адриана, которая знает все, об этой комнате понятия не имеет. Луна обозначила свои владения обрывками лент, привязанными к стеблям, печатными керамическими фигурками диснеевских героев, пуговицами и бантами с любимой одежды, частями роботов, кошачьими колыбелями из проволоки. Она сидит на корточках в магическом круге. Бамбук колышется и шепчет над ее головой. Фелипе, садовник, как-то раз объяснил ей, что Боа-Виста достаточно велик, чтобы обзавестись собственными ветрами, но Луна не хочет, чтобы у этого было научное обоснование.

— Луна, — шепчет девочка, и ее фамильяр разворачивает крылья. Они раскрываются, заполняют поле зрения, а потом складываются в изображение ее матери.

— Луна.

— Майн. Привет. Когда я тебя увижу?

Лусика Асамоа отводит взгляд.

— Это не так просто, анзинью. — С дочерью она разговаривает по-португальски.

— Здесь теперь совсем не весело...

— О, любовь моя, знаю. Но скажи, скажи — что у вас там происходит?

— Ну, — начинает Луна Корта, поднимая ладони с растопыренными пальцами, чтобы считать. — Вчера мы с мадринаей Элис играли в маскарад, наряжались животными. Принтер и сеть показывали нам разных животных, и мы печатали животные наряды. Я была муравьедом. Это животное, не отсюда. У него большой и длинный нос, до самой земли. И длинный хвост. — Она загибает один палец, одно превращение учтено. — И я была птицей с длинным... Как называются эти штуки у них на рту?

— Клювы. Это и есть их рты, корасан.

— С клювом, который был длинным, как моя рука. И желто-зеленым.

— Думаю, это был тукан.

— Да. — Еще один палец. — И большой кошкой с пятнами. Элис была птицей, как фамильяр тиа Ариэль.

— Бейжафлор, — говорит Лусика.

— Да. Ей это очень понравилось. Она спросила, хочу ли я быть бабочкой, но мотылек ведь очень похож на бабочку, так что я сказала, пусть она будет бабочкой — кажется, ей это тоже очень понравилось.

— Ну, мне кажется, вы развлекались.

— Да-а-а, — уступает Луна. — Но... Со мной теперь только мадриная Элис. Раньше я ездила в Жуан и там играла с детьми, но папай больше не разрешает так делать. Он не позволяет мне видаться ни с кем, кто

не семья.

— Ох, сокровище мое. Это всего лишь временно.

— Ты тоже говорила, что уезжаешь лишь временно.

— Да, говорила...

— Ты обещала.

— Я вернусь, обещаю.

— А я могу приехать в Тве и посмотреть на настоящих животных, а не на костюмы?

— Это не просто, любовь моя.

— А у вас есть муравьеды? Я очень хочу увидеть муравьеда.

— Нет, Луна, муравьедов нет.

— Ты же можешь мне сделать одного. Очень маленького, как ручной хорек Верити Маккензи.

— Не думаю, Луна. Ты же знаешь, что твоя бабушка думает по поводу животных в Боа-Виста.

— Папа много кричит. Я его слышу. Из моего убежища. Он кричит и сердится.

— Дело не в тебе, Луна. Поверь. И не во мне на этот раз. — Лусика Асамоа улыбается, но ее улыбка вызывает у Луны растерянность. Потом эта улыбка исчезает, и теперь Лусика как будто жует слова, и вкус у них плохой. — Луна, твоя тай-око Рэйчел...

— Ее больше нет.

— Нет?

— Она ушла в Рай. Только вот Рая нет. Всего лишь заббалины, которые забирают тебя, и превращают в порошок, и отдают АКА, чтобы кормить растения.

— Луна! Ты говоришь ужасные вещи.

— Элен ди Брага верит в Рай, но я думаю, это глупо. Я видела заббалинов.

— Луна, Рэйчел...

— Мертва-мертва-мертва-мертва-мертва. Я знаю. Вот почему папа расстроен. Вот почему он кричит и ломает вещи.

— Он ломает вещи?

— Все подряд. Потом печатает заново и опять ломает. С тобой все в порядке, мамайн?

— Я поговорю с Рафой... с твоим папой.

— Это значит, что ты вернешься?

— Ох, Луна, хотелось бы мне...

— Так когда же я тебя увижу?

— В конце месяца у во Адрианы день рождения, — говорит Лусика.

Лицо Луны сияет, точно полуденное солнце.

— Ой, точно!

— Я приеду. Обещаю. Мы с тобой увидимся, Луна. Люблю тебя. — Лусика Асамоа посылает воздушный поцелуй. Луна наклоняется вперед, чтобы приложить губы к виртуальному лицу матери.

— Пока, мамайн.

Лусика Асамоа сворачивает Луну в мотылька. Фамильяр возвращается на положенное место над левым плечом Луны Корты. Виляя туда-сюда по извилистой тропе сквозь бамбук, Луна чувствует перемену в воздухе — во влажности, в шуме. Садовники закончили свою работу и снова включили водопады. Вода капает, рвется, струится и хлещет потоками из глаз и губ ориша. Боа-Виста наполняет радостный шум игривых ручьев.

Мяч летит по изогнутой траектории. Он описывает красивую быструю арку, которая изгибается справа налево, с высоты бросившей его руки на пике к нижнему левому углу линии ворот. Голкипер не успевает пошевелиться. Мяч оказывается в сети еще до того, как Рафа завершает прыжок и опускается на землю.

Изящество ЛГЛ — то, что делает гандбол красивой игрой на Луне и олимпийской диковинкой на Земле, — заключается в том, как он связан с гравитацией. В содействии и противодействии. Размер сети, габариты поля и голевой площадки сдерживают преимущества лунной гравитации, и в то же время она делает возможными трюки с верчением, резаными ударами и винтами, которые заставляют зрителей ахать и охать при виде магических умений лучших игроков.

— Мяч надо остановить, — смеется Рафа Корта.

Робсон мрачно выпутывает его из сетки. До каких пределов может дойти соперничество отца с сыном? Насколько сильно первый может бахвалиться, побеждая последнего? — Ну давай же. — Рафа, приплясывая, уходит на край поля, его ноги едва касаются досок. Эта гандбольная площадка в Боа-Виста — прихоть Рафы Корты. Поверхность игровой зоны безупречно упруга. Звуковую систему устанавливал тот же инженер, который построил Лукасу акустическую комнату, хотя здесь акустика настроена на разжигание все более быстрых ритмов, а не на изысканные аккорды старой доброй босы. Есть спрятанные трибуны для особых гостей, которые посещают матчи, что случаются между Рафой и его противниками по ЛГЛ. Это лучшая площадка на Луне, а Робсон не может бросать, не может ловить, не может бегать, не может забивать — вообще ничего не может. Рафа пресекает дриблинг Робсона, мальчик отпрыгивает назад и спустя секунду уже снова вытаскивает мяч из сетки ворот.

— Да чему это Маккензи тебя учили, а?

Из капсулы БАЛТРАНа охранники Корта быстро привезли Робсона прямиком в медицинский центр Боа-Виста. Побег из «Горнила» не нанес физического ущерба, но психо-ИИ отметили нежелание говорить и навязчивое побуждение продемонстрировать карточный фокус любому человеку, который проявлял интерес. Они рекомендовали продолжительный курс посттравматической психотерапии. Терапия Рафы Корты проще и надежнее.

— Тебя этому не учили?

Рафа бросает мяч с силой, напрямую. Попадает Робсону в плечо. Мальчик вскрикивает.

— Тебя не учили, как уклоняться и вилять?

Робсон бросает мяч обратно, отцу. В его движении есть яд, но нет умения. Рафа аккуратно подхватывает мяч в воздухе и разворачивает к Робсону. Тот пытается увернуться, но мяч бьет его в бедро с громким шлепком.

— Прекрати! — кричит Робсон.

— Так чему же тебя учили?

Робсон поворачивается к нему спиной и швыряет мяч. Рафа его подхватывает и бросает в упор со всей

силой. Гандбольные игровые костюмы тонкие, тесные, и удар мяча о зад звучит громко, словно сломалась кость. Робсон поворачивается. Его лицо искажено от ярости. Рафа ловит отскочивший мяч. Робсон бросается вперед, чтобы выбить мяч из руки отца, но его там уже нет: Рафа его увел, развернул и снова поймал. Он сильно бьет им об пол. По площадке прокатывается эхо от стука мяча о доски. Робсон отпрыгивает от мяча, который подскакивает ему прямо в лицо.

— Боишься мяча? — спрашивает Рафа, и тот опять оказывается в его руке.

Робсон снова кидается вперед. И Рафа опять его обходит, выстукивая мячом по полу вокруг сына. Робсон вертится, вертится, но за мячом ему не угнаться. Его голова поворачивается то туда, то сюда. Бум! Снова повернувшись, он получает отскочившим мячом в живот.

— Однажды испугался мяча, все время боишься мяча, — дразнит его Рафа.

— Прекрати! — вопит Робсон. И Рафа прекращает.

— Разозлился. Хорошо.

И мяч опять приходит в движение, прыгая из руки в руку. Бам-бам-бам. Бросок. Робсон взвизгивает — тяжелый гандбольный мяч бьет сильно. Он вопит и бросается на отца. Рафа большой, но движется быстро и легко. Он уходит от сына, словно танцуя. Насмешливая легкость, с которой Рафа превосходит Робсона, еще сильнее распаляет гнев мальчика.

— Гнев — это хорошо, Роббо.

— Не называй меня так.

— А почему, Роббо? — Увел, швырнул, попал. Мяч прыгает и скачет, все время на миг опережая пальцы Робсона.

— Они меня так называли.

— Я знаю. Роббо.

— Заткнись-заткнись-заткнись-заткнись!

— Заставь меня, Роббо. Поймай мяч, и я заткнусь.

Робсон сгибается пополам от удара прямым в желудок.

— Твоя мама мертва, Робсон. Они ее убили. Что ты хочешь сделать?

— Уходи. Оставь меня.

— Не могу, Робсон. Ты Корта. Твоя мамайн. Моя око.

— Ты ее ненавидел.

— Она была твоей матерью.

— Заткнись!

— Что ты хочешь сделать?

— Я хочу, чтобы ты прекратил!

— Я прекращу, Роббо. Обещаю. Но ты должен сказать мне, что ты хочешь сделать.

Робсон стоит как столб в центре площадки. Опустил руки и держит их на расстоянии нескольких сантиметров от тела.

— Хочешь, чтобы я сказал, что хочу их смерти.

Мяч врзается ему в спину. Робсон пошатывается, но не сходит с места.

— Хочешь, чтобы я сказал, что отомщу им за мамайн, сколько бы времени это ни заняло.

В живот. Робсон вздрагивает, но не падает.

— Хочешь, чтобы я поклялся, что устрою им месть, вендетту.

Живот, бедро, плечо.

— И я это сделаю, и они ответят, и я сделаю больше, и они сделают больше, и так без конца.

Живот. Живот. Лицо. Лицо. Лицо.

— Это никогда не закончится, пай!

Робсон бьет кулаком. Удар едва задевает маленький и плотный гандбольный мяч, но этого достаточно, чтобы его отбить. Миг спустя мяч опять в руках у Рафы.

— Чему меня учили в «Горниле», — говорит Робсон. — Чему я научился у Хэдли... — Рафа не успевает заметить, что делает Робсон, но спустя всего один удар сердца тот оказывается рядом с отцом, и мяч у него в руке. — Мне говорили, что надо забрать у врага оружие и использовать против него. — Он швыряет мяч через всю площадку и уходит под звуки медленных, затихающих ударов об пол.

Бам. Бам. Бам.

* * *

Вцепившись лапками во внутреннюю часть века Ошалы, муха-шпион обзревает стол, за которым собралось правление «Корта Элиу».

В дополненном зрении Лукаса парит Море Змеи. Сократ и Йеманжа транслируют идентичные карты Рафе и Адриане.

«Перспективный участок в Море Змеи. — Токиню увеличивает изображение, обрисовывает названные места. — Двадцать тысяч квадратных километров морского реголита».

Лукас поднимает палец и постукивает по иллюзорной карте. Данные селенологической разведки накладываются на серость и пыль. Рафа скользит по этой информации небрежным взглядом, но Лукас видит, как мать напряженно прищуривается.

— Я взял на себя смелость провести анализ рентабельности. «Корта Элиу» начнет получать прибыль в третьем квартале после того, как заявку одобряют. Мы можем переместить экстракционную установку из Кондорсе. Кондорсе на восемьдесят процентов выработан; мы законсервировали оборудование. Через два года будем добывать гелий-3 на полмиллиарда ежегодно. Запасов в Море Змеи, по нашим оценкам, хватит на десять лет.

— Исчерпывающе, — говорит Рафа.

На его языке и губах горечь. Благодаря своей маленькой мухе Лукас знает об уединенных истериках с разбиванием мебели. О телохранителе, который постоянно следует за старшим Кортой даже среди ручьев Боа-Виста. О том, как опасно ежится Луна, когда отец подхватывает ее и подбрасывает высоко в воздух. Золотой, приветливый Рафа становится темным и уродливым от внезапного гнева на вечеринках и приемах. Разносит своего бесполезного гандбольного менеджера, своего бесполезного тренера, своих бесполезных игроков. Лукас по достоинству оценил иронию: мужчина, который при жизни жены не находил для нее доброго слова, ярится из-за ее смерти. Новостные каналы сообщили, что Рэйчел Маккензи погибла в результате катастрофической разгерметизации. Деликатная ложь. СМИ не стали никого

прессовать. У журналистов, которые досаждают Пяти Драконам, случаются собственные катастрофические разгерметизации. Надо транслировать улыбки и вечерние наряды, сделки и красивых детей, свадьбы и адюльтеры. Не стоит дергать Дракона за хвост.

— Сколько у нас времени? — спрашивает Адриана.

— До двенадцати по лунному времени, в день муку.

— Маловато, — замечает Рафа.

— Вполне достаточно, — не соглашается Лукас.

— Сведения надежные? — спрашивает Адриана. Лукас видит, как глаза матери бегают туда-сюда по развернувшемуся перед нею виртуальному лунному ландшафту. На поверхности она провела больше времени, чем любой из живущих Корта, даже Карлиньос. Может, она и не надевала шлем уже десять лет, но бывших пылевиков не бывает. Она будет анализировать ландшафт, пылевое покрытие, логистику, электрический эффект от прохода Луны через магнитный шлейф Земли, вероятность солнечной бури.

— Они от Ариэль. Намек от кое-кого из Павильона Белого Зайца.

— Зашибись намек, — говорит Рафа. Лукас слышит энергию в его голосе, видит заинтересованность во взгляде. Его мышцы напрягаются, он распрямляется, сбрасывая несвойственную сутулость. Под кожей поблескивает прежний золотой свет. Это ночь игры. Команды в туннеле, трибуны орут во весь голос. Но он все еще не избавился от подозрений. — Надо действовать прямо сейчас.

— С деликатностью, — уточняет Адриана. Она складывает кончики пальцев, и ее ладони образуют подобие кафедрального собора из костей. Лукас отлично знает этот жест. Она занята расчетами. — Слишком быстро — и мы подставим Ариэль, а я до конца жизни буду драться в Суде Клавия по обвинениям в захвате чужого участка. Слишком медленно...

Закон, регулирующий право на горные работы, примитивен: стальные правила приисков, известные еще со времен золотой лихорадки, которая предопределила судьбу североамериканского Запада. Тот, кто отметит колышками четыре угла на территории, отведенной для разработок, должен в течение сорока восьми часов подать заявку и оплатить лицензионный сбор, который взимает КРЛ. Это гонка по прямой. Лукас видел, как Рафа вопит, бессвязно и самозабвенно, во время игры своих «Мосу». Это столь же волнующе. Вот что ему нравится — движение. Энергия. Действие.

— Какие у нас ресурсы?

Лукас приказывает Токиню высветить экстракционные установки вокруг целевого четырехугольника. Оранжевые иконки расположены на разных расстояниях от северо-западного, северо-восточного и юго-восточного углов. Со стороны юго-западной вершины темно.

— Я приказал переместить установки в северо-восточной части Моря Кризисов. Будет сложновато замаскировать это под рутинную перевозку или запланированное техобслуживание...

Лукас — чонму: перевозка оборудования не в его ведомстве. Искрится гнев; Рафа его сдерживает. Он прошел проверку.

— Меня беспокоят вершины. — Токиню увеличивает картинку.

— Мы не в состоянии доставить туда оборудование менее чем за тридцать часов, — говорит Рафа, прочитав метки развертывания.

— Это если говорить о поверхности, — намекает Лукас.

Рафа ловит мяч.

— Поболтаю-ка я с Ником Воронцовым, — говорит он. Кивает матери и вскакивает: пора принимать решения, пора действовать.

— Если просто позвонить, можно сэкономить несколько часов, — замечает Лукас.

— Вот потому я и хвэджан, брат. Чтобы вести дела, надо общаться.

Лукас кивает. Настал момент для маленькой уступки. Пусть мать видит, что ее мальчики едины.

— Добейся успеха, Рафа, — говорит Адриана.

Лицо ее сияет, глаза ясные. Она сбросила разом много лет. Лукас видит Адриану Карту своего детства: устроительницу империи, создательницу династии; фигуру в дверном проеме берсариу. Шепот мадриньи Амалии: «Скажи маме „спокойной ночи“, Лукас». Запах ее духов, когда она наклоняется над кроватью. Она по-прежнему им верна. Люди хранят ароматам верность, какой не удостаивают никакие другие личные украшения.

— Так и сделаю, майнзинья. — Самое интимное словечко для обозначения нежности.

Муха-шпион, невидимая, выбирается из щели и летит за Рафой.

Синяя электрическая молния бьет Лукасинью прямоком в мышцы пресса. Синее пятно присоединяется к красным, пурпурным, зеленым, желтым. Его обнаженное тело почти целиком в пятнах. Он разноцветный арлекин, яркий, как гуляка во время Холи.

— Ух ты! — говорит Лукасинью, когда галлюциноген начинает действовать. Он поворачивается, получает выстрел из шмяк-пистолета, и мир превращается в миллионы бабочек. Он с дурацкой улыбкой вертится посреди торнадо из иллюзорных крыльев.

Эта игра зовется Охота, и играют в нее по всему аграрию Мадина — голыми, с пистолетами, которые стреляют случайно подобранными разноцветными галлюциногенами.

Бабочки раскрывают крылья, соединяются и сцепляются ими. Реальность возвращается. Лукасинью ныряет под крону высоченного плантайна. Под его босыми ногами гнилые листья, превратившиеся в слизь. Он движется вперед, держа пистолет наготове, все еще зыря по сторонам широко распахнутыми глазами и поскальзываясь после синего зелья. Он разбивался на бриллиантовые плитки, взлетал вдоль стены бесконечного небоскреба, смотрел, как мир окрашивается в пурпурный цвет, был большим пальцем на собственной левой ноге в течение, кажется, вечности, преследовал и уходил от погони среди высоченных цилиндров пестрого света, становился жертвой метких стрелков, засевших высоко среди зарослей ямса и джала.

Листья шелестят: кто-то идет. Прижав ствол шмяк-пистолета к щеке, Лукасинью ныряет под листву и оказывается посреди маленькой влажной лужайки, тайного гнезда, где воздух пьянит голову запахами зелени и гнилья.

Что-то касается его затылка.

— Шмяк! — говорит женский голос.

Лукасинью ждет укола от попадания чернил, путешествия в иную реальность. Он пришел на эту вечеринку, потому что ее устроили в Тве и потому был шанс повстречать Абену Асамоа. Партизанские игры не в ее стиле. Но ведь это увлекательно — гоняться за кем-то и уходить от погони, теряться и время от времени чего-то немного бояться, колотить людей до крови и стрелять, целиться в них из укрытия так, чтобы они и не поняли, что в них попало, и в свой черед получать заряды. Дуло, упершееся в шею, — это сексуально. Он весь во власти этой девушки. Беспомощность возбуждает.

Щелкает курок. Ничего не происходит.

— Вот дерьмо, — говорит девушка. — Пусто.

Лукасинью перекатывается и вскакивает, нацеливает на нее шмяк-пистолет.

— Нет-нет-нет-нет! — вскрикивает девушка, скидывая руки: «Сдаюсь». Это Йа Афуом Асамоа, абусуа-сестра Абены и Коджо. Леопардовая абусуа. От системы родства АКА болит голова. На ее коже пять цветных отметин: верхняя часть правого бедра, левое колено, левая грудь, левое бедро, правый висок. Лукасинью жмет на спусковой крючок. Ничего не происходит.

— Пусто, — говорит он.

Тот же сигнал раздается по всей трубоферме, вдоль высоких террас и снайперских гнезд в солнечной матрице. Пусто. Пусто. Звуки угадают в туннелях, которые соединяют трубы агрария. Пусто. Пусто.

— Повезло тебе, — говорит Лукасинью.

— В каком это смысле? — парирует Йа Афуом. — Ты стоял передо мною на коленях. — Она окидывает его взглядом с ног до головы. — Да ты весь в краске! Тебе надо искупаться. Идем. Это лучшая часть. Рыбы не боишься, верно?

— А что такое «рыба»?

— Она водится в прудах. Еще там лягушки и утки. Некоторые люди с ума сходят от самой мысли о том, что их коснется нечеловеческое живое существо.

— По-моему, игра ненормальная какая-то, — говорит Лукасинью. — Чем чаще в тебя попадают, тем проще в тебя попасть.

— Она кажется ненормальной, только если играть ради победы, — говорит Йа Афуом.

На высоком настиле обустроен бар. Выпивки и вейперов там в достатке, но в мозгу Лукасинью так много веществ, что больше ему не хочется. Бассейны уже полны. Голоса и плеск разносятся по всей шахте трубофермы. Лукасинью осторожно опускается в воду. Может, рыбы кусаются или присасываются или вдруг какая-нибудь из них может заплывать внутрь его члена? Слабогаллюциногенная краска для кожи растворяется в воде; вокруг него расплываются гало красного, желтого, зеленого и синего цветов. Что будет от такого с рыбой? А с людьми, которые съедят эту рыбу? Он и помыслить не может о том, чтобы съесть то, что побывало в этой воде. Он и помыслить не может о том, чтобы съесть существо, у которого имеются глаза.

— Эге-гей! — Йа Афуом с плеском падает в воду возле него. Бедра, зады соприкасаются. Ноги переплетаются. Они трутся друг о друга животами, пальцы их гуляют туда-сюда.

— Что тут у нас, рыба?

Йа Афуом хихикает, и как-то вдруг оказывается, что Лукасинью держит одной рукой ее грудь, а ее пальцы ласкают его зад. Он запускает руки глубже в воду, теплую как кровь, ищет складки и секреты.

— Какой же ты шалун...

У нее лучшая задница после Григория Воронцова. Потом у него встает, и они касаются друг друга лбами и смотрят друг другу в глаза, и она над ним смеется, потому что голые мужчины выглядят нелепо.

— Я всегда слышал, что девушки Асамоа вежливые и робкие, — дразнит Лукасинью.

— Кто тебе такое сказал? — говорит Йа Афуом и тянет его к себе.

Абена. Мелькает за помидорными зарослями. Идет прочь от бара, к служебному туннелю.

— Эй! Эй! Абена! Подожди!

Он выскакивает из бассейна. Абена поворачивается, хмуря брови.

— Абена! — Он несется к ней. Наполовину вставший член болезненно мотается из стороны в сторону. Абена вскидывает бровь.

— Привет, Лука.

— Привет, Абена.

Подходит Йа Афуом, обнимает его одной рукой.

— С каких это пор? — говорит Абена, и Йа Афуом с улыбкой прижимается ближе. — Развлекайся, Лука. — Она уходит прочь.

— Абена! — кричит Лукасиною, но она ушла, и вот теперь Йа Афуом тоже уходит. — Абена! Йа! Да что тут творится?

Какая-то игра сестер-абусуа. Ему становится холодно, и эрекция проходит, и похмелье от множества галлюциногенных инъекций заставляет дрожать и подозрительно озираться — словом, вечеринка испорчена. Он находит одежду, выклянчивает обратный билет в Меридиан, и тут выясняется, что в квартире всю хозяйничает Коджо, который обзавелся новым пальцем. Лукасиною может остаться на ночь, но только на эту ночь. Ни дома, ни потрахушек, ни Абены.

Вагнер опаздывает в Меридиан. Теофилус — маленький городок, тысяча жизней на северном краю большого и пустынного Залива Суровости, где шевелятся только машины. Железнодорожная ветка, связывающая его с магистральной линией, появилась три года назад — триста километров однопутного пути; четыре вагона в день до пересадочной станции в Ипатии. Удар микрометеорита вывел из строя сигнальный механизм в Торричелли и задержал Вагнера — он ходил из угла в угол, чесал зудящую кожу, пил ледяной чай стакан за стаканом и выливался в глубине души — на шесть часов, пока боты техобслуживания не вставили на место новый модуль. Вагон был полный, места только стоячие, ведь продолжительность пути всего час.

«Я меняюсь прямо у вас на глазах? — думал Вагнер. — Я пахну по-другому, не как человек?» Он всегда представлял себе, что так оно и есть.

Удар по Торричелли испортил планы путешественникам почти во всем западном полушарии. Ко времени, когда Вагнер добирается до станции Ипатия — всего лишь перекрестку четырех ответвлений железной дороги, идущих от южных морей и центрального района Моря Спокойствия, с Первой Экваториальной, — на платформах кишмя кишат регулярные пассажиры, рабочие-сменщики, а также дедушки и бабушки, объезжающие свои обширные семьи, как паломники объезжают святые места. Стайки детей бегают, вопят; иногда жалуются на долгое ожидание. Их голоса действуют на нервы Вагнеру с его обострившимися чувствами. Фамильяр сумел забронировать ему место на «Региональный 37»; ждать еще три часа. Он находит темное и тихое местечко подальше от семей, брошенных картонок из-под лапши и стаканчиков, садится, прислонившись спиной к колонне, прижимает колени к груди и опускает голову. Меняет дизайн фамильяра. Адеус, Сомбра: ола, доктор Лус. Колонны трясутся, в длинном холле все звенит от ударных волн поездов, которые проносятся мимо там, наверху. Роботы заббалинов принимают к нему в поисках того, что можно переработать. Звонки, сообщения, картинки из Меридиана: «Ты где ты нам нужен все уже началось». Проблемы с поездом. «Скучаем по тебе, Маленький Волк». От Анелизы ничего. Она знает правила. В его жизни есть светлая половина и темная половина.

Доктор Лус не успел забронировать Вагнеру обычное место у окна, так что он не сможет глазеть на Землю во время путешествия. Это хорошо: надо поработать. Он должен придумать стратегию. Нельзя

просто позвонить и назначить встречу. Один шепоток про Корта, и Элиза Стракки сбежит. Он заманит ее заказом, но придется выдумать что-нибудь убедительное и увлекательное. Она проявит должную осмотрительность. Компании внутри компаний, совмещенные структуры, лабиринт руководящих органов; типичное лунное корпоративное устройство. Не слишком сложное; это тоже может пробудить подозрения. Ему понадобится новый фамилляр, фальшивый след в социальных сетях, онлайн-история. ИИ «Корта Элиу» могут все это соорудить, но даже им потребуется время. Тяжело быть скрупулезным, когда Земля там, наверху, рвет его на части, пробуждает и меняет с каждым быстро пройденным километром. Это как первые дни любви, как болезненное возбуждение, как моменты эйфории за миг до опьянения, как наркота из танцзала, как головокружение, но все аналогии слабы; ни в одном из языков Луны нет слова, которое описывало бы перемену, что наступает вместе с полной Землей.

Вагнер почти бежит с вокзала. Наступает раннее утро, и вот он прибывает в Дом Стаи. Амаль его ждет.

— Вагнер. — Амаль приняла культуру двух «Я» полнее, чем Вагнер, и использует альтер-местоимения. «Почему местоимения должны обозначать только гендер?» — говорит нэ. Прижимает Вагнера к себе, прикусывает его нижнюю губу, тянет достаточно сильно, чтобы причинить боль и заявить о своей власти. Амаль руководит стайей. Потом они целуются по-настоящему. — Ты голоден, хочешь чего-нибудь? — Вид Вагнера говорит об изнеможении вернее всяких слов. Дни, когда наступает перемена, сжигают резервы человеческого организма. — Валяй, малыш. Жозе и Эйджи еще не прибыли.

В раздевалке Вагнер стягивает с себя одежду. Принимает душ. Босой шлепает в спальню. Лежбище уже переполнено. Он забирается внутрь; мягкая обивка, отделка из искусственного меха ласкают его. Тела ворчат, вертятся, бормочут во сне. Вагнер, скользя, занимает свое место среди них, сворачивается клубочком, как ребенок. Чувствует прикосновение чужой кожи. Дышит в ритме с остальными. Фамилляры витают над переплетением тел; ангелы, стерегущие невинных. Единение стаи.

Ровер — воплощение лунной утилитарности: открытый вакууму каркас, два ряда сидений по три штуки, лицом друг к другу, воздушный насос, топливный элемент, подвеска и ИИ, четыре огромных колеса, между которыми висит пассажирская секция. Быстрая хреновина. Стиснутая внутри со своей бригадой поверхностных работ, Марина дергается и ударяется о стопорные балки, когда машина прыгает по бороздам на поверхности Луны, перескакивает через края кратеров. Марина пытается рассчитать скорость движения, но близкий горизонт и тот факт, что она не знакома с масштабом лунных ориентиров, делают ее математику бесполезной. Быстро. И скучно. Степени скуки: синий глаз Земли наверху, серые холмы Луны внизу, безликий щиток пов-скафа напротив Марины — «Паулу Рибейру», гласит фамилляр-метка. Хетти включает внутрискафовые развлечения. Марина проходит двенадцать раундов «Мраморного беспорядка», смотрит «Сердца и черепа» (цепляющая серия — сценаристы ведут сюжет и персонажей к финалу) и новое видео из дома. Мама машет рукой из своего инвалидного кресла на крыльце дома. Руки у нее худые и в пятнах, седые волосы взлохмачены, но она улыбается. Кесси, и ее племянницы, и пес Ханаан. А вон там — ох, это же Скайлер, ее брат, вернулся из Индонезии, и его жена Нисрина, и другие племянники и племянницы Марины. Все они — на сером фоне, на фоне серого дождя, что каскадом льется из переполненного водосточного желоба над крыльцом, настоящий водопад, да к тому же такой громкий, что им приходится кричать.

Под безликой маской щитка Марина плачет. Шлем всасывает ее слезы.

Кто-то трогает ее за плечо. Марина переключает щиток в прозрачный режим: Карлиньос перегнулся через узкий проход между сиденьями ровера. Он указывает куда-то за спину Марины. Ремни безопасности отрегулированы так, что ей с трудом удастся повернуться и впервые увидеть карьер. Паукообразные опорные рамы экстракторов тянутся от поверхности Луны к близкому горизонту. Миссия бригады —

запланированная инспекция экстракционного завода «Корта Элиу» «Спокойствие-Восток». Через несколько секунд ровер тормозит, подняв тучу пыли, и ремни безопасности отстегиваются.

— Держись рядом со мной, — говорит Карлиньос по частному каналу Марины.

Она спрыгивает на реголит, испещренный следами шин. Она среди машин, добывающих гелий. Они уродливые, как все на Луне, отталкивающие и практичные. Хаотичные, с первого взгляда и не поймешь, где что. Окруженные балочными фермами сложные буры, рамы сепараторов и ленточные конвейеры. Держатели зеркал поворачиваются вслед за солнцем, фокусируют энергию на солнечных дистилляторах, которые выделяют гелий-3 из реголита. Сферы-контейнеры, каждая помечена согласно содержимому. Гелий-3 — главный экспортный продукт, но производственный цикл «Корта Элиу» также включает извлечение водорода, кислорода и азота, горючего жизни. Высокоскоростные архимедовы винты выбрасывают отходы сильными струями, которые образуют дуги длиной в километр, прежде чем упасть, подняв столбы пыли; этикие фонтаны наоборот. Земной свет преломляется от мельчайших пылинок и частиц стекла, порождая лунные радуги. Марина подходит к самба-линии. Десять экстракторов работают единым фронтом, растянувшись на пять километров, продвигаются ползком, на колесах высотой в три Маринины роста. Близкий горизонт отчасти прячет экстракторы с обоих концов самба-линии. Ковшовые колеса зачерпывают тонны реголита за раз и движутся с безупречной синхронностью: кивающие головы. Марина представляет себе черепах-кайдзю со средневековыми крепостями на спине. С такими существами мог бы сражаться Годзилла. Через подошвы ботинок пов-скафа Марина чувствует, как вибрируют машины, но ничего не слышит. Вокруг тишина. Марина переводит взгляд на зеркальные антенны и струи отработанной породы над своей головой, потом поворачивается и смотрит на параллельные следы колес, ведущие к краю борозды Мессье. Это ее рабочее место. Это ее мир.

— Марина.

Ее имя. Кто-то произнес ее имя. Рука Карлиньоса в перчатке хватает ее за предплечье, мягко отталкивает ее руку от застежек на шлеме. Застежки: она собиралась их открыть. Она собиралась снять шлем пов-скафа посреди Моря Спокойствия.

— О Господи... — говорит Марина, потрясенная бездумной легкостью, с которой едва не убила себя. — Извините. Извините. Я просто...

— Забыла, где находишься? — спрашивает Карлиньос Корта.

— Я в порядке. — Но это не так. Она совершила непростительный грех. Она забыла, где находится. В первый раз вышла на поверхность — и все слова, услышанные во время обучения, вылетели из ее головы. Она тяжело, прерывисто дышит. Без паники. Паника — это смерть.

— Хочешь вернуться в ровер? — спрашивает Карлиньос.

— Нет, — отвечает Марина. — Со мной все будет хорошо.

Но зрительный щиток так близко к лицу, что она его ощущает. Она в плену внутри стеклянного колпака. Надо от него избавиться. Освободиться, вдохнуть полной грудью.

— Я тебя не посылаю обратно в ровер только потому, что ты сказала «будет», — говорит Карлиньос. — Можешь не спешить.

Он читает ее биопоказатели на внутреннем экране своего шлема: пульс, сахар крови, сатурация и дыхательные функции.

— Я хочу работать, — говорит Марина. — Поручите мне что-нибудь, чтобы отвлечься.

Непрозрачный щиток шлема Карлиньоса долгое время не движется. Потом он говорит:

— За работу.

Луна обращается с роботами почти так же жестоко, как и с человеческим мясом. Нефильтрованная радиация съедает чипы ИИ. Свет разрушает строительный пластик. Ежемесячный магнитный шлейф, следствие прохождения Луны через струящийся «хвост» магнитного поля Земли, способен закоротить слабые электрические цепи и вызвать недолгих, но разрушительных пылевых дьяволов. Пыль. Главный дьявол самба-линии «Спокойствие-Восток». Вездесущая пыль. Неизменная пыль. Она покрывает стойки, балки, спицы и поверхности, как мех. Марина осторожно проводит пальцем над структурной фермой. Частицы пыли движутся как волосы, повинувшись ритму, который задает электростатическое электричество на ее пов-скафе. День за днем пыль стачивает, стирает, портит, уничтожает. Работа Марины заключается в перемагничивании. Это довольно просто для Джо Лунницы, да к тому же интересно. Марина задает магнитно-электрическое реверсирование с помощью таймера, потом отбегает на безопасное расстояние большими лунными скачками. Поле реверсируется и отталкивает заряженные частицы пыли внезапным облаком серебристого порошка. Это красиво, зрелищно, и это хочется повторять опять и опять. Марина склонна к земным, биологическим сравнениям: промокший в океане пес встряхивается; лесной гриб-дождевик взрывается, рассеивая облако спор. Модульный отряд работает, не обращая внимания на пыль, которая оседает на их пов-скафы, меняет микросхемы и датчики: этот труд сложен для роботов. Пальцы Марины отслеживают граффити, спрятанные под пылью, как иероглифы: имена возлюбленных, названия гандбольных команд, проклятия и ругательства на всех лунных языках и алфавитах.

Бабах. Марина отмечает еще один мягкий взрыв пыли. Он должен производить шум. Тишина кажется неуместной.

— Бабах, — шепчет она внутри шлема и слышит смех на частном канале.

— Все так делают, — говорит Карлиньос.

Под слоем пыли — иероглифы. Поколения пылевиков написали свои имена, проклятия, богов и любимых на голом металле вакуумными ручками дюжины цветов. «Петр Х». «Пошло все на хрен». «Тут отдыхали мосус».

Она повторяет «бабах» с каждым экстрактором. В лунном труде есть свои секреты. Сохраняя сосредоточенность. Однообразие ландшафта, близость горизонта, монотонность экстракторов, завораживающее покачивание их черпаков — все это как будто специально желает усыпить, загипнотизировать. Марина вдруг понимает, что думает про Карлиньоса, который бежит сквозь толпу, с лентами на руках и ногах, блестящий от масла. Она выкидывает его из головы. Второй трюк также представляет собой искушение. Не все герметичные костюмы одинаковы. Пов-скаф — не гидрокомбинезон. На поверхности Луны нет сопротивления воды, нет сопротивления воздуха. Тут все движется быстро. Олегу во время тренировки разбило голову именно из-за этой ошибки. Масса, скорость, движущая сила. Сосредоточься. Соберись. Проверь показания пов-скафа. Вода-температура-воздух-радиация. Давление, связь, сеть. Каналы, прогноз погоды. На Луне есть погода, и она всегда плохая. Магнитный шлейф, солнечная активность. Каждую минуту нужно проверять с десятков разных показателей и одновременно делать свою работу. Некоторые товарищи по бригаде слушают музыку. Как у них это получается? К пятому экстрактору у Марины ноют мышцы. Соберись. Сосредоточься.

Марина так собрана, так сосредоточенна, что не замечает, когда на открытом канале раздается сигнал тревоги и именная метка над шлемом Паулу Рибейру делается красной, а потом — белой.

Рафа проводит рукой по блестящей алюминиевой поверхности посадочной ноги.

— Он красивый, Ник.

Транспортник ВТО «Орел» купается в киловаттах сияния, которое излучают двадцать прожекторов. Собственные прожекторы космического грузовика высвечивают его корпус, гондолы маневровых реактивных двигателей, скопления сферических резервуаров с горючим, руки-манипуляторы, углубленные пилотские иллюминаторы, эмблему орла ВТО на носу.

— Не пудри мне мозги, Рафа Корта, — говорит Николай Воронцов. — Он не красивый. На Луне нет ничего красивого. Ну ты и говнюк. — Его смех неудержим, как оползень.

Николай воплощает всеобщее мнение о том, каким должен быть Воронцов: он человек-гора, в ширину такой же, как в высоту. Бородатый, длинные волосы заплетены в косу. Глаза голубые, как Земля, голос низкий, грохочущий. Нарочитый акцент. Ник Воронцов не следует последней моде на ретро. Носит шорты со множеством карманов, рабочие ботинки; майка натягивается на его мощных мышцах, переходящих в вялые жировые складки. Как и у всех членов семьи, фамильяр Ника — двухголовый орел с личным геральдическим символом, украшающим щит. «Воронцов» — его профессия.

— Дело не в том, как он выглядит, — говорит Рафа. — Дело в том, что он такое.

— А теперь и правда не пудри мне мозги, — отвечает Воронцов.

«Орел» — лунный корабль. Поверхностный транспортник для перевозок от точки до точки. Самое дорогое и неэкономное средство передвижения на Луне. Водород и кислород в сферических баках драгоценны; горючее для жизни, а не для реактивных маневровых двигателей. Безумие сродни тому, как на старой Земле жгли нефть ради электричества. На Луне энергия дешевая, а вот ресурсы редки. Люди и товары путешествуют поездами, роверами, поверхностными автобусами, БАЛТРАНОм (все реже), с помощью космических лифтов, собственной мышечной силы — пешком, на колесах и с крыльями. Они не летают в грузовых отсеках лунных кораблей.

ВТО содержит флот из десяти транспортников, расположенных в местах, широко разбросанных по всей Луне. Это средство на крайний случай, «скорая помощь», аварийная команда, спасательная шлюпка. От транспортного узла в любое место на Луне можно долететь менее чем за тридцать минут. Ник Воронцов командует флотом и время от времени выступает в роли пилота и инженера. А еще он любит эти уродливые лунные корабли. Они ему дороже, чем любые дети.

— Итак, ты приехал сюда из самого Иоанна-Божьего, чтобы облизать моих уродливых деточек и сказать мне, что они красивые? — спрашивает Ник Воронцов. Он произносит название города на глобо, потому что вечно устраивает спектакль по поводу того, какое в португальском невозможное произношение. Они с Рафой — университетские друзья. Вместе учились, вместе ходили в спортзал, тягали железо и лепили собственные тела. Ник продвинулся по Стезе Мускулов дальше Рафы, но тот целенаправленно держится в курсе спортивных новинок, чтобы обсуждать пищевые добавки и режимы тренировок со своим бывшим приятелем по спортзалу, когда они встречаются в «Невском баре» Меридиана за водкой.

— Я приехал сюда из самого Жуан-ди-Деуса, чтобы нанять одну из твоих деточек, — говорит Рафа.

— Какую именно?

— «Сокола» на Луне-18.

Местоположение спасательных шлюпок ВТО входит в базовые знания, которые требуются для работы на поверхности, а также представляет собой гарантированную и своевременную страховку на случай ЧП.

— Какая жалость. У этой детки как раз подошел срок техобслуживания, — говорит Ник Воронцов.

— А как насчет «Пустельги» в Жолио?

— А-а. «Пустельга». Все еще ждет сертификата о пригодности к полетам. В КРЛ сидят одни тормоза.

— Выходит, у вас весь сектор Спокойствия-Ясности-Кризисов никак не покрыт.

— Знаю. Прискорбно. Все эти чиновники... эх. Что же я могу поделать? Ты там будь поосторожнее.

Рафа хлопает по посадочной ноге «Орла».

— Вот этого хочу.

— Когда?

— В аренду вместе с экипажем на сорок восемь часов, начиная с этого момента.

Ник Воронцов тянет воздух через сжатые зубы, и Рафа понимает, что «Орел» окажется недоступным на это время, как и весь прочий транспорт Воронцовых. Челюсти и мышцы пресса Рафы напрягаются. От гнева его лицо и руки покрываются обжигающими пятнами. Сам разберусь, заверил он Лукаса. Бизнес как таковой строится на отношениях. И вот он проехал весь этот путь в стильном костюме, с безупречной прической и ухоженными руками лишь ради того, чтобы какое-то воронцовское мурло выставило его идиотом.

— Сколько тебе нужно?

— Рафа, подобные разговоры недостойны тебя.

— Кто с тобой связался?

— Рафа, мне не нравится, куда ты клонишь.

— Маккензи. Это был Дункан, или старикашка собрал свои древние мощи и все сделал лично? Как семья с семьей. Роберт, это должен был быть Роберт. Увязать все с транспортным флотом — похоже на его стиль. У Дункана нет собственного стиля. Он сам попросил или звякнул старине Валерию, а тот велел тебе попрыгать?

— Рафа, по-моему, ты должен сейчас уйти.

Внутри Рафы просыпается ярость, точно кипящий кровавый гейзер. Он орет Нику Воронцову в лицо, брызгая слюной:

— Хочешь сделать из меня врага? Хочешь сделать из моей семьи врагов? Мы Корта. Мы вас затрахаем до беспамятства. Да что вы о себе возомнили, таксисты гребанные?

Ник Воронцов вытирает лицо тыльной стороной ладони.

— Рафа...

— Иди на хер, обойдемся без тебя. Корта получают этот участок, а потом разберутся с вами, мудилами. — Рафа раздраженно пинает посадочную ногу транспортника.

Ник Воронцов что-то рычит по-русски, и охранники Корта хватают Рафу за руки. Они появляются из ниоткуда, тихие, одетые с иголки, сильные.

— Сеньор, хватит.

— Отпустите, мать вашу! — орет Рафа своим телохранителям.

— Боюсь, нет, сеньор, — говорит первый эскольта, оттаскивая Рафу от Ника Воронцова.

— Я приказываю!

— Мы не подчиняемся вашим приказам, — говорит первый эскольта.

— Лукас Корта извиняется за любое неуважение к вашей семье, сеньор Воронцов, — прибавляет

вторая эсcolarта, высокая женщина в костюме хорошего покроя.

— Уберите вашего тупого босса с моей базы! — рычит Николай Воронцов.

— Немедленно, сеньор, — отвечает вторая эсcolarта.

Рафа плюет, пока его силой оттесняют к двери. Плевков в лунной гравитации летит далеко и элегантно. Ник Воронцов легко увертывается, но Рафа целился не в него. Он целился в его корабль, его детку, его драгоценный «Орел».

Клуб профессиональных владельцев гандбольных команд маленький, уютный, чрезвычайно конфиденциальный. Посетителей встречает бесцеремонное предупреждение: эсcolarта остаются за порогом. Охранники клуба, мускулистые громилы, левым указательным пальцем постукивают по шишковидному телу, когда кто-то проходит мимо: *никаких фамильяров*. Персонал будет вежливо об этом напоминать, покуда клиент не исполнит требование. Клуб спортивный, чурается кичливой роскоши; его обстановка напоминает университетские коллоквиумы. В нем состоят две дюжины человек; все — мужчины.

Две дюжины мужчин, две дюжины друзей, и Рафа ни с кем из них не хочет разговаривать. Джейден Вэнь Сунь зовет его из глубин клубного кресла в другом конце салона; Рафа машет рукой в ответ и быстро идет в свою комнату. Он весь почернел от гнева. Он распаивает дверь, хватая стул и без усилий швыряет через всю комнату. Стол и лампы разбиваются и падают. Рафа сильным пинком отправляет обломки в дальний полет. Срывает со стены старомодный экран, на котором посетители этого очень конфиденциального спортивного клуба смотрят матчи своих команд, ударяет им о край туалетного столика, бьет и бьет, пока экран не ломается наполовину. Половины запикивает в загрузочную воронку принтера, налегая на них всем весом, отчего и принтер приходит в негодность.

Стук в дверь.

— Мистер Корта.

— Нет!

Гнев прогорел до горячей золы. Он все портит. Эту комнату, сделку с Ником Воронцовым — его ярость всегда одинакова. Он плюнул на корабль Ника Воронцова. Мог бы с тем же успехом плюнуть на собственную дочь. Когда он связался с Жуан-ди-Деусом, периодические долгие паузы Лукаса были более красноречивым порицанием, чем любая вспышка гнева. Он подвел семью. Он всегда подводит семью. Он разрушает все, к чему прикасается.

В алой своей ярости Рафа крушил комнату осмотрительно. Бар не тронул. Он садится на кровать и смотрит на бутылки, как влюбленный смотрит на предмет своего обожания, через битком набитую комнату. Клуб следит за тем, чтобы в личном кабинете Рафы всегда имелся запас его любимых марок джина и рома. Он проведет с ними прекрасную пьяную ночь. Напьется до слезливых сожалений, позвонит Лусике перед рассветом.

Где же твоя гребаная гордость, а?

— Эй, — снова зовет Джейден Сунь.

— Выхожу, — говорит Рафа.

К тому моменту, когда он вернется в комнату, персонал клуба приведет ее в порядок.

Мадринья Флавия столь же удивлена при виде Лукасинью у своей двери, как он был удивлен, увидев

ее в изножье своей больничной кровати.

Лукасињу открывает картонную коробку, которую он так бережно нес от самой квартиры Коджо. Буквы, покрытые зеленой глазурью, складываются в слово «Рах».

— Это по-итальянски, — говорит он. — Мне пришлось поискать, где находится Италия. Они очень легкие. В них миндаль. Тебе нравится миндаль? Тут написано «Рах». Это вроде католическое слово, которое переводится «раз»^[28]. — Со своей мадриньей парнишка естественным образом переходит на португальский.

— Paz na terra boa vontade a todos os homens,^[29] — говорит Флавия. — Входи, ох, входи же!

Квартира тесная и тусклая. Свет излучают только десятки маленьких биоламп, засунутых в каждую щель и каждую дырку, выстроившихся вдоль каждой полки и каждого выступа. В зеленых сумерках Лукасињу хмурится.

— Ух ты, а у тебя тут не очень-то развернешься. — Он ныряет под дверную притолоку и пытается понять, где бы присесть посреди множества самых разных вещей.

— Для тебя здесь всегда найдется место, — говорит Флавия, взяв лицо Лукасињу в ладони. — Корасан.

Если нужна крыша над головой, кровать, горячая еда, вода и душ, мадринья всегда готова помочь.

— Мне у тебя нравится.

— Вагнер платит за эту квартиру. И покрывает мои ежедневные расходы.

— Вагнер?

— Ты не знал?

— Э-э, мой папа не...

— Не говорит обо мне. Как и твоя мама. Я привыкла.

— Спасибо, что навестила меня. В больнице.

— Как я могла не прийти? Я тебя выносила.

Лукасињу смущается. Ни один семнадцатилетний мужчина не может спокойно отнестись к тому, что когда-то он находился внутри пожилой женщины. Он усаживается на указанное место на диване и обозревает квартиру, пока Флавия включает бойлер и приносит из кухонной ниши тарелки и нож. Она передвигает иконы и биолампы, чтобы освободить кусочек низкого стола перед диваном.

— У тебя тут полным-полно... всего.

Иконы, статуэтки, четки и амулеты, миски для подаяния, звезды и мишура. Лукасињу морщит нос, вдыхая благовонный дым, травяные смеси и затхлый воздух.

— Сестринство увлекается религиозным хламом.

— Сест... — Лукасињу умолкает; ему не хочется, чтобы разговор пошел по тому пути, где он задает вопросы своей мадринье, повторяя ее слова как попугай.

— Сестринство Владык Сего Часа.

— Моя вову с этим как-то связана.

— Твоя бабушка поддерживает наш труд деньгами. Ирман Лоа навещает ее в качестве духовной наставницы.

— Зачем во Адриане понадобилась духовная наставница?

Бойлер звенит. Мадринья Флавия крошит листья мяты и заваривает чай.

— Тебе никто не сказал.

Флавия отодвигает новые статуэтки и вотивные шукувины^[30] на край низкого стола и садится на пол.

— Эй, давай я...

Флавия отмахивается от предложения Лукасинью поменяться местами.

— Итак, что тут у нас за пирог... — Она поднимает нож на уровень глаз и шепотом читает молитву. — Всегда надо благословлять нож. — Отрезает кусочек размером с ноготь и кладет на блюдце перед статуэткой, изображающей святых Косму и Дамиана. — Гостям незримым, — шепчет она, после чего сама берет ломтик «мирного» пирога двумя пальцами, тонкими и аккуратными, как фарфоровые палочки для еды. — Он и впрямь очень вкусный, Лука.

Лукасинью краснеет.

— Так хорошо уметь что-то делать, мадринья.

Мадринья Флавия стряхивает крошки с пальцев.

— Итак, скажи, что привело тебя к дверям твоей мадриньи?

Лукасинью разваливается на диване, чья обивка пропиталась запахом пачулей, и закатывает глаза.

В поезде, увозившем его из Тве, у него было такое ощущение, словно сердце вот-вот взорвется. Сердце, легкие, голова, разум. Абена от него ушла. Его пальцы невольно начали ощупывать металлический штырь в ухе. Абена лизнула его кровь на той вечеринке. На вечеринке у Асамоа она посмотрела на него и ушла прочь. Он уже пять раз чуть не вытащил серьгу из уха, чтобы отправить обратно в Тве в тот же момент, когда поезд прибудет в Меридиан. Пять раз говорил себе «нет». «Когда не будет другой надежды, — сказала Абена. — Когда ты окажешься один, обнаженный и беззащитный, как мой брат, пришли мне это». С ним ничего подобного не произошло. Если использовать подарок неправильно, она лишь сильнее его возненавидит.

— Мне надо где-то жить.

— Ясное дело.

— И у меня есть вопрос, на который я никак не могу найти ответа.

— Не могу гарантировать, что я его найду. Но давай спрашивай.

— Ладненько. Мадринья, почему девушки делают... то, что делают?

— Он все делает неправильно.

Бармен застывает. Бутылка голубого кюрасао замирает над коктейльным бокалом. Женщина у другого конца барной стойки поворачивается с медлительностью гранитного изваяния и устремляет прямой взгляд на непрошеного советчика.

— Сначала — спираль лимонной цедры.

Рафа Корта скользит ближе к женщине. Ее наряд безупречен, на соседнем табурете лежит сумка «Фенди» в классическом стиле. Ее фамильяр — вращающаяся галактика из золотых звезд. Но она туристка. Земное происхождение выдает дюжина физических признаков, свидетельствующих о рассогласованности

и неестественности, рассинхронизации и дезадаптации.

— Прошу прощения...

Рафа поднимает бокал и нюхает.

— Ну, хоть это правильно. Воронцовы настаивают на водке, но настоящую «Голубую луну» делают с джином, в котором по меньшей мере семь растительных добавок. — Он берет свернувшуюся в круг лимонную цедру щипцами и бросает в бокал. Кивком указывает на бутылку кюрасао. — Дайте-ка сюда. — Щелкает пальцами. — Чайную ложечку. — Он переворачивает ложечку и держит ее в двадцати сантиметрах над стаканом. Бутылку держит в двадцати сантиметрах над ложечкой. — Секрет в ваянии при помощи гравитации. — Он льет. Тонкая струйка голубого ликера падает на изгиб ложечки, медленно, как мед. — И в двух крепких руках. — Кюрасао покрывает заднюю сторону ложечки и с ее краев хаотично сочится ручейками и капельками. Лазурь проникает в прозрачный джин, завиваясь наподобие струек дыма. Желтый мраморный шарик лимонной цедры оплетают рассеянные голубые ленты. — Размешивание происходит за счет динамики жидкостей. Таково применение хаотических систем в коктейльной теории.

Он пододвигает коктейльный бокал к женщине. Она делает глоток.

— Хорошо.

— Всего лишь «хорошо»?

— Очень хорошо. Вы сделали прелестную «Голубую луну».

— Еще бы. Я ее изобрел.

Четверо посетителей средних лет пьют за успех какого-то семейного дела в угловой кабинке. Охранники Корта безмолвно заняли стол, расположенный на благоразумном расстоянии от барной стойки. Кроме Рафы и землянки, других клиентов нет. Рафа забрел в этот бар, потому что он был ближайшим к клубу, но ему здесь нравится. Старомодный верхний свет превращает каждый напиток в драгоценный камень, подтягивает подбородки, заостряет скулы, загадочно оттеняет глаза. Массивные клубные диванчики из редкой древесины и чанной кожи. За барной стойкой — зеркальная стена. Тихо играет музыка. Бар расположен на террасе, высоко в центральном хабе квадры Водолея. Во все стороны простираются галактики городских огней. Он уже выпил две кайпиньи, когда вошла эта туристка. Он решился. Пьянки в одиночку не будет. «Голубую луну» на полную катушку.

Ее зовут Сони Шарма. Она аспирантка из Нью-Йорк-Мумбая, проработала шесть месяцев на радиотелескопной станции Невидимой стороны, осуществляющей планетарное наблюдение. Завтра «лунной петлей» она отправится на циклер и полетит обратно на Землю. Сегодня она пьет, чтобы изгнать Луну из своего разума и из своей крови. Или она не расслышала его имя, или ее мумбайская заносчивость превосходит мыслимые пределы. Рафа занимает пустующее социальное пространство.

— Оставьте это, — говорит он, касаясь коктейльных атрибутов. — Ведерко со льдом для джина. Я сообщу, когда понадобятся бокалы.

Она перекладывает «Фенди», разрешая Рафе присесть.

— Итак, вы действительно его изобрели? — спрашивает она после третьего коктейля.

— Спросите в баре «Сассерид» в Царице Южной. Знаете, что здесь самое дорогое?

Сони качает головой. Рафа кончиком пальца касается лимонной цедры.

— Единственное, что мы не можем напечатать.

— У вас очень твердая рука, — говорит Сони, когда Рафа выполняет трюк с ложечкой и кюрасао.

Потом ахает, когда Рафа хватает бокал, выплескивает джин на пол и резко ставит бокал на стойку вверх дном. Внутри, подсвеченная, жужжит муха. Рафа оборачивается и смотрит на охранников, которые молча сидят за своим столом.

— Вы знаете, что в этом бокале?

Эскольты вскакивают.

— Сидеть. Сидеть! — рычит Рафа. — Скажите брату, я в курсе, что его шпион жужжал надо мною с кулуа.

— Сеньор Корта, мы не... — начинает женщина, но Рафа не дает ей договорить.

— ...работаете на меня. Наплевать. Вы ее подпустили. Подпустили ко мне. Вы уволены. Оба.

— Сеньор Корта... — опять начинает женщина.

— Думаете, Лукас вас за такое не уволит? Останетесь со мной, пока из Боа-Виста не прибудет замена. Сократ, свяжи меня с Эйтуром Перейрой. И моим братом. — Он бросает взгляд на клиентов, которые пили за семейный бизнес. Они покорно сидят за своим столом. — Куда собираетесь пойти?

Они бормочут название ресторана, бара с песнями.

— Вот три тысячи битси. Повеселитесь, как никогда в жизни.

Сократ переводит деньги. Они кланяются и покидают бар. Бармен переставляет бутылки, пока Рафа отходит, чтобы поговорить со своим начальником службы безопасности, а потом — уже не таким рассудительным тоном — с братом. Сони, уткнувшись подбородком в барную стойку, изучает муху.

— Это машина, — говорит она.

— Наполовину, — уточняет Рафа. — Одна из этих штуквин меня едва не убила. Мне жаль, что я вас испугал. Вы не должны были этого видеть. Даже не знаю, смогу ли я как-то возместить содеянное. — Он просит чистый бокал и наливает джин, охлажденный во льду. С плеском падает лимон. Расползаются щупальца кюрасао. — Рука не дрогнула. — Он пододвигает «Голубую луну» к Сони. — Одна жена меня бросила, другая — мертва, дочь меня боится, а сыну я причинил боль, потому что был сердит на другого человека. Брат шпионит за мной, потому что считает, что я дурак, и мама почти ему поверила. Я только что испортил сделку, враги меня обманули, мои охранники не сумели разыскать собственные задницы в темноте, кто-то попытался убить меня с помощью мухи, а моя мужская гандбольная команда — последняя в лиге. — Он поднимает свой бокал. — Но все-таки я изобрел «Голубую луну».

— Я могу оказаться убийцей, — говорит Сони. — Я могу выхватить нож и вскрыть вас отсюда и досюда. — Она пальцем ведет от его подбородка до паха. Рафа перехватывает ее руку.

— Не сможете.

— Уверены?

Рафа кивком указывает на бывших охранников.

— Пусть я их и уволил, но они все равно всех тут просканировали.

— Вы вмешались в мою личную жизнь.

— Могу компенсировать.

— У вашего племени и впрямь все упирается в контракты.

— «Нашего» племени?

— Лунного племени.

Рафа все еще не отпустил ее руку. Сони все еще не высвободилась из его хватки.

— Знаю, работать здесь — большая честь, но мне не терпится вернуться домой, — говорит она. — Мне не нравится твой мир, Рафаэль Корта. Мне не нравится его подлость, теснота и уродство и то, что у всего здесь есть цена. — Она кончиком пальца указывает на свой глаз. — Не могу привыкнуть к этим штукам. Не думаю, что смогла бы когда-нибудь привыкнуть. Вы как крысы в клетке: один неверный взгляд, одно слово — и начнете жрать друг друга.

— Луна — это все, что я знаю, — отвечает Рафа. — Я не могу отправиться на Землю. Она меня убьет. Не быстро, но убьет. Никто из нас не может отправиться туда. Это наш дом. Я здесь родился и здесь умру. А так, в целом, мы просто люди — кто наверху, кто внизу. Лучшие и худшие. В конечном итоге нам не на кого больше полагаться, кроме как на самих себя. Ты видишь повсюду контракты, а я — соглашения. Посредством которых мы разбираемся, как нам жить друг с другом.

— Ну ладно. Компенсируй. — Сони выдергивает руку и постукивает по бутылке с джином. Рафа хватает ее запястье так крепко, что от небольшого потрясения она приоткрывает рот.

— Не смей меня жалеть, — говорит он и в тот же миг ее отпускает. Звучат механические щелчки: над баром разворачивается навес, укрывающий стойку и посетителей.

— Будет дождь, — говорит Рафа, взглянув вверх. — Ты когда-нибудь видела дождь на Луне?

— Ты не бывал в радиотелескопной обсерватории Невидимой стороны, верно?

— Я бизнесмен, а не ученый. — Глоток джина, плеск cedры, трюк с ложечкой и медленным кюрасао.

— Туннели, коридоры и норы. Такое ощущение, что я шесть месяцев провела согнувшись. Удивительно, что сейчас мне удастся держать спину прямо. — Она поворачивается на своем барном табурете и глядит на ошеломляющее зрелище, которое представляет собой квадра Водолея. — Это самое большое расстояние, на которое мне удавалось бросить взгляд за последние полгода.

По навесу стучит барабанная дробь. За пределами их убежища дождевые капли, падая на террасу, негромко взрываются, точно стеклянные украшения.

— Ох! — Сони восхищенно вскидывает руки к лицу.

— Идем. — Рафа протягивает руку. Сони берет. Он выводит ее под дождь. Крупные капли с плеском падают в их коктейльные бокалы с «Голубой луной», взрываются у ног. Сони поднимает лицо навстречу дождю. Через несколько секунд они уже насквозь мокрые, дорогая одежда прилипает, морщится. Рафа подводит Сони к перилам.

— Смотри, — приказывает он. Свод хаба Водолея — мозаика из медленно падающих, трепещущих капель, и каждая из них подобна блистающему драгоценному камню в свете ночных огней. — Гляди. — Включается небесная линия, на миг ослепляя. Сони прикрывает глаза ладонью. Когда к ней возвращается зрение, огромное пространство хаба пересекает радуга. — Увидь! — Внизу, на проспекте Терешковой, движение замерло. Пассажиры и пешеходы стоят недвижно, раскинув руки. Из магазинов и клубов, баров и ресторанов струятся потоки людей, чтобы к ним присоединиться. На террасы и балконы выбегают дети, чтобы порезвиться и поорать под дождем. Дождь барабанит повсюду в квадре Водолея, колотит, грохочет по каждой крыше и навесу, антенне и пешеходной дорожке.

— Я своих мыслей не слышу! — кричит Сони, а затем небесная линия гаснет и становится темно.

Дождь заканчивается. Последние капли падают и разбиваются о ее кожу. Мир сочится ручейками и блестит. Сони озирается по сторонам, ошеломленная увиденным чудом.

— Пахнет по-другому, — говорит она.

— Пахнет чистотой, — говорит Рафа. — Это первый раз, когда ты вдыхаешь воздух, в котором нет пыли. Дождь вычищает пыль. Для этого он нам и нужен.

— Разве вы можете позволить себе тратить столько воды?

— Она не тратится. Соберут до последней капли.

— Но это же дорого. Кто за все платит?

Теперь Рафа касается пальцем своего нижнего века.

— Ты.

Глаза Сони широко распахиваются, когда она видит, какой счет за воду пришел на чиб.

— Но это же...

— Пустяк. Жадничаешь?

— Нет. Ни в коем случае. — Она вздрагивает всем телом.

— Ты промокла насквозь, — говорит Рафа. — Могу напечатать тебе что-то новое в клубе.

Сони улыбается, не переставая дрожать.

— Ты меня клеишь.

— Еще как.

— Ну тогда пошли.

Сократ перечисляет большие чаевые бармену, и Сони и Рафа мчатся сквозь промокший город обратно в клуб. Муха-шпион так и продолжает жужжать, заточенная под стеклянным колпаком.

Лукас возвращается в музыкальную комнату и садится в акустическом центре дивана.

— Все хорошо?

— Все в порядке. Пожалуйста, начни «Экспрессо» с начала.

— Как же вы не любите перерывы...

Это третье выступление Жоржи в музыкальной комнате, но последовательность уже установлена. Он играет на протяжении часа без остановки. Лукас слушает на протяжении часа, не отвлекаясь. Однако на третьем такте «Экспрессо» Лукас внезапно вскакивает с дивана и бросается вон из комнаты. Жоржи не слышит, о чем Лукас говорит, но тот отсутствует несколько минут.

— «Экспрессо», пожалуйста.

Но нарушение порядка выбило Жоржи из колеи, и у него уходит некоторое время на то, чтобы изгнать напряжение из пальцев, тела и горла. Пальцы находят аккорды, голос — синкопу. Больше их никто не прерывает, и все же ток энергии от исполнителя к слушателю и обратно к исполнителю нарушен. Жоржи заканчивает «Изауру» с приглушенной модуляцией и упаковывает гитару в чехол.

— На следующей неделе в такое же время, сеньор Корта?

— Да. — Жоржи поворачивается, чтобы уйти, и тут на его плечо ложится рука. — Хочу угостить тебя выпивкой.

— Спасибо, сеньор Корта.

Лукас ведет Жоржи с гитарой в руке в гостиную и приносит ему мохито.

— Я правильно все смешал?

— Отлично, сеньор Корта.

— Сначала попробуй.

Пробует. Убеждается.

Лукас с собственным бокалом в руке подходит к окну. За стеклом бурлит Жуан-ди-Деус, весь движение и свет, уровень за уровнем. Синий неон, зеленые биолампы, золотые уличные фонари.

— Прошу прощения за то, что принял тот звонок. Я заметил, что это испортило твой настрой.

— Быть профи означает не позволять таким вещам сбивать тебя с ритма.

— Ну, меня-то сбило. Видимо, я все еще слушатель-любитель. У тебя есть братья, Жоржи?

— Две сестры, сеньор Корта.

— Я бы сказал, что тебе повезло, но, по моему опыту, сестры бывают такими же трудными, как братья. По-другому трудными. А с братьями все дело в том, что правила заданы от рождения. Первороденный всегда остается первороденным. Золотым Мальчиком. Ты родился первым, Жоржи?

— Средним.

— Значит, как я и Ариэль. Карлиньос — любимчик. С младшими всегда так.

— Я думал, есть пятеро Корта.

— Четверо Корта и самозванец, — говорит Лукас. — Вижу, ты закончил. — Жоржи проглатывает свой мохито одним махом. Он нервничает. — Выпей еще. На этот раз постарайся его распробовать. Ром весьма хорош. — Лукас приносит вторую порцию и с ее помощью заманивает Жоржи к окну. — Моя мать была пионером, дельцом, устроительницей династии, но во многих смыслах не очень-то отступала от традиций. Одно другому не мешает. Первороденный будет управлять компанией. Остальные — служить, как того позволяют их таланты. Карлиньос служит. Даже Вагнер служит. Ариэль. Я завидую Ариэль. Она выбрала собственную карьеру за пределами компании. Советник Ариэль Корта. Королева никахов. За Меридиан! — Лукас поднимает бокал, устремив взгляд на кишашую людьми пыльную улицу. — Она у нас теперь «Белый Заяц».

— Любой, кто говорит, будто он «Белый Заяц»...

— ...скорее всего, таковым не является. Знаю. Если Ариэль говорит, что она «Белый Заяц», так оно и есть. Как тебе мой ром, Жоржи?

— Хороший.

— Моя личная марка. Когда ты был мальчишкой, у тебя были домашние любимцы?

— Только роботы.

— Как и у нас. Моя мать не позволяла завести дома ничего органического. Испражнения, смерть и все такое. Асамоа подарили нам стайку декоративных бабочек для вечеринки в честь лунной гонки Лукасины. Мама еще много дней жаловалась — дескать, сколько мусора. Повсюду крылья. Роботы чище. Но они все равно не вечны. Они умирают. Ты знал, что их программируют на смерть? Чтобы преподать детям урок. А потом кому-то надо положить труп в депринтер. Это поручали мне, Жоржи. — Лукас делает глоток. Жоржи почти допивает второй мохито. Лукас едва пригубливает первый. — Золотой Мальчик совершил чудовищную ошибку. Он умудрился поссориться с Воронцовыми. Он позволил чувствам взять над собой верх и поставил под угрозу не только наши планы по расширению, но и транспортную сделку с ВТО. Мы зависим от ВТО, они перевозят контейнеры с гелием на Землю. И теперь я должен все исправить. Найти

выход. Переработать трупы. Прибраться.

— Разве мне можно это слышать, сеньор Корта?

— Я решаю, что тебе можно слышать. Жоржи, мне страшно за семью. Мой брат — идиот. Моя мать... уже не та, что прежде. Она что-то от меня скрывает. Элен ди Брага и придурок Эйтур Перейра ни за что не расскажут, как бы я на них ни давил. Компания рухнет, если кто-то не разберется с дерьмом и смертью. У тебя дети есть, Жоржи?

— Я из другой части спектра.

— Знаю. — Лукас забирает пустой бокал Жоржи и вручает ему новую порцию выпивки. — У меня есть сын. Я сам не ожидал, что буду им так горд. Он сбежал из дома. Мы живем в самом закрытом и самом наблюдаемом обществе за всю историю человечества, а молодежь по-прежнему пытается удрать. Я, конечно, подрезал ему крылышки. Ничего фатального, никакой угрозы здоровью. Живет по уму. Оказывается, он не такой уж дурак. И обаяние. В этом он пошел не в меня. Кое-что у него получается. Стал маленькой знаменитостью. Пять дней славы — а потом его все забудут. Я могу его осадить в любой момент, но не хочу. Рано. Интересно посмотреть, какие еще стороны он в себе откроет. У него имеются качества, которых нет у меня. Похоже, он добрый и достаточно честный. Боюсь, слишком добрый и честный для компании. Будущее меня очень страшит. А это как тебе? — Лукас качает бокалом перед Жоржи.

— Он другой. Дымный привкус сильнее. Крепость выше.

— Крепость выше, да. Это моя собственная кашаса. Вот что мы должны пить, когда занимаемся босановой. Как-то все немного неуклюже вышло. Итак, я должен устроить переворот в правлении. Я должен сразиться с семьей, чтобы ее спасти. И я все это рассказываю певцу босановы. Ты, наверное, думаешь: я что же, его мозгоправ, его исповедник? Его менестрель, его дурак?

— Я не дурак. — Жоржи хватается за свою гитару.

Лукас останавливает его в трех шагах от двери.

— В старой Европе королевский дурак был единственным, кому король мог доверить правду, и единственным, кто мог говорить правду королю.

— Это извинение?

— Да.

— И все-таки мне надо идти. — Жоржи уныло глядит на стакан, который держит в другой руке.

— Да. Конечно.

— На следующей неделе в такое же время, сеньор Корта?

— Лукас.

— Лукас.

— А можно чуть пораньше?

— Когда?

— Завтра?

— Мамайн?

Адриана просыпается с тихим вскриком. Она в постели, в комнате, но не понимает, где именно, и

тело не отвечает на ее мысли, хотя кажется легким, как сон, и невесомым, как судьба. Кто-то над ней завис совсем близко и дышит с нею в унисон.

— Карлос?

— Мама, все в порядке.

Голос внутри ее головы.

— Кто тут?

— Мама, это я. Лукас.

Это имя, этот голос...

— Ох, Лукас. Который час?

— Поздно, мамайн. Извини, что побеспокоил. Ты в порядке?

— У меня проблемы со сном.

Медленно зажигается свет. Она в своей постели, в своей комнате, в своем дворце. Громадный призрак, от которого перехватывает дыхание, — это изображение Лукаса на ее линзе.

— Я же сказал тебе поговорить об этом с доктором Макарэг. Она может что-то прописать.

— И мне снова будет тридцать лет?

Лукас улыбается. Адриана хотела бы сейчас к нему прикоснуться.

— Тогда я не стану тебе досаждать. Попробуй уснуть. Я просто хотел сказать, что мы не потеряли Море Змеи. У меня есть план.

— Мне невыносима мысль о том, что мы его потеряем, Лукас. Только не его.

— Не потеряем, мама, если Карлиньос и его дурацкие пылевые байки нас не подведут.

— Ты хороший мальчик, Лукас. Расскажешь мне все.

— Расскажу. Спокойной ночи, мама.

Марина едет обратно с трупом, привязанным к соседнему сиденью. Он достаточно близко, чтобы они соприкасались бедрами и плечами, но так лучше, чем если бы его привязали к сиденью напротив. Скафандр, безликий шлем, ремни безопасности ограничивают подвижность; отличить живую плоть от мертвой не так уж просто. Ужас проистекает из знания. За этим пустым щитком пустые глаза: мертвец.

Причина смерти — быстрый и катастрофический подъем температуры тела, от которого Паулу Рибейру зажарился в своем скафандре. Карлиньос фильтрует данные, пытаясь разобраться, что пошло не так. Если пылевик с тысячью поверхностных часов в логе смог умереть за три минуты, то сможет и любой другой. И она тоже — Марина Кальцаге, привязанная к открытой, негерметичной раме с колесами, которая несется на скорости сто восемьдесят километров в час через жесткий, пронизанный радиацией вакуум. Между нею и окружающей средой — только дурацкий скафандр и пузырь лицевого щитка. Даже сейчас тысяча маленьких неполадок может сговариваться, множиться, объединяться. Марина Кальцаге сглатывает панику, как желчь. В Море Спокойствия она едва не сняла шлем.

— Ты в порядке? — спрашивает Карлиньос по частному каналу.

— Да. — Вранье. — Это шок. Только и всего.

— Продолжить сможешь?

— Да. А что?

— Нам дали новое задание.

— Какое?

— Стоит сыграть с тобой на выпивку, — говорит Карлиньос. — Ты задаешь вопрос — я опрокидываю стакан. Нам надо сесть на поезд.

Марина не ощущает никаких изменений в направлении, которым следует ровер, но через час он тормозит возле Первой Экваториальной. Привязные ремни отстегиваются, бригада выбирается из машины, разминая затекшие конечности. Марина осторожно касается ступней рельса — не вибрирует ли он, свидетельствуя о приближении экспресса? Нет, разумеется. И вообще внешние рельсы зарезервированы для передвижного литейного цеха Маккензи — он называется «Горнило», как говорили Марине на инструктаже. Экспрессы с магнитной подвеской ездят по четырём внутренним путям. Она видит смежные силовые рельсы. Если прикоснуться ступней к ним, смерть будет чистой и мгновенной, а лицевой щиток Карлиньоса озарит вспышка, как фейерверк во время Дивали.

— Идет, — говорит Карлиньос. Частица света появляется на западном горизонте, превращается в три ослепительные фары. Земля дрожит. На скорости маглева, с таким близким горизонтом, поезд оказывается рядом быстрее, чем Марина успевает разобраться в своих ощущениях: размер, скорость, ослепляющий свет; давящая масса и полная тишина. Окна размытыми пятнами проносятся мимо, потом замедляются. Поезд тормозит. Марина видит детское лицо — ребенок выглядывает наружу, прижав ладони к стеклу. Поезд резко останавливается. Две трети из его километровой длины занимают пассажирские вагоны; грузовые и открытые платформы составляют треть со стороны хвоста. Карлиньос взмахом руки направляет свою команду через пути к самому последнему вагону-платформе. Марина легко перепрыгивает через спекшееся полотно дороги, и товарищи за руки втаскивают ее на платформу. Мотоциклы. Большие, с массивными шинами, утыканные сенсорами и оборудованием связи, уродливые и не аэродинамические, но — определенно мотоциклы.

«Что...» — едва не произносит она, но это лишь подарило бы Карлиньосу еще одну выигрышную стопку в его игре на выпивку.

— Мы собираемся заявить права на участок, — сообщает Карлиньос по общему каналу. Его заявление встречает одобрительный гул со стороны опытных пылевиков из бригады и тех, кто сопровождал байки. — Лукас отправляет нас в Море Змеи. Там есть отведенный под разработку участок, о котором, как считают в «Маккензи Металз», известно только им. Но это не так, и мы его украдем у них прямо из-под носа. Поверхностный флот ВТО у них в кармане, но у нас есть это. — Он хлопает по рулю одного из мотоциклов. — Команда пылевых байков Корта победит в этой гонке. Сперва мы поедем на поезде. — Одобрительный рев. Марина вдруг понимает, что кричит вместе со всеми. Без рывка или тряски поезд отправляется в путь. Марина видит, как ровер включается и поворачивает прочь от Первой Экваториальной, унося своего единственного мертвого пассажира обратно в Жуан-ди-Деус.

Флавия готовит. Ее еда настоящая, целиком растительная, как почти вся лунная кухня, но Лукасинью она кажется какой-то пустой, как музыка, которую издает гитара без басовых струн.

— А что не так с луком и чесноком? — спрашивает он. — Или перцем чили?

— Эти овощи неправильные с теологической точки зрения, — говорит Флавия. — Они пробуждают страсть и стимулируют низменные инстинкты.

Лукасинью ковыряет еду.

— Мадринья, почему ты ушла?

Лукасињу было пять, когда Флавия покинула Боа-Виста. Он лучше помнит замешательство, чем обиду; пустое место, в котором из зерен быстро проросла новая, нормальная жизнь. Аманда, генетическая мать Лукасињу, без промедлений передала его Элис, беременной Робсоном.

— Отец тебе так и не рассказал?

— Нет.

— Твой отец и твоя бабушка меня уволили и заставили покинуть тебя и Боа-Виста. Я выносила Карлиньоса, я выносила Вагнера, и последним я выносила тебя, Лука. Ты знаешь, чем занимаемся мы, мадриньи?

— Вы суррогатные матери.

— Мы продаем свои тела, вот что мы делаем. Мы продаем чужим людям то, что составляет нашу женскую суть. Это проституция. Мы раздвигаем ноги и принимаем в свою утробу чей-то чужой эмбрион. Тебя зачали в пробирке, Лука, и выносила тебя чужая матка, за деньги. Много денег. Но ты не был моим. Ты был ребенком Лукаса Корты и Аманды Сунь. Карлиньос — Карлоса и Адрианы Корты.

— Ты была еще и мадриньей Вагнера, — говорит Лукасињу.

— Эта профессия — самая жестокая. Если бы тебя забрали у меня сразу же после рождения, может, было бы легче. Но контракт таков, что мы не просто вынашиваем и рожаем детей, мы их растим. Моя жизнь была посвящена тебе и Карлиньосу. И Вагнеру. Я была во всех смыслах матерью, кроме одного.

— У тебя не было собственного ребенка. Ну, такого, которого сделала бы ты.

— Ты и представить себе не можешь, что это такое — проводить каждый час с детьми, которых ты выносила, и они твои, если не считать генетику, но одновременно не твои и твоими никогда не станут.

— Но ты могла...

— Ты не понимаешь, Лука. Ты даже не приблизился к пониманию. Наши контракты эксклюзивные. Единственные дети, которые мне были позволены, — это сыновья и дочери Корта. Я тебя люблю, Лука, и Карлиньоса люблю. И Вагнера. Я люблю вас, как будто вы мои.

У Лукасињу гудит в голове. Что-то давит изнутри черепа. Давит на глазные яблоки. Это трудно. Он к таким вещам не приспособлен, не усвоил нужные эмоциональные процессы. Флавия права. Он не понимает. Значит, так чувствуют себя взрослые.

— И Вагнера, — говорит Лукасињу. — Ты все время повторяешь «и Вагнера».

— Ты всегда был умнее, чем считает твой отец, Лука.

— Пай всегда говорит, он не Корта. Вову с ним не разговаривает. Он уехал из Боа-Виста, едва ему исполнилось восемнадцать.

— Уехал — или его заставили уехать?

— Что ты сделала?

— Вагнер наполовину Корта. Наполовину Корта, наполовину Вила-Нова.

— Это ведь ты.

— Флавия Пассос Вила-Нова. Мадриньям очень хорошо платят. Достаточно, чтобы нанять акушера-гинеколога, который оплодотворит и имплантирует другой набор яйцеклеток.

— Вову и Карлос... — Лукасињу не может произнести вслух эти слова. «Яйцеклетки», «сперма», фу. В

особенности когда из них делают тебя.

— Карлос к тому моменту был уже двадцать лет мертв. Но остались сотни замороженных образцов спермы. Карлиньоса породил один из них. Потом великодушная Адриана решила, что ей нужен еще один ребенок. Малыш-игрушка, последнее напоминание о ее покойном муже. В возрасте пятидесяти шести лет она захотела еще одного ребенка. А у меня так и не было собственного! Она не заслуживала еще одного сына, маленькую игрушку на закате лет. Вот так просто все и случилось.

Святые, ориша, эшу и духи-проводники прячутся на Лукасинью Корту пластиковыми глазами. Он хочет почесаться и чувствует себя неловко. От зеленых биоламп его тошнит. Он уверен, что дело в зеленых биолампах. А не в ужасном вопросе, который приходится задать немедленно.

— Флавия... а как же я?

— Это скулы Сунь и глаза Корта, Лука. Никаких ошибок. — Флавия читает его смятение по лицу. — Я же сказала — ты не поймешь.

— Так ты родила Вагнера...

— Он мой собственный мальчик. Это все, в чем я нуждалась. Вы, Корта, от гордыни ослепли. Это первый и самый страшный грех, гордыня. Вам бы и в голову не пришло, что Вагнер может оказаться сыном Карлоса и Флавии, а не Карлоса и Адрианы. Ни в жизнь. Высокомерие и гордыня! — Флавия вскидывает руки, не то восхваляя, не то порицая. — И вы бы никогда об этом не узнали, если бы Вагнера не положили в больницу, чтобы подлечить легкие. У него были проблемы с бронхами. Адриана переживала, что это врожденное, что сперма Карлоса и ее яйцеклетки свернулись и скисли за столько лет. В больнице провели генетический анализ. Мой обман открылся в один миг. Я нарушила контракт, но, если бы новостные сети узнали, что последний ребенок Адрианы Корты на самом деле не ее, случился бы скандал века. Я получила от Корта деньги за молчание и угрозу.

— Во тебе угрожала?

— Не Адриана. Ее подручные пришли с дарами. Элен ди Брага показала мне деньги, Эйтур Перейра — нож. Вагнер остался в Боа-Виста, и там его должны были взрастить как достойного члена семьи Корта. Но Адриана не смогла его полюбить. Она смотрела на него и видела нечто, принадлежащее Карлосу, но не ей.

— Она всегда была с ним отчужденной. Холодной. Но мой отец его по-настоящему ненавидит.

— Он мудр, твой отец. Вагнер — угроза для семьи, я угроза для семьи, и то, что я тебе все это рассказываю, — угроза для семьи.

От паники у Лукасинью сердце уходит в пятки.

— Он что, если он узнает, он... причинит тебе боль?

— Он не рискнет потерять тебя навсегда.

— Можно подумать, его это беспокоит. Я что-то не заметил, чтобы он послал за мной охранников, когда я сбежал из Боа-Виста.

— Твой отец в точности знает, где ты был и что делал. Он знает, где ты находишься прямо сейчас.

— Как же я заколебался быть Корта. — Внезапный взмах руки отправляет на пол все статуэтки святых и вотивные шутовины. Флавия усердно расставляет их по местам.

— Ну-ну, богатый мальчик. Ты сбежал, и друзья стали приглашать тебя на вечеринки, тетя одарила наличкой, любовники прикрыли простыней твой зад и дали крышу над головой. Тебе надоело быть Корта? Надоело, что не надо продавать воздух в легких и мочу в мочевом пузыре? Надоело, что не надо воровать

у мусорных ботов и тыкать в кого-то ножом из-за пакета жареной маниоки? Рот закрой, кишки простудишь. Этот твой пирог — да я бы тебя за него прирезала, мальчик. Твоя семья в качестве мадрийцев всегда нанимала Джо Лунниц, потому что у нас земные кости и мышцы. Я покинула циклер и шесть месяцев проработала на «Тайя» в Царице Южной, мы там разрабатывали роботов, — и вот из-за микрорецессии меня вышвырнули на улицу. Я спала на крыше, чувствовала, как радиация прошивает мое тело насквозь, словно я сделана из мокрого снега. Я воровала, калечила, продавала все, что имела, и в какой-то момент сказала — хватит. Все, довольно. И отправилась к Сестрам, потому что знала, что они делают с генетическими линиями, и майн-ди-санту изучила меня с ног до головы и проверила мои медицинские файлы пять, десять, пятьдесят раз. Потом меня послали к Адриане Кorte, и она поместила в меня Карлиньосу, и больше я не знала ни голода, ни жажды, ни удушья. Тебе надоело все, чем ты владеешь? Богоматерь да святые, какой же ты неблагодарный засранец. — Флавия крестится и целует костяшки пальцев.

У Лукасинью от гнева и стыда горит лицо. Он устал от того, что все ему говорят, как надо жить. Надень вон то платье. Нанеси вот этот макияж. Не шлейся с той девчонкой. Будь благодарным сыном. Мадринья Флавия встает с пола, чтобы вскипятить воду в кухонной нише. Толчет пестиком в ступке, и маленькую комнату заполняет густой зеленый запах.

Рука Лукасинью касается дверной ручки.

— Ты куда собрался?

— Какая разница?

— Никакой. Но ты не уйдешь. Раз ты сюда явился, тебе больше некуда идти. И я не хочу, чтобы ты уходил. Вот. — Флавия вручает ему стакан с травяным мате. — Сядь.

— Приказы. Мною все понукают. Все такие умные и лучше меня знают, кто я такой и что мне нужно.

— Пожалуйста.

Лукасинью нюхает напиток.

— Это что?

— Поможет уснуть, — говорит Флавия. — Час поздний.

— Откуда ты знаешь? — В квартире нет часов. Сестринство их не одобряет: часы — ножи времени, рассекающие Великий Сей Час на все более и более тонкие деления: часы, минуты, секунды. Философия Сестер опирается на непрерывность: на время, целое и неделимое, существующее одновременно в четвертом измерении, в разуме Олорума, Единого.

— Я чувствую, что уже поздно.

— Мне не нравится, — говорит Лукасинью, обнюхивая стакан с гримасой отвращения.

— А кто сказал, что дело в тебе?

Лукасинью пьет. Когда Флавия возвращается, вымыв стаканы в кухне, он уже спит, свернувшись клубочком на диване.

Двенадцать линий лунной пыли. Двенадцать байкеров едут клином через кратер Айммарт К. Марина Кальцаге едет уже три часа. Ее зад уже давно окаменел. Шея ноет, пальцы онемели от вибрации, она чувствует, как сквозь пов-скаф просачивается холод, и не может оторвать взгляда от показаний O₂ в правой нижней части внутреннего экрана. Все просчитано: воздуха хватит, чтобы добраться до места, и еще на час. Роверы из Краевого Моря должны успеть подвезти им запасы. Прошло три часа, остался еще час, скорость

сто восемьдесят километров в час — максимальная двести двадцать, но от такого батарея разряжается на глазах, — и где-то там, за плечом мира, флот Воронцовых несется к Морю Змеи. Согласно расчетам, команда Корта должна прибыть к самой дальней вершине за пять минут до транспортников Маккензи-ВТО. Плюс-минус три минуты. Все учтено. Лукас Корта скрупулезен.

Первый час поездки на север от железнодорожных путей проходит по высокогорной местности, и езда дерганая и тряская: кратеры, выбросы и предательские склоны требуют напрягать все чувства, естественные и кибернетические. Массивные колеса пылевых байков с легкостью преодолевают обломки небольшого размера, но каждый камень покрупнее требует принять решение: поверху или объехать? Ошибешься — сломаешь колеса и трансмиссию и очутишься в одиночестве посреди кратеров, глядя вслед товарищам, от которых останутся только длинные линии в пыли. Спасатели не придут. Их подкупили Маккензи. Марина стискивает зубы при каждом встреченном камне и каньоне. Каждый край кратера посылает вдоль ее хребта волну боли. Как будто ей в спину засунули раскаленный прут. Руки ноют от того, как она вцепилась в руль и держит байк ровнее, ровнее, а он скачет и встает на дыбы на этой жуткой местности. Она плотно сжала челюсти и уже не помнит, когда в последний раз моргала. Марина Кальцаге ощущает себя до безумия живой.

— Мотоциклы, — сказала она.

— Пылевые байки, — уточнил Карлиньос.

На платформе были закреплены одиннадцать байков. Внушительных, мощных машин, у которых все жилы-провода и кости-механизмы наружу; жестоко целесообразных и потому красивых. Каждый выглядел особенным, собранным вручную и на заказ, его металлические поверхности покрывали выгравированные изображения черепов, драконов, ориша, мужчин с большими членами и женщин с мегасиськами, пламени, вспышек сверхновых, мечей и цветов. Эстетика байкеров неизменна и вечна. Марина провела рукой в перчатке по хромированному боку.

— Ты на таком когда-нибудь ездила? — спросил Карлиньос.

— Где же я могла... — начала Марина и вспомнила про игру.

— Как по-твоему, сможешь?

— Насколько это трудно?

— Трудно. Если что-то пойдет не так, тебя бросят.

Байк для нее не был предусмотрен. Джо Лунница должна была отправиться в Меридиан в теплом и удобном вагоне поезда. Но, поскольку Паулу Рибейру увезли на вскрытие в Жуан-ди-Деус, в команде Корта не хватало одного ездока, а план требовал задействовать все байки. Маккензи еще могли вытащить какой-нибудь сюрприз из задницы. Чем больше байкеров, тем проще подстроиться.

— Ты поедешь с нами?

На португальском это прозвучало как приглашение, а не как вопрос. Поезд уже замедлял ход. План Лукаса был прост. Марина вспомнила этого мрачного, серьезного мужчину, который произнес слова, спасшие ее жизнь: «Теперь ты работаешь на „Корта Элиу“». Он вспомнил деталь, о которой позабыл даже Карлиньос: они же пылевые байкеры. План Лукаса: довезти все имеющиеся байки поездом до ближайшей к спорному участку станции, открыть дроссели и рвануть на север, к Морю Змеи. Запустить по GPS-транспондеру в каждом из четырех углов территории. Четыре угла, одиннадцать байков.

— Поеду, — сказала Марина Кальцаге.

— Вот контракт. — Хетти вывела его на линзы Марины. Беглый взгляд — как много пунктов

относительно случайной смерти, — ставим «инь» и обратно к Карлиньосу.

— Не отключайся, — сказал он по частному каналу связи с Мариной. Одиннадцать байков, четыре угла. Значит, они с Карлиньосом будут мчаться наперегонки с «Маккензи Металз» и их кораблями к самой дальней, итоговой точке этой территории.

Ездоки заняли свои места. Машина Марины выглядела зверем из скрученного алюминия и потрескивающих топливных элементов. Вытравленное на хромированной поверхности изображение Лунной Мадонны глядело на нее из центра руля, и лицо-череп ухмылялось. Пока Марина усаживалась в седло, произошло сопряжение ИИ с Хетти. Байк ожил. Управление оказалось простым. Вперед, назад. Для скорости — покрутить ручку.

Не успел поезд остановиться, как Карлиньос завел двигатель и стартовал с платформы вагона, описал высокую и красивую дугу, блестя в земном свете, и приземлился за крайним рельсовым путем. К тому времени, когда Марина спустила свою машину на поверхность и научилась не позволять ей вставать на заднее колесо самым жутким и смертельно опасным образом, Карлиньос уже исчез за горизонтом.

Она определила направление, повернула ручку газа и направила свой байк по следам в пыли. Скорость увеличилась рывком, и она приблизилась к клиновидному строю, где слева от Карлиньоса было пустое место. Марина заняла его. Карлиньос обратил к ней безликий щиток шлема и кивнул.

Байкеры мчатся вдоль длинного и невысокого края кратера Айммарт К. Марина поворачивает, объезжая кусок выброшенной породы размером с труп. Ей в голову приходит мысль: этот камень тут валяется дольше, чем существует жизнь на Земле. Тусклый серый камень, преграждающий путь. А в конце пути — дно мертвого моря.

Карлиньос вскидывает руку, но фамильяры уже передали ездокам инструкции. Трое байкеров отделяются от левой части клиновидного строя и едут в направлении восток — юго-восток. Марина видит, как за ними медленно оседает пыльный след. Их цель — юго-восточная вершина четырехугольника. И вот девять байков мчатся по темной и плоской местности кривым звеном. Езда легкая, быстрая, монотонная и полная подвохов; худших, тех, что порождаешь сам из-за скуки, осведомленности и монотонности. Плоско-плоско-плоско. Монотонно-монотонно-монотонно. И это все? Плоско-плоско-плоско быстро-быстро-быстро. Зачем выдумывать спорт, который состоит в том, чтобы просто мчаться во весь опор по прямой линии? Может, в этом все дело. Мужчины и их игры. Все можно превратить в бессмысленное соревнование, даже быструю езду по дну лунного моря. Должно быть что-то еще. Трюки, демонстрация навыков. С точки зрения Марины, вся суть спорта — в трюках, очках или скорости.

В намеченной точке пути Карлиньос опять вскидывает руку, и край правого «крыла» отрывается, по уходящей на запад дуге пересекает море. Юго-восточный угол участка находится в пятидесяти километрах. Пять оставшихся байков мчатся дальше.

— Тебе нравится бразильская музыка? — спрашивает голос Карлиньоса, пугая Марину. Ее машина вихляет, потом выравнивается.

— Не очень. Она вся какая-то... фоновая. Может, в ней есть что-то, чего не в состоянии понять норте вроде меня.

— Я тоже ее не понимаю. А мамайн обожает. Она на этой музыке выросла. Это ее связь с домом.

— Дом, — повторяет Марина, и это не вопрос.

— Лукас — большой меломан. Он как-то попытался объяснить мне, в чем суть — саудади, горечь и сладость, все такое, но я не вник. Я простой. Мне нравится танцевальная музыка. Ритм. Что-то физическое, осязаемое.

— Я люблю танцевать, но не умею, — отвечает Марина.

— Когда вернемся, когда все закончим, отправимся на танцы.

На скорости сто девяносто пять километров в час посреди Моря Змеи сердце Марины чуть не выскакивает из груди.

— Это что, свидание?

— Я приглашаю всю бригаду, — говорит Карлиньос. — Ты еще не знаешь, какие вечеринки закатывают Корта.

— Вообще-то я была на одной — помните, в Боа-Виста? — говорит упавшая духом Марина. Внутри своего пов-скафа она заливается краской.

— То была не вечеринка Корта, — возражает Карлиньос. — Итак, какая же музыка тебе нравится, Марина Кальцаге?

— Я выросла на тихоокеанском северо-западе, так что — сплошные гитары. Я роковая девчонка.

— А-а. Металл. Моя бригада только и слушает, что металл.

— Нет. Рок.

— Есть разница?

— Большая разница. Как и говорит ваш брат, в это надо вникнуть.

Передний радар рисует за горизонтом препятствие. На объезд уйдут драгоценные минуты.

— Ты многое обо мне знаешь, Марина Кальцаге, — мне нравится танцевальная музыка, я приверженец Долгого Бега, я люблю свою мать, но недолюбливаю старших братьев. Я люблю младшего брата, а сестру совсем не понимаю. Ненавижу деловые костюмы и слой камня над головой. Но я по-прежнему ничего не знаю о тебе. Ты любишь рок, ты норте, ты спасла моего брата — и все.

Препятствием оказывается высокий обнажившийся пласт горных пород, застрявший тут с тех времен, когда древние потоки базальта затопили бассейн Моря Змеи. Переход для пологой, эродированной Луны выглядит резким, но Карлиньос без колебаний держит путь прямо на скалы.

— Меня сюда вроде как случайно занесло, — говорит Марина.

— Никто не оказывается на Луне случайно, — возражает Карлиньос, и его байк, ударившись о скалистый выступ, пролетает десять, двадцать метров, прежде чем упасть на поверхность, подняв тучу пыли. Марина едет следом. Она чувствует себя беспомощной, брошенной; ее сердце вот-вот разорвется от паники. Держи руль прямо. Прямо. Когда заднее колесо касается земли, она с трудом удерживает байк в прямом положении, потом опускает второе колесо. Держи курс. Держи курс. Она возбужденно ахает.

— Ну? — спрашивает Карлиньос по частному каналу.

— Моя мама заболела. Туберкулезный менингит.

Карлиньос шепчет на португальском, обращаясь к Сан-Жоржи.

— Потеряла правую ногу от колена, левую парализовало. Она живая, она разговаривает и вроде как выздоровела, но это не она. Не моя мама, которую я помню. Только кусочки, которые смогли спасти в больнице.

— И ты работаешь на больницу.

— Я работаю на «Корта Элиу». И на мою маму.

Теперь они остаются вдвоем. Следом за Карлиньосом она съезжает со скал, и перед ними раскидывается широкое Море Змеи.

— Я родилась и выросла в Порт-Анджелесе, штат Вашингтон, — говорит Марина, потому что они только вдвоем, одни посреди равнины, которая, куда ни кинь взгляд, закругляется в сторону от них; она рассказывает о том, как росла в доме на краю леса, где было много птичьего пения, и звенели китайские колокольчики, и трепетали на ветру флаги и ветровые конусы. Мама: практик рейки[\[31\]](#) и ангельская целительница, гадалка по картам и мастер фэн-шуй, наперсница для кошек, выгуливательница собак и тренер лошадей: полный набор профессий, составляющих сферу обслуживания в конце двадцать первого века. Отец: стойко дарил подарки на дни рождения, праздники и по случаю вручения дипломов. Сестра Кесси, брат Скайлер. Собаки, туманы, лесовозы; гул двигателей больших кораблей, доносящийся со стороны канала, процессия автофургонов, мотоциклов и трейлеров, тянущаяся к горам и воде; деньги, которые всегда появлялись, когда на переднем дворе шуршало шинами отчаяние. Осознание того, что весь этот танец происходит в шаге от коллапса, спасением от которого всякий раз становился очередной зарплатный чек.

— У меня была такая фантазия про корабли, — говорит Марина и понимает, что Карлиньос вряд ли представляет себе гигантские контейнеровозы, идущие по проливу Хуан-де-Фука. — Когда я была совсем маленькой, я воображала, будто у них есть громадные ноги, как у пауков, десятки ног, и они на самом деле ходят по морскому дну.

Так растут инженеры: сначала ходячие корабли, а потом любимая забава, развивающая игра для девочек, в которой миссия заключалась в том, чтобы спасти попавших в опасную ситуацию животных с помощью веревок и шкивов, подъемников и прочих механизмов.

— Мне нравилось строить по-настоящему сложные, впечатляющие конструкции, — говорит Марина. — Я их записывала и выкладывала в сеть.

Ее мать удивлялась и восхищалась тем, что у старшей дочери открылся талант к решению задач и инженерии. Это была чужеродная философия для семьи, живущей одним днем в обветшалом доме, а также для друзей и связанных с ними животных, но Эллен-Мэй Кальцаге самозабвенно помогала Марине, хоть и не совсем понимала, что та изучает в университете. «Вычислительная эволюционная биология в архитектуре промышленного контроля» была трескотней на птичьем языке, но все же она наводила на мысли о регулярных зарплатных чеках.

Потом пришел туберкулез. Его принесло с востока, из заболевшего города. Оттуда люди переезжали вот уже много лет, но обитатели дома считали его защищенным от заразы. Болезнь пролетела мимо амулетов, китайских колокольчиков и астральных часовых прямым ходом в легкое Эллен-Мэй, а оттуда — под оболочку ее мозга. Антибиотики один за другим оказывались бесполезными. Ее спасли фаги, но инфекция отняла ее ноги и двадцать процентов разума. От лечения остался счет на несусветную сумму. Больше денег, чем можно было заработать за целую жизнь. Больше денег, чем принесла бы любая карьера, за исключением черных финансов. Или за исключением той, которую делают на Луне.

Марина и не мечтала отправиться на Луну. Она выросла, зная, что там живут люди и что благодаря им на Земле по-прежнему горит свет. Как всякий ребенок своего поколения, она взяла в займы телескоп, чтобы похихикать, глядя на Главный Хрен в Море Дождей, но вообще-то Луна была далекой, как параллельная вселенная. Не тем местом, куда можно отправиться. В особенности из Порт-Анджелеса. Пока Марина не выяснила, что не просто может, но должна, что в этом новом мире очень нужны ее навыки и дисциплинированность, что здесь ее радушно примут и заплатят за работу по лунным меркам.

— И одним из этих навыков было умение подавать «Голубую луну», которое ты продемонстрировала

на вечеринке в честь лунной гонки Лукасинью? — спросил Карлиньос.

— Они нашли кого-то подешевле.

— Надо было внимательней читать контракт.

— Других предложений не было.

— Это ведь Луна...

— ...и всегда можно договориться. Я это знаю. Теперь знаю.

Тогда она ничего не знала, и ею овладел поток впечатлений и ощущений, от которого все органы чувств только и могли, что сигнализировать «странное, новое, страшное». Тренировки прошли впустую. Ничто не могло подготовить ее к тому, каково это на самом деле — выйти из порта космического лифта и оказаться посреди давки, многоцветья, шума и вони Меридиана. Сам разум взбунтовался против такого. «Быстро вставьте эту линзу в правый глаз. Двигайтесь вот так, идите вон туда, не натывайтесь на людей. Настройте вот этот счет, и этот, и этот, и еще вот этот. Это ваш фамильяр: у вас есть для него имя, оболочка? Вот это прочитали? Итак: подпишите здесь, здесь и вот здесь». А эта женщина что, летает?..

— Сигнал от юго-западной бригады, — прерывает ее Карлиньос. — Маккензи прибыли.

— Насколько мы далеко?

— Дай полный газ.

Марина надеялась, что он это скажет. Она чувствует, как двигатель подрагивает между ее бедер. Пылевой байк отвечает резким увеличением скорости. Марина низко пригибается к сиденью. Это лишнее; на Луне нет сопротивления ветра. Так делают во время езды на байке во весь опор. Она и Карлиньос мчатся бок о бок через Море Змеи.

— Как насчет тебя? — спрашивает Марина.

— Рафа у нас очаровашка, Лукас — интриган, Ариэль — оратор; я боец.

— А что с Вагнером?

— Он волк.

— Я хотела спросить, почему Лукас его не выносит?

— У нас непростая жизнь. Тут все по-другому. — Иными словами, говорит Карлиньос, мы по-прежнему работодатель и наемный работник.

— У меня примерно двенадцать процентов O₂, — сообщает Марина.

— Мы на месте, — говорит Карлиньос, тормозит и разворачивает хвост байка, отчего вокруг него вздымается облако пыли, похожее на пончик. Марина описывает петлю побольше и паркуется рядом с ним. Вокруг нее мягко оседает пыль.

— Здесь. — Темное плоское морское дно, невыразительное, как вок[32].

— Северо-восточная вершина четырехугольника в Море Змеи, — говорит Карлиньос. Он отстегивает радиомаяк, прикрепленный к задней части байка.

— Карлиньос, — говорит Марина. — Босс...

Горизонт так близко, а корабль Воронцовых такой быстрый, что он как будто материализуется в небе над нею, словно ангел. Он большой, он занимает половину неба; он уже низко и продолжает спускаться, вспыхивая соплами реактивных двигателей.

Карлиньос матерится по-португальски. Он все еще раскладывает ноги радиомаяка.

— У этих штук встроенная система позиционирования. Стоит ему коснуться поверхности...

— У меня идея.

Плохая, безумная идея, такую оговорку даже в лунный контракт никто не вставит. Марина заводит пылевой байк. Корабль Воронцовых поворачивается вокруг центральной оси. Его маневровые реактивные двигатели вздымают колонны пыли. Марина разгоняется через эту пыль и тормозит прямо под брюхом корабля. Смотрит вверх. Щиток шлема расцветивают предупреждающие световые сигналы. Они не приземлятся на сотрудницу «Корта Элиу». Они не раздавят ее, не сожгут прямо на глазах у члена семейства Корта. Они не посмеют. Корабль зависает, потом сопла реактивных двигателей вспыхивают, и транспортник перелетает к новому месту посадки.

— Нет, мать твою, не получится! — Байк Марины опять срывается с места и мчится под сажающийся корабль. От тяги ракетных двигателей на нее накатывают волны, угрожая перевернуть. На этот раз они опустились ниже. Камеры на брюхе поворачиваются, чтобы взглянуть на нее. Какие споры идут в рубке корабля? Это Луна. Тут все по-другому. Обо всем можно договориться. У всего есть цена: у пыли, у жизней. У корпоративной войны с семейством Корта. Транспортник висит в воздухе.

— Карлиньос...

Транспортник резко перелетает в сторону. Он не может удаляться слишком далеко от вершины участка, и это нейтрализует его преимущество в скорости. У Марины каждый раз получается его догнать. Но он низко; господи боже, как низко. Слишком низко. Марина с криком пускает байк в занос.

Заднее колесо выходит из строя, байк и ездок падают в пыль, скользят-скользят-скользят. Марина цепляется за пыль, пытаясь погасить скорость. Тяжело дыша, останавливается под посадочной опорой. От реактивной струи ее окутывает слепящая пыль. Посадочная опора неумолимо надвигается — ее раздавят насмерть. Они учли это в своих расчетах.

— Марина! Убирайся оттуда!

Собрав последние силы, Марина выкатывается из-под посадочного устройства. Корабль Воронцовых приземляется. Стойка опоры вместе с амортизаторами оказывается в двух метрах от ее лица.

— У меня получилось, Марина.

Она перекачивается на другой бок и видит Карлиньоса, который присел и протягивает ей руку, чтобы помочь встать. Позади него мигает радиомаяк. Этот мигающий сигнал — жизнь. Этот мигающий сигнал — победа.

— У нас получилось.

Марина с трудом встает. Ее ребра болят, сердце трепыхается, каждая мышца ноет от изнеможения, ее может стошнить в шлем, на щитке с десятков предупреждений мигают, переключаясь с желтого цвета на красный, и от холода она не чувствует пальцев на руках и ногах. Но этот сигнал, эти мигающие огонечки... Она обнимает Карлиньоса одной рукой и ковыляет вместе с ним прочь от корабля. Транспортник выглядит красивым и чуждым, он тут не на своем месте, он как детская игрушка, которую бросили посреди Моря Змеи. Фигуры в ярко освещенной рубке; одна из них поднимает руку, салютуя. Карлиньос отвечает тем же. Потом сопла реактивных двигателей вспыхивают, Марину и Карлиньоса накрывает ослепляющей пылью, и транспортник исчезает. Они одни. Марина, обмякнув, приваливается к Карлиньосу.

— Как скоро тот ровер сюда доберется?

Жоржи устраивает гитару на коленях поудобнее, как привык. Левая ступня на шаг впереди, поза устойчивая.

— Что я должен сыграть, сеньор Корта?

— Ничего.

— Ничего.

— Ничего. Я вызвал тебя под ложным предлогом, Жоржи.

После репетиции с группой уснуть было нелегко, последовательности и аккордовые пассажи мелодичным потоком бежали сквозь его музыкальное воображение; он обдумывал так и этак сложную синкопу с барабанщиком. Жильберту, его фамильяр, прошептал на ухо: «Лукас Корта». Три тридцать четыре. Иисус и Богородица. «Ты мне нужен».

— Мне не нужно, чтобы ты пел.

У Жоржи перехватывает дыхание.

— Мне нужно, чтобы ты со мной выпил.

— Я очень устал, сеньор Корта.

— Больше никого нет, Жоржи.

— Ваша око; Лукасинью...

— Больше никого нет.

На балконе ждет мохито, приготовленный по вкусу Жоржи. Личный ром Лукаса. Скоро четыре, но квадра Сан-Себастьян бурлит, повсюду роботы и вахтовики, ремонтники и техники хозяйственных служб. Душно, воздух наэлектризован от взвешенной пыли. Жоржи чувствует ее на языке, в горле. Он бы натянул кочжао, чтобы защитить свой певческий голос, но пылезастыжная маска может оскорбить Лукаса.

— Я собираюсь развестись с женой, — говорит Лукас.

Жоржи мучительно подыскивает нужные слова.

— Я мало что знаю про никахи Пяти Драконов, но могу себе представить, каким дорогим окажется расторжение контракта.

— Очень дорогим, — соглашается Лукас. — До нелепости дорогим. Сүни привыкли сражаться в судах. Они пятьдесят лет сражались с КНР. Но я до нелепости богат. И у меня есть сестра Ариэль. — Лукас облокачивается о перила.

— Если вы ее не любите...

— Если ты думаешь, что любовь с этим как-то связана, то тебе и впрямь ничего не известно о том, как заключаются браки среди Драконов. Это был прагматичный, политический, династический союз. Как и все они. Сперва брак, потом любовь. Если повезет. Рафе повезло, и это его убивает. Мы празднуем, Жоржи.

— Я не понимаю, сеньор... Лукас.

— Я одержал необыкновенную победу. У меня появилась блестящая идея, и я ее блестяще исполнил. Я победил своих врагов и принес семье власть и богатство. Я уделал Четырех Драконов. Сегодня этот город — мой. Но, глядя на все со стороны, я вижу лишь человека, который ютится в пещере посреди империи пыли. Я родился в этой пещере и в ней же сдохну, и мои заемные воду, воздух и углерод заберут и отдадут другим. Я стану частью миллиона жизней. До чего же поганый способ восстать из мертвых! И ведь у нас никогда не было выбора. У моей матери он был. Она обменяла Землю на богатство. А я не могу

выбирать. Никто из нас не может. Мы не можем вернуться... нам некуда возвращаться. Это все, что у нас есть: пыль, солнечный свет; люди. Луна — это люди. Так говорят. Самый худший враг и самая лучшая надежда. Рафа любит людей. Рафа мечтает о рае. Я знаю, что мы живем в аду. Мы крысы в туннеле, лишенные права на красоту.

— Мне для вас спеть, Лукас?

— Может, и да. Все ясно, Жоржи. Я в точности знаю, что должен делать. Вот почему я избавляюсь от Аманды. Вот почему я не могу торжествовать. Вот почему сегодня вечером я не могу слушать тебя, Жоржи. — Лукас ведет кончиком пальца вдоль тыльной стороны ладони Жоржи. — Останься.

— Просыпайся.

Чьи-то руки подхватывают ее под мышки и поднимают. Она клевала носом и была на грани того, чтобы погрузиться в воду. Рядом с чаном с водой сидит Карлиньос. Он постукивает кончиком пальца по коктейльному бокалу Марины, липкому от сапфировых остатков «Голубой луны».

— Нехорошая смесь. «Утонула на Луне» — это будет странно смотреться в отчете о вскрытии.

— Я подумала, надо отпраздновать...

Марина вдыхала свой последний кислород, когда из-за горизонта выскочил спасательный ровер; Карлиньос подключил ее, дрожащую от холода и посиневшую от гипоксии, к системе жизнеобеспечения. Ровер развернулся, проложил новый курс и помчался в Бэйкоу, серверную ферму «Тайяна» на краю Макробия. К тому моменту, когда Карлиньос затащил Марину в наружный шлюз и мощное «воздушное лезвие» счистило с нее пыль, она то и дело проваливалась в гипотермическое забытие. Чьи-то пальцы разгерметизировали ее пов-скаф. Чьи-то руки принялись его снимать. Кто-то вытащил предназначенные для отправок организма трубки из ее интимных мест, преодолевая сопротивление затвердевшей смазки и засохших телесных жидкостей. Ее опустили в воду, теп-теп-ааах-теплую. Вода окружала, проникала, ласкала. Возвращала к жизни.

«Что происходит?»

— Просто чан. — Голос Карлиньоса. Те руки... его руки? — Ты там чуть не умерла.

— Их корабль меня бы не раздавил. — У нее так стучали зубы, что говорить удавалось с большим трудом. Она оживала, и жизнь была сущей мукой.

— Я про другое.

— Так было нужно.

— Мне нравится, как ты это говоришь, — ответил Карлиньос. — Истинная норте. Борец за справедливость. «Так нужно». — Он провел кончиком пальца по поверхности маленького бассейна. — Мы заплатим за воду.

Бэйкоу — местечко закрытое и самодостаточное, почти как женский монастырь: Суни, Асамоа и малые кланы здесь соединяются друг с другом в сложном переплетении сочлененных полиаморных связей. Узкие, низкие туннели звенят от детских голосов на пяти языках; воздух третьей свежести воняет телами и потом, странной пылью компьютерных систем, застоявшейся мочой. Чтобы Марина могла им дышать и отмокать в воде, свернувшись как зародыш, «Корта Элиу» заключила сделки с «Тайяном» и АКА. Марина откидывается назад, и ее волосы вихряются в теплой воде. Она может поднять руку и коснуться крыши из спеченного стекла. Ао-Куан, Король-Дракон Восточного моря, нарисованный в стиле маньхуа, строго глядит с низкого потолка. Вода плещется у ее груди. Что-то потревожило бассейн.

— Что ты делаешь?

Марина на миг отключилась и теперь, придя в себя, видит Карлиньоса, который стянул пов-скаф.

— Я залезаю.

Он опускается в воду. «Ты устал, — думает она. — Ты великолепен, но ты выбился из сил. Ты двигаешься как старый краб». Судя по журналу операций Хетти, они провели на поверхности двадцать восемь часов. Пов-скафы рассчитаны на двадцать четыре. «Мы должны были погибнуть». Она плещет водой в лицо Карлиньосу. Он так устал, что почти не вздрагивает.

— Эй.

— Эй...

— У нас получилось?

— Суд Клавия признал заявку и выдал лицензию. Мы уже объявили тендеры на строительство.

Она поднимает сжатый кулак, преодолевая боль, и издает тихое болезненное «ура».

— Знаешь, возможно, нам и впрямь надо отпраздновать, — замечает Карлиньос. — Тут делают очень хорошую картофельную водку.

— Ты что-то там говорил про то, как дерьмово смотрится в справке о смерти формулировка «утонул»?

— Хуже, чем «раздавлена лунным кораблем ВТО»?

— Ах ты... — Она опять плещет в него водой. Он не уклоняется — не может или не хочет. «О боже мой ты такой очаровательный когда устал воняешь зарос и тебе больно и я бы с таким удовольствием с тобой потрахалась сейчас и ты прямо передо мною касаешься моих колен моих бедер моих ступней и если я на пару сантиметров сдвину руку вон туда, а ты сдвинешь свою на пару сантиметров вот сюда все случится, но я не стану потому что я развалина и ты развалина и ты по-прежнему мой босс и еще Дракон а Драконы всегда меня пугали но в большей степени потому что мы как близнецы в утробе свернулись рядом друг с другом в теплой воде и это был бы пренатальный инцест».

Она потихоньку перемещается ближе к нему, и они, преодолевая боль, удобно устраиваются рядышком, как два старика, кожа к коже, наслаждаясь ощущением другого тела возле себя. Юный Сунь с длинными руками и ногами — Марина не понимает, мальчик это или девочка, они все одинаково долговязые — пригибается, чтобы войти в низкую дверь и принести обоим «Голубую луну». Смех, поп-музыка, детские вопли, шум машинерии резонируют в туннелях, как в трубах огромного музыкального инструмента.

— За «Корта Элиу».

— За Море Змеи. Если я впрямь задремлю...

— Я прослежу за тобой, — обещает Карлиньос.

— А я за тобой.

Секс всегда начинается одинаково. Один бокал, запотевший от холода. Одна мера охлажденного джина. Три капли синего «кюрасао» из стеклянной пипетки. Никакой музыки. Музыка отвлекает Ариэль Карту от секса. Сегодня на ней изысканное платье в стиле балерина от «Раппи» с нижней юбкой, плоская соломенная шляпа и перчатки в стиле нью-лук от «Диор». На губах красная помада от «Ревлон», цвет «Огонь и лед», и она их поджигает, с легкой сосредоточенностью роняя капли кюрасао из пипетки одну за другой. Сегодня она использует джин из десяти растительных ингредиентов, который подарила Дилма

Филмус. После того как последняя капля порождает рябь на поверхности бокала для мартини, Ариэль Корта сбрасывает платье. При лунной гравитации бюстгалтеров не носят, а другого белья она сторонится. Перчатки, шляпа, чулки с кружевным верхом и пояс, туфли с пятидюймовыми каблуками от Роже Вивье. Ариэль Корта поднимает бокал рукой, затянутой в перчатку, и делает глоток мартини.

Мальчики все расставили по местам. Подсказка Видьи Рао оказалась надежной. Короткий разговор Ариэль с Лукасом по зашифрованному частному каналу продемонстрировал три вещи. Рафа убедился, что у нее тоже есть власть. Мама убедилась, что Корта — действительно Пятый Дракон. Лукас убедился, что она всегда была Корта. «Мы хотим вас купить», — сказала Видья Рао. Не купили; заплатили за услуги. Взяли в аренду, не приобрели в собственность. Есть разница между спекулянтom и консультантом. Это триумф. Ариэль Корта пьет за саму себя, всех своих клиентов, контрагентов и приближенных. Еще глоток «Голубой луны». Бейжафлор показывает Ариэль ее саму через скрытые камеры. Ариэль принимает разные позы, чтобы как следует восхититься своим телом. Она великолепна. Великолепна.

Прежде чем раздеться, она выпаривает капсулу «соло». Химические сестры, наркодизайнеры высшего общества, печатают его на заказ для таких случаев. Шляпа отправляется на мягкую подставку, перчатки и чулки аккуратно и терпеливо сворачиваются. Ариэль входит в комнату для секса. Ее кожа, ее соски, ее губы, и вульва, и анус как будто искрятся от сексуального желания. Стены и пол мягкие, обитые искусственной кожей. Наряд ждет ее, разложенный в аккуратном порядке, изготовленный на заказ из белой искусственной кожи. Сначала сапоги: высокие, узкие и туго зашнурованные; они становятся еще туже, когда она затягивает шнуровку. Ариэль прохаживается по комнатке, позволяя бедрам тереться друг о друга, и шнурки приятно щекочат зад и вульву. Она опускается на колени, взволнованная тем, как задние части сапог и каблуки врезаются в ягодицы. Потом перчатки — до плеч, со шнуровкой; натянуть потуже. Она расправляет пальцы, заключенные в тугую белую кожу. Жесткий, высокий воротник. Ариэль ахает, когда затягиваются шнурки, и она теряет подвижность и свободу. В последнюю очередь — корсет. Это ритуал; выдохи, тщательно просчитанные моменты затягивания шнурков, пока она едва может дышать. Ее маленькие груди горды и дерзки.

В возрасте тринадцати лет Ариэль Корта испытала оргазм, надев пов-скаф. С той поры она такое не носила, но то, каким он был тугим, как неумолимо стягивал, лишая контроля над телом, навсегда определило ее сексуальные пристрастия. Ариэль Корта ни одной живой душе не рассказывала о том, как пов-скаф заставил ее кончить.

Кляп. Классический красный шар, в тон помаде на губах. Она затягивает его туго, еще туже. Это следствие тех случаев, когда она запихивала в рот половину простыни, чтобы приглушить звуки сказочно прекрасной мастурбации. Так пузырьки остаются в шампанском. Ариэль Корта вопит и умоляет с заткнутым кляпом ртом. Бейжафлор не подчиняется словесным командам, но фамильяр играл в эту игру много, много раз. Одевание закончено.

Ариэль мягко хлопает в ладоши. Включается тактильная обратная связь; она поглаживает груди и шипит в свой кляп от прикосновения густой мягкой шерсти. Обводит соски по кругу, вне себя от наслаждения. Тактильные ощущения перенастраиваются, и она взвизгивает от прикосновения щетины. Перчатки следуют случайной очередности: Ариэль стоит на коленях и истекает слюной в экстазе, прикасаясь к мягким и чувствительным складкам вульвы щетиной, которая превращается в виниловые шишки, а потом — жесткий абразив. Долгие медленные поглаживания правой рукой; левая изучает пространство обнаженной кожи между туго затянутыми деталями костюма. Она вот-вот взорвется; кровь и кость, плоть и жидкости удерживает от распада туго натянутый корсет. Теперь на каждой перчатке включаются разные тактильные ощущения. Ариэль на коленях, наклоняется назад, чтобы пальцы добрались до страстной маленькой вульвы. Острые каблуки врезаются в ее зад; она чувствует, как ягодицы

распластываются по обитому кожей полу. Она сыплет благочестивыми ругательствами с заткнутым кляпом ртом. Бейжафлор показывает ее со стороны: ноги раздвинуты, пальцы внутри, лицо обращено вверх, глаза широко распахнуты. Щеки в потеках слюны, что просачивается из-под кляпа по обеим сторонам. Тактильные ощущения переключаются на покалывание: теперь пальцы Ариэль впервые приближаются к ее клитору. Она безудержно и радостно вопит в свой кляп. «Соло» наделило сверхчувствительностью клитор, соски и вульву, а также розовый бутон ануса. Каждое прикосновение — мука и дерзкое наслаждение. Ариэль Корта теперь невнятно мычит. Бейжафлор водит вокруг нее камерой, показывая крупным планом пальцы, глаза, плоть на бедрах, пережатую тугими сапогами.

Прелюдия длится час. Ариэль Корта с полдюжины раз подводит себя на грань оргазма. Но это прелюдия. Секс — ритуал не хуже мессы. Принтер издает сигнал, тактильные ощущения на перчатках отключаются. Дрожа, блестя от пота и слюны, вытекшей из-под кляпа, Ариэль подползает к принтеру. Коко де Лун — лучший дизайнер секс-игрушек на Луне. Ариэль никогда не знает, что получит, пока не раздастся сигнал принтера. Она уверена лишь в том, что это будет сделано сообразно ее телу и вкусам и что на полное изучение свойств игрушки уйдет много часов.

Ариэль открывает принтер. Дилдо и полированные анальные бусы. Дилдо длинный и элегантный, старая добрая лунная ракета с четырьмя стабилизаторами в нижней части. Каждый стабилизатор управляет отдельным тактильным полем. Серебристая ракета для киски, напечатанная согласно параметрам ее влагалища и вульвы. Не пенис. Никаких пенисов. Ариэль Корта ни разу не позволила, чтобы в нее проник пенис.

«Ты красивая, — шепчет Бейжафлор голосом Ариэль. — Люблю тебя люблю тебя люблю тебя».

Ариэль стонет в свой кляп, ложится на обитый кожей пол, раздвигает ноги.

«Засунь это в себя, в себя, на километры в себя, — говорит Бейжафлор. — Затрахай себя до смерти».

Ариэль вводит самосмазывающиеся бусы в свой анус. Корсет и воротник держат крепко, не дают увидеть, что она делает со своими телесными отверстиями. Бейжафлор показывает крупный план и шепчет грязные оскорбления на ее родном португальском. Ариэль вводит бусы, заталкивает подальше, вдевает палец в ручку. Нежно тянет, чувствует медленное движение, трение внутри себя. В момент оргазма она их вытащит — может, медленно, может, все сразу. Потом снова начнет вводить одну бусину за другой.

Она подносит дилдо к лицу, тяжело дыша от ужаса и предвкушения, и собственный голос рассказывает ей в подробностях, что она собирается сделать с этой штукой — как глубоко, как быстро и как долго, каждую позицию и прием. Это займет часы. Часы! В конце концов Ариэль Корта выползет из комнаты для секса, мокрая от пота, слюны, телесных жидкостей и густой смазки, и медленно освободит себя от тугих кожаных вещей. Ни один любовник, ничье тело, никакая плоть не могут сравниться с безупречным сексом, которым она занимается сама с собой.

С тринадцати лет Ариэль Корта радостно, восторженно, моногамно аутосексуальна.

Мужчина пригибается, замахивается гаечным ключом, метя ей в колени. Марина уклоняется. Сила мышц и движущая сила уносят ее высоко, далеко. Высоко и далеко — значит, уязвимо. Движущая сила убивает. Марина приземляется достаточно жестко, чтобы вышибло воздух из легких, скользит, врезается в какую-то перекладину. Человек Маккензи умеет драться. Он выпрямился, вскинул гаечный ключ, чтобы обрушить на ее грудную клетку. Марина пинает. Ее ботинок попадает в коленную чашечку. Хруст кости, вопль, мгновение тишины во всем доке. Мужчина падает как подкошенный. Марина подбирает гаечный ключ.

— Марина! — Голос Карлиньоса. — Не надо.

Человек Маккензи — высокий, сильный мужчина. Она невысокая женщина, но она Джо Лунница. У нее сила троих лунных мужчин. Она может одним ударом кулака переломать ему все ребра.

Как началась драка? Как и любые драки: как пламя: взрывоопасные нравы, близость, искра, и вот вспыхивает пламя. Контрольный шлюзовый пункт Бэйкоу задержал команду Корта на площадке ожидания, пока эскадру роверов «Маккензи Металз» заводили в док и фиксировали. Бригада ворчала: всем надоели тесные туннели, неочищенный воздух, старая вода. Они хотели домой. Терпение иссякало. Бригада Маккензи — сплошь из мужчин, заметила Марина, — вышла гуськом из шлюзовой камеры, неся с собой пряный запах лунной пыли. Когда начальник бригады прошел мимо Карлиньоса, раздались два слова: «Ворюги Корта». Терпение иссякло. Карлиньос взревел и повалил бригадира ударом головой, и площадка ожидания взорвалась.

Марина ни разу не бывала в драке. Она видела такое в барах, в студенческих общежитиях, но никогда не участвовала. Здесь она мишень. Эти мужчины хотят причинить ей боль. Этим мужчинам наплевать, если она умрет. Человек Маккензи пал, вышел из боя, что-то тихо бормочет от шока. Марина пригибается — чем ниже, тем сильнее, — окидывает комнату взглядом. Настоящие драки не такие, как в кино. Бойцы припадают к земле, пытаются схватить и опрокинуть врага или ударить головой в лицо. Карлиньос упал, лежит на спине. Марина хватает его противника за руку. Тот кричит — она вывихнула ему плечо. Она хватает его за ворот и пояс пов-скафа и швыряет через док с такой легкостью, словно он тряпичная кукла. Марина вертится и бросается на первого из людей Маккензи, кого видит. Бьет им о колонну. Выпрямляется, тяжело дыша. У нее есть суперспособности. Она Халк в женском обличье.

— Где копы? — кричит она, обращаясь к Карлиньосу.

— На Земле, — орет он в ответ и сбивает нападающего с ног. Бьет кулаком в лицо. Из расквашенного носа брызгает кровь; красные капли медленно падают.

— Твою мать! — кричит Марина. — Твою гребаную мать!

Она бросается в драку. Соблазн силы ужасает и манит. Вот что значит быть мужчиной на Земле, всегда знать, что ты сильнее. Она пинает, хватает, дергает и ломает, бьет. А потом все заканчивается. Кровь на пористом стекле. Невнятные всхлипы. Прибыли докеры и удерживают обе стороны подальше друг от друга с помощью тазеров и ножей, но у драк короткий период полураспада, и эта уже переродилась в тыканье пальцами, ложные выпады и крики. Теперь весь спор о том, кто заплатит за ущерб. Теперь дерутся правовые ИИ.

— Ты в порядке? — спрашивает Карлиньос. Марина чувствует от него запах насилия. Покрывается гусиной кожей: он дрался безудержно и бесстрастно, как будто насилие — еще один способ ведения бизнеса. Тогда, во время езды на байках, он сказал: «Рафа у нас обаяшка, Лукас — интриган, Ариэль — оратор; я боец». Марина думала, это метафора. Нет. Он боец, и сильный. Ей немного страшно.

Марина кивает. Теперь ее начинает трясти; физический и химический отходняк. Она причинила людям боль. Она ломала тела, разбивала лица и чувствует в себе чистейшую эйфорию и жизненную энергию, как и в тот раз, когда Карлиньос взял ее на Долгий Бег. Воодушевление и напряжение; грязь, зуд, низменные инстинкты: бойцовая сука. Она сама себя не узнает.

— Автобус приехал. Пора домой.

Может, дело в холоде, или в легком смещении веса, или в тихих, осторожных шумах, которые ночь усиливает, но, когда Сони Шарма просыпается, она понимает, что Рафы рядом нет. Секс был почти как запоздалая мысль; беглый, старательный. «Возвращайся в мой клуб», — сказал Рафа, и, наверное, ей следовало расслышать в этих словах предупреждение. Громкие мужчины, кое-кто пьяный, чувствовали

себя хозяевами в том месте и пространстве, оглядывали ее с ног до головы, изучали и оценивали, незаметно одаривали Рафу лукавыми взглядами, вскидывали брови, улыбались. Состоятельные мужчины. Потом пришла новость о сделке — что-то там про новую лицензию на добычу, про какую-то территорию, — и тьма, владевшая Рафой в баре, не просто испарилась, но превратилась в свою противоположность; теперь он излучал золотое сияние. Клуб был весь его. Выпивка всем; все мои друзья, пейте, пейте. Шумный, молодцеватый и покровительственный; грубый и гордый своим триумфом; она была трофеем и обещанием. Призом победителю. Ночные часы бежали, рука Рафы не переставала ее обнимать. Клуб профессиональных владельцев гандбольных команд не был безопасным местом, но она осталась.

У нее песок в глазах и ноют суставы, и она обезвожена, как поверхность Луны. Интересно, а лететь с похмелья на «лунной петле» будет очень тяжело?

Время. Пять двенадцать. Солнечная линия — полоса цвета индиго вдоль верхней части мира. Она должна уйти, сложить вещи, разобраться со всем. Где Рафа? Не в спальне, не в гостиной, не в кабинете и вообще не в обширных апартаментах, по которым она проходит на цыпочках, голая. Вымытый воздух по-прежнему пахнет чистотой. Рафа в кресле на небольшом балкончике, на самом краю сиденья. Вопреки всем правилам клубного этикета из одежды на нем только фамилляр. Он разговаривает, понизив голос и повернувшись к ней спиной, этот разговор не из тех, которые можно подслушивать. И потому она должна сделать именно это.

«Но Робсон в полной безопасности. Я тебе клянусь. Господь и Богоматерь. Робсон в безопасности, Луна в безопасности; Боа-Виста в безопасности. Нам с тобой не надо ругаться. Я не хочу с тобой ругаться. Подумай о Луне. Она будет меж двух огней. Возвращайся. Возвращайся в Боа-Виста, корасан. Ты мне обещала, что наше расставание будет совсем недолгим. Возвращайся. Дело не в детях. Дело во мне...»

Голая, босая, дрожа от похмелья и предательства, которое она предвидела, но ей все равно больно, Сони поворачивается, уходит, одевается, собирает свои немногочисленные вещи и покидает Луну навсегда.

В конечном итоге Адриана приказывает Паулу убираться из его собственной кухни. Он ее повар, он изучил технику, и принтеры уже произвели колбу, сетку, крышку и поршень. Но он никогда это не готовил, не пробовал, даже не нюхал. В отличие от Адрианы. Он уходит, с трудом скрывая обиду. Аромат попадает в систему кондиционирования Боа-Виста. Это еще что такое?

Кажется, это кофе.

Слуги выстроились под дверью кухни Паулу: чем это занята сеньора Корта? Она отмеряет нужное количество. Кипятит воду. Снимает с плиты. Считает. Наливает воду на вещество с большой высоты. А зачем? Для насыщения кислородом, говорит Паулу. Она его еще и размешивает: аромат полностью раскрывается благодаря реакции окисления. Теперь она ждет. Как он пахнет? Я бы такое и в рот не взял. Что она теперь делает? Все еще ждет. Прямо целая церемония с этим вашим кофе.

Адриана Корта нажимает на поршень. На поверхности френч-пресса появляется бронзовая крема[33]. Одна чашечка.

Адриана делает глоток из своей последней чашки кофе. Запрещает себе думать об этом. Это праздник, маленький, личный, истинный и предвосхищающий безвкусный карнавал, который Лукас намеревается устроить в ее день рождения. «Не в этот раз», — шепчет она Маккензи и смерти. Но жизнь ее полнится последними вещами, как туннель, который затапливает водой. Уровень растет; или, может быть, это жизни в ней остается все меньше.

Вкус у кофе совсем не такой, как запах. За это Адриана благодарна. Будь все иначе, люди бы только

тем и занимались, что пили кофе. Запах — чувство, пробуждающее память. Каждый кофе способен оживить бесчисленные воспоминания, безграничные воспоминания. Кофе — наркотик памяти.

— Спасибо, Лукас, — говорит Адриана Корта и наливает вторую чашечку. Френч-пресс пуст, внутри только влажные зерна. Кофе — драгоценное вещество. «Дороже золота, — шепчет Адриана, вспоминая дни, когда была пылевиком. — Золото мы выбрасываем».

Адриана забирает обе чашечки в павильон Сан-Себастьян. Две чашки, два кресла. Для нее и для ирман Лоа. Еще один глоток кофе. Да как же она может любить этот землистый, мускусный, горький отвар: как вообще его кто-то любит? Еще глоток. Это чаша воспоминаний. Потягивая кофе, она снова пьет свою первую чашечку, спустя сорок восемь лет. Тот кофе также был памятным. Ее мальчики все устроили великолепным образом — то, как успешно они выхватили участок в Море Змеи прямо из загребущих лап Маккензи, станет лунной легендой для многих поколений, но кофе всегда заставляет ее думать про Ачи.

Шесть

Я встретила Ачи, потому что от секса в невесомости мне делалось плохо. Во время тренировок только об этом и говорили. Секс в невесомости. Там только им и занимаются, только им и хотят заниматься. Раз попробуешь, и пропал навсегда. После невесомости секс при силе тяжести груб и уродлив. Эти космические Воронцовы, они же просто секс-ниндзя.

Они к нам присматривались, уже когда мы вплывали через шлюз. Космические Воронцовы. Был там один парень: он посмотрел, и я посмотрела в ответ и кивнула, дескать, да, согласна, как раз в тот момент, когда кабель космического лифта отделил транспортную капсулу от циклера и оборвал нашу последнюю связь с Землей. Я не ханжа. У меня есть новогодние браслеты с пляжа Барры. Я всегда готова к вечеринкам и сексу, который изменит жизнь; такие шансы упускать нельзя. Я хотела попробовать, как оно получится с этим парнем. Мы отправились в хаб. Повсюду были тела — дрейфовали, врезались друг в друга. Мужчинам пришлось использовать презервативы. Никто не хотел врезаться в парящее сами-знаете-что. Я сказала: «Нежнее» — и сделала кое-что похуже летающей спермы. Меня на него вырвало. И рвало, и рвало, я не могла остановиться. Это не сексуально. Нулевая гравитация все внутри меня перевернула. Он был очень вежлив и прибрался, пока я вернулась в отсек, где действовала сила тяжести.

Там, в центрифуге, была только одна девушка — с глазами цвета карамели, изящными руками с длинными пальцами, и ее лицо каждые несколько секунд неосознанно принимало чуть хмурое выражение, которое тут же проходило. Она почти не смотрела мне в глаза; она казалась робкой и обращенной внутрь себя. Звали ее Ачи Дебассо. Я по имени не поняла, откуда она; ничего подобного раньше не слышала, но это имя, как и мое собственное, принесло волнами истории. Она была сирийка. Сиро-католичка. Это все равно что другая вселенная. Ее родители, сирийские христиане, сбежали от гражданской войны. Она покинула Дамаск в виде скопища клеток в материнской утробе. Родилась в Лондоне, там же выросла, закончила Массачусетский технологический, но ей так и не разрешили забыть, что она сиро-католичка. Ачи родилась изгнанницей. Теперь она отправлялась в еще более далекую ссылку.

Наверху, в хабе, трахались наши будущие товарищи по работе. Внизу, в капсуле центрифуги, мы разговаривали, и в иллюминаторе у нас под ногами пролетали по дуге звезды и Луна. И каждый раз, когда мы встречались, пролетающая мимо Луна оказывалась немного больше, а мы узнавали друг друга немного лучше, и к концу недели Луна заполнила весь иллюминатор, а мы из собеседниц стали подругами.

Моя Ачи была девушкой, которую сопровождали призраки. Призрак отсутствия корней. Призрак бегства из мертвой страны. Призрак привилегий: папа был инженером ПО, мама происходила из богатой семьи. В Лондоне таких беженцев встречали радушно. Призрак вины: она выжила, а десятки тысяч погибли. Самым темным был призрак расплаты. Она не могла изменить место или обстоятельства своего рождения, но могла за все извиниться, сделавшись полезной. Этот призрак не давал ей спуска всю жизнь, крича на ухо: будь полезной, Ачи! До самого диплома Университетского колледжа Лондона, до завершения аспирантуры в МТУ: исправь все! Искуп! Призрак полезности посылал ее сражаться с опустыниванием, засолением, эвтрофикацией [\[34\]](#). Она постоянно с чем-то воевала. В конечном итоге это привело ее на Луну. Нет ничего полезнее, чем предоставить целому миру крышу над головой и пропитание.

Если это были ее призраки, то ее духом-хранителем, ориша, стала Йеманжа. Ачи была водяной девушкой. Ее семейный дом находился возле Олимпийского бассейна — мама бросила ее в воду через считанные дни после того, как принесла из роддома. Ачи начала тонуть, потом поплыла. Она плавала и занималась серфингом: долгие британские вечера на западных пляжах. Холодная британская вода. Она

была маленькой и легкой, но не боялась волн. Я выросла под шелест волн, эхом отдававшийся в спальне, но лишь кончики пальцев ног окунула в теплую воду Атлантики. Я происхожу из пляжного народа, не океанического. На Луне Ачи ужасно скучала по океану. Настроила экраны в своей квартире так, что казалось, будто она живет на коралловом рифе. Меня от этого всегда чуть подташнивало. Как только строили новый резервуар или бассейн и появлялась возможность поплавать, Ачи была тут как тут — сильными гребками перемещалась из конца в конец. В воде она двигалась так естественно, так красиво. Я наблюдала за тем, как она ныряет и погружается все глубже, и мне хотелось, чтобы она осталась там навсегда, с расплывшимися облаком волосами, с невесомыми в воде грудями; ее руки и ноги делали эти маленькие, красивые движения, благодаря которым она оставалась на месте или как молния проносилась через резервуар. Я по-прежнему вижу ее в воде.

Она познакомила меня со своими призраками, я показала ей моих: Отринью: Среднестатистическую Джейн: Малышку Глянтье-на-меня. Вот так пара: Простушка Джейн и Русалочка. В ближайшие дни и месяцы нам предстояло сделаться друг для друга поддержкой и опорой. Луна в то время была диким местом. Теперь она старая, как я. Но тогда, в те ранние дни, она представляла собой край богатства и опасностей, возможностей и смерти. Край молодых и амбициозных. Чтобы выжить на Луне, нужна была агрессия. Она всячески пыталась тебя убить: силой, обманом, соблазном. На одну женщину приходилось по пять мужчин, и это были молодые самцы, среднего класса, образованные, амбициозные и испуганные. Для мужчин Луна являлась небезопасным местом, и еще менее безопасной она оказалась для женщин. Для женщин дело заключалось не только в Луне как таковой, но и в мужчинах. И мы все боялись, постоянно. Боялись, когда поднимался лунный лифт, чтобы встретить нас, состыковавшись с транспортной капсулой, и это означало, что идти можно только вперед. Мы нуждались друг в друге, и мы держались, цеплялись друг за друга, одетые в скафандры, пока ехали вниз.

Секс в невесомости? Чрезвычайно перехвален. Все движется не туда, куда надо. Все от тебя убегает. Нужно привязываться, чтобы обрести опору. Больше похоже на обоюдный бондаж.

* * *

Мы вышли из дока «лунной петли» — тогда существовал только один транспортный лифт, на полярной орбите, — и было нас сто двадцать Джо Лунников. Это старое выражение, одно из самых старых на Луне. Джо Лунник. Отдает радостью, широко распахнутыми глазами и невинностью. Мы такими и были.

Еще до того, как их ввели официально, КРЛ помещала чибы на наши глазные яблоки. У нас было десять бесплатных вдохов, потом мы начинали платить. И платим с той поры. Воздух, вода, углерод, данные. Четыре Базиса. Вы здесь родились, вы не знали времени, когда в глазу не было бы этих цифр. Но вот что я скажу: когда в первый раз видишь, как цифры изменились, потому что что-то случилось с рынком, тебе становится трудно дышать. Ничто так не доказывает, что ты больше не на Земле, как выдох по одной цене и вдох по другой. Потом нас запихнули в медчасть. Хотели поглядеть на мои кости. Ну кто думает о костях? Для Джо Лунников все внове, все от них чего-то требуют. Надо научиться двигаться — и даже стоять. Научиться видеть и слышать. Все узнаешь про свою кровь, про сердце и пыль, которая, скорее всего, тебя и убьет. Запоминаешь, как эвакуироваться, и что делать в случае сигнала о разгерметизации, и по какую сторону от двери следует оказаться, и когда ее безопасно открывать. Учишься, когда можно помочь человеку, а когда нужно бросить его. Учишься жить друг на друге, дышать чужим воздухом, пить чужую воду. Узнаешь, что после твоей смерти КРЛ тебя заберет и переработает на углерод, кальций и компост. Узнаешь, что твое тело тебе не принадлежит. Тебе ничего не принадлежит. С того момента, как ты сходишь с «лунной петли», ты все арендуешь.

О костях ты не думаешь, но они разрушаются под кожей час за часом, день за днем, месяц за

месяцем, теряют массу и структуру. Опять-таки, сестра, вы родились здесь. Это ваш дом. Вы никогда не вернетесь на Землю. Но у меня было окно, на протяжении которого я могла вернуться. У меня было два года до того момента, когда плотность моих костей и тонус мышц разрушились бы до такой степени, что земное тяготение сделалось бы для меня смертельным. Два года. У всех срок был одинаковым: два года. Он по-прежнему такой же для каждого Джо Лунника, который прибывает в Меридиан в поисках страны неограниченных возможностей. У всех наступает Лунный день, когда надо решать: остаться или уйти?

Мои кости проверили. Кости Ачи проверили. И мы про них забыли.

Мы с Ачи переселились в бараки. Джо Лунников разместили на складе, где помещение разделялось перегородками, чтобы обозначить жилое пространство. Санузлы и столовые были общими. Никакой частной жизни: что ты не мог увидеть, мог услышать, а что не мог услышать, мог унюхать. Ох, этот запах... Нечистоты, озон, пыль, немые тела. Женщины, как и следовало ожидать, сбивались в стаи: мы с Ачи обменялись каморками, чтобы жить рядом друг с другом, а потом убрали перегородку, сделав общую комнату. Той ночью мы провели маленький ритуал и поклялись до смерти хранить сестринскую верность, скрепив клятву коктейлями со странным вкусом, сделанными из водки местного производства. Люди прожили на Луне всего пять лет и уже наладили производство водки. Мы делали украшения из фабричного мусора, мы выращивали гидропонные цветы. У нас образовалась своя компания, мы устраивали вечеринки и сделались центральным пунктом по торговле тампонами. Это было что-то вроде тюремной экономики, с тампонами вместо сигарет. У нас с Ачи было естественное общественное притяжение. Мы притягивали женщин и мужчин, которые устали от громких речей и мачизма: мы переделаем мир, мы покорим Луну: мы возьмем эту скалу и вытрясем из нее миллион битси. Трахнем-ка эту Луну. Я никогда не была в армии, но думаю, что она немного напоминает Луну в те ранние времена.

Мы не были в безопасности. Никто не был в безопасности. Десять процентов Джо Лунников умирали на протяжении трех месяцев. В первую же неделю шахтера из Синьцзяна раздавило дверью шлюзовой перемычки. Двадцать четыре человека вылетели из Кору на моем МТА: трое умерли еще до того, как мы прошли инструктаж по работе на поверхности Луны. Одним из них был мужчина, который летел в кресле рядом со мной. Я уже не помню его имени. Мы переработали их тела и использовали, мы съели овощи и фрукты, удобренные ими, и выкинули из головы мысли о крови в почве. Выживает тот, кто умеет не видеть и не слышать некоторые вещи.

Я тебе уже сказала про лунную вонь. Воняло в основном мужчинами. Тестостероном. Постоянное сексуальное напряжение повисло в воздухе. Каждая женщина испытала насилие. Со мной это случилось однажды. Он был более опытным работником, пылевиком; это произошло в шлюзе, когда я надевала учебный скафандр. Он попытался засунуть руку куда не надо, я его схватила и швырнула в другой конец шлюза. Команда бразильского джиу-джитсу Университета Сан-Паулу. Отец бы гордился. Проблем с этим мужчиной или с другими у меня не было, но я все равно боялась, что они заявятся целой бандой. С бандой я бы не справилась. Мне могли причинить боль, даже убить. Существовали контракты и кодексы поведения, но за их исполнением следили только менеджеры компании. Сексуальное насилие наказывалось дисциплинарным взысканием.

Но Ачи не знала бразильского джиу-джитсу. Она не умела драться и не смогла защититься, когда какой-то мужик попытался ее изнасиловать. У него ничего не вышло — несколько других мужчин оттащили его. Повезло. Если бы я его застукала, прирезала бы. Эти мужчины меня порадовали. Они поняли, что мы должны найти способ жить вместе. Что Луна не может стать новой Землей. Если мы пойдем друг против друга, то все умрем. Но я подумывала о том, чтобы разыскать этого мужчину и убить. Корта режут. Таково наше имя. Мы суровые, острые, быстрые. На Луне есть миллион способов убить человека с умом. Я долго и старательно над этим размышляла: должно ли свершить тайную месть или пусть мое лицо будет

последним, что он увидит? Я выбрала другой путь. Я на многое способна, но я не убийца.

Для обидчика Ачи я использовала более медленное и изысканное оружие. Я разыскала его учебную бригаду поверхностных работ. Слегка подправила термостат в его скафандре. Это должно было выглядеть безупречно, как аппаратный сбой. Я хороший инженер. Он не умер. И не должен был умирать. Я считаю его отмороженный большой палец и три пальца на ноге своими трофеями. Все знали, что это я, но доказать так и не смогли. Мне понравилась легенда. Из-за нее мужчины на меня глядели со страхом, вот и славно. Его звали Ханиф. Со своей больничной кровати он клялся, что изнасилует меня и зарежет. Но ко времени, когда его выпустили из медчасти, мы с Ачи уже получили свои контракты и уехали.

Ачи заключила договор с Асамоа, ей предстояло разрабатывать экосистемы для их нового агрария под кратером Амундсена. Мой контракт с «Маккензи Металз» означал отправку в открытое море. Она должна была стать землекопом, а я — пылевиком. Через два дня нам предстояло расстаться. Мы привязались к баракам «И» и «А», мы привязались к своей комнате, к друзьям. Друг к другу. Мы боялись. Другие женщины закатили для нас вечеринку; лунные мохито и хоровое пение под аккомпанемент музыкальных программ на планшетах. Но прежде музыки и выпивки: особый подарок для Ачи. Ее работа на АКА означала, что она все время будет проводить под землей, копать, черпать и засеивать. Ей не придется выходить на поверхность. Она может провести всю свою карьеру — всю свою жизнь — в пещерах, лавовых трубках и громадных аграриях. Она никогда не увидит неба таким, какое оно есть.

Я пустила в ход все свое обаяние и репутацию, но аренда скафандра все равно была космологически дорогой. Я заключила договор на тридцать минут в «панцире» общего назначения для поверхностных работ. Он был бронированным и громадным по сравнению с моим гибким пов-скафом, нарядом женщины-паука. В шлюзе, пока наружная дверь плавно поднималась, мы держались за руки. Мы прошли по рампе, оставив отпечатки своих ботинок среди сотни тысяч других отпечатков. Прошагали несколько метров по поверхности, по-прежнему держась за руки. Там, за коммуникационными башнями и силовыми реле, за станциями зарядки для автобусов и роверов, за серым краем кратера, изгибавшимся вдоль близкого горизонта, и за тенями, которые никогда не знали солнца; там, над границей моего мирка, повисла полная Земля. Полная, голубая и белая, в пятнах зелени и охры. Круглая, невероятная и такая красивая, что мне слов не хватит описать. Была зима, и к нам было обращено Южное полушарие; океаническая половина планеты. Я увидела огромную Африку. Я увидела мою дорогу Бразилию.

Потом ИИ скафандра напомнил, что срок аренды скоро заканчивается, и мы повернулись к голубой Земле спиной, вернулись в недра Луны.

Той ночью мы пили за работу и друзей, за любовь и кости. Утром мы расстались.

Прошло шесть месяцев, прежде чем я снова увидела Ачи. Шесть месяцев в Море Изобилия я просеивала пыль. Меня разместили на базе «Маккензи Металз» в кратере Мессье. База была старая, тесная, скрипучая: бульдозеры выкопали в реголите траншеи, куда засунули отсеки базы. Очень часто мне приходилось эвакуироваться в недавно выкопанные более глубокие уровни из-за радиационной тревоги. Каждый раз, когда я видела, как на линзах вспыхивает желтый трилистник сигнала тревоги, у меня сжимались яичники. Днем и ночью туннели тряслись от вибрации, которую порождали землеройные машины, пожиравшие камень где-то внизу. На базе Мессье жили восемьдесят пылевиков.

Был там один милый парень по имени Чуюй. Дизайнер 3D-печати. Добрый, смешной и талантливо владевший собственным телом. После месяца смеха и приятного секса он предложил мне присоединиться к его амории: Чуюй, его амор в Царице, его амор в Меридиане, ее амор также в Меридиане. Мы обговорили условия: шесть месяцев, с кем мне позволялось и не позволялось заниматься сексом, встречи с людьми, не входившими в аморию, привлечение других к участию в амории. Уже тогда у нас были никахи. Чуюй признался, что ему понадобилось так много времени, чтобы сделать мне предложение, потому что у

меня была особая репутация. Слухи о том, что случилось с обидчиком Ачи, достигли Мессье. «С амором я бы так не поступила, — сказала я, — разве что он бы меня всерьез спровоцировал». Потом я его поцеловала. Амория даровала мне тепло и секс, но... с Ачи и не сравнить. Мы разговаривали или переписывались почти каждый день, однако я все равно чувствовала отчуждение. Любовники и друзья — это разные вещи.

Получив увольнительную на десять дней, я первым делом подумала о том, что хочу провести ее с Ачи. Я видела разочарование Чуюя, когда поцеловала его на прощание в шлюзе для автобусов в Мессье. Это не было предательством: я внесла в контракт положение о том, что не стану заниматься сексом с Ачи Дебассо. Мы были подругами, не любовниками. Ачи встретила меня в конечном пункте железной дороги в Ипати, и, спускаясь к Царице Южной, мы болтали и смеялись. Как же нам было весело...

Сколько веселья она для меня запланировала! База Мессье была вонючей и тесной, а Царица Южная — насыщенной, громкой, разноцветной. Всего лишь за шесть месяцев она изменилась до неузнаваемости. Каждая улица сделалась длиннее, каждый туннель — шире, и в каждом помещении потолки стали выше. Ачи повезла меня в стеклянном лифте вдоль стены недавно достроенной квадры Тота, и голова моя пошла кругом. На нижнем уровне квадры была небольшая рощица карликовых деревьев — полноразмерные деревья достигли бы потолка, объяснила Ачи. Там было кафе. В том кафе я впервые попробовала и тотчас же возненавидела мятный чай.

«Я это построила, — сказала Ачи. — Это мои деревья и мой сад».

Я никак не могла оторвать взгляд от огней, от множества огней, что уходили ввысь...

Как весело! Чай, потом — магазины. Мне нужно было подыскать платье для вечеринки. Мы той ночью собирались на особую вечеринку. Первокласную. Мы просмотрели каталоги в пяти разных печатных заведениях, прежде чем я нашла платье, которое могла надеть: настоящее ретро — тогда таковым считались 1980-е, — с подплечниками и стянутое ремнем в талии; оно прятало то, что я хотела спрятать. Потом — туфли.

Особенную вечеринку устраивала рабочая группа Ачи. Капсула-вагонетка с кодовым замком привезла нас через темный туннель в помещение такое огромное, такое сбивающее с толку, что меня чуть не вырвало прямо на платье от Баленсиаги. Аграрий, последний проект Ачи. Я оказалась на дне шахты высотой в километр и диаметром в пятьдесят метров. На Луне горизонт на уровне глаз расположен очень близко; все изгибается. Под землей действует другая геометрия. Аграрий оказался самой прямой вещью, которую я видела за много месяцев. И он блистал: во всю высоту шахты шла центральная ось из зеркал, передававших резкий солнечный свет друг другу и стенам, на которых террасами были расположены гидропонные стеллажи. Основание шахты представляло собой мозаику из садков для рыбы, пересеченных крест-накрест пешеходными дорожками. Воздух был теплым, влажным и вонючим. От CO₂ у меня закружилась голова. В этих условиях растения быстро вымахивали вверх и укрупнялись; картофельная ботва выглядела зарослями кустов, помидорные лозы стали такими высокими, что в переплетении листьев и плодов я не смогла разыскать, где они заканчиваются. Сверхинтенсивное сельское хозяйство: аграрий был громадным для пещеры, маленьким для экосистемы. В садках плескалась рыба. Что я слышу, неужто лягушек? А это что, утки?

Команда Ачи соорудила новый бассейн из водонепроницаемой ткани и строительных опор. Бассейн.

Плавательный бассейн. Звуковая система играла Гана-поп. Подавали коктейли. Желтый цвет оказался в моде. Мое платье соответствовало. Ребята Ачи были дружелюбными и открытыми. Они не уставали делать комплименты мне и моему платью. Я его скинула вместе с туфлями ради бассейна. Я расслабилась, я блаженствовала. Над моей головой двигались зеркала. Ачи подплыла ко мне, и мы вместе поплыли стоя,

смеясь и брызгаясь. Команда агрария опустила в бассейн несколько пластиковых стульев, чтобы устроить в нем мелководье. Мы с Ачи болтали ногами в теплой, как кровь, воде и пили золотистую зубровку.

На следующее утро я проснулась в одной постели с Ачи, и голова моя была тупой от водки. Я помнила бормотание и неловкую близость. Дрожь, глупый шепот, кожа к коже. Пальцы внутри. Ачи лежала на правом боку, свернувшись клубочком, лицом ко мне. Ночью она сбросила с себя простыню. Из угла ее рта на подушку стекала тонкая струйка слюны, подрагивая в такт дыханию. Я все еще ее вижу.

Я посмотрела на нее, послушала, как в ее горле что-то шумит, когда она дышит в пьяном сне. Мы занимались любовью. У меня был секс с лучшей подругой. Я поступила хорошо, я поступила плохо. Я поступила необратимо. Потом я легла и прижалась к ней, и она что-то невнятно проворчала и придвинулась ближе, и ее пальцы нащупали меня, и мы начали сначала.

Моя мама говорила, что любовь — самая легкая вещь в целом мире. Любовь мы видим каждый день. Так она влюбилась в моего отца — когда день за днем проходила мимо и видела, как он занимается сваркой.

После вечеринки в Царице я не видела Ачи несколько месяцев. «Маккензи Металз» отправили меня разведывать новый участок в Море Паров. Даже если не учитывать Море Паров, мне и Сунь Чую было ясно, что амория мне не подходит. Я нарушила контракт, но в те дни финансовых санкций за секс вне контракта не предусматривалось. Все аморы согласились аннулировать контракт и отпустить меня из амории. Ни осуждения, ни претензий. Просто договор завершился досрочно.

У меня скопилась пара недель отпуска, и я отправилась в Царицу. Позвонила Ачи и предложила перепихнуться, но она уехала на новый раскоп в Тве, где Асамоа строили себе корпоративную штаб-квартиру. Я испытала облегчение. Потом меня из-за этого облегчения начала грызть совесть. Секс все изменил. Я пила, я тусовалась, у меня были свидания на одну ночь, я часами разговаривала с мамой и папой в Барре, хоть связь и стоила дорого. Вся семья собралась перед экраном, чтобы поблагодарить меня за деньги, в особенности малыши. Они сказали, я выгляжу иначе. Я стала длиннее. Вытянулась. Они были передо мною, счастливые и спокойные. Деньги, которые я им посылала, пошли на образование. Здоровье, свадьбы, дети. А я была на Луне. Отринья Адриана, которая так и не нашла себе мужа, но получила образование, степень, работу — и теперь шлет им деньги с Луны.

Они были правы. Я и впрямь была другой. Я так и не ощутила снова того же чувства по отношению к голубой жемчужине Земли в небе. Я не взяла в аренду пов-скаф, чтобы на нее посмотреть, просто посмотреть. Работая на поверхности, я ее не замечала.

Маккензи послали меня в зону интенсивного отбора в кратере Лансберга, и там я увидела то, что все изменило.

В Лансберге работали пять экстракторов. Вы когда-нибудь видели экстрактор? Конечно, нет, простите. Вы никогда не были на поверхности. Они уродливые, все внутренности напоказ; в те времена особой элегантностью они тоже не отличались. Но для меня они были красивыми. Изумительные кости и мышцы. Я увидела их однажды на реголите, и на меня снизошло откровение, от которого я чуть не грохнулась оземь. Дело было не в том, для чего их сделали — отделять редкоземельные металлы от лунного реголита, — но в том, что они выбрасывали. В том, что эти большие и медлительные машины выпускали в виде высоких изогнутых баллистических струй по обе стороны от себя.

Я это видела каждый день. Вот бывает так, что однажды взглянешь на парня в автобусе — и сердце твое вспыхнет. Однажды взглянешь на струи промышленных отходов и увидишь безграничное богатство. В тот момент в моей голове и возник план, весь целиком. Когда я вернулась в ровер, все уже встало на свои места, все детали до последней, сложные, продуманные и красивые, и я знала, что он сработает такой,

какой есть. Но, чтобы все получилось, я должна была отдалиться от всего, что могло бы связать меня с отработанным реголитом и красивыми радугами из пыли. Нельзя было допустить, чтобы Маккензи наложили лапу хотя бы на часть всего этого. Я расторгла договор с Маккензи и стала воронцовской королевой путей.

Я отправилась в Меридиан, чтобы арендовать зашифрованное хранилище данных и поискать самую тощую, новообразованную и голодную правовую контору, чтобы защитить то, что я увидела в Лансберге. И там я опять повстречалась с Ачи. Ее вызвали из Тве, чтобы решить проблему с микробиотой, превратившей аграрий Обуаси в колонну вонючей черной слизи.

Один город, две подружки, две амор. Мы отправились тусоваться. И вдруг обнаружили, что не можем. Наряды были классными, коктейли — позорными, компания пользовалась дурной репутацией, а наркота ослепляла, но в каждом баре, клубе, приватной вечеринке мы в конце концов находили какой-нибудь уголок, чтобы поговорить наедине. Тусоваться было скучно. Разговоры друг с другом были милыми, бесконечными и чарующими. В итоге мы снова оказались в одной постели, разумеется. Еле дождались. Славные и непрактичные наряды 1980-х лежали смятые на полу, готовые отправиться в утилизатор.

Помню, как Ачи спросила: «Чего ты хочешь?» Она лежала на кровати и вдыхала ТКК из вейпера. Мне эта дрянь не нравилась. От нее у меня начиналась паранойя. И еще Ачи сказала: «Мечтай, не бойся».

И я ответила: «Хочу быть Драконом». Ачи рассмеялась и ткнула меня в бедро, но я еще никогда не говорила более правдивых слов.

За полтора года, что мы провели на Луне, наш маленький мир изменился. В те ранние дни все происходило быстро. Мы могли построить целый город за несколько месяцев. У нас была энергия, сырье и амбиции. Четыре компании превратились в главные экономические силы. Четыре семьи. Маккензи обустроились здесь первыми. К ним присоединились Асамоа, которые занялись производством пищи и жилыми пространствами. Семья Воронцовых наконец-то полностью перенесла свой бизнес с Земли и занялась циклером, «лунной петлей», автобусным сообщением, а также начала опутывать этот мир сетью железных дорог. Сунни сражались с представителями Народной Республики в совете КРЛ и наконец-то вырвались из-под контроля земных властей. Четыре компании: Четыре Дракона. И я должна была стать Пятым Драконом.

* * *

Я не рассказала ей о том, что увидела в Лансберге. Я не рассказала ей о сейфе с данными и бригаде правовых ИИ. Я не рассказала ей о блистательной идее. Она знала, что у меня появились секреты. Я породила тень в ее душе.

Я занялась новым делом, прокладыванием путей. Работа была хорошая, легкая и физическая, приносила удовлетворение. В конце каждой смены на поверхности я видела три километра блестящих рельсов, окруженных отпечатками ботинок и шин, а на горизонте — ослепляющую искру «Горнила», ярче любой звезды, приближавшуюся по проложенным вчера путям, и говорила себе: это сделала я. Результат работы был ощутимым: неумолимое продвижение «Маккензи Металз» через Море Островов, ярче самой яркой звезды. Яркость была такая, что могла прожечь дыру в солнцезащитном щитке шлема, если пялиться слишком долго. Тысячи вогнутых зеркал фокусировали солнечный свет на плавильных тиглях. За десять лет рельсы должны были обогнуть всю Луну, чтобы «Горнило» начало следовать за Солнцем. К тому времени я стану Драконом.

Я спекала десяток километров перед «Горнилом», когда поступил звонок от Ачи. Дзынь-дон — и все

развалилось. Голос Ачи заглушил фоновую музыку, которую я включала во время работы. Лицо Ачи наложилось поверх грязно-серых холмов, борозд Местлина. Ачи сказала, что на очередном медосмотре ей дали четыре недели.

Строительная машина отвезла меня вдоль рельсов обратно к «Горнилу». Я прождала два часа, прячась в тени, с тоннами расплавленного металла и солнечным светом в десять тысяч кельвинов над головой. Времени хватило, чтобы осознать иронию судьбы. В нашем мире это неходовой товар. Я пряталась от Маккензи, работая на опережение; я шныряла по темным местам их столицы. Я поехала в Меридиан на медленном грузовом поезде. Десять часов цеплялась за служебную платформу, не могла даже повернуться, не говоря уже о том, чтобы присесть. Всю дорогу слушала босанову из своей коллекции. Играла в «Коннекто» на щитке шлема, пока не начала при каждом моргании видеть падающие, крутящиеся золотые звезды. Просмотрела в офлайне посты своих родственников в социальных сетях. К приезду в Меридиан я заработала вторую степень обморожения. Чтобы поехать дальше на поезде, надо было переодеться, а у меня не хватало на это времени, и потому я отправилась, грязная как была, быстрым путем — БАЛТРАНОм. Я знала, что меня вырвет. Я держалась до третьего и последнего прыжка. Видели бы вы, какое лицо сделалось у работника БАЛТРАНа, когда я вышла из капсулы в Царице Южной... Так мне рассказали. Сама-то я его не видела. Но если я могла себе позволить капсулу, то могла позволить и душ, чтобы привести себя в порядок. И в Царице есть люди, которые с радостью вычистят рвоту из пов-скафа за правильное количество битси. Что бы ни говорили про Воронцовых, платят они щедро.

И все это я сделала — много часов ехала на поезде, как лунная бомжиха, подверглась обморожению и позволила запустить себя в банке с собственной рвотой, — потому что знала, что, если Ачи дали четыре недели, у меня должно было остаться примерно столько же.

Мы встретились в кафе на двенадцатом уровне новой квадры Чандра. Мы обнялись, поцеловались, всплакнули. К тому моменту я уже приятно пахла. Под нами копали и ваяли землеройные машины, создавая новый уровень каждые десять дней. Мы держались за руки и смотрели друг на друга. Потом мы сидели на балконе и пили мятный чай.

Мы не сразу заговорили о костях. Прошло восемь месяцев с нашей последней встречи: мы разговаривали, мы связывались по сети, делились. Я заставила Ачи смеяться. Ее смех был как тихий дождь. Я рассказала ей про Главный Хрен, который пылевики Маккензи и воронцовские королевы путей вытапывали посреди пыли, как и положено мальчикам. Она прижала руки ко рту в греховной радости, но глаза ее смеялись. Так неправильно. Так забавно.

У Ачи истек контракт. Чем ближе Лунный день, тем короче контракты, иногда тебя нанимают на несколько минут, но с ней произошло другое. АКА больше не нуждалась в ее идеях. Они нанимали людей напрямую из Аккры и Кумаси. Ганцев для ганской компании. Она предлагала КРЛ идеи для нового порта в Меридиане — квадры глубиной три километра, города-изваяния, словно превращенный в жилое пространство громадный кафедральный собор. КРЛ отвечала вежливо, но спонсирование проекта они обсуждали вот уже два месяца. Ее сбережения иссякали. Просыпаясь, она видела перед собой цифры Четырех Базисов. Она обдумывала, не переселиться ли в квартиру поменьше.

— Я могу оплачивать твои ежедневные расходы, — сказала я. — У меня полно денег.

А потом мы поговорили о костях. Ачи не могла решиться, пока я не пройду медосмотр. Угрызения совести, призрак ошибки. Она бы не вынесла, если бы ее решение повлияло на мое решение остаться на Луне или вернуться на Землю. Я не хотела так поступать. Я не хотела сидеть на этом балконе и пить чай-мочай. Я не хотела, чтобы Ачи вынуждала меня пойти к медикам. Я не хотела ничего решать.

Потом — чудо. Я помню его очень четко: золотая вспышка на краю моего поля зрения. Что-то изумительное. Летающая женщина. Летящая женщина. Ее руки были раскинуты, она висела в небе, точно распятие. Мадонна Полета. Потом я увидела ее крылья, они мерцали и переливались всеми цветами радуги; прозрачные и крепкие крылья, похожие на стрекозиные. Женщина мгновение провисела в воздухе, затем сложила газовые крылья и упала. Кувыркнулась, полетела вниз головой, дернула запястьями, согнула плечи. Мерцание крыльев замедлило ее падение; потом она раскрыла их полностью и из нырка перешла в парящий полет по спирали над квадрой Чандра.

— Ох, — сказала я и поняла, что какое-то время не дышала. Меня охватила благоговейная дрожь. Если можно летать, чем еще стоит заниматься? Сейчас это уже обычное дело; все так могут. Но в тот раз, в том месте, я поняла, на что мы здесь способны.

Я отправилась в медицинский центр «Маккензи Металз», и медик поместил меня в сканер. Через мое тело прошли магнитные поля, и машина выдала анализ плотности моих костей. Мой срок был длиннее срока Ачи на восемь дней. Пять недель — и мой вид на жительство на Луне превратится в гражданство.

Или я могу полететь на Землю, в Бразилию.

Той ночью золотая женщина пронеслась в моем сне, точно хищная птица. Ачи спала рядом. Я сняла комнату в отеле. Постель была широкая, воздух настолько свежий, насколько это было возможно в Царице Южной, и от вкуса воды не сводило зубы.

Ох, эта золотая женщина, кругами летающая сквозь мою неоспоримую реальность...

Царица Южная не перешла на трехсменный режим, так что здесь никогда не становилось по-настоящему темно. Я завернулась в простыню Ачи и вышла на балкон. Оперлась на перила и взглянула на стены из огней. За каждым огоньком — жизни и решения. Мир выглядел уродливым. У всего в нем была цена. Он требовал от каждого все время договариваться. На конечной станции железной дороги я заметила у некоторых поверхностных рабочих кое-что новенькое: медальон или маленький амулет, засунутый в накладной карман на пов-скафе. Женщина в одеянии Девы Марии, одна половина лица — черный ангел, другая — голый череп. Так я впервые повстречалась с Доной Луной. Половина ее лица мертва, но половина — жива. Луна была не мертвым спутником, но живым миром. Луны, души и надежды вроде моих придавали ей форму. Здесь не нашлось ни Матери Природы, ни Геи, чтобы противостоять воле человека. Все живое создали мы. Дона Луна была жестокой и неумолимой, но еще — красивой. Она могла сделаться летающей женщиной с крыльями стрекозы.

Я пробыла на балконе отеля, пока заря не окрасила крыши в красный цвет. Тогда я вернулась к Ачи. Я хотела снова заняться с нею любовью. Я действовала из чистого эгоизма. То, что с друзьями дается нелегко, с любовниками получается легче.

Это была идея Ачи — превратить все в игру. Мы должны были сжать кулаки за спиной, словно играя в камень-ножницы-бумага, и сосчитать до трех. Потом надо было разжать кулак, и в нем бы оказалось что-то — какой-то маленький предмет, который не оставит никаких сомнений в том, что мы решили. Мы не должны были ничего говорить, потому что любое слово могло бы повлиять на чужое решение. Она только так могла справиться с происходящим, быстро, чисто и безмолвно. И чтобы оно выглядело игрой.

Мы снова отправились в то кафе с балконом, чтобы сыграть. Два стакана мятного чая. Помню, в воздухе пахло каменной пылью, сильнее, чем озоном и нечистотами. Каждая пятая небесная панель мигала. Этот мир был далек от совершенства.

— Думаю, надо все сделать поскорей, — сказала Ачи, и ее правая рука оказалась за спиной так быстро, что у меня перехватило дыхание. Все, время пришло. Я вытащила мой маленький предмет из сумки и сжала его в спрятанном кулаке.

— Раз-два-три, — сказала Ачи.

Мы разжали кулаки.

Она держала назар: арабский амулет из концентрических капель синего, белого и черного лунного стекла, похожий на глаз.

В моей руке была иконка Доны Луны: черно-белая, живо-мертвая.

Все, что мы делали под конец, было простым и быстрым. Как по мне, прощания всегда лучше внезапные. Я забронировала Ачи билет на удаляющемся циклере. На рейсах в направлении Земли всегда были места. Она забронировала мне визит в медцентр КРЛ. Вспышка — и чиб навсегда прирос к моему глазу. Никаких рукопожатий, поздравлений, приветствий. Я всего лишь решила продолжать то, что делала до сих пор.

Циклер должен был обогнуть Невидимую сторону и встретиться с «лунной петлей» через три дня. Три дня: от этого мы взяли свои чувства под контроль и не слишком много плакали.

Я отправилась с Ачи на поезде в Меридиан. Нам достался целый ряд сидений, и мы свернулись на них клубочком, как мышки-землеройки.

«Я боюсь», — сказала она. Возвращаться было больно. Циклер, вращаясь, готовит тебя к земной гравитации, а потом появляются «же». Возможно, ей придется месяцы провести в инвалидном кресле. Говорили, вернувшиеся с Луны лишь во время плавания попадают в знакомые условия. Вода поддерживает, пока ты снова наращиваешь мышечную массу и плотность костей. Ачи любила плавать. И были еще сомнения. Что если ее перепутали с кем-то другим и она уже прошла точку невозврата? Ее попытаются вернуть на Луну? Она такого не вынесет. Это ее убьет так же надежно, как Земля — раздробит кости, задушит под гнетом собственного веса. В тот момент я поняла, что Ачи ненавидела Луну. Она ее всегда ненавидела; опасность, страх, но в самой большей степени — людей. Все эти лица, которые глядят на тебя, всегда. Что-то от тебя хотят. Хотят, и хотят, и хотят. Никто не может так жить, сказала она. Это бесчеловечно. Лишь благодаря мне она смогла вынести Луну. И я оставалась, а она — улетала.

И потому я рассказала ей свой секрет: то, что увидела в Лансберге, то, что должно было превратить меня в Дракона. Это было так просто. Я всего лишь посмотрела на то, что видела каждый день, под другим углом. Гелий-3. Ключ к постнефтяной экономике. «Маккензи Металз» вышвыривали гелий-3 каждый день. И я подумала: как же Маккензи могут этого не видеть? Они ведь точно должны... Не может так быть, чтоб я была единственной. Но у семей и компаний, а в особенности у семейных компаний, есть странные навязчивые идеи и слепые пятна. Маккензи добывают металл. Добыча металла — вот чем они занимаются. Они и представить себе не могут ничего другого и потому не видят то, что у них прямо перед носом. У меня могло получиться. Об этом я и сказала Ачи. Я знала, что надо делать. Но не с Маккензи. Они бы все у меня забрали. Если бы я попыталась драться, они бы меня просто уничтожили. Или убили. Так дешевле. Суд Клавия позаботился бы о том, чтобы моя семья получила компенсацию, но на этом мои мечты о династии были бы закончены. Я все сделаю. Я заложу основу династии. Я стану Пятым Драконом. Маккензи, Асамоа, Воронцовы, Сунь... и Корта. Мне нравилось, как это звучит.

Я все это ей рассказала на поезде в Меридиан. Экран на спинке переднего сиденья показывал поверхность. На экране то, что снаружи твоего шлема, всегда одинаковое. Серое, сглаженное, уродливое и покрытое отпечатками ботинок. В поезде ехали рабочие и инженеры; любовники, партнеры и даже двое

маленьких детей. Шум и цвет, выпивка и смех, ругательства и секс. И мы, устроившиеся в задней части вагона, возле переборки. Это, подумала я, и есть Луна.

У ворот «лунной петли» Ачи вручила мне подарок. Это была последняя вещь, которая ей принадлежала. Все остальное было продано. У выхода на посадку оказалось восемь пассажиров, с друзьями, семьями и аморами, которые их провожали. Никто не улетал один. В воздухе пахло кокосом — это было так не похоже на рвоту, пот и немые тела у входа для прибывших. Автомат продавал мятный чай, но никто его не пил.

Подарком Ачи был цилиндр для документов, вырезанный из бамбука. Инструкции для меня заключались в том, чтобы открыть его после того, как она улетит. Расставание получилось очень быстрым — по слухам, с такой скоростью происходят казни. Персонал ВТО пристегнул всех к креслам и запер двери капсулы еще до того, как я или Ачи успели хоть что-то сказать. Я видела, как ее рот приоткрылся, произнося слова прощания, как она взмахнула пальцами, а потом дверь шлюза закрылась и подъемник повез капсулу вверх, к платформе космического лифта.

Я попыталась представить себе «лунную петлю»: вертящаяся спица из волокна М5, шириной двадцать сантиметров и длиной двести километров. Там, наверху, подъемник взбирался к массе противовеса, смещая центр тяжести и перемещая всю конструкцию на орбиту, соприкасающуюся с поверхностью. Лишь в последние мгновения сближения белый трос должен был стать видимым, как будто вертикально опускаясь с неба, полного звезд. Захват включился, и капсулу сдернуло с платформы. Одной из ярких звезд там, наверху, был подъемник, который скользил вниз по кабелю лифта, снова смещая центр масс так, чтобы вся система перешла на более высокую орбиту. В верхней части петли захват разжимался, и капсулу перехватывал циклер. Инженерия, процесс, техника — вот это все. Они помогли мне спастись от ужасной пустоты, как амулеты. Я попыталась дать имя каждой «звезде»: циклер, подъемник, противовес; капсула, в которой едет моя амор, моя любовь, моя подруга. До чего же физика уютна. Я стояла и смотрела, пока к воротам не подвезли новую капсулу. Следующий трос уже вертелся над горизонтом.

Потом я пошла и купила кофе.

Да, кофе. Он стоил оскорбительно дорого. Пришлось залезть в свои сбережения. Но он был настоящий: импортный, не из органического принтера. Импортёрша позволила мне его понюхать. Я расплакалась. Она продала мне и все необходимые принадлежности. Нужных приспособлений на Луне попросту не существовало.

Я все принесла в отель. Смолола зерна. Вскипятила воду. Позволила ей охладиться до правильной температуры. Налила с нужной высоты, для максимального насыщения кислородом. Перемешала. Я его приготовила так же, как готовила этот кофе для вас, сестра. Такие вещи не забываются никогда.

Пока он заваривался, я открыла подарок Ачи. Развернула рисунки — это были концепт-наброски для обиталища, которое реалии Луны не позволили ей построить. Лавовая трубка, расширенная и украшенная изваяниями лиц. Лица ориша, каждое в сотню метров высотой, круглые, гладкие и безмятежные, взирали на террасы, заполненные садами и бассейнами. Из их глаз и открытых ртов каскадом лилась вода. По дну огромной пещеры были рассеяны павильоны и бельведеры; вертикальные сады шли до самого искусственного неба, точно волосы богов. Балконы — она любила балконы, — галереи и аркады, окна. Бассейны. От одного края этого мира ориша до другого можно было доплыть. Она подписала свое творение: «Обитель династии».

Ты видишь вокруг себя подарок Ачи.

Когда торговка растерла толику кофе у меня под носом, я оказалась во власти воспоминаний о детстве, море, университете, друзьях, семье и праздниках. Говорят, обоняние теснее всего связано с памятью. Вдыхая запах приготовленного кофе, я почувствовала кое-что новое. Это было не воспоминание, а видение. Я увидела море и Ачи — вернувшуюся Ачи, на доске, в море. Была ночь, и она плыла на своей доске вперед, по волнам и за пределы волн, гребла руками, направляясь вдоль серебристой лунной дорожки на поверхности моря.

Я нажала на поршень, налила и вдохнула аромат кофе.

Выпила.

И все-таки вкус у него совсем не такой, как запах.

Семь

— Раскидали нас во все стороны, как гребаных девчонок. — Двадцать мониторов на кресле жизнеобеспечения Роберта Маккензи меняют цвет на оранжевый. — Одна из них и была гребаной девчонкой.

Новость пронеслась по хребту «Горнила», от фамильяра к фамильяру: «Роберт Маккензи покидает Лощину Папоротников». Беспрецедентно. Немыслимо. Жуть какая-то. Джейд Сунь проследила за деликатным процессом загрузки жизнеобеспечивающего оборудования мужа в транзитную капсулу. Ее слова были мягкими и добрыми, воодушевляющими, и служебный персонал от них бледнел в ужасе. Капсула проехала на большой скорости вдоль поезда, под испепеляющим взглядом плавильных зеркал, в вагон № 27. В личные апартаменты Дункана Маккензи.

— Она была Джо Лунницей, — говорит Дункан Маккензи.

— Собираешься как-то оправдываться за случившееся? — спрашивает Джейд Сунь, как всегда на тактичном расстоянии в один шаг за правым плечом супруга.

— Не говори ерунды.

— Дело не в драке, гребаные потасовки между пылевиками никогда не имеют большого значения, — говорит Боб Маккензи. Его голос — дребезжание аппарата искусственного дыхания, его легкие превратились в полумесяцы за годы вдыхания пыли. — Они нас нагнули и трахнули по полной программе. Видел социальные сети? Асамоа, Воронцовы и даже Сунь смеются над нами. Даже Орел гребаной Луны.

— Мы бы никогда не посмеялись над твоей неудачей, любовь моя, — говорит Джейд Сунь.

— Ну ты и дура. Я бы посмеялся на вашем месте. Гребаные бразильцы на детских велосипедах...

— Они захватили наш участок, — говорит Дункан. — Мы потерпели поражение.

«Ты смердишь», — понимает он. Острый и нездоровый запах экскрементов, кислый — мочи, зыбкая маскировка из стерильных тампонов и антибактериальных средств. Кожа Роберта Маккензи воняет, волосы воняют. Жир, застарелый пот и экссудаты. Его зубы воняют; его мерзкие уродливые зубы. Дункану невыносимо смотреть на эти желтые пеньки. Насколько было бы лучше одним быстрым и резким ударом кулака выбить их, чтоб не пришлось больше смотреть. Такой удар убил бы старика. Кулак прошел бы насквозь через мягкую и хрупкую, как картон, кость прямоком в мягкую плоть мозга.

— Поражение? — переспрашивает Боб Маккензи. — Мы потеряли весь проект по северо-западному квадранту. Мы будем пять лет вытаскивать наше гелиевое предприятие из-под этой кучи дерьма. У Эдриана была наводка прямоком от Орла. Эдриан — скользкий маленький проныра, но он знает, как защищать свои источники. Кто-то слил данные. Кто-то из наших. У нас предатель. Я ненавижу гребаных предателей больше, чем кого бы то ни было.

— Я читал отчет Оуэна Кифа. Наше шифрование надежное.

— Оуэн Киф — трус, который ради этой семьи не рискнул бы своими яйцами. — В шаге позади от правого плеча Джейд Сунь вырастает гибкая и грозная фигура — Хэдли Маккензи. Дункану отвратительно присутствие отца в его личных покоях, но он патриарх, доминантный самец, он имеет право. А Хэдли Дункан не выносит, потому что его присутствие означает тихие слова и решения, принятые шепотом посреди зеленых зарослей Лощины Папоротников, и в их принятии Дункан не участвует.

— Хэдли заменил Оуэна Кифа, — спокойно сообщает Джейд Сунь.

— Это не тебе решать, — говорит Дункан. — Ты не можешь заменять моих руководителей отдела.

— Я заменяю кого хочу и когда хочу, мать твою, — отвечает Роберт Маккензи, и Дункан понимает, до чего уязвимо его положение.

— Это должно решать правление, — бормочет Дункан.

— Правление! — выкрикивает Роберт Маккензи, брызгая всей слюной, какая у него еще осталась. — Эта семья в состоянии войны.

Неужели Дункан видит, как на губах Джейд Сунь мелькнула слабая улыбка?

— Мы корпорация. Корпорации не воют.

— Я воевал, — говорит Роберт Маккензи.

— Это совершенно новая Луна.

— Луна не меняется.

— Нет никакой выгоды в том, чтобы воевать с Корта.

— Мы бы сохранили нашу гордость, — говорит Хэдли. Дункан стоит близко к нему; глаза в глаза, чувствуя дыхание.

— Ты можешь дышать гордостью? Выйди наружу и скажи Лунной Мадонне: «У меня есть гордость Маккензи». Мы сражаемся с ними тем способом, какой у нас лучше всего получается. Мы делаем деньги. «Маккензи Металз» — это не гордость, «Маккензи Металз» — это не семья; это машина, которая делает деньги. Это машина, которая отправляет прибыль инвесторам; тем спонсорам и венчурным инвесторам на Земле, которые тебе доверились, папа, разрешили взять их деньги на Луну и заставить работать. Это они «Маккензи Металз». Не мы.

Роберт Маккензи рычит, насколько это позволяют его окаменелые легкие.

— Мой супруг очень устал, — говорит Джейд Сунь. — Эмоции его выматывают. — Кресло жизнеобеспечения Роберта поворачивается, и Дункан знает, что это происходит против воли старого монстра. Открывается шлюзовая дверь транзитной капсулы. Хэдли кивает сводному брату и уходит вслед за медленно удаляющейся свитой.

— Нам нужен мир с Корта! — кричит Дункан им вслед.

Она видит Вагнера, сидящего в кресле, и застывает.

— Все в этом баре — волки, — говорит Вагнер. Она озирается. Две женщины за ближайшим столом, компания за дальним столом, одинокий пьяница у стойки, красивая пара в кабинке — все поворачиваются и смотрят на нее. Бармен кивает. Вагнер указывает на место напротив себя.

— Прошу. Что-нибудь выпьешь?

Она называет какой-то травяной коктейль, незнакомый Вагнеру. «Ты была испугана, прежде чем вошла в эту комнату, — думает он. — Но ты рассердилась, едва увидев меня. Я читаю это по расширению твоих зрачков, по тому, как ты сжимаешь челюсти, по морщинам на тыльной стороне ладони, которой ты сжимаешь бокал, по тому, как раздуваются твои ноздри; сотня микроподсказок». Временами усиленные чувства полного «я» захлестывают Вагнера потоком ощущений; временами его озарения точны, как удары боевого ножа. Он по запаху определяет состав ее напитка: белое вино с содовой, с добавлением базилика и эстрагона, с кислинкой. Содовая — грушевая «Ледяная свежесть».

— Ты хорошо все подстроил, — говорит она.

— Спасибо. Я как следует потрудился. Я знал, что ты проверишь мои данные. Как тебе понравился мой социальный профиль? Миноритарный акционер в «Полар Лунатикс». Я даже должность там занял на самом деле на тот случай, если ты и это проверишь. Все продал, когда мои люди сказали, что ты у дверей. — Разболтался. Это опасно, пока действует его светлое «я». Внутри него все происходит сразу: слова сражаются за место в узких дверях мысли и голоса. Заурядники так туго соображают.

— В коллоквиуме ты таким старательным не был.

— Старательным. Старательным, ага. Нет. Я сильно изменился с той поры.

— Наслышана. Это твой обычный фамильяр?

— Все меняется, когда Земля круглая, — говорит Вагнер.

— Я тебя боюсь, — отвечает Элиза Стракки.

— Разумеется. Да. Мне нужно было удостовериться, что ты не сбежишь. Но мне просто нужна информация, Элиза.

— Я не знала, для чего она предназначалась.

Вагнер наклоняется вперед. Элиза Стракки вздрагивает от силы его пристального взгляда.

— Сомневаюсь, что я в это верю. Нет, совсем не верю. Попытка покушения на моего брата? Биопроцессоры, специально разработанные для системы внедрения нейротоксина, вживленной в муху? Не верю.

— Ты поверишь, если я скажу, что не имела ни малейшего понятия, кто мой клиент?

— Я не сомневаюсь, что ты бы отнеслась к своему клиенту с той же старательностью, что и ко мне. Исходя из этого, я могу сделать вывод, что настоящий клиент опутал себя схожей сетью компаний-пустышек.

— Говоришь как полный мудак, Вагнер, — замечает Элиза. Ее нога дергается под столом. Чтобы это ощутить, не нужны волчьи чувства.

— Извини. Извини. Кому ты ее отправила?

— Я в безопасности, Вагнер?

Вагнеру хотелось бы перестать читать ее лицо. Каждое подсознательное вздрагивание и напряжение мышц вызывают в нем всплеск сопереживания и тревоги. Иногда он думает о том, что хотел бы совсем перестать воспринимать все в таких деталях, вчитываться так глубоко. Перестать быть таким означало бы перестать быть Вагнером Корттой.

— Мы тебя защитим.

Она перебрасывает Доктору Луз адрес корпоративного ящика для загрузки. Доктор Луз проводит расследование. Компания-пустышка, уже закрытая. Элиза должна была это знать. Вопрос для Вагнера заключается в том, через сколько еще пустышек и тайников прошел файл, прежде чем добрался до сборщика. Его мысли уже спешат по дюжине троп сразу. Вагнер считает свой полный разум чем-то вроде квантового компьютера: он изучает вероятности во многих параллельных вселенных одновременно, а потом совмещает их друг с другом и сжимает до единственного решения. Он знает, что делать дальше.

— Вагнер...

Проходят секунды, прежде чем Вагнер перефокусируется. Но для заурядников целые секунды — мгновения.

— Да пошел ты на хрен. Корта родился, Корта и помрешь, мать твою. Никто и никогда не говорил вашей семейке «нет», верно? Вы даже смысла этого слова не понимаете.

Впрочем, она колеблется — всего лишь на секунду, всего лишь самую малость, — прежде чем поворачивается, чтобы уйти, и обнаруживает, что бар пуст. У Вагнера нет полномочий нанимать частную охрану за счет Корта. Он может нанять бар за свой счет. А потом наполнить его друзьями, членами семьи, собратьями по стае.

Той ночью он убегает со своей стаей на крышу города. Наверху, настолько близко к свету Земли, насколько позволяет архитектура, старые служебные туннели вычищены и превращены в комнаты и закутки. Это бар, клуб, логово. Все равно что устроить вечеринку внутри легкого. Воздух застоявшийся, затхлый. В баре стоит запах тел, духов и дешевой водки, и над всем витает поликарбонатный фабричный душок. Свет голубой как Земля, музыка настоящая, а не шепоток фамильяров, и такая громкая, что кажется физически ощутимой.

Волки Магдалены из Царицы Южной пришли в Меридиан. Это самая старая из лунных стай; с незапамятных времен ее возглавляет Саша «Волчонок» Эрмин. Нэ говорит, будто бы является самым старым волком на Луне; первым, кто поднял глаза и завыл на Землю. Первым, кто назвал себя иным местоимением. Нэ из Первого поколения, на голову ниже любого из стаи, но нэйная харизма озаряет бар, словно фейерверк Дивали. Вагнера нэ пугает; нэ пренебрегает им, считает мягкотелым аристократом, а не настоящим волком. Члены нэйной стаи — грубые, агрессивные и мнят себя истинными наследниками обеих натур. Но тусовщики из Волков Магдалены что надо. Бойцы уже собираются в яме, раздетые догола и пылающие жаждой драки. Вагнер предпочитает дракам разговоры, и он находит в лабиринте туннелей закуток, в равной степени удаленный от радостных воплей и диджея, где ведет одновременно три разговора с робототехником из «Тайян Мунгрида», брокером по физически ограниченным деривативам и дизайнером интерьера, специализирующимся на особых породах дерева.

Когда разговоры близятся к концу, появляется девушка из Волков Магдалены. Когда Земля круглая, лунные волки пренебрегают заурядной модой: она одета в желтовато-зеленое скаф-трико, на котором маркерами нарисованы неистовые спирали и завитушки, порожденные воображением, подпитываемым Землей.

— Ты маленький, ты сладкий, ты хорошо пахнешь, — шепчет она, и Вагнер слышит каждое слово, не переставая болтать с тремя собеседниками.

— Вау, ну и вид, — говорит он.

— Это было модно, потом стало немодно, а теперь снова модно, — говорит девушка. — Я Ирина. — Ее фамильяр — череп с рогами, и у него из глаз и ноздрей вырывается пламя. Еще одна штуковина, которая была модной, потом стала немодной, а теперь опять в моде. Вагнер всегда удивлялся тому, откуда могло взяться недолгое увлечение скаф-трико, изукрашенными граффити.

— Я...

— Я знаю, кто ты такой, Маленький Волк.

Она сжимает зубами мочку его уха и шепчет:

— Люблю кусаться.

— Люблю, когда меня кусают, — говорит Вагнер, но, прежде чем она утащит его за собой, прикладывает ладонь к ее грудной кости. Он чувствует каждое биение сердца, каждый вдох, каждый прилив крови в ее артериях. Она пахнет медом и пачулями. — Завтра я должен быть на дне рождения моей мамы.

— Тогда уважай маму и не демонстрируй ей слишком много обнаженного тела.

Двое в костюмах подступают к Лукасинью с обеих сторон. Он не знает, кто они такие, но знает, кому они служат.

Лукас Корта сидит на кушетке, где спал Лукасинью. Аккуратный, педантичный; руки легко лежат на бедрах. Флавия скорчилась в углу, среди святых. Глаза ее широко распахнуты от страха. Грудь ходит ходуном, она явно сражается за каждый вдох. К груди прижаты трясущиеся руки. Лукасинью никогда такого раньше не видел, но каждый рожденный на Луне знает, в чем дело. Ей укоротили дыхание. Она тонет в чистом воздухе.

— Отдай ей дыхание! — вопит Лукасинью и бросается к мадринае Флавии, обнимает ее.

— Разумеется, — говорил Лукас Корта. — Токиню.

Флавия судорожно втягивает воздух и начинает сдавленно кашлять. Лукасинью крепче прижимает ее к себе. В глазах мадрины страх.

— Вагнер платит за...

— Я сделал КРЛ лучшее предложение, — говорит Лукас. — Это разумная мера предосторожности. Кто не может дышать, тот не говорит.

— Да пошел ты, — отвечает Лукасинью.

— Ты был не в сети, так что наверняка не знаешь, что мы одержали славную победу. «Корта Элиу». Твоя семья. Мы заполучили новые территории для добычи гелия-3 в Море Змеи. Суд Клавия признал нашу заявку. Я обеспечил твое будущее, сын. Что ты на это скажешь?

— Поздравляю.

— Спасибо.

Мадрина Флавия теперь дышит ровно, однако все еще съеживается, словно боясь, что каждый вдох может оказаться последним.

— Ах, да. Чуть не забыл. Включи Цзиньцзи. Валяй. Почему бы и нет.

«Загрузка успешна, — сообщает Цзиньцзи. — Полный доступ к твоим счетам восстановлен».

— Хорошо снова обрести деньги, углерод и сеть, не так ли? — интересуется Лукас. — Токиню. — Стопка «бумаги» над плечом Лукаса вертится. Виртуальные заметки разлетаются во все стороны.

«Я получил контракт, — говорит Цзиньцзи. — Это счет на Четыре Базиса для Флавии Вила-Нова. Ты принимаешь?»

— Твоя мадрина приглядывала за тобой, — говорит Лукас. — Ради приличия теперь ты должен присматривать за ней.

«Ты принимаешь?» — торопит Цзиньцзи.

— Флавия, — говорит Лукасинью. — Это твой счет. Пай хочет, чтобы я его взял под свой контроль. Мне придется. — Потом он поворачивается к отцу. — Я принимаю. Это все равно твои деньги.

— Да. Но я ведь так и не купил тебе домашнего любимца, когда ты был мальчишкой, верно? — Лукас встает, стряхивает со штанин воображаемую пыль. Кивок, и охранники в костюмах направляются к двери. — Еще кое-что. Кое-что важное. Причина, по которой я пришел. Ты любишь вечеринки. Все любит вечеринки. У меня для тебя приглашение. День рождения твоей бабушки. Принеси пирог. У тебя хорошо

получаются пироги. Мне наплевать, будешь ли ты его готовить в одежде или без, но свечей должно быть восемьдесят штук.

Йеманжа будит Адриану Корта музыкой: «*Aguas de Marco*», ее любимая. Версия Элис и Тома[35].

«Спасибо», — шепчет она фамильяру и лежит под легкой простыней, глядя в потолок, слушая музыку, гадая, почему именно эта мелодия звучит именно этим утром. Вспоминает. У нее день рождения. Сегодня ей исполняется восемьдесят лет.

Йеманжа выбрала наряды для дня рождения: для себя — тройной полумесяц, для Адрианы — костюм от Пьера Бальмена 1953 года, с воротником-бабочкой, длинными рукавами, узкой юбкой-карандашом и очень большим бантом на левом бедре. Перчатки. Сумка. Элегантно. Преувеличивает достоинства восьмидесятилетнего тела. Прежде чем одеться, Адриана двадцать минут плавает в бесконечном бассейне. Отдает дань ориша за окном с помощью джина и благовоний. Принимает лекарства и слегка давится, как и в другие дни. Съедает пять ломтиков манго, пока Йеманжа сообщает новости о семейном бизнесе. Тысяча забот собираются в стаю, но сегодня они не приземлятся. Сегодня ее день рождения.

Первой ее приветствует Элен ди Брага. Поцелуй, объятие. Затем Эйтур Перейра поздравляет с наступившим днем. В ее честь он надел сказочный мундир со шнуром, пуговицами и подплечниками, который выглядел бы нелепо, если бы Эйтур не носил его с таким достоинством. Объятие, поцелуй.

«Вы в порядке?» — спрашивают они.

«Я счастлива», — отвечает Адриана. Смерть грызет ее, каждый день она что-то теряет, и нет уверенности в том, что будет с ее наследством, но этим утром она проснулась, пылая от радости. Радости из-за малого: того, как особенным образом свет солнечной линии падает на лица ориша; того, как вода постепенно окутывала ее тело, когда она опускалась в бассейн; сладко-кислого, мускусного запаха манго, шуршания ткани ее праздничного наряда. Чудесные банальности. В этом маленьком мире еще остались новые ощущения, которые можно оценить по достоинству.

Вот прибежали внуки. Робсон хочет показать ей новый карточный фокус: «В челноке, анзинью». Луна приносит цветы, синий букет в тон платью. Адриана их принимает, хотя у нее по коже бегут мурашки от прикосновения к тому, что было живым, а теперь умерло. Она втягивает воздух носом — Луна хихикает: «Фиалки не пахнут, во».

Затем наступает черед око. В Боа-Виста осталась только одна. Аманда Сунь обнимает свекровь и целует в обе щеки.

Теперь мадрины. Амалия, Ивети, Моника, Элис — бросает взгляд на Робсона, поправляет ему галстук, выравнивает воротник. Рафа, Лукас, Ариэль и Карлиньос уже давно переехали из Боа-Виста, но их мадрины остались. Адриана бы ни за что их не выгнала: Корта держат слово. Да к тому же ей удобнее держать их в одном месте, под своим небом, а не позволить рассеяться по всему миру со своими слухами и секретами. Хватит и одной предательницы. Одна за другой мадрины обнимают и целуют свою благодетельницу.

Последние в очереди — слуги. Процесс долгий, надо каждому пожать руку и выслушать добрые пожелания в этот благоприятный день, но Адриана Корта трудится усердно; кому слово, кому улыбку. Охранники занимают места позади нее у входа на станцию. Они создают баррикаду в темных костюмах между Адрианой, ее внуками, ее самыми старыми работниками, ее слугами. Все, от финансового директора до садовника, поменяли фамильярам оболочки на праздничные формы и цвета.

Наружная дверь станции с шипением открывается. Руки тянутся к ножам: Эйтур Перейра возражал против устройства вечеринки за пределами Боа-Виста, но Адриана настояла. «Корта Элиу» не станет прятаться в своей крепости. Руки охранников расслабляются. Это Лукасинью с маленькой картонной коробкой.

— С днем рождения, во. — В коробке — торт, купол в зеленой глазури, украшенный изысканным барочным кружевом. — Он называется «шведский торт принцесс». Я не знаю, что означает «шведский». — Объятия и поцелуй. Пирсинг Лукасинью вдавливаются в кожу бабушки.

— В одежде или без? — спрашивает Адриана. — Очень надеюсь, что без. — Лукасинью краснеет. Это выглядит весьма очаровательно. — Ты нанес макияж?

— Да, во.

— Этот цвет подводки и впрямь подчеркивает золотой блеск твоих глаз. Может, стоит чуть сильнее выделить скулы. Пользуйся своими сильными сторонами. — Он милый мальчик.

Гости вечеринки поедут в двух вагонах. Сначала свита; Адриана, близкие и охранники будут во втором челноке. За три минуты путешествия Робсон показывает своей во новый карточный фокус, сочиняя историю о людях, которые эвакуируются из разгерметизировавшегося обиталища, — то есть о картах, которые ускользают из верхней части колоды, — и все успевают слегка испачкать пальцы в зеленом и клейком, попробовав торт Лукасинью.

Жуан-ди-Деус — рабочий город, и Адриана Корта никогда бы не поступилась прибылью, чтобы объявить всеобщий выходной, даже в честь своего восьмидесятого дня рождения, но многие постоянные жители и контрактники взяли перерыв на несколько минут и пришли, чтобы поприветствовать Первую Леди Гелия. Они смотрят, как колонна моту везет семейство Корта по проспекту Кондаковой и вверх по эстакаде, в отель, где Лукас устроил праздничный обед. Они аплодируют, кто-то машет. Адриана Корта в знак признательности поднимает руку, затянутую в перчатку. Аэростаты в виде мультяшных животных маневрируют на тихих микровинтах через квадрату Сан-Себастьян, точно небесный цирк. Адриана поднимает голову, когда на нее падает тень Ми-Кат Ксу. Она улыбается.

Люди Эйтура Перейры работали много дней, втайне обеспечивая безопасность отеля. С самого утра они осмотрительно сканировали гостей. Аплодисменты; головы поворачиваются. Адриана появляется посреди коктейльного приема, и ее кружит, точно вихрем, от лица к лицу, от вечернего наряда к вечернему наряду, от поцелуя к поцелую. Ее мальчики, ее красивые мальчики в своих лучших костюмах. Ариэль опаздывает, Ариэль всегда опаздывает на семейные торжества. Лукас явно раздражен, но он не сторож сестре своей. В этом мире никто никому не указ, даже семья.

Семья близкая и далекая: теплое объятие от Лусики Асамоа, которая всегда была любимицей Адрианы среди око. Кузены по крови и браку; Соресы, родственники со стороны Карлоса, и малые кланы; союзники по никахам. Потом общество. Орел Луны прислал свои извинения — еще ни один Орел не принял приглашения на день рождения Адрианы. Адриана танцует эlegantный вальс среди Асамоа из Тве, безупречных Суней из Дворца Вечного Света и вельможных Воронцовых; менее значительные и совсем малые дома, светские львы и законодатели мод, репортеры и знаменитости, аморы и око. Компания Лукасинью по лунной гонке тоже здесь, они напряжены и придерживаются социальных орбит, проходящих вблизи друг от друга. Адриана Корта для каждого находит словечко. За нею тянется социальный шлейф из сотен разговоров и знакомств.

В последнюю очередь — политика. Бюрократы КРЛ и деканы из Университета Невидимой стороны. Звезды мыльных опер и музыканты из чартов, художники, архитекторы и инженеры. Адриана Корта всегда приглашала на юбилеи много инженеров. Медиа: репортеры социальных сетей и комментаторы мод,

распространители и творцы контента. Религия: кардинал Окоги и великий муфтий эль-Тайиб; аббат Сумедхо и, вся в белом, сестра Владык Сего Часа. Ирман Лоа приседает перед своей патронессой.

Ариэль появляется рядом с матерью. Поцелуй и извинение, от которого Адриана отмахивается.

«Спасибо».

«Пропусти я твоё восьмидесятилетие, ты бы никогда меня не простила».

«Я не за это тебя благодарю».

Ариэль раздвигает вейпер на полную длину и позволяет вечеринке увлечь себя. Адриана восторженно вскидывает голову при звуках музыки. Босанова. Толпа расступается перед нею, когда она идет на звук.

«Та же самая группа, что играла в честь лунной гонки Лукасинью, — отмечает Адриана. — Как мило».

Лукас рядом с нею. Он ни разу не отходил дальше чем на два шага, пока Адриана вращалась в обществе, совершая пируэт за пируэтом.

«Все как ты любишь, мамайн. Старые мелодии».

Адриана проводит рукой по щеке Лукаса.

«Ты хороший мальчик, Лукас».

Вагнер Корта пробирается в ресторан с опозданием, и в свеженапечатанном костюме ему все еще неуютно. Размеры правильные, но сидит одежда нехорошо, давит там, где должна быть просторной, трет там, где должна ласкать.

— Лобинью! — Рафа приветствует Вагнера бурно, раскинув руки. Давящее объятие, тяжелые шлепки по спине. Вагнер морщится. Мужичий дух. Вагнер может определить состав каждого коктейля, который его брат закинул себе в глотку. — Это же день рождения мамайн, неужели ты не мог побриться? — Рафа окидывает Вагнера взглядом с ног до головы. — И твой фамильяр мне незнаком.

Вагнер тотчас же изгоняет Доктора Луз и призывает Сомбру, хотя все, кому известно о его двойственной натуре, могут определить в нем волка по тому, как ему неуютно в собственной шкуре, тому, как он смотрит, словно прислушиваясь к нескольким разговорам сразу, и по густой щетине на его лице.

— Она заметила твоё отсутствие в очереди поздравляющих. — Рафа хватается коктейль с подноса и сует Вагнеру в руку. — Позаботься о том, чтобы повидаться с нею до того, как встретишь Лукаса. Сегодня он не склонен к великодушию.

Вагнер едва успел на экспресс: наслаждался каждым мгновением с Ириной. Она его кусала. Она сосала его плоть так сильно, что оставила синяки. Она щипала его и выкручивала, заставляла кричать. Оттягивала его кожу нежными любящими зубами. Секс был лишь малой частью всего, формальной, самоочевидной. Она пробудила в Вагнере ранее незнакомые ощущения и эмоции. Его чувства всю ночь звенели от напряжения. Он взял костюм из принтера на вокзале, переоделся в туалете поезда, осторожно натягивая рубашку и брюки поверх еще свежих ран и синяков. Каждый укол боли превращался в экстаз. Она выполнила инструкции Вагнера и оставила руки, шею и лицо нетронутыми.

— Я кое-что нашел, — говорит Вагнер.

— Рассказывай.

— Я опознал один из протеиновых процессоров. Ты бы этого не увидел, но для меня оно все равно что неоновая реклама с именем.

— Ты чуточку тараторишь, Маленький Волк.

— Прости. Прости. Я встретился с разработчицей — мы вместе учились в университете. В одном коллоквиуме. Она дала мне входящий адрес. Ондохлый, разумеется. Но я поручил стае с ним поработать.

— Помедленнее, помедленнее. Что ты сделал?

— Поручил стае с ним поработать.

Стая из Меридиана — агрономы, пылевикис, робототехники, маникюрщики, бармены, спортсмены, музыканты, массажисты, юристы, хозяева клубов, инженеры — прокладчики путей, большие и малые семьи; разнообразие умений и знаний; и все же, когда они собираются и сосредотачиваются на одном задании, происходит что-то чудесное. Стая как будто делится сведениями, инстинктивно дополняя друг друга, образуя безупречную команду; единство цели: почти гештальт. Вагнер редко видел подобное, участвовал лишь один раз, но никогда не призывал к такому до этого момента. Стая собралась, разумы, таланты и воли расплылись и слились, и через пять часов в его распоряжении были идентификационные данные инженерной лавки, где соорудили муху-убийцу. В этом нет ничего сверхъестественного; Вагнер не верит в сверхъестественное; это рациональное чудо. Это новый способ быть человеком.

— Это инженерная лавка-однодневка под названием «Птички-невелички», — говорит Вагнер. — Расположена в Царице Южной. Зарегистрирована на Иоахима Лисбергера и Джейка Тэнлуна Суня.

— Джейка Тэнлуна Суня.

— Это ничего не значит. Компания произвела одну единицу товара, поставила ее и прекратила существование.

— Мы знаем, куда они ее отправили?

— Пытаюсь выяснить. Меня больше интересует заказчик.

— И есть идеи, кто бы это мог быть?

— Возможно, с Джейком Сунем я сам разберусь, — говорит Вагнер.

— Хорошая работа, Маленький Волк, — говорит Рафа. Еще один мучительный шлепок по спине. Каждый след от укуса — средоточие боли. Рафа направил Вагнера к краю толпы благожелателей, через которую проходит Адриана.

— Мамайн, с днем рождения.

Адриана Корта поджигает губы. Потом наклоняется к нему, позволяя себя поцеловать. Дважды.

— Мог бы побриться, — говорит она, и свита тихонько смеется, но перед тем, как погрузиться в праздничную круговерть, Адриана шепчет ему на ухо: — Если хочешь ненадолго задержаться, твои старые апартаменты в Боа-Виста готовы тебя принять.

Марина ненавидит свое платье. Оно за все цепляется и раздражает кожу, оно объемное и неудобное. В нем она чувствует себя голой, уязвимой; одно слишком резкое движение — и платье свалится с ее плеч до самых лодыжек. И туфли нелепы. Но так модно, и так положено, и хотя никто даже не зашущукался бы, заявись Марина в пижаме или мужском наряде, Карлиньос дал ей понять, что Адриана заметит.

Марина увязла в скучном водовороте разговора, где доминирует громкий социолог из Университета Невидимой стороны со своими теориями о постнациональных идентичностях второго и третьего поколения лунарцев.

«Столько времени прошло, и вы до сих пор не придумали для обитателей Луны имечко получше

„лунарцев“, — думает Марина. Она прокручивает варианты в уме: лунные жители, лунариты, лунары — мунары — шмунары — коммунары. Никуда не годится. «Спасите меня», — молит она ориша вечеринок.

Выслеживает Карлиньоса, который прорывается сквозь натиск людей, праздничных фамильяров и коктейльных бокалов.

— Мама хочет поговорить с тобой.

— Со мной? Почему?

— Она попросила.

Он уже ведет Марину за руку через зал.

— Майн, это Марина Кальцаге.

Первое впечатление, сложившееся у Марины об Адриане Корта, подпортил нож у горла, но она замечает, что Адриана за минувшие месяцы постарела сильнее, чем должна была, — нет, не постарела: иссохла, сжалась, сделалась прозрачной.

— Примите мои поздравления, сеньора Корта.

Марина теперь гордится своим португальским, но Адриана Корта переходит на глобо:

— Похоже, моя семья снова в долгу перед тобой.

— Как говорится, я просто делала свою работу, мэм.

— Если бы я дала тебе другую работу, ты выполнила бы ее с той же самоотдачей?

— Я бы старалась изо всех сил.

— У меня действительно есть другая работа. Мне нужно, чтобы ты стала кое для кого нянькой.

— Сеньора Корта, у меня никогда не складывались отношения с маленькими детьми. Я их пугаю...

— Этого ребенка ты не испугаешь. Но она может испугать тебя.

Адриана кивком указывает Марине на другой конец комнаты — на Ариэль Корту, искрящееся пламя в сердце скопища тускло одетых судебных чиновников и технократов из КРЛ. Она смеется, она запрокидывает голову, встряхивает волосами, рисует идеограммы из дыма своим вейпером.

— Я не понимаю, сеньора Корта.

— Мне нужно, чтобы кто-то присматривал за моей дочерью. Я за нее боюсь.

— Если вам нужен телохранитель, сеньора Корта, есть тренированные бойцы...

— Если бы мне был нужен телохранитель, он бы у нее уже появился. Десятки телохранителей. Мне нужен агент. Мне нужно, чтобы ты стала моими глазами, ушами, голосом. Я хочу, чтобы ты сделалась ее подругой и наперсницей. Она тебя возненавидит, станет с тобой сражаться, попытается от тебя избавиться, будет затыкать тебе рот, оскорблять тебя и делать мерзкие вещи. Но ты останешься рядом с нею. Сможешь?

Марина не знает, что ответить. Выполнить просьбу невозможно и невозможно отказаться. Она стоит перед Адрианой Кортой в своем платье, вызывающем зуд, и в голове у нее одна лишь мысль: «Но ведь Карлиньоса там не будет».

Карлиньос слегка подталкивает ее локтем. Адриана Корта ждет.

— Я смогу, сеньора Корта.

— Спасибо. — Адриана улыбается искренне и тепло целует Марину в щеку, но Марина вздрагивает,

словно ощутив дыхание поджидающего ее вечного холода.

Он идет через весь зал вслед за женщиной в красном платье, как будто она ведет в танце. Она оглядывается, проверяя, смотрит ли он, следует ли за нею; ускоряет шаг, чтобы сохранить дистанцию. Рафа догоняет ее на балконе. Бестиарий из аэростатов собрался вокруг ресторана, они ждут, колышутся в небе, точно боги-прототипы, которые так и не смогли пройти собеседование, чтобы попасть в пантеон.

Без лишних слов Рафа притягивает ее к себе. Они целуются.

— Ты самая красивая в этом мире, — говорит Рафа. — В обоих мирах.

Лусика Асамоа улыбается.

— Кто присматривает за Луной? — спрашивает она.

— Мадринья Элис. Луна по тебе скучает. Она хочет, чтобы ее мамайн вернулась.

— Ш-ш-ш. — Лусика Асамоа касается губ Рафы пальцем с карминовым ногтем. — Так всегда. — Они снова целуются.

— Лусика, контракт.

— Наш брак истекает через шесть месяцев.

— Я хочу его продлить.

— Несмотря на то что я живу в Тве, и ты заботаешься о моей дочери, и мы видим друг друга только во время приемов, которые устраивает твоя семья.

— Ну и пусть.

— Рафа, меня пригласили в Котоко.

Политика АКА восхищает и одновременно сбивает Рафу с толку. Золотой Трон — это совет из восьми членов семейства, представляющих абуса. Они поочередно занимают должность омахене, которая каждый год передается от одного члена совета к другому, а сам Золотой Трон перемещается из обиталища в обиталище. Рафе Кorte все это кажется избыточно сложным и демократичным. Непрерывность обеспечивает Сунсум^[36] — фамильяр омахене, который содержит все записи и мудрость предшествующих омахене.

— Означает ли это, что ты не вернешься в Боа-Виста?

— Пройдет восемь лет, прежде чем у меня снова появится шанс воссесть на Золотой Трон. Луне будет четырнадцать. Много может случиться. Я не могу отказаться от такого предложения.

Рафа отступает на расстояние вытянутой руки, не отпуская жену, и оглядывает ее, словно выискивая признаки божественности или безумия.

— Я хочу продлить контракт, Рафа. Но не могу вернуться в Боа-Виста. Пока что не могу.

Рафа подавляет неистовое разочарование. Вынуждает себя не спешить, проглотить слова, которые так и рвутся с языка.

— Хватит и этого, — говорит он.

Лусика берет его за лацканы пиджака и притягивает к себе. Их фамильяры сходятся и сливаются; взаимопроникновение иллюзий.

— А мы можем просто взять да и удрать с этой вечеринки?

Лукас по спирали подбирается к Аманде Сунь с самого края толпы гостей вечеринки и отрезает ее от смеющихся родственников, прикоснувшись к локтю.

— На два слова. Наедине.

Он берет ее за локоть и отводит в столовую, где в честь дня рождения накрыли стол вокруг царапающей потолок ледяной скульптуры, изображающей взлетающих птиц. Через вращающиеся двери — на кухню.

— Лукас, в чем дело?

Мимо плит и раковин, титановых рабочих столов, мимо холодильников и шкафов с провизией, методично трудящихся лезвий и измельчителей, в кладовую.

— Лукас, да что с тобой? Отпусти. Ты меня пугаешь.

— Я собираюсь с тобой развестись, Аманда.

Она смеется. Короткий, почти раздраженный смех, который означает, что услышанное было сочтено нелепым. Немыслимым. Как Луна, упавшая в Гудзонов залив. А потом:

— О господи, ты серьезно.

— Разве когда-нибудь бывало иначе?

— Никто не назовет тебя несерьезным, Лукас. И я не стану заявлять, что эта идея мне совсем несимпатична. Однако мы в таких вещах не свободны, верно? Мой отец не потерпит такого оскорбления его дочери.

— Не я настоял на оговорке о моногамии.

— Ты подписал. Да в чем же дело, Лукас? — Аманда изучает его лицо, словно предчувствуя, что где-то таятся признаки болезни или помешательства. — Боже мой. Это любовь, не так ли? Ты на самом деле в кого-то влюбился.

— Да, — говорит Лукас Корта. — Ты хочешь, чтобы я разорвал контракт, или обе стороны согласны на аннулирование?

— Ты влюблен.

— Я буду признателен, если ты перевезешь свои вещи из Боа-Виста до конца месяца, — прибавляет Лукас, стоя в дверях кладовой. Повара сосредоточенно раскладывают еду на блюдах, покрывают глазурью скульптурные амюз-буш. — По Лукасиному вопросов не будет. Он совершеннолетний. — Лукас решительным шагом пересекает кухню. В кладовой Аманда Сунь смеется и смеется, смеется, пока в изнеможении не упирается руками в колени, а потом смеется опять.

— Привет.

— И тебе привет.

— Ну и почему ты отправляла мои сообщения назад непрочитанными?

Абена Асамоа ковыряет пол мыском атласных шпилек «Рэйн», отворачивается. Касается штырька в ухе Лукасиному.

— Все еще носишь его. Этот макияж тебе идет.

Он загнал ее сюда, к коктейльному бару, вынудил отступить в тихий угол. Внутренний голос твердит

ему: «Это маньячество, Лука».

— Моя бабушка тоже так думает.

Лукасинью широко улыбается и видит, что Абену это трогает — она отвечает ему слабой улыбкой.

— Ну, значит, если бы мои дела пошли совсем плохо, я бы смог обратиться к тебе. — Лукасинью касается штырька.

— Разумеется. Для этого он и нужен.

— Просто...

— Что?

— На той вечеринке в бассейне в Тве ты на меня даже не смотрела.

— На той вечеринке в бассейне ты обхаживал Йа Афуом и по самые уши нагрузился бог знает чем.

— С Йа Афуом ничего не вышло.

— Я в курсе.

— И с чего вдруг тебе есть дело до того, вышло или не вышло?

Абена переводит дух, словно собираясь объяснить ребенку какую-нибудь жестокую правду вроде вакуума или Четырех Базисов.

— Когда ты спас Коджо, я готова была для тебя сделать что угодно. Я уважала тебя. Сильно-сильно уважала. Ты был храбрым и добрым... ты и сейчас такой. Но потом ты отправился к Коджо в медцентр, и все, что тебе было нужно, — заполучить его квартиру. Ты его использовал. И таким же образом позволил Григорию Воронцову использовать себя в качестве секс-игрушки. Я не ханжа, Лука, но это было гнусно. Тебе требовались разные вещи — и ты использовал любого, кто мог их для тебя достать. Ты перестал уважать других людей, ты перестал уважать себя, и я перестала тебя уважать.

У Лукасинью горит лицо. Ему приходят на ум извинения, отговорки, оправдания: я был сердит на отца, папаша отрезал меня от денег, мне некуда было идти, я был не в сети, это все люди, к которым я что-то чувствовал, я изучал, это было безумное время, это было ненадолго, я никому не навредил... не навредил сильно. Они звучали как нытье. Они не могли отменить правду. Он так и не трахнул Йа Асамоа, но если бы смог, то сделал бы это ради нескольких ночей в ее квартире; мягкая кровать, теплая плоть, смех. Так было с Григорием, так было с Коджо. Да и с его собственной тетей. Он виновен. Его единственная надежда на примирение с Абеной опирается на признание этого факта.

— Ты права.

Абена стоит, скрестив руки на груди, — великолепная судия.

— Ты права.

И опять ни слова.

— Все правда. Я мерзко вел себя с людьми.

— С людьми, которым ты был безразличен.

— Да. С людьми, которым я был безразличен.

— Испеки мне пирог, — говорит Абена. — Ты ведь так исправляешь свои ошибки? Печешь пироги?

— Я испеку тебе пирог.

— Хочу капкейки. Тридцать две штуки. Устрою капкейковую вечеринку с сестрами-абусуа.

— С каким вкусом?

— Со всеми.

— Ладно. Тридцать два капкейка. И я буду стримить готовку, чтоб ты убедилась, что я все делаю правильно.

Абена тихонько вскрикивает в притворном гневе, скидывает правую туфлю и не очень-то нежно бьет Лукасинью в грудь.

— Ты несносный мальчишка.

— Ты пыталась пить мою кровь.

«Предупреждение безопасности, — раздается в ухе Лукасинью голос Цзиньцзи. — Сохраняй спокойствие. Служба безопасности „Корта Элиу“ уже в пути». По всей комнате руки взлетают к ушам, на лицах отражаются вопросы: что, где? Женщина в наряде от Тины Лесер перепрыгивает через барную стойку, отталкивает Абену и становится между Лукасинью и опасностью. В обеих руках у нее ножи.

— Что происходит? — спрашивает Лукасинью, и тут толпа гостей, отхлынув от дверей ресторана, показывает ему. Дункан Маккензи в сопровождении шести корпоративных рубак явился на вечеринку без приглашения.

* * *

Эйтур Перейра спешит вперед, чтобы преградить путь Дункану. Главный исполнительный директор «Маккензи Металз» останавливается в сантиметрах от протянутой руки. Вскидывает бровь при виде вычурной униформы шефа безопасности «Корта Элиу». Позади обоих мужчин их вооруженные слуги хватаются за ножи.

Рафа проталкивается сквозь строй охранников. Лукас на шаг позади, за ним следуют Карлиньос и Вагнер. Лукас бросает беглый взгляд на сына; Лукасинью отталкивает свою телохранительницу и идет следом за мужчинами.

— Что ты здесь делаешь? — спрашивает Рафа. Комната недвижна. Никто не прикладывается к коктейлю, не прихлебывает чай.

— Я пришел, чтобы надлежащим образом поздравить твою мать с праздником, — говорит Дункан Маккензи.

— Мы вас вышвырнем отсюда, как вышвырнули в Бэйкоу, — кричит кто-то из охранников. Рафа вскидывает руку: достаточно.

— Мальчики, мальчики. — Адриана касается бедра Рафы, и он отодвигается в сторону. — Добро пожаловать, Дункан. Но почему ты привел так много людей?

— Доверие нынче стало предметом спекуляций.

Адриана протягивает руку. Дункан Маккензи наклоняется, чтобы ее поцеловать.

— С днем рождения. — Потом шепот на португальском: — Надо поговорить. Как семья с семьей.

— Надо, — отвечает Адриана на том же языке, а потом командует: — Еще одно место за моим столом. Рядом со мной. Угостите свиту мистера Маккензи выпивкой.

— Мамайн? — спрашивает Лукас. Адриана проходит мимо.

— Ты еще не хвэджан. Остальных это тоже касается.

Еда изысканна, блюдо за блюдом, перемена за переменной — гармоничные ароматы и диссонирующие текстуры, жидкие и гелевые, геометричные и температурные, но Адриана лишь тыкает их палочками, настроенными на определение яда. Запах, вкус, чтобы понять суть и оценить навыки кулинара. Слева от нее Дункан Маккензи с аппетитом ест и сыплет комплиментами; мастерству поваров он воздает должное, не начиная разговор, пока не очищена последняя тарелка.

— Поздравляю с Морем Змеи, — говорит Дункан Маккензи и поднимает свой стакан с мятным чаем.

— Ты же не всерьез, — говорит Адриана.

— Ну разумеется. Но все было сделано красиво, и я этим восхищен. Вы похерили наш план по развитию добычи гелия-3. Как вы узнали про лицензию?

— Ариэль — член Павильона Белого Зайца.

Дункан Маккензи несколько секунд анализирует послевкусие.

— Нам следовало об этом знать...

— А вы-то как узнали про лицензию?

— Орел Луны очень много болтает в постели.

— Если я могу добиться преимущества для своих людей, я добиваюсь, — говорит Адриана.

— Железный закон, — соглашается Дункан Маккензи. — Он послужил нам на славу. Я должен поговорить с Эдрианом. Ему нужно придумать новые трюки для Орла.

— Почему ты здесь, Дункан?

Дункан Маккензи занял место Лукаса по левую руку от Адрианы, а самого Лукаса изгнали за стол пониже рангом, откуда он то и дело бросает взгляды, полные неприкрытой ненависти. Адриана смотрит ему в глаза: «Это не твое дело».

— Дни рождения — подходящий предлог, чтобы заглянуть в будущее.

— Не в моем возрасте.

— Подыграйте мне. Где мы окажемся через пять лет?

— В этом зале, будем праздновать.

— Или на вершине Байрру-Алту, продавать мочу, рыскать в поисках еды и воды и драться за каждый вдох. Луна меняется. Это уже не тот мир, каким он был, когда вы сражались с моим отцом. Если сейчас мы начнем драться, то оба проиграем. — Дункан Маккензи говорит по частному каналу, безмолвно, и Эсперанса передает его слова Йеманже.

Адриана отвечает так же беззвучно:

— У меня нет желания снова затевать корпоративную войну.

— Но мы к ней идем. Драка в Бэйкоу была только началом. Уже есть проблемы в окрестностях Святой Екатерины и в Порту Дождей. Кого-то убьют. Мы поймали кое-кого из ваших поверхностников в Торричелли за попыткой саботировать ровер «Маккензи Металз».

— Что вы с ним сделали?

— Мы пока что удерживаем ее. Придется заплатить, но это лучше, чем то, чего добивался Хэдли, — конкретно вышвырнуть ее из шлюза.

— Мой внук Робсон на удивление хорошо владеет ножом. Знаешь, у кого он научился? У Хэдли. Он там. Видишь, он показывает Джейдену Вэнь Суню карточный фокус? Он этим занимается постоянно с той поры, как спасся из «Горнила». Если кто-то его тронул...

— Заверяю вас, никто. Но вы вернули своего внука. Моя дочь мертва.

— Мы к этому не имеем отношения.

Беззвучный разговор делается все более пылким, выдает себя сжатыми челюстями, напряженными глотками, движением губ. Ариэль смотрит на них со своего места напротив за круглым столом. Адриана знает, что ее дочь талантлива в чтении по губам. В зале суда это умение полезно.

— Кто получит выгоду, если мы сразимся?

— Когда дерутся Драконы, жарко всем, — говорит Адриана. Это поговорка Суней — недавняя, лунная.

— Я придержу своих людей, если вы сделаете то же самое со своими.

— Договорились.

— Это касается и членов семьи.

Адриана гневно поджимает губы от такого намека. Рафа унаследовал свой горячий нрав от матери, но у нее есть самоконтроль, выработанный за десятилетия корпоративных войн и сражений в залах правления, стычек с инвесторами и правовых потасовок, о которых ему так и не пришлось ничего узнать. Гнев — одна из его многочисленных привилегий.

— Рафа — бу-хвэджан.

— Я не прошу его понижать в должности. Мне такое и в голову не пришло. Я лишь предполагаю, что он мог бы разделить свои обязанности.

— С кем?

— С Лукасом.

— Ты слишком хорошо знаешь мою семью, — замечает Адриана.

— Мы не пытались убить Рафу, — громко говорит Дункан.

— Мы не убивали Рэйчел, — отвечает Адриана. Теперь на них смотрят. — Прошу прощения, Дункан. Я все передам. Теперь мне полагается произнести речь. — Она стучит по коктейльному бокалу палочкой для еды, и чистый звон вынуждает всех гостей в зале притихнуть. Адриана Корта встает из-за стола.

— Мои дорогие гости — друзья, коллеги, соратники, родные. Сегодня мне исполняется восемьдесят лет. Восемьдесят лет назад я родилась в Барра-ди-Тиджука в Бразилии, в другом мире. Из них пятьдесят лет, больше половины жизни, я прожила здесь. Я пришла сюда в числе первопоселенцев, я видела, как росли два поколения; мои дети и мои внуки, и теперь, похоже, я могу называть себя Матерью-Основательницей. Луна во многих смыслах меня изменила. Она изменила мое тело, так что я никогда не смогу вернуться в мир, из которого пришла. Для вас, представителей более молодых поколений, это странная идея. Вы не знали иного мира, кроме этого, и, хотя я говорю о переменах во мне, которые вызвала Луна, они не идут ни в какое сравнение с тем, что я вижу в вас. Какие вы высокие! Какие элегантные! Что до моих внуков, ох, мне понадобятся крылья, чтобы взлететь повыше и поцеловать вас. Луна изменила мою жизнь. Девочка из Барры, Отринья, Простушка, сделалась главой могущественной корпорации. Когда я поднимаюсь в купол-обсерваторию и невооруженным взглядом гляжу на Землю, я вижу паутину из огней, протянутую сквозь земную ночь, и думаю: «Я зажигаю эти огни». Вот еще одна

вещь, которую Луна меняет в людях: скромность не приносит никакой прибыли.

Луна меняет семьи. Я вижу друзей, родственников и коллег из всех Пяти Драконов. Я вижу верных слуг и мадриний; но я не такая, как вы. Вы прибыли сюда с семьями — Сунни, Асамоа, Воронцовы, Маккензи и вы, представители малых родов. Когда я основала «Корта Элиу», то предложила всем своим родственникам, оставшимся на Земле, возможность последовать за мной на Луну и работать на меня. Никто не согласился. Никому не хватило смелости или мечтательности, чтобы покинуть Землю. И потому я создала собственную семью; со мной был мой милый Карлос и его семья, но еще и дорогие друзья, которые мне как родные: Элен и Эйтур. Спасибо вам за годы службы и любви.

И еще Луна изменила мою душу. Я пришла сюда бразильяной, а стою перед вами как лунная женщина. Я отказалась от одной идентичности, чтобы создать другую. Думаю, так произошло со всеми: мы сохранили наши языки и обычаи, наши культуры и имена, но мы принадлежим Луне.

Но сильнее всего Луна изменила саму себя. Я видела, как этот мир превратился из разведывательной базы в несколько промышленных обиталищ, а потом — в настоящую цивилизацию. Пятьдесят лет — долгий срок в жизни человека; в жизни нового народа он еще дольше. Мы не просто спутник, теперь мы — мир. На Земле говорят, что мы надругались над Луной, отняли ее природную красоту, испортили своими рельсами, поездами и экстракторами, солнечными батареями и сервер-фермами, миллионами и миллионами вечных отпечатков. Наши зеркала их ослепляют там, внизу; наш Главный Хрен их оскорбляет. Но Луна всегда была уродливой. Нет, не уродливой. Заурядной. Чтобы увидеть красоту этого места, надо проникнуть под его поверхность. Надо докопаться до городов и квадр, обиталищ и аграриев. Надо увидеть людей. Я сыграла свою роль в строительстве этого прекрасного мира. Я горжусь этим больше всего, даже сильнее, чем своей компанией или своей семьей.

В возрасте восьмидесяти лет пришла пора мне насладиться своими достижениями. Мир мой в хорошей форме, семья моя горда и уважаема, моя компания делается все сильнее и сильнее, не в последнюю очередь благодаря недавнему успешному приобретению полей добычи в Море Змеи. Итак, Адриана Корта может наконец-то отдохнуть. Я отказываюсь от своей должности хвэджана «Корта Элиу». Рафаэл будет хвэджаном, Лукас — бу-хвэджаном. Для вас ничего не изменится: мои мальчики успешно управляли компанией последние десять лет. Что касается меня, то я буду наслаждаться пенсией и обществом семьи и друзей. Благодарю за ваши добрые пожелания в этот день; я стану с нежностью их вспоминать в будущем. Спасибо.

Адриана садится; зал в оцепенении. Вокруг ее стола и дальше повсюду виднеются изумленно распахнутые рты. Не удивлен только Дункан Маккензи, который наклоняется к Адриане и шепчет: «Да уж, я выбрал правильную вечеринку, чтобы явиться без приглашения». Адриана отвечает коротким смешком, однако он яркий, мелодичный, почти девичий. Смех женщины, которая облегчила свою ношу. Ариэль наклоняется через стол, Рафа вскакивает на ноги, Карлиньос, Вагнер — все задают вопросы одновременно, пока сквозь шум не прорежутся громкие и ровные хлопки. Лукас встал, поднял руки, аплодирует. По другую сторону комнаты отвечает другая пара рук; потом две, потом четыре, а затем все гости встают, и на Адриану Корта обрушивается ливень аплодисментов. Она встает, улыбается, кланяется.

Лукас последним перестает хлопать.

После шока вопросы.

Элен ди Брага выпаливает шепотом, пока не подошла Ариэль:

— Ты же вроде сказала, что это слишком мрачная тема для дня рождения.

— Я всего лишь сообщила о том, что выхожу на пенсию, — отвечает Адриана и стискивает руку старой

подруги. — Позже.

Ариэль целует мать.

— На один ужасный момент я подумала, что ты собираешься передать свой пост мне.

— О, любовь моя, — говорит Адриана, а потом, вернув голосу властность, обращается к свите: — Я очень устала. Это был напряженный день. Мне бы хотелось вернуться домой.

Эйтур Перейра вызывает охранников. Они кордоном окружают Адриану, защищая от назойливых гостей.

— Поздравляю с выходом на пенсию, сеньора, — говорит Эйтур. — Но относительно моего положения — не секрет, что Лукас хочет от меня избавиться.

— Я присматриваю за своими людьми, Эйтур.

Охранники расступаются, пропускают Рафу. Позади него Лусика Асамоа. Рафа обнимает свою майн.

— Спасибо, — говорит он. — Я не подведу.

— Я думала о своем наследии долго и трудно. — Адриана гладит его по щеке.

— Наследии? — переспрашивает Рафа, но Адриану уже обнимает чопорный Лукас.

— Что на тебя нашло, мамайн?

— Меня всегда тянуло к драматизму.

— На глазах у этого Маккензи...

— Он бы узнал. Слухи облетают этот мир за секунду.

— Он генеральный директор «Маккензи Металз». Они пытались убить Рафу.

— И я дала ему слово, что мы не станем мстить, как это делали в прежние времена корпоративных войн.

— Майн, ты больше не хвэджан.

— Я дала ему слово не в качестве хвэджана.

— Они его не сдержат. Дункан Маккензи мог дать тебе слово, но его отец не прощает. Маккензи платят втройне.

— Я ему доверяю, Лукас.

Лукас сжимает пальцы, чуть кивает, но Адриана знает — он остался при своем мнении. После него подходят Карлиньос, Вагнер, мадрины и дети. Адриана идет сквозь море звонких аплодисментов и улыбающихся лиц. У двери она видит фигуру среди декоративных деревьев.

— Пропусти меня.

Ирман Лоа поднимает висящее среди бус распятие. Адриана Корта наклоняется, чтоб его поцеловать.

— Когда вы им расскажете? — шепчет ирман Лоа.

— Когда мое наследие будет в безопасности, — говорит Адриана. Фамильяры слушают, они могут расслышать шепот, но не способны взломать личный код. Ирман Лоа достает фляжку и обрызгивает Адриану Карту святой водой.

— Да пребудет благословение святого Иисуса и Марии, Иеронима и Мадонны Непорочной, святого Георгия и святого Себастьяна, Космы и Дамиана и Владыки Кладбищ, святой Варвары и святой Анны с

тобой, твоей семьей и всеми твоими делами.

Моту плавно подъезжают к лобби, тихие и аккуратные.

* * *

Каблуки Ариэль восхитительны и непрактичны, однако они придают элегантность тому, как она резко бросается в направлении вестибюля. Но Марина в хорошей форме для поверхностницы, она Долгая бегунья, и ей удается схватить Ариэль за локоть.

— Мне это тоже не нравится, но ваша мать приказала...

Рука, захват, рывок — и Марина следует курсом, который по идее должен бы закончиться вывихом или сломанными костями. Вечеринка переворачивается, она оказывается на спине, и дух у нее вышибло от удара о навощенный деревянный пол.

— Когда сможешь сделать такое со мной, возможно, мне и впрямь понадобится телохранитель, — говорит Ариэль и садится в моту, который открылся перед нею, словно разжавшийся кулак.

— И все же это моя работа, — бормочет Марина, когда охранники Корта помогают ей подняться и обрести пол под ногами, но к этому моменту моту уже проехал половину проспекта Кондаковой и превратился в яркий рекламный пузырь, преследуемый бестиарием из аэростатов.

— Привет.

— Привет.

Абена касается руки Лукасинью.

— Какие планы?

— А что?

— Ну, просто мы тут собрались пойти в клуб.

Она могла бы отправить сообщение через Цзиньцзи, но пришла сама, чтобы коснуться его.

— Кто?

— Я, мои абуса-сестры, Надя и Ксения Воронцовы. Мы встречаемся с ребятами из коллоквиума Зе-Ка. Идешь?

Они глядят на него, одетые в вечерние наряды и яркие туфли, и больше всего на свете ему хочется пойти с ними, быть с Абеной и ждать своего шанса; искупить свою вину, впечатлить ее. Но два образа не покидают его разум: отец и два сопровождающих охранника. Флавия, скорчившаяся среди своих святых, борется за дыхание.

— Не могу. Мне очень надо немного побыть с моей мадриней.

* * *

Вечеринки разлагаются, когда истекает период полураспада. Разговоры утрачивают движущую силу. Темы исчерпываются. Беседы становятся утомительными. Всех, кого должны были обойти, обошли. Случайные связи увенчались успехом или не сложились, и никто уже не слушает музыку. Персонал начинает наводить порядок. Через час начнется вечерняя служба.

Лукас не спешит уходить, зная, что он мешает и его едва терпят, но желая кого-то отблагодарить,

кому-то пожать руки, выдать чаевые или премию. Он неизменно ценит хорошую работу и считает, что она должна вознаграждаться.

— Моя майн была в восхищении, — говорит он ресторатору. — Я очень счастлив.

Музыканты упаковывают инструменты. Похоже, они довольны своим выступлением. Лукас благодарит каждого по отдельности; Токиню щедро раздает чаевые. Шепот Жоржи: «На секундочку, если можно».

Одного взгляда Лукаса хватает, чтобы балкон опустел.

— Опять балкон, — замечает Жоржи. Лукас облакачивается на стеклянное ограждение, смотрит вниз, вдоль всей длины квадры Сан-Себастьян. Деньрожденные аэростаты опустили на землю, и ничтожные людишки пытаются укротить летающих богов с помощью веревок и захватов, чтобы сдуть их.

— Спасибо, Жоржи, — говорит Лукас, и его тон убивает всякую насмешку или легкомыслие в голосе Жоржи. Гортань словно ободрана или забита.

— Спасибо, сеньор Корта, — отвечает Жоржи.

— Сеньор... — начинает Лукас. — Ты сделал мою мамайн счастливой. Нет, я не это хотел сказать. Я бухвэджан «Корта Элиу», мне приходится отстаивать нашу стратегию на заседаниях правления. Я зарабатываю на жизнь болтовней — и не могу говорить. У меня была преамбула, Жоржи. С оправданиями и объяснениями. В ней было все про меня.

— Когда у меня немеют пальцы, когда я не могу вспомнить строчку, когда чувствую, что с музыкой во мне что-то не так, я вспоминаю, что нахожусь там, где я есть, потому что делаю то, чего не может сделать никто другой в комнате, — говорит Жоржи. — Я не такой, как все. Я исключительный. Мне позволено этим гордиться. Вы Лукас; у вас есть полное право сказать все, что хочется, о чем бы вы ни думали.

Лукас вздрагивает, словно эта идея — гвоздь, который ему вогнали между глаз. Его руки сжимают стеклянное ограждение.

— Да. Все просто. — Он смотрит на музыканта. — Жоржи, ты выйдешь за меня?

На этот раз Дункана Маккензи вызывают в оранжевую. «Челнок прибыл», — сообщает Эсперанса. Дункан проверяет, как лежат лацканы, ниспадают отвороты на брюках, выглядывают из рукавов манжеты. Через Эсперансу снова оглядывает себя. Со свистом выдыхает сквозь зубы и входит в челнок.

Его отец ждет среди древовидных папоротников. Воздух пахнет сыростью и гнильем. Дункан больше не может читать по отцовскому лицу эмоции. Он видит только возраст — морщины, глубоко высеченные Луной. Как же легко вытащить вон тот степсель, дернуть вон за тот кабель, выдрать вон ту трубку — а потом поглядеть на то, как Роберт Маккензи стечет на пол и забулькает, умирая посреди своей драгоценной Лощины Папоротников. Компост к компосту. Надо же чем-то удобрять растения. Только вот медики его опять оживят. Они это уже делали трижды, зажигали пламя в его глазах, пока оно еще не погасло совсем, и с помощью этого пламени заново разжигали жизнь в разрушенном теле. «Вот чего я должен ждать».

Позади Роберта Маккензи стоит Джейд Сунь.

— Ее день рождения. Ты спел «С днем рождения тебя, дорогая Адриана»?

— Без нее. — Дункан бросает взгляд на Джейд Сунь.

— Что бы ты ни сказал Роберту, ты говоришь мне, — отвечает Джейд Сунь. — С фамилиями или без.

— То, что она мне рассказала... — говорит Роберт Маккензи. — Я-то думал, мы до этого выставили себя на посмешище. Господи Иисусе, мальчишка, ты отправился к ней на день рождения!

— Я с ней поговорил как Дракон с Драконом.

— Ты с ней поговорил как давалка с давалкой. Пообещал придержать наших людей? Наших?! Это что еще за сделка, совсем по фазе съехал? Ты свяжешь нам руки и позволишь этим ворюгам выставить нас с голым задом на поверхность. В мое время мы знали, как надо поступать с врагами.

— Сорок лет назад, папа. Сорок лет назад. Это новая Луна.

— Луна не меняется.

— Адриана Корта выходит на пенсию.

— Рафаэл — хвэджан. Гребаный клоун. Всем будет заправлять Лукас. Эта тварь свое дело знает. Он бы никогда не пошел на какое-то там джентльменское соглашение.

— Ариэль — член «Белого Зайца», — говорит Дункан.

Старик в гневе брызгает слюной. В лунной гравитации она летит длинными, элегантными ядовитыми арками.

— Знаю, мать твою. Знал уже много недель. Эдриан мне рассказал.

— Ты не рассказывал мне.

— Ну и хорошо. Ты бы от этого просто убежал куда-нибудь, чтобы спрятаться. Она нечто куда более важное, чем «Белый Заяц», эта Ариэль Корта.

— Ариэль Кортю приняли в члены Лунарского общества, — сообщает Джейд Сунь.

— Что?! — Дункан Маккензи в растерянности и досаде трясет головой. В этой битве с отцом у него нет преимуществ.

— Группировка влиятельных промышленных, научных и правовых талантов, — объясняет Джейд Сунь. — Они выступают за лунную независимость. Видья Рао ее наняло. Даррен Маккензи также член этого общества.

— Вы скрыли от меня такое?!

— Политические воззрения твоего отца отличаются от наших. Сунь всегда были преданы идее независимости, с тех самых пор, как мы избавились от Народной Республики. Мы считаем, что Лунарское общество слило информацию о выделении участка Ариэль Кorte.

— Мы?

— Три Августейших, — говорит Джейд Сунь.

— Они не настоящие. — Это одна из легенд Луны, родившаяся, едва «Тайян» начал оплетать своими ИИ-системами все части лунного общества и инфраструктуры: компьютеры столь мощные, алгоритмы столь изысканные, что могут предсказывать будущее.

— Уверяю тебя, настоящие. «Уитэкр Годдард» запустила квантовую стохастическую алгоритмическую систему, которую мы для них построили, больше года назад. Ты правда думаешь, что мы позволили бы «Уитэкр Годдард» работать на нашем оборудовании, не оставив для себя лазейку?

— Ну да, ну да, — встречает Роберт Маккензи. — Квантовое вуду. «Белый Заяц» и Лунарцы; что на самом деле имеет важность, так это готовность играть по-крупному. И чтоб дела шли так, как выгодно нам. Ты поставил нашу бизнес-модель под угрозу, мальчишка. Хуже того, ты навлек позор на семью. Ты уволен.

Слова тихие и визгливые, как посвистывания птиц в этом террариуме; Дункан их слышит — и тут же отстраняется от смысла сказанного.

— Это самая нелепая вещь, какую я когда-нибудь слышал.

— Я теперь генеральный директор.

— Ты не можешь так поступить. Правление...

— Не начинай опять. Правление...

— Да знаю я все про гребаное правление. Ты не можешь, потому что я подаю в отставку.

— Знаешь, ты всегда был обидчивым маленьким засранцем. Вот почему я тебя уволил пять минут назад. Твоя исключительная авторизация отозвана. Теперь только я владею кодами.

«Прибыл челнок», — говорит Эсперанса.

— Я вернулся, сын, — говорит Роберт Маккензи, и теперь Дункан видит эмоцию там, где раньше были только гнев и немоть. Тело по-прежнему издает щелчки и свист, вонь, как и раньше, тошнотворная, но пламя, которое суть жизнь Роберта Маккензи, горит ярко и жарко. Он напряженно выставляет подбородок, решительно сжимает губы. Дункан Маккензи повержен. От позора его тошнит. Унижение абсолютное, но еще не полное. Завершается оно, когда он разворачивается на каблуках, проходит сквозь влажные, шумные папоротники к шлюзу челнока.

— Мне вызвать Хэдли? — спрашивает Джейд Сунь.

Дункан Маккензи проглатывает горький, как желчь, гнев. Звук собственных шагов побежденного он никогда не забудет.

— Это ты все устроила! — орет он на Джейд Сунь из шлюза. — Ты и твоя гребаная семейка. Я тебя за это накажу. Мы Маккензи, а не ваши гребаные ручные обезьянки!

Восемь

Марина бежит. Местность в Меридиане отлично подходит для бега: под сенью деревьев, вверх по достаточно крутым эстакадам, чтобы напрягались бедра, по лестницам, когда надо тренироваться всерьез, через узкие мосты с колоссальными панорамами по обеим сторонам, по лужайкам с мягкой травой. Она никогда не бегала в лучших условиях, чем в квадре Водолея, и ей не хочется там бегать опять. В первый раз она вышла на пробежку с рисунками на теле, с лентами Огуна на руках и бедрах. Бегала часами, прислушиваясь, не раздастся ли песнопение Долгих бегунов, выискивая красивую извилистую волну тел. Попадавшиеся навстречу бегуны ей улыбались; некоторые шептались друг с другом или хихикали. Она ощутила себя неловкой провинциалкой. Здесь не было Долгого бега, никакого слияния в единое дыхание, мышцы и движения, в тело бегущего бога.

Она купила не такие откровенные шорты, более благопристойный топ. Спрятала разноцветные шнуры Сан-Жоржи в вакуумное хранилище.

Бег был просто бегом. Фитнесом. Зарядкой.

Я ненавижу Меридиан. Я его ненавидела в первый раз и, кажется, ненавижу еще сильнее, чем в тот период, когда не могла себе позволить дышать и продавала собственную мочу.

Если я подвинусь сюда; вот, видно? Это вид из моей квартиры. Западный 53-й, квадра Водолея. Это Хантс-пойнт [\[37\]](#) квадры Водолея. Идем со мной. Погляди. Отдельная столовая. Видишь? Мне не надо прятать кровать. Душ не на таймере. Ладненько, это кроличья нора по сравнению с твоей квартирой, но по лунным меркам — дворец. Так с чего вдруг мне ненавидеть это?

На самом деле причина не в Меридиане. Причина в Ариэль КORTE. Она тщеславная, самовлюбленная франтиха, слишком многое о себе воображает, а на самом деле и близко не такая крутая. И у нее есть вроде как... приближенные, единственная работа которых заключается в том, чтобы говорить ей, какая она умная, какая изумительная, как фантастически это платье на ней смотрится, какая она талантливая, искусная и остроумная. Ну так вот, я вижу тебя насквозь, всю тебя, и я вот что тебе говорю: ты совсем не такая, Ариэль Корта. Ты единственная и неповторимая доченька Мама Корты, ты избалована до крайности. Ты настоящая Лунная Принцесса; о-ох, ничего плохого ни в коем случае не должно случиться с Принцессой Ариэль! А этот твой вейпер? Хочется взять его и засунуть тебе в зад.

Да, платят целое состояние. Платят намного больше, чем я получала на поверхности с Карлиньосом. Я бы хотела туда вернуться. Я бы хотела вернуться в Боа-Виста. Там я знала, кто я такая. И да, Карлиньос... Но Мама-Босс придумала для меня особую работу, а Адриане КORTE не отказывают. И все же — Ариэль гребаная Корта!

По крайней мере это взаимно. Она меня ненавидит. Не столько ненавидит, сколько презирает. Ведь так говорят? Ну, в общем, это она и чувствует. Как будто я вообще неживая. Даже от бота больше пользы. Я дешевая и грязная пылевичка из Жуан-ди-Деуса, у меня нет шика, а вкуса еще меньше, меня к ней приставили вопреки ее воле, и она не может от меня избавиться. Я как бородавка на причинном месте.

Деньги поступят в ближайшие дни, обещаю. Наши банки с вашими чего-то там не поделили. Наши что-то такое сделали и стали более независимы от земной экономики, и земным банкам это не нравится. Но деньги есть деньги. Все образуется.

Итак, что ты думаешь о квартире?

— Это просто никуда не годится, — говорит Ариэль и постукивает Марину кончиком вейпера по плечу,

тали, бедрам. Тук-тук-тук.

Марина думает о том, как бы ей хотелось врезать подопечной, чтобы лицо приклеилось к задней стороне черепа. Кровь бурлит в переднем мозге. Потом успокаивается.

— Что не так с моей одеждой?

— Ты вырядилась как евангелистка, — говорит Ариэль. — Это Суд Клавия. Мои клиенты — лучшие люди в обществе... ну, самые богатые. У них есть определенные ожидания. У меня они тоже есть. Мой защитник одевается лучше. В общем, нет-нет-нет. — Ариэль воздерживается от постукивания вейпером. Она видит лаву в глазах Марины.

«Зачем в суде защитник?» — хочет спросить Марина, но принтер уже гудит.

— Мне в суд к одиннадцати, слушание по имущественному иску в двенадцать, ланч с моим старым коллоквиумом в тринадцать, — говорит Ариэль. — Встречи с клиентами с пятнадцати до восемнадцати, предварительное заседание по делу Акинделе в двадцать. Примерно в двадцать один я появлюсь на свадебной вечеринке у Чавла, а в двадцать два — на балу дебютанток, который устраивает Общество юристов. Сейчас десять, так что просто надень вот это и постарайся не свалиться с каблуков. — Ариэль хмурится.

— Ну что еще?

— Твой фамильяр.

— Хетти не тронь.

— Хетти. И кто же она?

— Косатка.

— Это животное... рыба?

— Мой тотемный анимус. — Это ложь, но Ариэль не поймет. Хетти вне досягаемости. Хетти неприкосновенна; отношения между женщиной и ее фамильяром не подвергаются чьим-то капризам или моде.

— Понятно. Религия. Полагаю, вот это все религия тебе не запрещает? — Ариэль вручает Марине букет ткани, мягкой и ароматизированной запахом свежей стирки, только что из принтера. — Что ты ищешь?

— Где бы переодеться.

Квартира Ариэль куда меньше и аскетичнее, чем Марина представляла себе. Белая. Много ровных поверхностей. Минималистское убежище от бесконечных голосов, цветов, шума и гама, людей, людей, людей? Единственное украшение — портрет размером во всю стену, блеклое изображение женского лица; должно быть, незнакомке поклонялись и сочинили о ней целую агиографию, но Марине Кальцаге все равно ничего об этом не известно. Закрытые глаза, несимметрично приоткрытый рот тревожат ее. Что-то в этой картине есть наркотическое и оргастическое.

Она берется за дверную ручку.

— Не туда, — говорит Ариэль так поспешно, что Марина решает позже разобраться, что за дверью. — Сюда.

Марина втискивается в платье. От обилия кружевных оборок ей делается душно. Корсаж нелеп. Как вообще в таком ходят, дышат? Куда спрятать оружие? Тазер в декольте, нож — в ножны на внутренней стороне бедра. Нельзя портить силуэт такого высококлассного наряда.

— Ноги.

— Что?

— Побрей их. И надо будет организовать для тебя перманентную депиляцию.

— Хрен вам.

Ариэль показывает ей пару прозрачных чулок.

— Ладно...

Открывая дверь ванной, Марина замечает, как Ариэль закидывает ее старую одежду в депринтер.

— Эй!

— Ежедневная печать. По меньшей мере. Мой брат — дикарь. Он бы полмесяца ходил в одном и том же скаф-трико.

Марина натягивает чулки на ноги, ставшие теперь гладкими. Надевает туфли. Даже при лунной гравитации ей ни за что не простоять в них больше часа. Это оружие, а не обувь.

Ариэль окидывает Марину придирчивым взглядом.

— Повернись.

Марина с трудом совершает пируэт. Своды обеих стоп уже ноют.

— Судя по виду, ты чувствуешь себя так же уютно, как монашка на вечеринке онанистов, но и так сойдет. Вот. — Ариэль протягивает ей мягкие балетки. — Секрет высшего общества. Положи их в сумку и, как только представится возможность, надевай. Просто позаботься о том, чтобы этого никто не заметил. Идем на работу.

Марине не привиделась легкая улыбка на губах Ариэль.

— Такое бывает?

— Ты о чем?

— О вечеринке онанистов.

— Корасан, ты теперь живешь в квадре Водолея.

Я провела в суде вот уже три дня и все равно не понимаю лунное право. Принцип мне ясен — его все схватывают на лету: нет ни уголовного, ни гражданского права, только контрактное. Я заключила десятки... нет, сотни контрактов. С большинством из них справляется Хетти, даже не уведомляя меня. Воздух и камни здесь пропитаны миллиардами контрактов, которые люди заключают ежесекундно каждый день. Контракт — это Пятый Базис. Суд Клавия, похоже, предназначен для того, чтобы избегать закона. Больше всего на свете им ненавистна идея о создании нового закона, потому что он все свяжет и отнимет свободу переговоров. Тут полным-полно законников, но не законов. Дела, которые рассматривает суд, — это затянувшиеся переговоры. Обе стороны торгуются из-за того, какие судьи будут председательствовать и сколько им следует заплатить. Они больше похожи на кинопродюсеров, чем на адвокатов. На первых заседаниях речь идет только о компенсации за необъективность — никто и не рассчитывает на беспристрастность судей, так что контракты и судебная процедура это учитывают. Иногда судьи сами платят, чтобы получить право судить. Обо всем можно договориться. У меня есть теория: вот по этой причине на Луне все такие сексуально раскрепощенные. Дело не в ярлыках вроде гетеро-, гомо-, би-, поли- или а-. Дело в тебе и том, что ты хочешь делать. Секс — это контракт между тем, кто трахает, и тем, кого трахают.

Суд Клавия — звучит очень величественно, не правда ли? На ум приходит мраморный дворец в римском стиле. А вот и нет, скажу я тебе. Это лабиринт туннелей, переговорных комнат и залов заседаний в самой старой части Меридиана. Воздух затхлый, пахнет лунной пылью и плесенью. Но в первую очередь сбивает с толку шум: сотни адвокатов, судей, истцов и прочих участников, все орут, предлагая свои услуги, рьяно добиваются, чтобы им дали работу. Это как в старых фильмах про биржи: мужчины в галстуках толкуются и выкрикивают заявки и предложения. Это правовой рынок. Ну так вот, ты нанимаешь адвокатов, судей, арендуешь зал заседаний. Потом надо решить, как будет проходить рассмотрение твоего дела — продаются не только адвокаты и судьи, но и системы правосудия. Итак, я наконец-то выяснила, для чего нужен «защитник». Защитник — это громила, обычно мужчина, обычно Джо Лунник, потому что мы физически сильнее. Совершенно не противоречит закону разобраться со спором посредством дуэли, или, если сам не хочешь драться, можно нанять кого-то, чтобы он сделал это за тебя. Вот он и называется защитником. Предположительно, Ариэль спровоцировала большую правовую бурю, объявив о суде посредством поединка и раздевшись до бойцовского трико перед всем судом. Я с трудом могу себе такое представить. Впрочем, она адвокат по бракам и разводам, так что, наверное, все не так уж странно.

Итак, я в суде с Ариэль, а это значит, что большую часть времени она проводит в каком-нибудь зале, разговаривая с другими адвокатами и судьями, а я сижу снаружи и играю в игры с Хетти. Или пишу посты для вас, ребята. Или просто пытаюсь разобраться в лунном праве без того, чтобы у меня мозг расплавился. Казалось бы, благодаря контрактам все должно складываться в стройную систему, но даже соглашения, не допускающие двойных толкований, противоречат лунному принципу о том, что все можно решить посредством переговоров, во всем есть что-то личное. Всегда должны существовать лазейки — в каждом контракте должно быть пространство для маневра. Лунное право не верит в вину или невинность, в абсолютную правоту или абсолютное зло. Я говорю: а это разве не означает, что вина возлагается на жертву? Нет, отвечает Ариэль, все дело в личной ответственности. Даже не знаю... Мне все это кажется похожим на анархию, но ведь система как-то работает. Дела решаются. Правосудие вершится, и люди выполняют предписания. Похоже, они куда больше довольны таким порядком, чем мы своими системами правосудия. На Луне нет апелляций; сама идея апелляции означала бы неудачные переговоры, что здесь равнозначно катастрофическому культурному шоку. И потому процессы тянутся долго, полны бесконечного трепа, но результаты выглядят надежными. Есть кое-что общее с земным правом: большая часть работы выполняется за ланчем.

Простите. Задремала. Сейчас два часа ночи, я на приеме — думаю, это прием или, может быть, презентация, — и Ариэль все еще говорит. Не понимаю, как она это делает день за днем. Нет ничего более утомительного, чем разговоры. Это безжалостно. Я вымоталась. Даже бегать больше не могу.

Я слышу, мама, как ты говоришь: разве Марина не должна хоть немного уважать Ариэль Карту? Ну, как адвоката — возможно. Что касается ее человеческих качеств, то вот что я скажу: похоже, у нее никогда не было партнера или даже мимолетной любовной связи. Ни единой. Ни разу. И меня это ничуть не удивляет.

* * *

— Это будет стоить тебе двадцать миллионов, — сообщает Ариэль.

— Немало для Суней, — говорит Лукас. Он рассердил сестру, вытащив ее в Боа-Виста, но терпеть потасовки адвокатов и судей, а также тяжущихся, с криками бегающих по коридорам Суда Клавия, ниже его достоинства. Дела семейства Корта решаются подальше от представителей общественного мнения, в уединенных комнатах отдыха, за коктейлями.

— Они начали с пятидесяти.

Токинью подсовывает Лукасу контракт для внимательного прочтения. Он проглядывает список главных положений.

— У нее будет доступ к Лукасинью.

— Я его предложила, чтобы подсластить пилюлю. Лукасинью, как и раньше, сам будет решать, общаться с ней или нет.

— Двадцать миллионов.

— Двадцать миллионов.

Лукас мысленным усилием подписывает контракт о разводе. Другим мысленным усилием приказывает Токинью перевести двадцать миллионов битси со своего счета финансовым ИИ «Тайяна» во Дворце Вечного Света. Ему всегда нравилось тяжеловесное достоинство названия, хотя он там побывал лишь однажды, после свадьбы, когда под руководством Аманды познавал запутанные уровни ее семьи. Столица Суней была самой старой на Луне, высеченной в стене, окаймляющей кратер Шеклтон, в нескольких километрах от южного полюса Луны, и здесь, над вечной тьмой в сердце кратера, почти всегда было светло. В самом низу находились залежи замерзших газов и органики, которые положили начало человеческому присутствию на Луне. Лукас это ненавидел. Контраст оказался слишком резким, слишком очевидным. Высокое и низкое. Тьма и свет. Холод и жар. Аманда устроила ему обязательную экскурсию в Павильон Вечного Света — башню, выстроенную на вершине горы Малаперт. Вечный свет пронзал световую камеру на вершине километровой башни. По пути туда, в кабине лифта вместе с Амандой, Лукас сжимал зубы, представляя себе, как радиация проникает через металлические стенки, проходит сквозь него, разрушая химические связи в керамике, пластике и человеческой ДНК. «Купайся в нем, — предложила Аманда, когда он ступил из кабины лифта в вечный свет, заливший стеклянную камеру. — Это единственное место в двух мирах, где никогда не заходит солнце». Каждая поверхность, каждый знак или предмет были выбелены светом. Лукас почувствовал, что его просвечивает насквозь, он как будто стал прозрачным, и его кожа сделалась бледной и болезненной. Он чувствовал, как воздух жарится на свету, месяц за месяцем, год за годом. Свет был безжалостен. «Подойди и посмотри», — сказала Аманда, но он не подошел вслед за ней к стеклу, чтобы полюбоваться панорамой всего лунного Южного полюса. Он думал о свете, выжигающем цвета, о жестоких ультрафиолетовых лучах, разбирающих молекулы стекла, фотон за фотоном. Он представил себе, как стеклянная камера лопается, словно упавший коктейльный бокал. «Подойди и посмотри на свет». Люди не созданы для вечного света. Людям нужна их тьма.

— Готово, — говорит Лукас, когда Токинью передает копию контракта Бейжафлор. — Свободен, но банкрот.

— Не говори ерунды, — отвечает Ариэль. — Никто из нас никогда не станет банкротом.

Жоржи завершает «*Manhã de Carnaval*» большим мажорным нонаккордом, поворачивается и бросает взгляд на ударника. Еле слышно шелестят метелки. Сет завершен.

Из своей кабинки в задней части клуба, озаренный синими биолампами, Лукас аплодирует. Большой мажорный нонаккорд — один из классических аккордов босы, истинный дух саудади, меланхолии под солнцем Рио. Ему не хватает решительности, и потому он вызывает удовлетворение. Аплодисменты Лукаса звенят в воздухе. Это единственные аплодисменты в зале. Клуб никогда не бывает полным, но во время сета эскольты Лукаса потихоньку выпроводили всех — тут кого-то похлопали по плечу, там кому-то шепотом что-то предложили. Жоржи вглядывается в огни.

Лукас подходит к сцене.

— Мы не могли бы...

Музыканты смотрят на Жоржи; он кивает. Ладно.

В кабинке ждет мохито, приготовленный по вкусу Жоржи.

— Хороший сет. Но сольные выступления у тебя получаются лучше. Ансамбль тебя сдерживает. Без них ты бы летал. Ты поэтому собрался в Царицу Южную?

— Я вот уже много месяцев хотел начать сольную карьеру. Там есть спрос. Небольшой, но достаточный. Буду играть босу на заказ.

— Так и надо.

— Ты меня в каком-то смысле вдохновил.

— Я рад. Мне бы не хотелось думать, что ты убегаешь от меня. — Лукас касается руки Жоржи на бокале; деликатно, почти со страхом. — Все в порядке. Я догадался о твоём ответе, когда ты не позвонил.

— Прости. Это было неправильно. Ты застиг меня врасплох... ты меня испугал. Я не знал, как быть. Я должен был остаться наедине с самим собой, чтобы подумать.

— Я опять холостяк, Жоржи. Я свободен от этого злобного никаха. Это мне стоило двадцать миллионов, и Сунни алчут еще двадцать за ущерб, нанесенный их доброму имени.

— Не говори этого, Лукас, пожалуйста.

— Не говорить, что я сделал это ради тебя? Нет. Что ты о себе возомнил? Нет, я это сделал ради себя. Но я тебя люблю. Я думаю о тебе, и у меня все горит внутри. Я хочу, чтобы ты присутствовал в каждой части моей жизни. Я хочу присутствовать в каждой части твоей жизни.

Жоржи прислоняется к Лукасу. Они касаются друг друга головами, их руки встречаются.

— Я не могу. В твоей жизни все как-то слишком. Твоя семья... вы же Корта. Я не могу стать частью вас. Я не смогу сидеть за главным столом рядом с тобой в день рождения твоей матери. Я не вытерплю всех этих взглядов и шушуканья. Мне не нужно их внимание. Я не хочу, чтобы, когда я буду играть, люди говорили: «Это око Лукаса Корты. Ну понятно, как он устроил концерт». Если я выйду за тебя, мне конец, Лукас.

В голове у Лукаса возникает с десяток ответов — сплошь колкости и жестокости.

— Я в самом деле тебя люблю. Полюбил в тот же миг, как увидел тебя в Боа-Виста.

— Пожалуйста, не надо. Я должен отправиться в Царицу. Пожалуйста, отпусти меня, позволь мне обрести там новую жизнь. Не ищи меня. Я знаю, ты можешь сделать все, что захочешь, но отпусти меня.

— А ты когда-нибудь...

— Что?

Эти слова также больно ранят, но крючки застревают у Лукаса в горле.

— Любил меня?

— Любил ли я тебя? В тот первый день, когда я пришел в твою звуковую комнату, я даже не мог настроить гитару, так сильно дрожали мои руки. Не понимаю, как я вообще сумел произнести хоть слово. Когда ты попросил меня остаться, тем вечером на балконе, я думал, у меня сердце разорвется. Я все время себя спрашивал: что если он хочет со мной трахаться? Я-то хочу. Дома, когда я дрочил, велел Жильберту увеличить твоё изображение, синтезировать твой голос. Разве от этого не бросает в дрожь? Любил ли я

тебя? Ты был моим кислородом. Я горел благодаря тебе.

— Спасибо. Это неправильно. «Спасибо» — слишком простое и слабое слово. Словами этого не передашь.

— Я не могу выйти за тебя, Лукас.

— Знаю. — Лукас встает, разглаживает одежду. — Прости за публику. Я их отослал. Я слишком привык все делать по-своему. Если ты отправишься в Царицу Южную, обещаю тебя не преследовать.

— Лукас...

Жоржи притягивает Лукаса к себе. Они целуются.

— Я буду прислушиваться к упоминаниям о тебе, — говорит Лукас. — Ты доставил мне такую радость.

Снаружи клуба он отпускает охранников и идет один к квадре Сан-Себастиан. Долгие бегуны пересекают проспект Эллен Очоа [\[38\]](#) по мосту на десятом уровне. Барабаны и напальчиковые тарелки, песнопения. Обычно Лукас высмеивает Карлиньоса за его преданность Долгому бегу, но этим вечером цвет, ритм, красивые тела находят щель в его доспехах. В некоем времени и пространстве суметь отказаться от собственного «я», очутиться вне пределов, ограниченных этим каркасом из плоти, заточенным в темнице из камня... Лукасу доводилось слышать, что некоторые Долгие бегуны теперь верят, будто именно они — тот двигатель, благодаря которому Луна вращается вокруг Земли. Этакая космическая беговая дорожка. Вера, должно быть, весьма утешает.

Квартира приветствует Лукаса и готовит мартини из его личного джина. Он идет в звуковую комнату. Ноты, слова и вздохи, паузы и обертоны, пойманные в ловушку между стенами и полом... На Луне нет призраков, но если бы они были, то оказались бы именно такими: пойманные слова, шепоты, впечатанные в камень воспоминания. Лишь в них Лукас мог бы поверить.

Бессловесный от утраты, он швыряет стакан о стену. Комната безупречно отражает звуки разбивающегося стекла.

Коды все еще действуют. Лифт отвечает его команде. Кабина дожидается в малоиспользуемом вестибюле возле главного входного порта в Боа-Виста. Он оставляет отпечатки в скопившейся за годы пыли на полу; он представляет себе, как механизмы рокогут, возвращаясь к работе после долгого бездействия. Купол непрозрачный, пыльно-серая полусфера, но он знает, что находится на поверхности. От прикосновения его фамильяра системы оживают. Он проводит пальцами по чановой коже, которой обиты кушетки, и оставляет следы в пыли; кресла, пробудившись, поворачиваются к нему. Он чувствует человеческий дух в старой пыли, покалывание электричества, слегка жженный запах поверхностей, которые годами бомбардировали солнечные лучи.

Медленно и очень официально Вагнер снимает с себя всю одежду. Он стоит обнаженный под высшей точкой купола, легко балансируя на пятках — в позе бойца. Его тело выглядит ужасно, все в лиловых синяках и ссадинах, в струпьях. Волчья любовь — жестокая любовь. Он дышит глубоко и ровно.

— Очистить стекло.

Купол становится прозрачным. Вагнер стоит голым на поверхности Моря Изобилия; пыль под его ногами сливается с пыльным реголитом, испещренным вечными отпечатками ног и следами шин. С валунами, которые стояли здесь еще до зарождения жизни. С далеким краем Мессье А.

Но Вагнер пришел сюда не поэтому. Он широко раскидывает руки и смотрит вверх. Полная Земля озаряет его своим сиянием.

Он всегда узнавал, когда Земля становилась круглой. В семь, восемь, девять лет от роду, свернувшись клубочком в своей постели глубоко в недрах Боа-Виста, он смотрел в потолок и не мог уснуть, потому что земной свет лучился внутри его головы. В десять, одиннадцать, двенадцать во время полной Земли он делался гиперактивным, раздражительным и склонным к ослепительным фантазиям. Доктора прописали лекарства от СДВГ. Мадринья Флавия бросила их в депринтер. Ребенка коснулась Земля, только и всего. Ни одно лекарство не сможет погасить этот яркий свет в небесах. Тринадцать. Полная Земля вызвала его из постели, через спящий Боа-Виста в этот лифт, в этот обзорный купол. Он закрыл дверь, разделся. Тринадцать — возраст, когда все меняется, и его тело делалось сильнее, длиннее, полнее. Он становился незнакомцем в собственной шкуре. Он стоял голым в земном свете и чувствовал, как тот дергает его, рвет, делит на двух Вагнеров Корта. Он запрокинул голову и завыл. Шлюз открылся. Вагнер запустил с десяток систем безопасности. Эйтур Перейра нашел его, голого, скрутившегося на полу, трясущегося и скулящего.

За все это время Эйтур ни слова не сказал о том, что обнаружил в обзорном куполе.

Вагнер купается в лучах голубой планеты. Он чувствует, как свет прижигает раны, снимает боль от синяков, исцеляет.

Над Тихим океаном струятся фрактальные завитки белых облаков. Синева земных океанов неизменно рвет Вагнеру сердце на части. Нет ничего более синего. Он никогда не сможет туда попасть. Он посвятил себя далекому божеству, к которому нельзя прикоснуться. Волки — небесные изгнанники.

Ночь уже коснулась нижнего лимба Земли, и его на волосок поглотила тьма. На протяжении следующих дней она будет карабкаться по лику мира. Темная половина жизни Вагнера все ближе. Он покинет это место, стая рассеется, каждый «нэ» превратится в «нее» или в «него». Он обнаружит в себе новые силы для концентрации и сосредоточенности, анализа и дедукции; вернется к Анелизе, и она увидит зажившие отметины, усеивающие его кожу, но не спросит, хотя вопросы останутся с ними навечно.

Вагнер закрывает глаза и упивается светом далекой Земли.

Карлиньос отслеживал рейдеров на протяжении вот уже тридцати шести часов по всему Морю Кризисов. Они нанесли первый удар в Свифте: три экстрактора уничтожены, пять обездвижены. Схема подрыва кумулятивных зарядов была очевидной. Пока Карлиньос вел байки-преследователи по следам шин, рейдеры ударили опять в Клеомеде F, в трехстах километрах к северу. Уничтожили мобильную базу дозаправки и техобслуживания. Два человека погибли. Карлиньос и его охотники, его касадорес — отборные пылевика и байкеры — прибыли и обнаружили тягач и обиталище со сквозными пятимиллиметровыми отверстиями в двух местах. Входные и выходные отверстия совпадали. Реактивные снаряды.

Два удара на расстоянии трехсот километров, на протяжении часа. На Луне нет призраков, но другие сущности могут одолевать подключенную и заново герметизированную базу: слухи, суеверия, чудовища. Маккензи телепортируются; они практикуют древнюю австралийскую магию; у них свой частный лунный корабль.

— Нет у них частного лунного корабля, — говорит Карлиньос, переключаясь со спутника на спутник. — Это транспортник ВТО «Сокол». — С орбиты узоры рассеяния в пыли видны четко. Карлиньос резервирует на время камеры «лунной петли» и во время второго прохода подъемника № 2 Сан-Жоржи замечает неправильность в тенях кратера Клеомед Н. Увеличение превращает пятнышко в безошибочно узнаваемые очертания лунного корабля. — Маккензи воспользовались их услугами.

Охотники Карлиньоса оседлывают свои байки и выезжают. Сан-Жоржи предсказал, что наиболее вероятной мишенью является самба-линия Эккерт; флотилия из шести первичных экстракторов,

движущаяся к юго-западной оконечности Моря Змеи. Касадорес выжимают из байков скорость до последней капли, пока над горизонтом не показываются ходовые огни платформ «Корта Элиу». Карлиньос исподволь направляет свою команду в тени медленно движущихся экстракторов. Орбитальные «глаза» Сан-Жоржи сообщают, что прямо за юго-восточным горизонтом только что приземлился лунный корабль. Карлиньос ухмыляется внутри своего шлема и отстегивает блокираторы на ножнах, которые носит на каждом бедре.

Три ровера. Восемнадцать налетчиков.

— Ждите, пока они выберутся из роверов, — приказывает он. — Нене, твой отряд разбирается с машинами.

— Тогда они окажутся в безвыходном положении, — возражает Гилмар. Он пылевик-ветеран, строил первые временные дороги вдоль гряды Мейсона. Бросить кого-то посреди лунной пустыни — это нарушение всех обычаев, это аморально. Дона Луна одинаково враждебна ко всем. Если ты спасаешь, могут спасти и тебя.

— У них имеется корабль, не так ли?

Метки ровера делятся на части. Налетчики начали действовать.

— Ждем, — говорит Карлиньос, подбираясь ближе к экстрактору № 3 и держась под его прикрытием. — Ждем. — Метки рассеиваются. Мишеней много. Места много. — Взять их!

Шесть байков заводятся; колеса взметают пыль. Карлиньос круто объезжает экскаватор и сталкивается с ближайшей меткой. Фигура в пов-скафе замирает от неожиданности. Карлиньос вытаскивает нож.

— Гамма хуш, — говорит Лусика Асамоа.

— Уш, — поправляет Рафа. — Гама-уш. Это по-французски.

— По-французски... — повторяет Лусика.

— Если точнее, — говорит Рафа, — *gamahuche*.

— Не уверена, что запомнила. Я лучше учусь посредством практического опыта. Хуш? — Она переворачивается поверх Рафы, подсовывает ноги ему под плечи и, тихонько охнув от усилия, зажимает его голову меж своих бедер.

— Уш, — говорит Рафа, и она кончает ему на язык.

Рафа всегда любил Тве. Он шумный, анархичный, и его устройство лишено смысла — хаотичный лабиринт обиталищ и аграриев, где тесные туннели внезапно утыкаются в крутые обрывы трубоферм, а жилые помещения с низкими потолками граничат с зарослями фруктовых кустов, озаренными лучами света, которые посылают вниз зеркала, следящие за солнцем. Бурлит вода, стены влажные от конденсата, в воздухе витает густой запах гнили, удобрений и брожения с ноткой дерьма. Здесь легко заблудиться; заблудиться здесь — благо. Десятилетний Рафа во время первого визита в Тве славно заблудился. Резкий поворот увел его от толпы высоких людей в места, где жили только листья и свет. Охранники Корта и Асамоа бегали по туннелям, звали его по имени, боты шныряли по потолкам и проходам, слишком узким для взрослых, но весьма заманчивым для детей. Рафу нашли компьютерные программы — он лежал на животе возле пруда в аграрии и пытался сосчитать, сколько тилапий плавали там кругами. До этого он ни разу не видел живых существ. Годы спустя Рафа понял, что визит был династическим, Адриана прощупывала возможности для заключения брачного союза между «Корта Элиу» и Золотым Троном. Для

Рафы, как ни крути, все дело было в рыбе.

— Здесь, — сказала Лусика.

— Здесь?

Но она уже заперла дверь, воспользовавшись новыми протоколами Золотого Трона, и стянула с себя платье.

Предлогом была игра «Жуан-ди-Деус Мосас» против женской команды «Черные звезды». Робсон с юных лет болел за Жуан-ди-Деус, и пришло время вовлечь Луну в игру. И это ведь Тве: мы можем увидеться с тиа Лусикой, Роб; с твоей мамайн, анзинью. Разве это не здорово? Лусика встретила их на станции. Луна бежала к ней через всю платформу. Робсон показал ей хороший карточный фокус. Рафа подхватил ее и сжал в объятиях так крепко, что она ахнула и прослезилась. В перерыве между таймами на Арене АКА дети с охранниками отправились покупать мармеладки-досес, а Рафа сунул теплую руку меж бедер жены и сказал: «Я буду тебя трахать, пока ты не захочешь умереть».

«Валяй», — ответила она.

И вот на теплом влажном мхе Лусика Асамоа оседлывает лицо Рафы Корты, и он поедает ее изнутри. Гамауш. Он языком обводит головку ее клитора, длинными взмахами вынуждает его выдвинуться, чтобы поиграть. Ласкает. Мучает. Она трется вульвой о его лицо. Рафа давится и смеется. Он тыкается носом, он изучает, он проникает и ретируется. Он быстр, он медленен. Лусика танцует в такт с его языком, обнаруживает синкопы и диссонансы, содрогаясь от удовольствия. Это длится — как будто бы — часами. Она испытывает оргазм четыре раза. Он даже не просит ее об ответном минете. На этот раз он делает ей подарок.

— Мне так этого не хватало. — Лусика слезает с Рафы и лежит на спине, озаренная светом, проникающим сквозь листву. По мягким бороздкам на листьях стекают крупные капли теплого конденсата, повисают как жемчужины, набухают и медленно падают на ее тело. — Ты практиковался? — Лусика ловит капли на ладонь и бросает Рафе в лицо.

Он смеется. Он был хорош. В никахи не вносят положения о верности, но есть правила. Нельзя говорить о любовниках и любовницах. Нужно дарить друг другу лучшее. После такого пиршества он измотан. У него болят челюсти. Ему надо прополоскать рот и сплунуть, но подобное было бы непростительно. Он нуждается в перерыве между блюдами. В антракте. Высоко над ними зеркала медленно поворачиваются за долгим солнцем, отбрасывая тени на лицо Рафы.

— У нас час до того, как мадринья Элис вернется с Луной и Робсоном, и даже тогда я легко могу ей позвонить и сказать, чтобы заняла их еще на час или два. Если у меня будет для этого причина. Что скажешь?

Рафа перекачивается на спину и, моргая, глядит на ослепительные зеркала. Лусика плавно оседлывает его.

— Итак, в чем еще ты практиковался?..

Карлиньос держит нож горизонтально на расстоянии вытянутой руки. Саботажник Маккензи вскидывает руки, защищаясь. Карлиньос Корта умеет ухаживать за лезвиями, и такое лезвие — ухоженное, любимое — в сочетании с такой движущей силой отсекает правую руку чуть ниже локтя. Шансов к выживанию — ноль.

Карлиньос опускает ботинок на землю и разворачивает байк вокруг переднего колеса, наметив следующую цель. Сан-Жоржи рассеивает жизненные показатели по всему щитку его шлема; дыхание, кровяное давление, адреналин, пульс, нейронная активность, острота зрения, уровень соли, сахара и O₂ в

крови. Карлиньосу не нужны эти картинки от фамильяра. Он пылает.

Его кавалерия на пылевых байках завершила первую атаку. Пятеро Маккензи повержены, остальные убегают. Роверы спешат во весь опор, чтобы их эвакуировать. Рейдерская группа разбита. Карлиньос рукой с ножом рисует круг в воздухе: «Объезжаем их, и снова в атаку».

— Оставьте их! — кричит Гилмар по общему каналу. — Они удирают.

Роверы раскрываются, рейдеры Маккензи выкидывают оборудование для саботажа, впопыхах занимая места и застегивая ремни безопасности. Пылевые байки легко их догоняют. Сан-Жоржи накладывает на изображение иконку воронцовского корабля, который взлетает из-за горизонта и спешит на помощь. Ну и пусть. Бой с лунным кораблем — стоящий бой.

Два ровера мчатся прочь, вздымая арки пыли; один из рейдеров приседает возле третьего ровера, целясь из длинной металлической штуковины. Дергается от отдачи. И голова Фабиолы Мангабейра взрывается. Ее тело слетает с байка; машина несется дальше, мертвая женщина кувыркается в ореоле осколков стекла и пластика, костей и мгновенно замерзших капель крови. Ее имя на щитке Карлиньоса становится белым.

— У них гребаная пушка! — кричит Гилмар. Стрелок выбирает новую мишень. Беззвучная отдача. По щитку Карлиньоса пролетает ярко-красная термальная отметка. Выстрел попадает Тиаго Эндресу в плечо. Не в голову, не насмерть, но все равно фатально. Пов-скафы могут исцелять, но не такие сильные повреждения и не так быстро. Тиаго спазматически дергается на реголите, кровь его фонтаном вылетает в вакуум и замерзает толстым и блестящим слоем льда. Еще одно имя белеет.

Пушка поворачивается к Карлиньосу. Он бросает байк в занос, сам скользит по пыли. Потом видит, как Гилмар на полной скорости врывается в стрелка. Гилмар бьет сильно, жестко. Стрелок падает под колесами, руки и ноги дергаются; байк встает на дыбы, и Гилмар его опускает. Массивная шина ведущего колеса рвет пов-скаф, кожу, плоть, ребра. Пушка кувыркается куда-то в сторону.

Карлиньос бежит следом за своим удирающим байком.

— За ними, догнать их!

Третий ровер складывает корпус как раковину и уезжает, ускоряясь. Карлиньос стоит в медленно оседающем облаке пыли, в каждой руке у него по ножу, и он орет.

— Дай им уйти, мать твою! — вопит Гилмар.

Карлиньос подходит к трупам стрелков. Ткань, кости, внутренности. Карлиньос размышляет над увиденным на протяжении долгих ударов сердца; хрупкость этой вязкой массы, запекшаяся кровь, безраздельность разрушения. На Луне любое ранение фатально. Судя по всему, это была женщина. Из них часто получаются лучшие снайперы. Потом он поднимает ботинок, чтобы с силой опустить его на шлем и раздробить череп. Гилмар хватается за руку и рывком оттаскивает в сторону. Карлиньос отпрыгивает, вскидывает ножи.

— Карлу, Карлу, все кончено. Убери ножи.

Он не видит. Кто это? Показатели зашкаливают. Весь щиток красный. Что ему сказали? Что-то про ножи.

— Я в порядке, — говорит Карлиньос. Пыль осела. Остальная команда ждет его, держась на расстоянии не то в почтении, не то в испуге. Кто-то привел назад его байк. Земля дрожит; из-за горизонта взлетает лунный корабль на бриллиантовых струях реактивного пламени, сверкая огнями, с тремя роверами, прижатыми к брюху. Карлиньос замахивается на него ножами, рыча от двулезвийного бессилия

на огни в небесах. Корабль поворачивается и исчезает. — Я в порядке. — Карлиньос убирает ножи в ножны, сначала один, потом другой.

Карлиньос полюбил нож еще в юности. Его охранники играли: тыкали острием ножа между растопыренными пальцами. В восемь лет Карлиньос понимал и ставки, и манящую притягательность этого занятия. Он осознал малую летальность, простую точность и то, что в ножах не было ничего сложного или ненужного.

Как и братья с сестрой, Карлиньос Корта учился бразильскому джиу-джитсу. «Он не выкладывается, — доложил Эйтур Перейра Адриане. — Он шутит и дурачится, не принимает занятия всерьез». Карлиньос не принимал джиу-джитсу всерьез, потому что оно и было для него несерьезным. Слишком близко, слишком недостойно, и дисциплина, которую мастер требовал от ученика, была ему отвратительна. Он желал оружия быстрого и опасного. Он жаждал изящества и насилия; придатка собственного тела, продолжения собственной личности.

После того как мадрина Флавия застучала его за печатью боевых кинжалов, Эйтур Перейра послал Карлиньоса к Мариану Габриэлу Демарии, в Школу Семи Колоколов в Царице Южной. Там учили всем тайным умениям; воровству, скрытности и убийствам, мошенническим трюкам и ядам, пыткам и мучениям, стезе двух ножей. Карлиньос среди охранников-фрилансеров и телохранителей почувствовал себя как дома. Он обучился владеть ножом одной рукой и двумя, атаковать и защищаться, ловчить и ослеплять; побеждать и убивать. Он сделался быстрым и худым, мускулистым и грациозным как танцор. «„Корта“ по-испански означает „режущий“, — сказал Мариану Габриэл Демария. — Теперь попробуй пройти по Тропе Колоколов».

В сердце Школы Семи Колоколов располагался лабиринт старых служебных туннелей, погруженный во тьму. В лабиринте висели семь колоколов, которые и дали учебному заведению Мариану Габриэла Демарии его название. Пройди по лабиринту, не задев ни один колокол, — и ты закончил обучение. Карлиньос потерпел поражение на третьем колоколе. Он неистовствовал три дня, а потом Мариану Габриэл Демария вызвал его, усадил перед собой и сказал: «Ты никогда не будешь великим. Ты младший брат. Ты никогда не будешь командовать компаниями или бюджетами. Ты полон гнева, мальчик, ты от него опух, как фурункул. Идиот велел бы тебе использовать этот гнев, но идиоты в Школе Семи Колоколов умирают. Ты не самый сильный, не самый умный, но ты тот, кто будет убивать ради семьи. Прими это. Никто другой на такое не способен».

Карлиньос Корта еще четыре раза пробовал пройти по Тропе Колоколов. На пятый раз он это сделал в полной тишине. Мариану Габриэл Демария подарил ему парные ножи ручной работы, из лунной стали; сбалансированные, красивые и заточенные так хорошо, что смогли бы рассечь и мечту.

У Карлиньоса ушло пять лет, чтобы понять: Мариану Габриэл Демария был прав. Гнев его никогда не покинет. Ему ни за что не отыскать тропу, уводящую в другую сторону. Что бы там ни болтали мозгоправы. Надо принять то, что есть. Просто принять.

В отремонтированной базе Карлиньос играет с ножами, снова и снова, крутит их в пальцах, вертит, бросает и ловит, а снаружи висят на крючках упакованные вакуумом трупы, их углерод и вода теперь собственность Корпорации по развитию Луны. И он зол, он по-прежнему очень зол.

Сестры разочаровали Лукаса Кортю. Токиню привел его к промышленному комплексу на Восточном 83-м квадрате Армстронга в Хэдди. Стекло, обычное и пористое, окна в полный рост, стандартные клетушки, утилитарные коммуникации, предметы обстановки — из каталога быстрой печати, типичный ИИ-

рецепционист. Освещение мягкое, сдержанное, полного спектра. В воздухе витают ароматы кипариса и грейпфрута. Тут мог бы обосноваться бюджетный косметолог или пристанище разработчиков, трудящихся за почасовую оплату. Хэдли всегда был дешевым городишкой, пристанищем для тех, чей бюджет нуждался в снисхождении. Но Токиню настаивает, что это Материнский дом Сестер Владык Сего Часа; их террейру.

И они заставляют его ждать.

— Я майн-ди-санту Одунладе Абоседе Адекола. — Невысокая, полненькая йоруба с головы до ног в белых одеждах Сестринства. На шее десятки бисерных бус и серебряных амулетов. Пальцы унизаны кольцами; она протягивает руку Лукасу. Он не целует. — Сестры Мария Падилья и Мария Навалья. — Две женщины по обеим сторонам от майн-ди-санту приседают. Они моложе и выше преподобной матери; одна бразильянка, другая из Западной Африки. Красные головные платки. Лукас вспоминает наставления мадриньи Амалии: это фильос-ди-санту уличных Эшу и Помба-Жир.

— Мы сообщество без фамильяров, — говорит сестра Мария Навалья.

— Разумеется. — Лукас изгоняет Токиню.

— Это честь для нас, сеньор Корта, — говорит мать Одунладе. — Ваша мать — великая сторонница нашего труда. Полагаю, из-за этого вы к нам и пришли.

— Вы прямолинейны, — замечает Лукас.

— Скромность — для детей Авраама. Я сокрушаюсь по поводу того, как жестокосердно вы обошлись с мадриньей Флавией. Заставить эту милую женщину страшиться за свое дыхание...

— Этот вопрос теперь вне моего ведения.

— Я так и поняла. Прошу.

Сестры Мария Падилья и Мария Навалья приглашают Лукаса в примыкающую комнату. Диванчики, прочая мебель бюджетной печати, слегка рассеянный белый свет. Лукас в своем темно-сером костюме демонстративно двуцветен. Он не сомневается, что глубоко за этими заурядными стенами спрятано святилище, куда попадают весьма немногие верующие, а неверующему путь заказан.

Металлическая чашка с травяным отваром.

— Мате?

Лукас нюхает, отодвигает угощение в сторону. Мать Одунладе чинно потягивает чай через серебряную соломинку.

— Это мягкий стимулятор и средство для концентрации внимания, — поясняет она. — Мы разрабатываем и экспортируем духовные травяные отвары на Землю — в виде файлов для принтера. Все, от легкой эйфории до полноценных галлюциногенов, в сравнении с которыми аяуска покажется лимонадом. Их крадут пираты в тот самый момент, когда информация попадает в сеть, но мы считаем своим долгом дарить миру новые религиозные ощущения.

— Моя мать за последние пять лет отдала вашей организации восемнадцать миллионов битси, — говорит Лукас.

— И мы за это очень благодарны, сеньор Корта. Религиозным орденам на Луне открываются уникальные возможности в сопровождении таких же уникальных трудностей. Вера должна дышать. Наши спонсоры включают Я-Деде Асамоа, Орла Луны, а на Земле — Униан до Вежеталь[39], Ифа-Пятидесятническую церковь Лагоса и Фонд Долгого часа[40].

— Я знаю.

— Она так и говорит, что вы прилежный.

— Не пытайтесь относиться ко мне покровительственно.

Присутствующие Сестры оскорбленно вскидываются.

— Простите меня, сеньор Корта.

— Есть ли смысл просить, чтобы мы продолжили разговор наедине?

— Никакого, сеньор.

— Но я и впрямь прилежен. Я сын, который не позволит матери тратить деньги на жуликов и мошенников.

— Это ее собственные деньги.

— Чем вы занимаетесь, мать Одунладе?

— Сестринство Владык Сего Часа — синкретическое лунно-афробразильское религиозное общество, которое занимается почитанием ориша, помощью бедным, духовными практиками, подаянием и медитацией. Также мы принимаем участие в генеалогических исследованиях и социальных экспериментах. Вашу мать интересует последнее.

— Расскажите.

— Сестринство занимается экспериментом, цель которого — произвести социальную структуру, которая продержится десять тысяч лет. Он включает генеалогии, социальный инжиниринг и манипуляцию родословными. Европейцы видят на Луне человека; ацтеки — кролика. Китайцы — зайца. Вы видите бизнес и выгоду, ученые Невидимой стороны — окно во Вселенную, а мы видим социальный контейнер. Луна — безупречная социальная лаборатория; маленькая, самодостаточная, связанная ограничениями. Для нас это отличное место для экспериментов с разновидностями общества.

— Десять тысяч лет?

— Столько времени понадобится человечеству, чтобы сделаться независимым от этой солнечной системы и эволюционировать в по-настоящему межзвездный вид.

— Это долгосрочный проект.

— Религии оперируют вечностями. Мы работаем с другими группами — некоторые религиозные, некоторые философские, есть и политические, — но у нас у всех одна цель: человеческое общество, достаточно крепкое и достаточно гибкое, чтобы отправиться к звездам. Мы развиваем пять больших социальных экспериментов.

— Пять.

— Вы правильно поняли, сеньор Корта.

— Моя семья — не какая-нибудь кучка лабораторных крыс.

— Со всем уважением, сеньор Корта, но так и есть...

— Моя мать бы никогда не подвергла своих детей такому унижению...

— Ваша мать имела фундаментальное значение для эксперимента.

— Мы не эксперимент.

— Мы все эксперимент, Лукас. Каждый человек — эксперимент. Ваша мать — не только выдающийся инженер и промышленник, она еще и социальный визионер. Она увидела, какой ущерб Земле нанесли

национальные государства, имперские амбиции и трайбализм групповой самоидентификации. Луна была шансом попробовать что-то новое. Люди еще никогда не жили в более требовательной и опасной среде. Но вот мы здесь — полтора миллиона человек в наших городах и обиталищах. Мы выжили, мы процветаем. Те самые ограничения, что свойственны нашей среде, заставили нас адаптироваться и измениться. Земля наделена особыми привилегиями. В остальной Вселенной будут жить такие, как мы. Вы эксперимент, Асамоа — эксперимент, Суни — эксперимент, Маккензи — эксперимент. Воронцовы — исключительный эксперимент: что случится с человеческими телами и сообществом людей после десятилетий невесомости? Эксперименты соревнуются друг с другом. Это в каком-то смысле дарвинизм, полагаю.

Лукаса такое допущение возмущает. Он манипулятор, а не тот, кем манипулируют. Но он не может отрицать того, что Пять Драконов отыскиали пять очень разных способов, позволяющих выжить и обрести процветание на Луне. Его коллеги среди Воронцовых не подтверждали, но и не опровергали легенду о том, что Валерий Михайлович Воронцов, старый спец по ракетной технике с Байконура, в ходе десятилетий свободного падения на борту циклера «Святые Петр и Павел» превратился во что-то странное, нечеловеческое.

— Почему одна из ваших сестер навещает мою мать?

— По просьбе вашей матери.

— Почему?

— Вы шпионите за братом, но не за матерью?

— Я уважаю мою мамайн.

Сестры смотрят друг на друга.

— Ваша мать исповедуется, — говорит мать Одунладе.

— Я не понимаю.

— Ваша мать умирает.

Моту закрывается вокруг Ариэль Корты. Она поднимает руку: такси открывает щелочку, чтобы Ариэль было слышно.

— Прошу прощения?

— Мне чуть палец не отрезало! — Моту закрылся быстро и резко прямо перед носом у Марины.

— Мы бы компенсировали. Дорогая, не начинай опять. Ты не можешь пойти со мной.

— Я должна пойти с вами, — говорит Марина. Этим утром принтер выдал в лоток мужской костюм в стиле фламенко. Марине весьма нравятся брюки, хотя она никак не может прекратить тянуть жакет вниз, чтобы прикрыть бедра и зад. Некоторое время назад она хакнула туфли. Не дурацкие шпильки. Они защищены от взлома. Настоящие туфли; там добавила строчку кода для удобства, тут — для того, чтоб лучше сидели, переписала подошвы, чтобы не скользили и пружинили. Получились такие боевые лодочки.

— Я тебе приказываю.

— Я вам не подчиняюсь, леди. Я подчиняюсь вашей матери.

— Ну так ступай и доложи ей. — Ариэль закрывает моту. Не успевает она проехать и квартал, как Хетти вызывает второе такси и приказывает ему следовать за Ариэль.

Когда моту Марины открывается, Ариэль театрально курит. Они находятся возле старой постройки на 65-м Западном уровне квадры Ориона, расположенной в разумной близости к хабу, но невзрачной — сразу и не заметишь. Это намеренно, думает Марина. «Лунарианское общество», — сообщает ей Хетти.

— Закрытый клуб, — сообщает Ариэль.

— В клубы впускают охрану.

— В этот — нет.

— Я пойду за вами.

Ариэль поворачивается к ней и яростно шипит:

— Ты можешь, бога ради, хоть раз сделать то, что я прошу? Всего один раз?

Марина скрывает удовлетворение. В яблочко.

— Ладно. Ладно. Но вы должны кое-что знать.

— Ну что еще? — рычит Ариэль.

— У вас на левой икре стрелка на чулке.

На мгновение кажется, что Ариэль вот-вот взорвется — глаза у нее лезут из орбит, как при внезапной разгерметизации. Потом она начинает безудержно смеяться.

— Будь душкой, сбегай к общественному принтеру и достань мне пару, — командует Ариэль. — Бейжафлор передаст файл для печати.

— А что такого в... — начинает Марина. «Не заканчивай». Хетти ведет ее к ближайшему принтеру уровнем ниже. Ариэль усердно изучает чулки, а потом сдирает старые и надевает новые.

— Разве не стоило отыскать менее публичное место? — интересуется Марина. Она позволяет себе делать замечания о том, что не касается наемной работницы.

— О, ради всего святого, не будь такой земной. — Ариэль расправляет платье, бросает вокруг долгий взгляд женщины, которая постоянно находится в объективе общественных камер. — Я вернусь через час.

Видья Рао ждет Ариэль в вестибюле. Ариэль с отвращением окидывает взглядом Лунарианское общество. Тут ковер. Она презирует ковры. Этот тошнотворно-зеленый, в пятнах, износившийся от того, что десятки лет по нему ходили, а чистили недостаточно часто. Диваны с обивкой из чановой кожи, в заплатах, такой старой модели, что она уже отслужила свой срок в качестве ретро и канула в окончательное забвение. Тусклое освещение. Вокруг витает дух коллегальности и конформизма, как в старом доме коллоквиума, собравшегося по какому-нибудь замшелому поводу. Ариэль подозревает, что здесь есть массы воздуха, которые циркулируют по помещению годами, как джинны.

— Прошу. — Видья Рао указывает на скопище диванчиков вокруг низкого столика. — Что-нибудь выпьете?

— «Кровавую Мэри», — говорит Ариэль и раскрывает вейпер. Бот приносит напиток для нее и воду — для банкира. — Будет кто-то еще?

— Боюсь, только я, — отвечает Видья Рао. Э кладет руки на колени; пальцы чуть изогнуты, поза энергичная. Ариэль потягивает «кровавую Мэри».

— Что ж, за успешные переговоры. — Видья Рао поднимает бокал. Ариэль салютует в ответ. — Ну и представление вышло. Ваша матушка в порядке?

— О моей матери сложно что-нибудь сказать. У нас новая корпоративная структура.

— Знаю.

— Ваши Три Августейших это предсказали?

— Я завсегдатай каналов, посвященных сплетням.

— Зачем я здесь, сер Рао?

— Помните, когда мы встречались в последний раз, я сказала, что мы желаем вас купить?

— Назовите цену.

— Лунарианское общество проводит исследование. Мы это делаем регулярно; обрисовываем различные ситуации, связанные с независимостью Луны; экономические, политические, социальные, культурные, экологические. Нам нравится, когда нас поддерживают.

— И на что я подписываюсь?

— Это политическая бумага, составленная мною, Майей Йеп, Роберто Гутьерресом и Юрием Антоненко. Мы постулировали три альтернативные структуры для отмены КРЛ и установления лунного самоуправления в диапазоне от полной представительной демократии до микрокапиталистического анархизма.

Ариэль допивает «кровавую Мэри». Нет завтрака вкусней.

— Кажется, при нашей последней встрече мною было сказано, что я — Корта и мы не играем в демократию.

— Именно в таких выражениях. Это всего лишь документ. Мы не просим вас подписать собственной кровью декларацию независимости.

— Что ж, если мне не придется ничего читать... — говорит Ариэль и вручает пустой бокал ждущему служебному боту.

* * *

«Прибыл трамвай Лукаса», — сообщает Йеманжа.

— Оставьте меня, — говорит Адриана Эйтуру Перейре и Элен ди Браге. Элен перед уходом кладет руку поверх руки Адрианы.

— Все в порядке, — говорит Адриана. Лукас не станет гневаться, как Рафа; не будет ни криков, ни истерик, ни обид. Но он придет в ярость. Адриана ждет в павильоне Носса Сеньора да Роча, пред ликом Ошум.

Двое целуются, как всегда послушные долгу.

— Почему ты мне не доверилась? — Он прямолинеен, конечно. Не скрывает, что считает это личным предательством. Сильный козырь. Он был прилежным сыном — и ему солгали.

— Мне бы пришлось рассказать остальным. Я бы не сумела скрыть такое от Рафы.

— Я всегда был благоразумным.

— Да, Лукас, ты был благоразумным. Никто другой не был так благоразумен и так достоин доверия.

— И не сделал больше для компании. — Адриана знает, какой у него главный козырь, но сейчас разыгрывать валета угрызений совести рановато. — Когда ты собиралась нам рассказать? На очередном

семейном празднике? На дне рождения Луны?

— Лукас, хватит.

— Ну так когда же, мамайн?

— Прекрати, Лукас. Мне невыносимо видеть тебя таким.

Лукас проглатывает свой гнев, опускает голову.

— Сколько осталось?

— Недели.

— Недели?!

— Я бы сказала вам перед тем, как...

— Чтобы времени хватило попрощаться. Спасибо. Что, по-твоему, мы должны были сделать, когда узнаем?

— Это бы все изменило. Я вижу, как ты на меня смотришь теперь, а ты узнал обо всем когда? Пять часов назад? И я уже не твоя мать, не Адриана Корта. Я ходячий труп.

Смотреть в глаза жалости было еще хуже, чем смотреть в глаза смерти. Адриана не выносит жалости, ее скулежа, ее заботливости, ее терпеливой улыбки или бурлящего негодования. «Не смей меня жалеть». Эта смерть принадлежит ей одной. Она не позволит никаким заботам или обидам посягнуть на нее. Дети отнимут у нее смерть, изменят ее форму и суть, будут ею управлять, пока сама Адриана не покорится и не станет старухой, умирающей в кресле.

— Я больше никому не сказал.

— Спасибо.

— Мне пришлось узнать обо всем от Сестер Владык Сего Часа.

— Не стоило тебе подвергать опасности их финансирование. — Когда поезд Лукаса покинул центральный вокзал Хэдли, майн Одунладе связалась с Адрианой. Лукас знает причину визитов ирман Лоа. Лукас выведал у нее информацию, угрожая лишить финансирования после смерти Адрианы. Адриана в ярости из-за того, что устроил Лукас. Он всегда был бандитом в шелковых перчатках. Что бы она ни натворила, у нее есть право сердиться из-за случившегося.

— Тебе не следовало втягивать нашу семью в династические игры.

— Лукас, династии — это самое важное, и всегда так было. Я хотела лучшего для вас всех. Для семьи.

Это он признает. Лукас всегда боролся за семью. Теперь он разыграет свою карту. Адриана его к этому принудила.

— Так ты ради семьи назначила Ариэль наследницей «Корта Элиу»?

— Да.

— Не Рафу. Не...

— Тебя?

— Рафа задушит компанию насмерть. Ты это знаешь. У Ариэль своя жизнь и своя карьера. Думаешь, она захочет стать хвэджаном «Корта Элиу»?

— Может, и нет, но я решила так, как решила. После моей смерти Ариэль станет главой компании. Она не будет хвэджаном. Я изобрела для нее новый титул и исполнительную власть. Вы с Рафой сохраните

свои посты и полномочия. Вы все будете работать вместе.

— Эту идейку тебе Сестры нашептали?

— Лукас, это ниже твоего достоинства.

— А как же мы?

— «Мы»? Ты и Рафа?

— Мы — ты и я, мамайн.

— Лукас, Лукас, вот поэтому-то я и хотела, чтобы вы все узнали после моей смерти.

— По-моему, я заслужил объяснения.

— Это Луна. Ничего ты не заслужил. Ариэль будет чхвеко «Корта Элиу».

— Как я уже говорил, никто об этом не знает. Пока что.

Адриана знала, что в конце концов он так поступит, но манипуляция, завуалированная угроза, все равно заставляет ее затаить дыхание.

— Вот почему я создала между тобой и тронем настолько большую дистанцию, насколько сумела, Лукас.

Это был нож. Это рана, которая не заживет. Уголки рта Лукаса вздрагивают.

— Я не дам тебе так поступить.

— Я не твой враг, Лукас.

— Если ты действуешь вопреки насущным интересам «Корта Элиу» — тогда да, враг. Даже ты, мамайн. Ты меня обидела, мамайн. Я и помыслить не в силах рану глубже этой. За такое я тебя не прощу.

Он встает, поджимая пальцы, и кланяется матери. Никаких поцелуев на прощание. В воздухе подрагивает радуга, рожденная брызгами от водопадов Боа-Виста.

— Лукас.

Он уже на полпути к станции челнока.

— Лукас!

«Могу я войти?»

«Лукас, пожалуйста, не надо. Ты меня не переубедишь».

«Я не собираюсь тебя переубеждать».

Лукас стоит перед дверной камерой Жоржи, и ему кажется, что все кости в его теле точно обломки в слое под реголитом, и лишь сила воли не дает им рассыпаться.

«Входи. Ох, ну входи же».

Он не говорит, ни единым словом не выдает опустошение внутри, но Жоржи прижимает его к себе, обнимает, целует. Не отпускает. Долго не отпускает — в этой дурно пахнущей комнатенке, в маленькой постели.

После Лукас кладет голову Жоржи на живот. Для музыканта он в хорошей форме, как ухоженный и настроенный инструмент.

Квартирка у него убогая, высоко на «стропилах» квадры Санта-Барбара; комнаты малюсенькие,

тесные, в воздухе мало кислорода. Кровать целиком занимает одну из комнат. На стене висит гитара и смотрит, точно икона или портрет какого-то другого возлюбленного. Она заставляет Лукаса чувствовать себя неудобно; резонаторное отверстие кажется глазом циклопа или разинутым в ужасе ртом.

— Твоя мать еще жива?

— Нет, умерла во время лунотрясения в кратере Аристарха. — Лукас чувствует нежный ритм слов Жоржи, его дыхания и его сердца. — Она работала на вас. Селенологом была. Лунные камни, пыль и все такое.

Легкие сотрясения регулярно случаются на Луне; приливные силы, последствия метеоритных ударов, термальное расширение холодной коры, согревающейся в лучах нового солнца: слабые толчки, долгая и медленная тряска, напоминающая людям, которые ползают по червоточинам в шкуре Луны, о том, что она отнюдь не мертвый каменный череп в небесах. Дребезжащий грохот, беспокойно вскидывающий пыль. Раз в несколько месяцев небесное тело сотрясают более мощные толчки: сейсмы, зарождающиеся на глубине в двадцать, тридцать километров, от которых люди бросают свои дела в подземных городах, трескаются стены и газонепроницаемая изоляция, отключаются линии электросетей и лопаются рельсы. Лунотрясение, о котором говорит Жоржи, обрушило базу техобслуживания и научных исследований в кратере Аристарх и похоронило двести человек. Базу строили быстро и дешево. В Суде Клавия еще шли кое-какие слушания о компенсациях.

Лукас поворачивает голову, чтобы взглянуть на Жоржи.

— Мне жаль...

— Тебе повезло, — говорит Жоржи. — Повезло, что она у тебя есть.

— Знаю. И я буду за ней присматривать, защищать ее, я буду тем, кто сидит рядом с нею и держит ее за руку.

— Ты ее любишь?

Лукас садится. В его глазах гнев, и на миг Жоржи пугается.

— Я всегда ее любил.

— Не стоило мне спрашивать.

— Стоило. Никто никогда не спрашивал. Я каждую неделю навещаю свою мамайн, и никому даже в голову не пришло спросить меня, делаю ли я это из чувства долга или из любви? Это Рафа у нас дарит всем любовь. А Лукас Корта? Мрачный тип. Интриган. Мой мальчик Лукасинью для меня все. Он чудо, сокровище. Но когда я с ним разговариваю, то не могу этого сказать. Выходит неправильно. Слова застревают в горле. Почему таким, как Рафа, в нашем мире это дается так легко?

Лукас садится на край кровати. Комната такая маленькая, что его голые ноги оказываются в гостиной.

— По крайней мере позволь мне снять для тебя достойное жилье в Царице.

— Ладно.

— Ты слишком быстро на это согласился.

— Я музыкант. Мы никогда не отказываемся от бесплатного жилья.

— Мне бы хотелось приехать и послушать тебя. Когда-нибудь.

— Когда-нибудь. Еще рано. Если ты не против.

— Я так и сделаю.

Жоржи тянет Лукаса на постель, и Лукас сворачивается рядом с ним, животом к спине, невинный и ненадолго освободившийся от прошлого и будущего, от истории и ответственности.

— Спой мне что-нибудь, — шепчет Лукас. — Спой мне «Aguas de Marco».

Шеф-повар Марин Олмстед болен. Шеф-повар Марин Олмстед не болен. Профессия шеф-повара — самое нездоровое ремесло. Трудятся они до упаду, их рабочие места тесные, неблагоприятные, полные паров и дыма. Они серийные насильники собственных тел. Но они никогда не берут выходной. Шеф-повар не болеет. Когда Марин Олмстед просит Ариэль вместо него доложить Орлу Луны о заседании Павильона Белого Зайца, потому что он болен, Ариэль Корта чувствует неуклюжую ложь. Джонатон Кайод хочет с ней переговорить.

Охрана начинает осторожно следить за ней в тот момент, когда Бейжафлор вызывает моту к Орлиному Гнезду. Ариэль и Марину тщательно сканируют и проверяют еще до того, как такси цепляется к подъемнику и забирается по юго-западной стене хаба Антарес. Элегантная женщина-дворецкий в жилете болеро и шляпе любезно просит Ариэль следовать за нею вверх, через террасированные сады.

Орел Луны пьет чай в Оранжевом павильоне. Его Орлиное Гнездо — совокупность беседок и бельведеров, расположенных посреди многоярусных садов и обставленных в соответствии с каким-то цветом. Оранжевый павильон находится на краю рощицы аккуратных цитрусовых деревьев: апельсинов, кумкватов, бергамотов, уменьшенных до человеческих масштабов генетиками АКА. Вид открывается сногшибательный: Гнездо располагается на полпути до центральной Ротонды, где встречаются обиталища квадры Антареса, достаточно высоко для панорамы и достаточно низко для аристократичности. У Ариэль перехватывает дыхание. Все равно что стоять на краю вечности. Квадра Антареса отстает от квадры Водолея на восемь часов, и солнечная линия здесь пробуждается, озаряя золотым светом всю протяженность пяти проспектов. В утренних сумерках светятся огни, похожие на звездную пыль. Это зрелище, принадлежащее одному Орлу, и вот Орел перед нею.

— Советник Корта. — Джонатон Кайод срывает бергамот. Вонзает ногти в зеленую кожицу, выпуская брызги ароматного масла. — Понюхайте.

Ариэль наклоняется к фрукту.

— Неописуемо.

— О да, описать невозможно, не так ли? Ощущения и эмоции невозможно выразить, не прибегая к терминам, которые описывают их же. — Он выбрасывает фрукт. Ариэль не видит, куда тот упал. Возможно, за край. — Прошу.

Орел указывает на маленький павильон с куполообразной крышей на самом краю центральной ротонды, где места хватает лишь для низкого столика и двух скамеек. Ариэль расправляет свои многослойные нижние юбки. Сегодня на ней платье от Диора с порхающей юбкой солнце-клеш и узкой талией; его вопиющая женственность — намеренное жульничество. Дворецкая приносит мятный чай для Орла, превосходный сухой мартини для Ариэль. В некоторых квадрах каждый час подходит для коктейлей. Ариэль раздвигает свой вейпер.

— Не возражаете?

— Чувствуйте себя как дома.

Небо уже оживилось; кабинки фуникулеров снуют через каньон; велосипеды и скутеры проносятся по эстакадам; далеко в вышине, в бедной части города, Ариэль может разглядеть фигуры, бегущие по веревочным мостам. Дроны и флаеры шныряют в золотом пространстве.

— Приношу свои искренние извинения за то, что не сумел попасть на день рождения вашей матушки. Миру будет не хватать ее в качестве главы «Корта Элиу».

— Моя мама держалась в стороне от мира, так что очень сомневаюсь, что Гапшап будет плакать по ней.

— Вы не такая, — замечает Джонатон Кайод. Ариэль впервые чувствует его физическую массу: он родился на Земле, сохранил вес и мышцы. Он ее немного пугает.

— Ну так скажите, чего вы хотите, — говорит Ариэль. — Чего вы хотите на самом деле.

Улыбка Джонатона Кайода могла бы ослепить целый мир. Он откладывает в сторону свой стакан с чаем и хлопает в ладоши от удовольствия.

— Вы такая прямолинейная! Я хочу свадьбу.

— И всеобщий выходной.

— Я хочу свадьбу между Корта и Маккензи.

— Я аннулировала никах между Хоан Рам Хуном и Робсоном Кортой на основании родительского пренебрежения сексуальными правами Робсона, а Луне всего пять лет.

— Я имел в виду Лукасинью — и Денни Маккензи.

— Еще один из маленьких сирот Брайса.

— Именно.

— Хотите услышать от меня, что по этому поводу скажет Лукас?

— Лукас скажет «да», после того как вы ему объясните, что, если он откажется, я поручу КРЛ пересмотреть лицензию по Морю Змеи в связи с процедурными нарушениями.

— У «Корта Элиу» глубокие карманы.

— Но не бездонные. Хватит ли вам экстренного резерва, если мы наложим временное эмбарго на экспорт гелия-3, пока расследование не будет завершено?

— А сколько вы продержитесь в этом милом дворце, если на Земле погаснет свет?

Джонатон Кайод наклоняется и берет руки Ариэль в свои. Кожа у него мягкая и очень теплая.

— Но ничего этого может и не случиться, Ариэль. Лукасинью выйдет за Денни Маккензи. Мы даже позволим вам составить никах. И наступит мир между Корта и Маккензи. Династический брак. Мне нужен мир, Ариэль. Мне нужна спокойная Луна. Я знаю, чем вы и «Маккензи Металз» занимаетесь в Море Змеи. В моем мире не будет корпоративных войн. Это простой союз между домами. Два прекрасных принца. Я даже предоставлю им апартаменты прямо здесь, в Ротонде Антареса, так что ни одна сторона не сможет предъявить на них права.

— Два прекрасных заложника...

— Ариэль, это лицемерие с вашей стороны. Сколько никахов вы составили?

Ариэль затягивается своим вейпером. Ее картины стоит на низком столике нетронутый.

— Вы и «Маккензи Металз» пригрозили похожими санкциями?

Настоящее утро вступило в права, начался еще один славный день в квадрате Антареса.

— Я иногда забываю, насколько ваша семья новичок в реальной политике.

Ариэль медленно выдыхает спираль синего пара. Он улетает, завиваясь, в сторону громадного

обрыва, идущего вдоль ярусов и платформ, контрфорсов и колонн до блистающей плазы Хань Ин.

— Идите на хер, Джонатон.

— Я хочу, чтобы вы передали это послание матери.

— Я вам не сигнальное устройство.

— В самом деле? А мне кажется, вы весьма коварный паучок.

— Если я смогу сражаться за своих людей, то так и сделаю.

— Ну разумеется. Вы действовали в рамках этики. Но на самом деле я знаю, что подсказка про Море Змеи поступила к вам не через Павильон Белого Зайца.

Ариэль хладнокровно делает первый глоток мартини. Ей хочется, чтобы алкоголь запустил ее каменное сердце заново. Он знает. Покайся. Торгуйся. Недрогнувшей рукой в перчатке она ставит бокал на прежнее место.

— Нет ни единого закона, направленного против Лунарианского общества. Убереги нас боги от такого. Когда законов слишком много, правосудие будет плохим. Это даже не конфликт интересов.

— Но с моими-то интересами, с интересами КРЛ, это конфликтует. Вы не граждане, вы клиенты. Не забываете об этом. Этот трактат, под которым вы поставили свое имя: изумительно. Просто изумительно. И попросту бессмысленно: политическая теория? Мы тут все прагматики. Его прочитают обычные пустобрехи. Но если уж вы начали присоединять свое имя к тому, что на самом деле влияет на людей, как Четыре Базиса... Что ж, это может вызвать беспокойство, даже панику. КРЛ не может упустить такое из виду. Вы жаждете попасть в судейский корпус. Не отрицайте это, Ариэль. Ваши амбиции похвальны, однако не стоит забывать, что новые назначения в Суде Клавия делает Корпорация по развитию Луны.

— Джонатон, я сейчас еще раз...

— Пошлете меня на хер. Да. Поговорите с вашей мамой. Убедите вашего брата. Пригласите меня на свадьбу. Пусть она будет пышной. Мне действительно очень нравятся пышные свадьбы.

Прибывает дворецкая. Аудиенция закончена. Джонатон Кайод срывает с дерева второй бергамот и протягивает его Ариэль с такой деликатностью, словно держит в руке ребенка или сердце.

— Возьмите. Поместите его в центре своего дома, и аромат заполнит каждую комнату.

Этим событием мог оказаться прием у Моды или воссоединение коллоквиума семьдесят девятого года, но оно десятое за пять дней, и на часах полвторого ночи, и Марина хочет домой, в постель, так сильно, что вот-вот расплачется. Она сидит у барной стойки со стаканом чая, одетая в платье от Жака Фата, и следит за Ариэль, которая переходит от группы к группе, от разговора к разговору. Те же лица, тот же треп. Сокрушительная банальность. Наверное, это врожденный навык, предполагает Марина. Дело не в том, что говорят, а в том, кто говорит и кому. Марина пытается отыскать хоть миллиметр милосердия внутри своих красных оперных туфель на шпильках. Вытаскивает пятки. Необыкновенное облегчение тотчас же уступает место боли. Отекшие ступни пылают, мышцы расслабляются от напряженного балета, и она едва не вскрикивает. Морщась, надевает мягкие балетки без каблучков.

Ариэль плывет, окруженная свитой.

Надевая славные добрые туфли, Марина поднимает голову и видит нож. Намек на нож; движение руки, складка на одежде, блеск металла где-то посреди свиты. Нож. Замах.

Удар.

Мышцы Джо Лунницы. Марина срывается с барного табурета. Прыжок переносит ее на четверть длины зала. Она вламывается в атакующего, который направляет нож в сердце Ариэль Корты, сбивает его — и удар приходится мимо цели. Нож сквозь слои кружев и корсет платья от Живанши вонзается в спину Ариэль. Кровь. Кровь на Луне взмывается высоко и медленно. Ариэль падает. Атакующий, пошатнувшись, снова замахивается. Он рожден на Луне — высокий, легкий, быстрый; быстрее Марины. Он перехватывает нож по-другому. Все оружие Марины вне досягаемости из-за дурацкой одежды. Она озирается в поисках того, чем можно убить, и находит. Атакующий бросается вперед с ножом на изготовку. Вложив все силы в удар, Марина втыкает вейпер ему под нижнюю челюсть. На полную длину. Ее кулаки вздрагивают, чувствуя щетину на его подбородке. Хруст кости. Кончик вейпера выходит из верхней части черепа. Нападающий конвульсивно дергается. Марина держит вейпер, держит крепко, держит незнакомца насаженным на него и не отводит взгляда, пока не понимает, что человек мертв. Она отпускает свое копье. Тело безвольно валится набок. По титановому шпилью вейпера ей на руки течет кровь. Ее лицо и платье усеивают брызги крови из раны Ариэль. Ариэль лежит в темной кровавой луже, учащенно дышит, дергается. Прилипалы собрались вечным кругом, потупились. Мы ошеломлены. Мы обеспокоены. Мы не знаем, что делать.

— Врача! — кричит Марина, опускаясь на колени возле Ариэль. Где нажать, где держать, как остановить кровотечение? Так много крови. Лоскуты кожи и плоти. — Врача!

Девять

Он был здесь все это время, сидел и ждал, пока я его призову, слушал мои истории и то, как я все время уклоняюсь от темы, и улыбался, потому что я ведь инженер, и предполагается, что я не несу ерунду, а все говорю строго по делу. Он всегда был терпеливым до невозможности. Карлос, тебе придется еще немного подождать. Но уже недолго.

Ачи улетела, и я больше никогда ее не видела, не разговаривала с нею. Я работала. У меня было много лет. Некогда скучать по людям. Только гляньте на мою продуктивность! Я совсем по ней не скучала. Хорошо, что она меня покинула; любовь была бы всего лишь поводом отвлечься. Мне следовало строить свою компанию.

Я была так занята, что пропустила свой Лунный день.

Это ложь. И то, что я не скучала по Ачи, тоже ложь. Я так сильно по ней скучала, что во мне поселилась ноющая боль утраты; вакуум. Я скучала по ее милой серьезности; по маленьким проявлениям доброты, вроде чая у моей постели каждое утро, или тому, как она аккуратно и правильно раскладывала мой повскаф; по ее опрятности в противовес моей неряшливости, по ее вниманию к деталям, по тому, как она меняла расположение вещей, где бы мы ни находились — в квартире, в отеле, в капсуле; вещи должны были стоять вплотную к стенам помещения. По ее неспособности понимать мои шутки или освоить португальское произношение. Так много всего! Я запихнула эти вещи на самое дно памяти, я не думала о них, потому что, думая о ней, начинала думать обо всех вещах, которые на Луне потеряю навсегда. Бесплатный воздух. Солнечные лучи на моем обнаженном лице. Возможность взглянуть в открытое небо. Далекий горизонт; Луну на краю мира, прокладывающую серебристую дорожку через океан. Океаны из воды, а не из пыли. Ветер: только прислушайтесь!

Я работала как дьявол; моделировала, проектировала и планировала. Все должно было получиться. Все было просто. Но есть предел работы, по достижении которого она начинает пожирать твой желудок и твою душу. Я сделала перерыв. Перерыв в стиле Адрианы Корты. Мои старые однокашники из ДЕМИНа гордились бы мной. Я решила обойти все двенадцать баров в квадрате Ориона. В дверь девятого ввалилась. В десятом принимала ставки на то, сколько уровней будет в башне из стопок, которую я сумею построить на барной стойке, — пятнадцать. В одиннадцатом оказалась в нише с милым большеглазым мальчишкой Сантосом, мы касались друг друга лбами, и я трещала о своих планах и амбициях, а он тарасился и притворялся, что ему интересно. До двенадцатого бара я так и не добралась. Я оказалась в постели с Большеглазкой Сантосом. Любовница из меня вышла паршивая. Я всю ночь плакала. Он оказался достаточно милым для того, чтобы всплакнуть вместе со мной.

После Лунного дня я долго не звонила родным. Боялась осознать, что сделала ужасный выбор, изменить который я не в силах. Потом я подумала: на протяжении большей части человеческой истории миграция была путешествием в один конец. Старые португальские семьи устраивали похороны детей, которые уезжали в Бразилию, чтобы начать там новую жизнь. Рассчитывать на чью-то помощь означает верить в утешительные сказки о феях. Жизнь — последовательность дверей, которые открываются только в одну сторону. Если ты ушел, то возврата нет. Вот мир, и мы должны в нем жить наилучшим из возможных образов. Но я все-таки очень часто слушала музыку старого мира, музыку, которую моя мама любила и напевала, работая по дому, и она как будто плыла с той голубой планеты внизу, осваиваясь посреди нового пейзажа — не посреди серых холмов, откосов, борозд и прочего уродства, но среди людей. Единственное, что на Луне по-настоящему красиво, — люди.

Итак, теперь я стала лунной женщиной. Я посвятила себя новому миру и новой жизни. У меня была идея и были деньги — если эмигрировать, стоимость обратной дороги тебе возмещают за вычетом любых просроченных платежей и неизбежных пошлин. Я купила конвертируемые облигации КРЛ. Надежные, солидные, с высоким доходом. У меня был табун правовых и проектных ИИ и модель, которую мне не терпелось испытать в реальном мире. Чего мне не хватало, так это путеводной нити. То есть я понятия не имела, как все это превратить в бизнес. Мне не доставало плана. Это был совсем не тот инжиниринг, в котором я разбиралась; мне требовалось распланировать компанию и сделать так, чтобы она заработала.

Тогда-то я и встретила Элен. Я забросила тайную сеть в поисках потенциальных финансовых директоров — никто из моих людей не разбирался в деньгах, включая меня. Все было восхитительно секретно; зашифрованные сообщения — тогда у нас еще не было фамилъяров — и негласные встречи в кафе, адреса которых менялись в последнюю минуту. Я не могла рисковать тем, что «Маккензи Металз» обнаружит мой план. Тебе кажется, что сейчас мы живем в безумном мире; он и в подметки не годится тем временам фронта. Но вот появилась она, эта женщина из Порту, и она знала свое дело, знала, какие вопросы надо задавать, а какие — не надо, но на самом деле я взяла ее на работу, потому что она говорила по-португальски. Я выучила английский и учила глобо — он постепенно становился общим языком, — но есть вещи, которые можно выразить только на своем языке. Мы с ней понимали друг друга.

С той поры мы с Элен работали каждый день. Она моя самая старая и самая дорогая подруга. Она никогда меня не разочарует, хотя я знаю, что много раз разочаровывала ее. Она сказала: ты ни с кем не говоришь о деньгах. Никогда. Ничего не платишь без моего ведома. Никогда. И тебе нужен ведущий инженер проекта. И я, так уж вышло, знаю одного парнишку из Бразилии, он паулистану, три месяца как прилетел.

И это оказался Карлос.

Ох, до чего же высокомерным засранцем он был. Высоким, красивым, забавным — и он прекрасно все это знал. Он обладал тем чувством превосходства, которое присуще всем паулистану: лучшее образование, лучшая еда, лучшая музыка, лучшая рабочая этика. Кариока жили на пляже, вечера проводили в барах, за выпивкой. Ни один из них палец о палец не ударил. Мы встретились в баре, ели лапшу ширатаки. Ты можешь удивиться тому, что я помню про ширатаки. Я помню о той встрече все. В моде царил повседневный стиль 1980-х, на Карлосе были слаксы и гавайская рубашка. К каждому моему слову он относится словно к самой нелепой вещи из всех, что ему доводилось слышать. Надменный, раздражающий сексист — я так на него разозлилась. Я его слегка возненавидела.

Я сказала: «Твоя проблема заключается в том, что ты вообще не можешь слушать, когда с тобой говорят женщины, или дело в одной конкретной женщине?»

И следующий час он провел, излагая бизнес-план, которому предстояло лечь в основу «Корта Элиу».

О, до чего же это был веселый год, когда мы гонялись за нашими идеями по всей Луне. Бог знает, как у нас получалось продолжать дышать. Возврат за обратную дорогу — сумма существенная, но деньги утекают как песок сквозь пальцы, даже если твой финдиректор и ведущий инженер проекта берут у тебя только на Четыре Базиса и спят у друзей на коврике. Встречи, презентации, проспекты, обещания. Отказы, понимание того, что лучше услышать «нет» сразу, чем «может быть» потом. Азартная дрожь, когда мы засекли серьезного, настоящего инвестора и опробовали его битси. Я четко знала, что мне не нужны обосновавшиеся на Земле инвесторы и фонды акций, я не хотела уподобляться Суням, которые постоянно сражались за независимость от Пекина. Я хотела быть как Маккензи. Вот они выглядели настоящей лунной корпорацией. Боб Маккензи продал весь свой земной бизнес, перевел средства на Луну и заявил остальной семье: Маккензи теперь — лунный народ. Переезжайте или выметайтесь. Я посвятила себя

Луне: я никогда не вернусь на Землю, и мне не нужно, чтобы Земля приехала ко мне. Все прочие будут только клиентами, не владельцами. «Корта Элиу» станет моим ребенком. Элен ди Брага — моя дражайшая подруга, она член правления, но никогда не была владелицей.

Мы с Элен искали деньги, в то время как Карлос разрабатывал прототип и бизнес. Луна в те времена была куда более тесным местечком, мы не могли построить и испытать экстрактор так, чтобы весть об этом не обогнула мир и не вернулась с Невидимой стороны еще до того, как мы застегнем зажимы на шлемах. Так что мы отправились на Невидимую сторону и арендовали у факультета несколько модулей. В те дни там не было университета — всего лишь обсерватория и научная станция для изучения смертельно опасных патогенов. Если что-то пойдет не так, это самое далекое от Земли местечко, и там мы могли эвакуировать, разгерметизировать и облучить всю испытательную площадку. Туннели располагались слишком близко к поверхности; каждую ночь я представляла себе, как радиация пронзает мои яичники. Мы все время кашляли. Возможно, причиной была пыль, но мы подозревали, что из лаборатории по изучению патогенов нам достался какой-то маленький сувенир.

Карлос построил прототип экстрактора. Когда я говорю «построил», то подразумеваю, что он нанял подрядчиков, ботов, команду контроля качества. Он его мне показал, и я сказала: нет-нет-нет, не сработает, тут недостаточно крепко, там неэффективный процесс; а как насчет доступа для техобслуживания? Мы спорили как ненормальные. Мы спорили как супружеская пара. И все-таки я его не любила. Я об этом говорила Элен. Опять, опять и опять. Наверное, я ее с ума сводила, повторяя, какой он тупой, высокомерный и упертый, но она ни разу не сказала мне заткнуться и наконец-то с ним переспать. Потому что на самом деле он заставил меня потерять голову. Он был абсолютной противоположностью Ачи. Она из подруги превратилась в возлюбленную. Он мог стать возлюбленным, но другом — никогда. Меня к нему тянуло по-другому, это было совсем неправильно и так... по-настоящему. Я думала о нем в постели. Представляла себе его голым, представляла себе, как он делает что-то глупое, нехарактерное и романтическое — например, склоняется над схемами, чтобы посмотреть, чем занимается эта несносная женщина, и время от времени целует меня. Я рукоблудничала, думая о нем. Кажется, он меня слышал. Ну как же еще совладать с влечением?

Я тебе расскажу, когда впервые поцеловала Карлоса: в Море Изобилия, в маленьком куполе, который он построил для меня. Это даже был не купол — так, пара грузовых отсеков роверов, заваленных реголитом, которые мы использовали в качестве базы для полевых испытаний. Мы разобрали прототип на части и доставили его с Невидимой стороны в анонимной таре БАЛТРАНОм — прыжок за прыжком, так, чтобы все выглядело случайным, но оказалось где нам было нужно и когда нам было нужно. Потом мы ровером перевезли детали на нашу маленькую базу, и наша команда их снова собрала в заднице мира, где никто и никогда не стал бы нас искать.

К тому моменту мы сжигали деньги, как кислород. У нас оставалось еще на одно полевое испытание, одну доработку и прием VIP-гостей. Все должно было получиться. Мы сгрудились в нашем отсеке и смотрели, как неповоротливый экстрактор медленно движется через море. Я запустила экстракционные головки, сепараторные шнеки. Потом включила сепаратор, зеркала повернулись, поймали солнечные лучи и направили куда надо, и я расплакалась. Это была самая прекрасная вещь из всех, какие я когда-либо видела в своей жизни.

Мы получили первые показания через час. Кажется, я не дышала все эти шестьдесят минут. Газовый масс-спектрометр сообщил: водород. Вода. Гелий-4. Окись углерода. Двуокись углерода. Метан. Азот, аргон, неон, радон. Летучие компоненты, которые можно продать АКА и Воронцовым. Не то, что мы хотели, не то, что мы искали: тот маленький всплеск на графике куда скромнее всех остальных. Я увеличила масштаб осей. Мы все сгрудились вокруг дисплея. Вот. Вот! Гелий-3. Именно там, где мы думали его найти,

в тех пропорциях, какие мы ожидали. Милый, милый маленький скачок на спектрографе. Мы нашли гелий. Я вопила и плясала. Элен поцеловала меня, а потом разрыдалась. Затем я поцеловала Карлоса. И опять поцеловала. Я снова поцеловала Карлоса и не остановилась.

Мы пили дешевую водку ВТО в тесном маленьком отсеке и напились до глупых, опасных пределов, а потом я затащила Карлоса на свою койку, и мы тихо и яростно, подавляя смех, занимались сексом, пока остальные спали вокруг.

Мы на той койке зачали город. Те два отсека, та насыпь из реголита, за годы и десятилетия превратились в Жуан-ди-Деус.

Я не сразу вышла за Карлоса. Мне нужно было оформить никах, и к тому же после Моря Изобилия работы оказалось слишком много. Я связалась с нашими VIP-ами и забронировала билеты. В оба конца, Земля — Луна, на шестерых. Двое из EDF/Areva[41], двое из индийской PFC[42], двое из «Кансай-Фьюжн». Я обрабатывала их на протяжении месяцев; телеконференции, презентации, представление товара. Я знала, что они хотят избавиться от дуополии США и России на земной гелий-3, из-за которой цены на термоядерную энергию оставались высокими и развитие застопорилось. Снова наступил нефтяной век.

Это был наш самый большой риск. Должностные лица из трех земных малых термоядерных компаний прибывают на Луну одновременно? Даже Маккензи учуяли бы неладное. Вопрос заключался не в том, сделают ли они ответный шаг, а в том, когда это случится. Нашим единственным преимуществом было то, что они не знали, кто мы такие. Пока что. Если мы сумеем завершить демонстрацию, договориться о сделке и подписать контракт до того, как Боб Маккензи выпустит на волю своих рубак, нам удастся защитить контракт в Суде Клавия.

Мы поселили их всех в лучшем отеле Меридиана. Мы взяли на себя их Четыре Базиса. Мы купили французским делегатам вина, индийским — виски и японским тоже виски. Как я уже сказала, мы жгли деньги, как кислород.

В ночь перед тем, как мы должны были отправить наших VIP-ов в Море Изобилия, «Маккензи Металз» нас обнаружили. Я получила сообщение с базы Изобилия. Пылевика с логотипами «Маккензи Металз» взорвали прототип экстрактора. Они уничтожали резервуары с летучими компонентами. Они приближались к базе. Они ворвались на базу... Больше я ничего не услышала.

Помню, я сидела в своей комнате, не имея ни малейшего понятия, что делать. Я сидела в комнате и не понимала, что чувствовать. Я оцепенела. Я падала. Это было как невесомость. Меня затошнило. Экстрактор; вся наша работа, но больше, намного больше — жизни. Люди, с которыми я смеялась, выпивала, работала вместе; люди, которые в большей степени были моей семьей, чем моя настоящая семья. Люди, которые мне доверяли. Они погибли, потому что доверились мне. Я их убила. Я поняла, что мы были детьми. Мы играли в бизнес. Маккензи были взрослыми и не играли. Мы устроили детский крестовый поход, маршируя навстречу собственному невежеству. Я сидела в своей комнате и воображала рубак Маккензи в лифте, у двери, за окном.

Карлос спас меня. Карлос помог мне обрести почву под ногами. Карлос был моей гравитацией. «Мы победим, заключив эту экспортную сделку, — сказал он. — Мы победим, построив „Корта Элиу“».

Тогда я в первый раз услышала это название.

На личные деньги Карлос нанял охранников-фрилансеров для наших людей и оборудования. На мои личные деньги я забронировала VIP-ам билеты на «лунную петлю» и сообщила, что планы меняются. Мы отправляем их на космическом лифте вокруг Луны, на Невидимую сторону, к месту расположения второго прототипа экстрактора гелия-3.

Карлос в первый же день работы в качестве ведущего инженера проекта заявил: нельзя строить только один прототип.

Мы посадили VIP-ов в капсулу, зашвырнули на другую сторону Луны, сели в следующую и показали, что может делать наш экстрактор. Потом взяли извлеченный гелий и подожгли его в ЛДЭ[43] — реакторе Университета Невидимой стороны.

На последние деньги мы заключили договор с правовыми ИИ, которые составили проект экспортной сделки. Он был подписан той же ночью.

Ну, не совсем последние деньги. На самые последние мы с Карлосом поручили ИИ составить брачный контракт. На последние из последних устроили свадьбу.

Дешевую и счастливую. Элен была моей подружкой невесты, единственным другим гостем оказался свидетель от КРЛ. Потом мы пошли и заморозили яйцеклетки и сперму. У нас не оставалось времени для романтики, для семьи. Мы должны были построить империю. Но мы хотели детей, хотели династию, хотели обеспечить им безопасное будущее, когда удастся заложить для него основы. А до этого могли пройти годы, десятилетия.

Создание «Корта Элиу» оказалось пустяком по сравнению со строительством «Корта Элиу». Я не видела Карлоса месяцами. Я спала, ела, тренировалась, занималась любовью, когда могла — то есть редко. Нам нужны союзники, сказал Карлос. Я попыталась строить отношения. Четыре Дракона узнали про «Корта Элиу». Сунни, занятые собственными проектами и политикой, отнеслись к нам равнодушно. Воронцовых интересовало только небо, хотя я обеспечила им благоприятную статистику запусков «лунной петли». Маккензи были моими врагами. Асамоа — может, из-за того что наш бизнес не угрожал их бизнесу, может, из-за того что они тоже прибыли на Луну без ничего и создали что-то, может, потому что сами ощущали себя аутсайдерами, — стали моими друзьями. И до сих пор ими остаются.

С надежными и стабильными поставками дешевого горючего мои земные клиенты вскоре заняли на рынке позицию, которая вынудила их конкурентов начать с нами переговоры или объявить себя банкротами. Вскоре после этого рынки гелия-3 в США и России рухнули. Я обставила Америку и Россию! Одновременно! На протяжении двух лет «Корта Элиу» заняла монопольное положение.

Видишь? Нет более скучной темы для разговора, чем деньги и бизнес. Мы построили «Корта Элиу». Мы превратили маленькую хижину, в которой занимались любовью, в город. Веселые были времена. Веселее не придумаешь. От волнения у нас перехватывало дух. Наступил момент, когда наш успех начал порождать собственные успехи. Мы делали деньги просто благодаря тому, что существовали. Экстракторы черпали пыль, «лунная петля» посылала герметичные контейнеры в сторону Земли. Мы стояли на поверхности, касаясь друг друга шлемами, и смотрели на огни на планете Земля. Это было до нелепости легко. Любой мог бы додуматься. Но додумалась я.

Видишь, как от этого черствеет душа? Спешка, возбуждение, работа-работа-работа — и я забыла про людей, которые умерли в Море Изобилия; моя команда, те, кто доверился мне, да так и не увидел успеха, не получил своей доли в нем. Люди говорят: Луна жестока; нет, это люди жестоки. Всегда — люди.

Я продолжала посылать деньги семье. Я сделала их богатыми, я сделала их знаменитыми. Они попали в журнал «Вежа»: сестра и брат Мадонны Гелия. Железной Руки, женщины, которая даровала миру свет! Они получили прекрасную квартиру, большие машины, частных учителей и охранников... и вот однажды я сказала: «Хватит». Вы брали, брали, брали, вы ужинали и тусовались, разжирели на моих деньгах и моем имени и ни словом не отблагодарили, не признали то, что я тут сделала, ни намеком не

выразили благодарность или признательность. Ваши дети, мои племянники и племянницы, даже лица моего не узнают. Вы называете меня Железной Рукой — ну что ж, вот вам мое железное суждение. Последний подарок с Луны. Я разместила на защищенном счету деньги, которые требуются для оплаты путешествия на Луну в один конец. Если вам нужны деньги «Корта Элиу», заработайте их. Работайте на «Корта Элиу». Покоритесь, или я больше не пришлю вам ни единой децимы.

Придите на Луну. Придите и присоединитесь ко мне. Придите и постройте со мной мир и династию Корта.

Ни один член моей семьи не принял предложение.

Я прервала связь.

Я не разговаривала ни с кем из них сорок лет.

Моя семья здесь. Это и есть династия Корта.

Думаешь, это было сурово? Деньги; это ерунда, бедность никому из них больше не грозила. По-твоему, я поступила неправильно, оборвав связь с ними без единого слова, не подумавши? Я могла бы предъявить тебе все старые оправдания: обо всем можно договориться; если ты не работаешь, ты не дышишь, Луна делает тебя жестоким. Это правда, Луна меняет людей. Она изменила меня так, что если бы я однажды отправилась обратно на Землю, мои легкие бы схлопнулись, ноги не выдержали моего веса, кости раскололись в щепки. И эти триста восемьдесят тысяч километров нельзя сбрасывать со счетов. Когда ты говоришь с домом и чувствуешь задержку в две с половиной секунды перед тем, как приходит ответ, это отталкивает. Такую пропасть не перейти. Это часть структуры вселенной. Физика — вот по-настоящему жестокая штука.

Я не думала про них сорок лет. Но думаю сейчас. Я часто оглядываюсь назад; из моего прошлого незваными являются разные вещи. Я твержу себе, что ни о чем не жалею, но правда ли это?

Не могу удержаться от мысли, что все дело в тех годах, на протяжении которых мы строили компанию по частям; я больше времени провела в пов-скафе, чем без него, я постоянно ездила в роверах, карабкалась по экстракторам, прижималась к Карлосу в том отсеке, и радиация просвечивала меня насквозь...

Мой рак зашел дальше, чем я говорила, сестра. Знает только доктор Макарег. Мне известно, что Лукас был в Материнском доме: он в курсе моего состояния, но не знает, насколько все серьезно. Только послушайте меня: эвфемизмы. «Продвинутый», «в полной мере». Я чувствую смерть, сестра, я вижу ее черные глазенки. Сестра, что бы ни требовал Лукас, чем бы ни угрожал, не говорите ему об этом. Он захочет что-нибудь сделать, но ничего сделать нельзя. Он всегда должен самоутвердиться. И я нанесла ему обиду, ужасную обиду... Нужно столько всего исправить. Свет скоро погаснет.

Но я ведь еще не рассказала историю о бое на ножах с Робертом Маккензи!

Это легенда. Я легенда. Может, вы не слышали? Иногда я забываю о поколениях младше себя. Не забываю... как бы я могла забыть собственных внуков? Скорее, не верю, что с той поры прошло столько времени, что люди могли забыть те дни. Какие же это были дни!

Маккензи прекратили физические атаки на наше оборудование, как только у нас появилось достаточно денег, чтобы нанять собственную охрану. Так появился этот бразильский бывший морской офицер, уволенный из-за того, что Бразилия решила, будто собственный флот ей больше не по карману. Он служил на подводных лодках, и его теория заключалась в том, что приемы ведения войны на Луне в точности совпадали с приемами подводных боевых действий. Весь транспорт под давлением, в

смертельно опасных условиях. Я его наняла. Он по-прежнему шеф моей охраны. Мы решили, что один дерзкий удар может закончить войну. Мы напали на «Горнило». Маккензи и ВТО только что закончили Первую Экваториальную; теперь «Горнило» могло без остановки очищать редкоземельные металлы. Этот поезд был — и остался — чудесным достижением. Я забываю, что внесла свою лепту, когда уволилась из «Маккензи Металз» и стала воронцовской королевой путей, пока шла к учреждению «Корта Элиу». Карлос предложил идею плана: «Мы подорвем Первую Экваториальную и парализуем „Горнило“». Помню лица вокруг стола: шокированные, изумленные, испуганные. Эйтур сказал: «Ничего не получится». Карлос ответил: «Мы это сделаем. Твоя работа — объяснить мне, как именно».

Мы это сделали на шести роверах, двумя командами по три. Мы подгадали время атаки: как раз когда «Маккензи Металз» должны были осуществить важную новую поставку редкоземельных металлов по контракту с «Сяоми». Карлос отправился с первой командой, я — со второй. Это было так волнующе! Два ровера, набитые мускулистыми громилами-эскольтами, один с командой подрывников. Все прошло на самом деле довольно просто. Мы нанесли удар по «Горнилу» в восточной части Океана Бурь. Эскольты образовали периметр; подрывники одновременно нанесли два удара в трех километрах перед «Горнилом» и позади него. Я видела, как взорвались снаряды. Рельсы взлетели так высоко, что мне показалось — они выйдут на орбиту. Я смотрела, как они кувыркаются прочь, блестя в лучах солнца, и это было самое близкое к фейерверку зрелище, какое только можно устроить на Луне. Все радостно орали и вопили, но я не могла, потому что мне было неприятно видеть, как столь изысканное и блестящее произведение инженерного искусства уничтожается в один миг. Эти рельсы могла проложить я. Мне было ненавистно происходящее: едва построив то, чем можно гордиться, мы его уничтожили.

Хитроумная часть плана заключалась в том, что в то время, пока мы убегали с роверами «Маккензи Металз» на хвосте, наши вторичные атаки произошли в двадцати километрах впереди и позади на путях. Ремонтным отрядам ВТО пришлось бы пересечь эти дыры, прежде чем они сумели бы восстановить рельсы поблизости от «Горнила». Даже если бы ВТО доставила свои отряды в течение часа, «Горнило» оставалось бы во тьме неделю. Они должны были пропустить конечный срок поставки.

Мы оторвались от их рубак посреди хаотичного ландшафта кратера Эддингтона.

После битвы в восточной части Океана Бурь «Маккензи Металз» переместили свои атаки в Суд Клавия.

Кажется, война с ножами и бомбами была для меня предпочтительней.

Их тактика варьировала, но стратегия оставалась понятной и простой: насмерть обескровить «Корта Элиу» с помощью судебных пошлин. Они ударили по нам исками за нарушение контракта, нарушение авторского права, ущерб здоровью личности, ущерб имуществу корпорации, плагиат, иски об ущербе, причиненном каждому члену экипажа «Горнила» в день атаки. Иски следовали бесконечной чередой. Большую часть из них наши ИИ отбивали сразу же после подачи, но на каждый, с которым мы разбирались, их ИИ производили еще десяток. ИИ плодovitы и дешевы, но бесплатно не работают. Судьи, которых мы вместе назначили, наконец-то постановили, что «Маккензи Металз» должна прекратить легкомысленное сутяжничество и предъявить серьезный иск с разумным шансом на успех.

Сказано — сделано. В иске «Маккензи Металз» Адриану Марию ду Сеу Мано ди Ферро Арена ди Корта обвиняли по сорока пунктам в нарушениях патента в связи с моей разработкой эксектрактора.

ИИ, адвокаты и судьи приготовились к долгому разбирательству.

Я — нет.

Я знала, что это будет тянуться и тянуться и «Маккензи Металз» потребует наложить запрет на наши экспортные операции и на каждое отбитое нами судебное действие предпримет что-нибудь еще. Они

хотели испортить нашу репутацию. Они хотели втоптать мое имя в пыль. Они хотели, чтобы наши клиенты на Земле усомнились в нас, усомнились в достаточной степени, чтобы вложить на ранней стадии проекта деньги в предприятие по экстракции гелия-3, учрежденное авторитетной компанией, с хорошей репутацией, не срывающей поставки: «Маккензи Фьюжн».

Мне требовалось покончить с этим жестко и быстро.

Я вызвала Роберта Маккензи собственной персоной на судебный поединок.

Я ничего не сказала своим юристам. Не сказала Элен. Не сказала Эйтуру, хотя он мог догадаться, потому что я попросила его обучить меня владению ножом хоть чуть-чуть. Не сказала Карлосу.

Есть гнев, и есть ярость, а есть неистовое бешенство, для которого у нас нет подходящего названия. Оно бледное, очень чистое и очень холодное. Сдается мне, такое чувство испытывает христианский бог при виде греха. Я увидела его в Карлосе, когда он выяснил, что я собираюсь предпринять.

«Так все закончится, — сказала я. — Раз и навсегда».

«А если он тебя ранит? — спросил Карлос. — Если ты умрешь?»

«Если умрет „Корта Элиу“, тогда я тоже умру, — сказала я. — Думаешь, они просто позволят нам уйти? Маккензи платят втройне».

В тот день на судебной арене собралась половина Луны, или так мне казалось. Я вышла на бойцовский ринг и увидела вокруг себя лица-лица-лица, куда ни кинь взгляд. Все эти лица, и я в беговых шортах и топике, с ножом в руке, одолженным у эскольты.

Я не боялась ничуть.

Судьи вызвали Роберта Маккензи. Потом они еще раз вызвали Роберта Маккензи. Велели его адвокатам подойти к ним. Я стояла посреди судебной арены с ножом другой женщины в руке и смотрела вверх, на все эти лица. Я хотела их спросить: «Зачем вы сюда пришли? Что вы хотите увидеть? Победу — или кровь?»

— Я вызываю тебя, Роберт Маккензи! — закричала я. — Защищайся!

Миг спустя на арене воцарилась полная тишина.

Я снова вызвала Роберта Маккензи.

И в третий раз:

— Я вызываю тебя, Роберт Маккензи! Защити себя, свою репутацию и свою компанию!

Я вызвала его трижды и в итоге осталась одна на бойцовском ринге. И суд взорвался. Судьи что-то кричали, но за ревом толпы зрителей их не было слышно. Меня подняли на руки и вынесли из Суда Клавия, и я, продолжая сжимать в одной руке нож, смеялась, смеялась, смеялась... Я не отпустила нож, пока не оказалась в отеле, где «отряд Корта» учредил свою штаб-квартиру.

Карлос не знал, смеяться или гневаться. Он плакал.

«Ты знала», — сказал он.

«С самого начала, — ответила я. — Боб Маккензи ни за что не смог бы драться с женщиной».

Десять дней спустя Суд Клавия ввел процедуру, согласно которой в судебном поединке могли участвовать делегированные бойцы. «Маккензи Металз» попыталась затеять против нас новый иск. Ни один судья на Луне не захотел его принять. «Корта Элиу» победила. Я победила. Я вызвала Роберта Маккензи драться на ножах и победила.

И теперь никто об этом не помнит. Но я была легендой.

Смерть и секс, не в этом ли все дело? Люди занимаются любовью после похорон. Иногда во время похорон. Это громкий крик жизни. Сделайте больше детей, сделайте больше жизни! Жизнь — единственный ответ на смерть.

Я победила Боба Маккензи на судебной арене. Это была не смерть — не в тот день, — но мой разум чудеснейшим образом сфокусировался. «Корта Элиу» в безопасности. Пришло время строить династию. Вот что я вам скажу: нет более действенного афродизиака, чем когда тебя выносят с судебной арены с ножом в руке. Карлос не мог перестать меня щупать. Он вел себя как одержимый. Превратился в мощную членомашину. Знаю, это неподобающие вещи для того, чтобы их говорила старуха. Но таким уж он был: трах-бандитом. Смертоносным и неутомимым. И это самое лучшее время в моей жизни, единственное время, когда я могла откинуться на подушку и сказать: я в безопасности. Ну и, разумеется, я предложила: «Давай сделаем ребенка».

Мы немедленно начали подыскивать мадринью.

Мне было сорок. Я наглotalась вакуума, наглotalась радиации, нанюхалась такого количества пыли, что ее хватило бы на целое море. Бог знает, работало ли что-нибудь внутри меня, не говоря уже о том, могла ли я выносить нормального здорового ребенка положенный срок. Слишком много риска. Я применила инженерную мысль. Карлос со мною согласился: суррогатное материнство. Мы решили, что будем платить суррогатным матерям, которые станут кем-то куда более важным, чем попросту наемные утробы. Мы хотели, чтобы они превратились в часть семьи, чтобы взяли на себя ту долю заботы о младенце, на которую у нас попросту не хватит времени или, что греха таить, духа. Младенцы утомительны. Дети становятся похожи на людей только в свой пятый день рождения.

Мы опросили, наверное, тридцать молодых, спортивных, здоровых бразильянок детородного возраста, пока не нашли Ивети. Вот так я и познакомилась с вашим Сестринством. В бразильской диаспоре сказали: поговори с майн Одунладе. У нее есть родовые древа, генеалогии и медкарты по каждому бразильцу и бразильянке, которые прибывают на Луну, а также немало сведений на аргентинок, перуанок, уругваек, ганок, нигериек и уроженок Кот-д'Ивуара. Она направит тебя к кому следует. Так и вышло, и я вознаградила ее за услуги — и, думаю, остальная часть истории вам известна.

Мы составили контракт, и правовая система Ивети его проверила, майн Одунладе дала ей совет, и мы пришли к согласию. У нас уже было несколько эмбрионов; мы выбрали одного, а потом спросили Ивети, как она хочет все обставить. Хочет ли она просто отправиться в медцентр и сделать имплантацию или ей больше нравится заняться сексом со мной, Карлосом или с нами обоими? Чтобы все было личным, с привязанностью и связью.

Мы провели две ночи в отеле в Царице Южной, а потом имплантировали эмбрион. Он прижился сразу же. Майн Одунладе хорошо выбирала своих мадриний. Ивети пришла с нами в Жуан-ди-Деус, и мы дали ей собственную квартиру и круглосуточную медицинскую поддержку. Через девять месяцев родился Рафа. Сети слухов наполнились картинками и возбуждением — права на съемку являлись частью вознаграждения Ивети, — но реакция оказалась прохладная. Я ощущала неодобрение. Суррогатные матери, наемные матки. У них был уик-энд в отеле в Царице, полный бурного совместного секса. Тройничок устроили, ну-ну...

Рафу едва отлучили от груди, как я уже планировала следующего наследника. Мы с Карлосом начали искать новую мадринью. В то же самое время у меня случились первые озарения по поводу этого места.

Жуан-ди-Деус не подходил для того, чтобы взрастить семью. Теперь там есть дети, но в те времена это был город на фронтире, шахтерский, сырой, грубый и омытый кровью. Я вспомнила о прощальном подарке Ачи. Нашла бамбуковую трубку без труда — прошло десять лет после нашего расставания. Как быстро летит время! Водопады и каменные лица; сад, высеченный в сердце Луны. Она как будто предвидела будущее или заглянула в потаенные глубины моего сердца. Я наняла селенологов; мы нашли это место, которое пряталось в недрах скал, как жеода, на протяжении миллиардов лет. Дворец, ребенок, еще один ребенок в процессе сотворения в Медицинском центре Меридиана. Бизнес и репутация. Наконец-то я стала Железной Рукой.

А потом убили Карлоса.

Вы слышали, что я сказала? Карлос не погиб. Его убили. Это совершили намеренно. За его смертью стояла чья-то целеустремленная и злая воля. Ничего так и не удалось доказать, но я знаю, что его убили. Его у меня отняли. И я знаю, кто это сделал.

Простите... Меня охватили слишком сильные эмоции. Прошло так много времени — я половину жизни прожила без него, но вижу его так четко. Он приходит и становится совсем рядом со мной: я вижу текстуру его кожи — у него была ужасная кожа; я чувствую его запах — он пах как-то по-особенному, очень лично; сладко, как сахар. Сладко пахнувший сахарный человек. У его детей тоже это есть: сладкий пот. Я его слышу, я слышу тихое присвистывание, с которым он дышал через нос. Его сколотый зуб. Я вижу все в таких подробностях, и все же оно кажется нереальным. Таким же нереальным для меня, как Рио. Неужели я там и впрямь жила? Омочила пальцы в океане? Мы были вместе так недолго. Я прожила три жизни: до Луны, с Карлосом и после Карлоса. Три жизни — такие разные, что ни одна из них не кажется моей.

Мне все еще трудно об этом говорить. Я не простила. Я даже не поняла, в чем суть; почему я должна перестать чувствовать то, что на самом деле чувствую, почему я должна смириться с несправедливостью? Почему я должна принять на себя всю боль, которую ему причинили, и сказать: «Все это не имеет значения, Карлос, я простила»? Набожная ерунда. Прощение для христиан, а я не христианка.

Он проводил пятидневную инспекцию в новых зонах добычи в Море дождей. С его ровером случилась неконтролируемая разгерметизация в Горах Кавказа. Неконтролируемая разгерметизация — понимаете, что это значит? Взрыв. Это случилось сорок лет назад, и наши инженеры были не так хороши, как сейчас, но даже тогда роверы были крепкими, роверы были прочными. С ними не случались «неконтролируемые разгерметизации». Это был саботаж. Маленькое устройство — а потом внутреннее давление все делает само. Я отправилась туда на спасательной шлюпке Воронцовых. Обломки ровера раскидало на пять километров. Даже нечего было собирать для переработки углерода. Слышите мой голос? Замечаете, какой он ровный и спокойный, как я подбираю слова — точно инструменты, щепетильно и практично? Это по-прежнему единственный способ для меня говорить о Карлосе. Я оставила там памятник: колонну из обработанного лазером титана. Она никогда не заржавеет, не потеряет цвета, не состарится и не покроется пылью. Она будет там стоять целую вечность. Думаю, это правильно. Это достаточно долгий срок.

Ты убил Карлоса ди Мадейраса Кастро, Роберт Маккензи. Я обвиняю тебя. Ты ждал, ты не спешил, и ты понял, как ранить меня сильнее всего. Ты уничтожил то, что я больше всего любила. Ты отплатил мне втройне.

Через три месяца родился Лукас. Я никогда не любила его так, как Рафу. Не могла. У меня забрали Карлоса и дали взамен Лукаса. Мне казалось, обмен несправедливый. И это неправильно, это противоречит истине, но человеческие сердца часто ошибаются. Но именно Рафа слышал, как я шепчу над его кроватью имя убийцы отца; он был тем, кто вырос в этой тени, с ненавистью в душе. Корта режут. У нас

все начинается и заканчивается нашим именем.

Рафаэл, Лукас, Ариэль, Карлиньос — маленький Карлос. Вагнер. Я не смогла быть доброй с этим мальчиком. Бывает такое: втемяшится что-нибудь в голову, оглянуться не успеешь — жизнь прошла, а идеи превратились в догмы. И Ариэль.... почему же я не... А, пустое. Инженером родился — инженером помрешь. Мне понадобилось прожить весь отпущенный срок, чтобы понять: жизнь — не та задача, которую можно решить. Мои дети — это достижения, которыми я больше всего горжусь. Деньги — на что мы здесь можем тратить деньги? Принтер побыстрее, пещера побольше? Империя? Там, снаружи, одна пыль. Успех? У него самый короткий период полураспада из всех известных веществ. Но мои дети: как думаете, я создала их достаточно крепкими, чтобы выдержать десять тысяч лет?

Йеманжа проложила через океан серебристую дорожку, и я шла по ней, пока не очутилась на Луне. Что мне нравится в ориша — их особенная мудрость: они предлагают не так уж много. Никакой святости, никакого рая, просто один-единственный шанс — и все. Упустишь его, и он уже никогда не появится снова. Так что лови момент, и сможешь дойти до самых звезд. Мне это нравится. Моя мамайн это понимала.

Моя история теперь закончена. Все прочее — чужая история. Но знаете что? Я не была заурядной. Я не была Джейн-аутсайдером. Я была чертовски замечательна.

Прошу прощения, сестра. Йеманже поступил экстренный вызов.

Десять

Первую линию охраны проходишь в двадцати километрах от Жуан-ди-Деуса. Может, ты едешь в поезде, в автобусе или ровере, а то и падаешь в капсуле БАЛТРАНа к приемной станции Изобилие-27, но твой транспорт, твой пассажирский манифест и тебя самого проверит ИИ службы безопасности Корта. Первая «растяжка» такая тонкая, что ты и не заметишь, как пересек ее. Если, конечно, не споткнешься.

Вторая линия охраны — не линия, а уровень, поле, которое покрывает каждый проспект и ярус, каждый пешеходный переход и лифт, каждый тоннель, трубу и шахту в Жуан-ди-Деусе. Боты — ползающие, карабкающиеся и летающие, от массивных копателей и спекателей до inspecting дронов размером с насекомое. Глаза, уши и чувства, которыми наделены только боты, направлены вовне, напряжены и приведены в боевую готовность.

Третий круг — персонал охраны, женщины и мужчины в костюмах отточенного стиля и с еще более отточенными ножами, а также другим оружием, с бóльшим радиусом действия, способным уничтожить убийцу, биологического или машинного, до того как он приблизится на расстояние убийства. Яды, воздушные дроны, шокеры, запрограммированные насекомые. Эйтур Перейра не жалел денег. Его арсенал — лучший на Луне.

В центре всех этих кругов лежит Ариэль Корта — в искусственной коже, в отделении интенсивной терапии больницы «Носса Сеньора Апаресида».

Корта явились со всех четырех сторон Луны. Доктора тверды в своем отказе допустить семью в отделение интенсивной терапии. Там не на что смотреть. Красивая женщина на койке жизнеобеспечения, утыканная трубками и проводами, боты-сенсоры и сканеры вьются над ее телом, словно мудры из индусского танца. Бейжафлор висит над ее головой. Адриана переселила свою свиту в Жуан-ди-Деус. «Корта Элиу» реквизирует комнаты на уровне, расположенном выше отделения интенсивной терапии. Их обитателям хорошо заплатили; по необходимости, перевели в другие больницы, перевезли за счет Корта с самым оптимальным уходом из возможных, лучше прежнего. Слуги из Боа-Виста печатают мебель и ткани, объявляют тендеры по организации питания. Новостники и профессиональные сплетники разбили лагерь снаружи больницы. Эйтур Перейра уже поймал тридцать шпионских дронов.

Фамильяры сообщили подробности об атаке и понесенном ущербе, но Корта чувствуют себя удобнее и увереннее, повторяя, слыша, обновляя случившееся друг другу. Этакая литания убийцы.

— Костяной нож, — говорит Адриана Корта.

— Он пронес его прямо через сканеры на вечеринке, — говорит Рафа. Он прибыл из самого Тве; три прыжка БАЛТРАНам. Он невозмутим; вид ухоженный, одежда и обувь в порядке, волосы безупречны, невзирая на уничижительный характер баллистической транспортировки. — Они ничего не засекли.

— Модель встречается повсюду в сети, — говорит Карлиньос. Он проехал двенадцать часов на ровере, оставив позади маленькую войну в Море Кризисов, и в непривычном костюме с рубашкой у него зудит тело. Он пытается ослабить тесный воротник. — Половина моей команды их носила. Они были в моде пару лет назад. В качестве шаблона в них используешь собственную ДНК.

— Истец, затаивший злобу, — говорит Адриана.

— Недостатка в них нет, — замечает Лукас.

— Нелепость, — шипит Адриана. — Если тебя угораздило вляпаться в плохой развод, злобу надо вымещать не на адвокате, а на бывшей.

— Версия достоверная, — говорит Лукас, — Баррозу против Рохани. В Суде Клавия есть файл дела. Он прекратил переговоры и захотел судебного урегулирования. Ариэль порвала его в клочья.

— И все же он был гостем на этой вечеринке, — говорит Адриана. — Нелепость, какая нелепость...

Никто пока что не сказал вслух очевидное и не скажет, пока Ариэль не будет вне опасности. Остальная Луна пусть плодит слухи, бесится и возмущается в сети. Корта это на руку, но еще важнее для них вести себя с достоинством в трудную минуту.

— А где Вагнер? — спрашивает Адриана.

— В Царице, — говорит Карлиньос. — Он что-то нашел.

— Если он хочет быть одним из нас, должен явиться сюда.

— Я вызову его опять, мамайн.

Но Лукас приподнимает бровь и бросает на брата взгляд: «Мы поговорим на эту тему».

«Доктор Макарег здесь», — сообщают фамильяры.

Врач Ариэль колеблется в дверном проеме, испуганная при виде целой группы Корта. Садится за одним концом совещательного стола. Семья собирается за другим концом.

— Дела нехороши, — говорит доктор Макарег. — Мы ее стабилизировали, хотя она потеряла много крови. Очень много. Повреждена нервная система. Нож рассек часть спинного мозга. Есть потеря функций.

— Потеря функций? — взрывается Рафа. — Это еще что? Вы не про бота нам рассказываете. Моя мать должна знать, что произошло с Ариэль.

Доктор Макарег трет глаза. Она измождена, и последнее, что ей нужно, это напрасные вспышки гнева Рафы Корты.

— Нож вызвал поражение категории Б в зоне L5 спинного мозга. С повреждением категории Б моторные функции утрачиваются. Сенсорные сохраняются. Зона L5 отвечает за моторику ступней, ног и всего, что относится к тазу. Это утрачено. Также потерян контроль за кишечником и мочевым пузырем.

— В каком смысле контроль за кишечником и мочевым пузырем? — спрашивает Рафа.

— Недержание. Мы установили колостому.

— Она не может ходить, — говорит Карлиньос.

— Это параплегия. Ваша сестра полностью парализована от таза вниз. Мы также беспокоимся из-за вероятных мозговых повреждений в связи с большой потерей крови.

Карлиньос бормочет молитву умбанда.

— Спасибо, доктор, — говорит Адриана Корта.

— Что вы можете сделать? — спрашивает Рафа.

— Мы начнем терапию стволовыми клетками, как только Ариэль будет стабильна. Процент успеха хороший.

— Я не понимаю: в каком смысле процент успеха хороший? Коджо Асамоа вырастили новый палец на ноге за два месяца, — говорит Лукас.

— Есть большая разница между выращиванием нового пальца на ноге и восстановлением спинных нервов. Это деликатная процедура.

— Как долго? — спрашивает Адриана.

— Это может занять до года.

— Год! — восклицает Рафа.

— Может, восемь месяцев, если пересаженные ткани примутся сразу. Потом есть еще восстановительный процесс — нужно заново научиться использовать моторные системы, проложить новые нейронные пути. Мы не можем с этим спешить. Эта работа требует точности. Любые ошибки исправить нельзя.

— В общей сложности год, — подытоживает Лукас.

— Что бы вам ни понадобилось, мы это достанем, — говорит Адриана. — Оборудование, новые технологии с Земли, что угодно. Ариэль это получит.

— Спасибо, но наша медицинская технология опережает любую земную. Мы сделаем все, что в наших силах, сеньора Корта. Все.

— Разумеется. Спасибо, доктор. — Второе «спасибо» означает, что можно уходить. Адриана поворачивается к сыновьям. — Рафа, Карлиньос, будьте любезны? Мне надо переговорить с Лукасом.

— Я был бы дураком и лжецом, если бы сказал, что это мне не на руку, — замечает Лукас, когда комната пустеет.

— Хочешь, чтобы я этим восхитилась?

— Нет. Это достойно порицания, но в деловом смысле хорошо. Однако меня сейчас волнует совсем другая вещь. Свадьба, мамайн. Если Ариэль не будет обсуждать условия никаха, Маккензи съедят Лукасинью живьем.

Лукас видит, как его мать пытается усвоить новую информацию — она точно экстракторная установка, которой нужно учесть все неровности пейзажа, чтобы повернуть, или поезд, должный начать торможение еще до того, как окажется за горизонтом. Когда-то она решала проблемы с изяществом порхающей танцовщицы. Быстро соображала, схватывала на лету. Этот династический брак не станет долгой ловушкой, которую он разделил с Амандой Сунь. Ариэль добьется, чтобы сделка совершилась по их правилам. Это будет лучший брачный контракт в ее карьере. Лукас еще ничего не рассказал Лукасинью. Он собирался молчать до той поры, пока контракт не будет готов. Теперь парень едет из Меридиана, и Лукас в ужасе от предстоящего разговора.

— Что мы можем сделать? — спрашивает Адриана, и Лукас слышит в голосе матери опустошенность и нерешительность.

— Тянуть время.

— Маккензи ни за что такого не позволят.

— Посмотрим, кого мне удастся разыскать. Бейжафлор занимается списком контактов Ариэль.

— Да, — говорит Адриана, но Лукас видит, что все ее мысли обращены к палате на нижнем уровне. — Мы сделаем для Лукасинью все, что в наших силах.

— Мамайн, я переживаю за Ариэль, честное слово, но компания...

— Позаботься о компании, Лукас. Я позабочусь об Ариэль.

— Привет.

— Привет.

Он шатается по коридорам в надежде отыскать еду, чай, какой-нибудь способ скоротать время ожидания, которого в медицинских учреждениях просто навалом. Она выходит на подгибающихся ногах из комнаты, где ее допрашивал Эйтур Перейра; вопрос за вопросом, вопросы, три часа вопросов. Подробности. Воспоминания. Скажи мне снова, снова и снова. Любые замеченные краем глаза детали могут помочь разобраться в инциденте. Она устала, ей плохо.

К моменту, когда появились остальные телохранители, нападавший был мертвее мертвого. Кто-то разжал ее кулак и вытащил вейпер. Кто-то оттащил ее прочь от растущей лужи крови. Первыми прибыли боты; прибежали по потолку, прилетели на пропеллерах. Они оценили состояние Ариэль Корты, уже посиневшей от потери крови, вогнали провода и трубки в ее руки, прижали и зашили разверстые дыры в плоти, напечатали искусственную кровь, переложили Ариэль в позу для спасаемых и вызвали медиков-людей. Команда наемных охранников, экстренно найденная Бейжафлор, очистила вечеринку от гостей. Теперь «Корта Элиу» пустила в ход свои ресурсы. Воронцовский лунный корабль прибыл к поверхностному шлюзу квадры Водолея. Ариэль должны были забрать в Жуан-ди-Деус. Никаких вопросов. Наемные охранники сопроводили носилки и команду медиков в трюм лунного корабля. Марина дрейфовала на орбите вокруг них, как покрытый кровавыми пятнами спутник. Она никогда раньше не бывала на борту лунного корабля. Там оказалось шумно. Все тряслось. Она чувствовала себя куда менее уверенно, чем в седле одного из пылевых байков Карлиньоса. Все двадцать минут полета ее тошнило, и, тихонько блеванув в углу лифта, который вез их вниз, в хаб Носса Сеньоры да Глории, Марина поняла, что всему виной вонь крови, исходящая от ее собственного платья.

Эйтур Перейра перехватил ее у ворот и поспешно уволок прочь от команды реаниматоров. Она увидела мать и братьев Ариэль за чужими плечами, среди столпившихся людей.

«Расскажи мне все».

Камеры летали роем.

«Мы должны знать. Все».

«Я спасла ее гребаную жизнь».

— Твое, э-э, платье...

Марина все еще в наряде от Жака Фата. Ткань твердая от запекшейся крови, воняет железом и смертью.

— Мне не разрешили... — Теперь она перестала шевелиться, и движущая сила событий, голосов и лиц грозит сбить ее с ног. Марина ошеломлена от усталости, все еще в шоке, и голова у нее идет кругом.

— Пошли, надо подыскать тебе что-нибудь.

Большие принтеры загружены медицинскими принадлежностями или предметами обстановки для «Корта Элиу», но за больничной чайной есть маленькая общественная установка. Посетители чайной глазят — на кровь, на Кортю.

— Прекратите глядеть на меня! — кричит Марина. — Прекратите пялиться, мать вашу!

Депринтер отказывается принимать платье Марины. «Зараженный материал, — передает ей Хетти. — Пожалуйста, для переработки обратитесь к заббалинам».

— Вот. — Карлиньос сходил за чаем, пока Марина ждет принтера. Повседневная классика: толстовка, рейтузы. Кроссовки.

— Ты не мог бы отвернуться? — Марина стягивает лямки с плеч.

— Я тебя уже видел, — шутит Карлиньос.

— Отвернись, пожалуйста, всего на минуту. — Ей не до шуток, не до легкомысленных слов.

Платье прилипло к коже. Марина смачивает ткань остывающим чаем, чтобы размягчить запекшуюся кровь. Белье промокло насквозь. Она сдирает его с себя прямо в киоске за чайной; долой, прочь с тела. Чувствует собственную вонь. Давится. Если ее начнет тошнить, она не сможет остановиться. Свеженапечатанные рейтузы и толстовка, прикасаясь к коже, кажутся божественно чистыми.

— Идем.

Карлиньос берет ее за руку, и она позволяет ему отвести себя в тихую комнату на девятом этаже. Диванчики, покрывала из фальшивого меха, место для того, чтобы свернуться клубочком и расслабиться.

— Выпьешь?

У Карлиньоса в каждой руке по «Голубой луне».

— Как же ты можешь... — Марина начинает плакать. — Прости. Прости.

Карлиньос садится рядом с нею, вытягивается. Марина сжимается в комочек, обнимает колени.

— Ты отлично справилась.

— Я просто справилась. Только и всего. Я ни о чем не думала. Не о чем было думать. Только действовать.

— Что-то тобою овладевает. Тело, дух — все это тут ни при чем. Может, дело в инстинкте, но он не врожденный. Не думаю, что у нас существует для этого подходящее слово. Что-то мгновенное и чистое. Чистое действие.

— Не чистое, — говорит Марина. — Не называй это чистым. Я его вижу, Карлиньос. Он выглядел таким изумленным. Как будто случившееся было последним, чего он ждал. Потом он рассердился. Расстроился из-за того, что должен умереть и не увидит, сработал ли его план. Я по-прежнему его вижу.

— Ты сделала то, что должна была сделать.

— Заткнись, Карлиньос.

— Делай, что должен. Это я и имел в виду, когда сказал о чистоте. Это необходимость.

— Я не хочу об этом говорить, Карлиньос.

— Ты отлично справилась.

— Я убила человека.

— Ты спасла Ариэль. Он бы ее убил.

— Не сейчас, Карлиньос!

— Марина, я знаю, что ты чувствуешь.

— Ничего ты не знаешь, — говорит Марина, а потом у нее перехватывает дыхание, потому что правда таится в глазах, в мышцах, даже в запахе пота; бессознательная правда, которую мы считываем на глубинном уровне. — Знаешь. О Господи, ты знаешь. Убирайся от меня, убирайся. От тебя кровью несет.

Марина отталкивает Карлиньоса прочь. Мышцы Лунницы отбрасывают его на стену с достаточной силой, чтобы остались синяки.

— Марина...

— Я не такая, как ты! — кричит Марина. — Я не такая!

А потом она убегает.

Волк — не охотник-одиночка. А вот Вагнер Корта как раз такой. Он понял правду о своих двух натурах, которую не поняли собратья по стае, невзирая на все их идентичности и споры из-за местоимений и нэ: он не превращается из заурядника в волка и обратно. Есть два Вагнера Корт, светлый и темный, у каждого отдельная и особенная личность, с уникальными особенностями, умениями и талантами. Заурядник Вагнер Корта умер двенадцать лет назад в обзорном куполе Боа-Виста. Волк и темный Вагнер его пережили.

Он вклинивается в толпу людей, возвращающихся с матча, пробирается вдоль 73-го уровня Фалкон-Вест. Его фамильяр схожим образом внедрился глубоко в сеть безопасности Царицы Южной. Он потратил много часов на написание кода-взломщика, который позволяет отслеживать Джейка Суня. Он потратил дни на наблюдение за этим человеком, его привычками и ритуалами, его закономерностями и предсказуемостями. Рафа звонил, снова и снова: Ариэль; Ариэль критически ранена, ее ударили ножом. Приезжай в Жуан-ди-Деус. Немедленно. Придется выкинуть это из головы, сосредоточиться. Сконцентрироваться на охоте.

Джейк Сунь в одном квартале впереди, на уровень ниже, запутанным путем возвращается с игры на «Тайян-Арене». «Тигры» — 34, «Мосус» — 17. Ужасный результат. Опять мальчикам Рафы надрали зад. Рафе придется и об этом подумать. Фанаты в отличном настроении. Джейк Сунь перебрасывается шутками с друзьями; он счастлив, расслаблен, ничего не подозревает. Вагнер легко с ним справится. Друзья предлагают выпивку, ужин. Джейк откажется. Ему предстоит помолвка с Зои Мартинес, его амор из Царицы Южной. И здесь он на лифте поедет вниз, на 33-й. Вагнер едет в соседней кабинке, отставая на один уровень. Квартира Зои Мартинес на одной из боковых улочек 33-го уровня, темной и уединенной. Вагнер ускоряет шаг и приближается к жертве. Его цель сворачивает в тихий район.

— Джейк Тэнлун Сунь.

Джейк поворачивается и видит нож в руке Вагнера Корта. Вспышка — и Вагнер, испытав сильнейшую в жизни боль, валится на землю, одеревенев. Как будто внутрь него проникли чьи-то руки и рвут каждую мышцу на части. Он перекачивается на спину и видит кольцо нацеленных на себя ножей. Охранники Суней.

— Ты слишком предсказуем, Маленький Волк. — В руках Джейка Суня искрится тазер. — Три Августейших предсказали, что ты придешь, еще неделю назад. И ты подобрался слишком близко. Прости за все это.

Улочка взрывается от воя. На миг охранники Суней отвлекаются. Мига хватает. Фигуры бросаются с балконов, выскакивают из дверных проемов, кувыркаются через ограждение, взлетая с нижнего уровня. Тела падают, кого-то бьют ботинком по виску. Вагнер перекачивается, уходя от ножа, которым его бьют в глаз. Лезвие застревает в мягком дорожном покрытии улицы. За долю секунды, которая требуется охраннику, чтобы его высвободить, женщина в спортивном костюме перерезает ему горло. Руки хватают Вагнера за запястье, оттаскивают в сторону, помогают встать. Двое суневских убийц повержены, остальные, превзойденные числом, прикрывают отход Джейка Суня.

— Ты в порядке?

Вагнер во власти мучительной боли от бесчисленных булавок и иголок, терзающих тело, но его глаза могут сфокусироваться, и он способен говорить. Ирина, которая любит кусаться. Саша Эрмин. Волки Магдалены.

— Вперед, уходим, уходим. — Саша Эрмин. Нэйная стая быстро уносит Вагнера прочь по улице. Его тело онемело и зудит, он обмочился.

— Вам, волчатам, нужно многому учиться по поводу того, что означает быть в стае, — говорит Ирина. — Вы слишком привыкли к тому, что Земля постоянно у вас над головой. Когда Земля темнеет, не

пересташь быть волком. — Но она выглядит по-другому, пахнет по-другому, у нее другая прическа и стандартный спортивный наряд; тысяча отличий свидетельствуют о том, что она не волк.

— Мы узнали о конкурсе, предметом которого было твое убийство, — говорит высокий мускулистый мужчина в спортивном трико и беговых кроссовках. Вагнер видел, как он перелетел через ограждение, держась одной рукой, и сбил киллершу с ног ударом в почки.

— Спасибо, — говорит Вагнер. Звучит неубедительно, но на самом деле нет более истинного слова.

— Когда все постоянно сами по себе — это неправильно, — говорит Саша. — Мы отнесем тебя в Дом Стаи и там приведем в порядок.

— Мне нужно в Жуан-ди-Деус, — протестует Вагнер. — Я должен увидеться с семьей.

— Мы теперь твоя семья, — говорит Ирина и вручает ему потерянный нож.

Марина приносит чай из гостиной, чтобы сидеть, пить и смотреть, как спит мужчина. После секса у нее всегда бессонница. Мужчины храпят, вздыхают или бормочут что-то всю ночь, в то время как она вытаскивает руку из-под живота, меняет положение ноги, выskalывает из-под плеча, чтобы не сомкнуть глаз до восхода солнца.

Марина пьет чай. Темную комнату озаряет только случайный свет из ванной, с улицы, превращая кожу Карлиньоса в бархат. У него самая красивая кожа в мире. Как и все пылевики, он избавился от волос на теле. Стягивать пов-скаф с волосатой спины крайне мучительно. Она нежно касается его кожи, боясь разбудить; этого достаточно, чтобы заразиться дремотой, ощутить живое электричество. Свет порождает изысканные тени на ландшафте его спины, точно низкое солнце, обнажая отметины, которые отдаленно похожи на старые кратеры и борозды. Его бок, его бедро и скульптурный изгиб ягодицы покрыты сетью тонких линий. Шрамы.

Обаяшка; интриган; оратор; боец.

Он дышит как ребенок.

Как же хорошо, когда с нею мускулистый мужчина. Высокий, мускулистый мужчина; по-лунному высокий, достаточно крупный, чтобы подхватить на руки, объять, взять верх — ей это нравится. Крупный мужчина, которого можно перекатить на спину и оседлать. Другие ее мужчины были коллегами: гики и инженеры, игроки в кости и случайные бегуны; сноубордисты и скейтбордисты. Спортивные парни. Однажды случился качок; был еще пловец. Он находился в хорошей форме. Земляне. Это лунный мужчина. Марина видела Карлиньоса обнаженным, когда он освежался после Долгого бега, надевал скаф, снимал скаф, в том драгоценном бассейне в Бэйкоу, под взглядом и под сенью лап Ао-Куана, но до сих пор ни разу не видела в нем мужчину с Луны, лежащего на животе, повернув голову в сторону, в ее собственной кровати. И он такой необычный, этот лунный мужчина. На голову с лишним выше Марины, хотя по стандартам второго поколения считается невысоким, а среди стройных как деревья третьих — и вовсе ниже среднего. Его кожа плотно облегает иную мускулатуру, чей ландшафт, как и все прочие ландшафты, подвластен гравитации. Пальцы на ногах длинные и гибкие. Пальцами на ногах надо хвататься. Икроножные мышцы круглые и крепкие: у Марины болели икры целый месяц, пока она училась походке лунных девушек. Мышцы бедер у Карлиньоса четко очерченные и длинные благодаря бегу, но по земным стандартам они недоразвитые. Мышцы бедер слишком сильные для Луны: из-за них можно врѣзаться в стену, в людей, а еще можно взмыть к самой крыше и раскроить себе череп. Зад у него великолепный. Марине хочется его укусить. Икры и зад — вот что нужно, чтобы обрести раскованную походку, которой славится проспект Гагарина. Вот почему ретро 1950-х на пике популярности в этом сезоне; эти пышные юбки и короткие жакеты наполняют улицы соблазном.

Марина не видит живот Карлиньоса, но знает, что пресс у него тугой, плотный. Его хребет прячется в глубокой лощине между мышцами. Верхняя часть тела, по контрасту с нижней, чрезмерно развита. Тяжелые плечи, массивные пекторальные мышцы, бицепсы и трицепсы бугрятся. Широкая грудная клетка. На Луне сила верхней части тела нужна больше, чем нижней. Он лежит, растянувшись на ее постели, точно побежденный супергерой из мультика. Дышит ртом.

Странный мужчина, красивый мужчина. Ты в хорошей физической форме для этого мира, и в этой форме твоя красота. Но я такая же сильная, как ты, я швырнула тебя о стену в больнице, когда ты меня напугал. Я схватила тебя, когда ты на меня набросился, и опрокинула, и ты рассмеялся, потому что ни одна амор никогда такого с тобой не делала, и тогда я набросилась на тебя.

Чай Марины почти остыл.

Она бежала, коридор за коридором, не в силах покинуть больницу, город, Луну, пока не нашла маленький уголок. Там она сжалась в комочек, обняла колени и почувствовала, как давит каменное небо: миллиарды тонн неба. Там он ее и нашел. Сел по другую сторону коридора, не сказав ни слова и не попытавшись прикоснуться, ничего не сделал, просто остался там. Наверху, в Байрру-Алту, в отчаявшихся небесах, человек с ножом забрал ее туманную ловушку и выпил ее воду прямо у нее на глазах. Нож победил, нож всегда побеждает. Нож был упреком для Марины, пока страх, ярость и адреналин не заставили ее бросить вызов ножу и вогнать титановый штырь человеку в мозг, пробив верхнюю часть черепа.

— Карлиньос, — говорит она. — Мне страшно.

«Страшно?»

— Я как ты.

В своей комнате под тем же самым каменным небом она опускается щекой в ложбинку на спине Карлиньоса. Чувствует, как он движется в такт дыханию, ощущает ритм его сердца, его крови. Невероятную текстуру его кожи. Шрамы она совсем не ощущает.

— О боже, что же нам теперь делать?..

— Сколько ему? — спрашивает Лукасинью.

— Двадцать восемь, — отвечает Лукас.

— Двадцать восемь!

В возрасте Лукасинью это смерть. Лукас помнит себя в семнадцать. Как ему все было ненавистно... Его затмевала длинная тень Рафы, немногие друзья разъехались кто куда, он потерял с ними связь и чувствовал себя слишком неуклюжим и неуверенным, чтобы налаживать новые знакомства. Все вокруг казалось неправильным: друзья, любовницы, одежда, смех и то, что семнадцатилетний считает любовью. На Рафу это все лилось дождем, пропитывало его насквозь обаянием, очищало. А Лукас как был одиноким, так и остался.

Он завидует сыну; легкой сексуальности Лукасинью, его обаянию, тому, как ему уютно в собственном теле. Булавке с Доной Луной на его лацкане.

Лукас встретил сына на станции. Парнишка надел весь свой пирсинг — официальный случай! — и прижимал к груди картонную коробку с тортом. Увидев ее, Лукас едва не улыбнулся. Где же Лукасинью научился такой доброте? Эскольты расчистили путь сквозь толпу людей, случайно заприметивших звезду. На Луне ничто не заслуживало такого количества слухов, как попытка убийства. Лукасинью держал свой

торт, как ребенка, пока над его головой шныряли дроны.

Они десять минут простояли вместе у окна в ОИТ. Фамильяры могли бы показать Ариэль во всех подробностях, наложив схемы и медицинские пояснения, но это была бы просто картинка. Стекло делало все реальным. Ариэль лежала в коме, Бейжафлор выполняла медленные топографические инволюции. Потом Лукас забрал Лукасинью вверх, в его комнату. Цзиньцзи передал схемы госпитальным принтерам, и слуги Боа-Виста соорудили уютную реплику коллоквиальной комнаты Лукасинью в Меридиане. Там Лукас рассказал ему о свадьбе. Он все аккуратно спланировал. Устраивать этот разговор в собственной комнате Лукаса было бы недостойно, его офис выглядел слишком официально и давяще.

— Твоей матери было двадцать девять, когда я на ней женился. Мне — двадцать.

— Только глянь, что из этого вышло.

— Из этого вышел ты.

— Не принуждай меня к такому.

— Мы в этом не свободны, Лука. — Близость, укороченное прозвище: он тренировался всю дорогу до станции, стараясь привыкнуть к дискомфорту в горле. Он боялся, что запнется, но, когда пришлось произнести это словечко, оно выскользнуло легко. — Так приказал Орел Луны.

— Орел Луны, крыса Луны — так бы ты хотел его назвать.

— Мы у него в руках, Лука. Он может уничтожить компанию.

— Компанию...

— Семью. Я не хотел жениться на Аманде Сунь. Я ее никогда не любил. Любви в брачном договоре не было.

— Но ты купил себе свободу. Купи и мне.

— Не могу. Я бы хотел смочь, Лука. Я бы что угодно сделал ради такого. Это политическое дело.

В коробке макаруны, глянцевые и безупречные, расположенные согласно цветам спектра. От таких вещей Лукас чувствует себя подлейшим предателем. Они невинные, добрые, нежные, и он их обманул.

— У меня есть первый черновик никаха, — говорит Лукас.

— Ариэль подключена к системе жизнеобеспечения.

— Его составила не Ариэль, — говорит Лукас. У Лукасинью дергается щека.

— Что?

— Это первый черновик, Лука. Я бы мог тебе приказать. Ради семьи и все такое. Я тебя спрашиваю: ты выйдешь за Денни Маккензи?

— Пайзинью...

Теперь вздрагивает Лукас, точно от маленького землетрясения: он не помнит, когда в последний раз Лукасинью использовал это знакомое уменьшительно-ласкательное обращение. «Папочка».

— Ради семьи?

— А ради чего еще?

— Как давно ты здесь?

Голос пробуждает Марину от теплой и стерильной дремоты. Отделения интенсивной терапии

чрезвычайно подходят для сна. Тепло, гул и завораживающий танец машин, нежный растительный запах, напоминающий о лесах, о горах и о доме.

— Как давно вы проснулись?

— Слишком давно, — говорит Ариэль Корта. Бейжафлор поднимает изголовье койки ОИТ. Волосы Ариэль свисают вдоль лица, распущенные, безвольные, нечистые. Кожа у нее тусклая, восковая; глаза запали. Трубки и канюли торчат из ее запястий, соединяясь с гладкими белыми «руками» медицинских машин.

— Я не думаю, что доктора разрешат...

— Имела я докторов и их разрешения, — перебивает Ариэль и поворачивает койку, чтобы видеть Марину. — Что ты тут делаешь?

— Я вас охраняю, помните?

После того как Ариэль пробудили от искусственной комы, семья так и жужжала вокруг. Не проходило и часа, чтобы кто-то не сидел у ее койки, держа за руку, улыбаясь, не уходя, даже когда она снова проваливалась в долгий исцеляющий сон, запрограммированный медицинской командой. Шли часы, дни, и потребности компании вынудили их покинуть больницу. Дежурства превратились в посещения. Медиашайка у дверей разлетелась, прилипалы рассосались. В конечном итоге Марина осталась в ОИТ одна. Она страшилась одиночества, боялась, что не сумеет спастись от лица человека, насаженного на штырь, но обнаружила, что вахта приносит умиротворение и исцеление. Время вдали от людей и их желаний. Она смогла примириться с тем, что сделала с человеком, который попытался убить Ариэль. Может, когда-нибудь она придумает для случившегося оправдание.

— Ну-ну, выглядишь дерьмово, — говорит Ариэль. — И что это на тебе надето?

— Чистые вещи. Мне нравятся. В них удобно. А вы можете разговаривать, оказывается.

Смех Ариэль похож на сухой и горький лай.

— Клянусь богом, да; будь душкой и принеси мне что-нибудь из макияжа? Негоже показываться Луне в таком виде.

— Уже сделано. — Марина подцепляет сумочку на молнии из-под кресла и кладет на койку. Это всего лишь дорожный набор «Риммел Луна», на одну ступень выше бюджетного, но Ариэль открывает косметичку с нетерпением и восторгом, как новогодний подарок.

— Ты сокровище. — Взгляд Ариэль смягчается, когда она разглядывает собственное лицо через Бейжафлор и изучает восстановительные работы. Чрезмерная благодарность за косметику, ни единого слова по поводу спасенной жизни, думает Марина. — А где моя семья, исполненная вечной любви?

— Планирует свадьбу, — говорит Марина. Ариэль резко садится, потом опять падает на спину от боли. Тюбик помады выскальзывает из пальцев. — С вами все в порядке?

— Нет, мать твою, не в порядке. Кажется, я что-то порвала. Где доктор? Мне нужен врач-человек. Достань какое-нибудь обезболивающее.

— Легко.

Во весь опор прибывает медсестра и поспешно прогоняет Марину от койки. Марина краем глаза замечает сердитое лицо Ариэль, пока койку перенастраивают, проверяют мониторы и устанавливают дозу. Косметичка снова упакована и отправлена на столик вне досягаемости.

— Дай сюда, — командует Ариэль, когда медсестра уходит. Наносит тональное средство, тени для

глаз и подводку; тушь — аккуратными, точными движениями. Ритуальная трансформация лица для Ариэль означает возвращение собственного тела — хоть какой-то степени контроля над ним, пусть оно и не желает подчиняться. Наконец, губы. Ариэль поворачивает голову из стороны в сторону, чтобы рассмотреть восстановленное лицо под всевозможными углами.

— Итак, мой племянник. Кто занимается никаком?

— Лукас.

— Лукас! Парню конец. Тащи его сюда. Немедленно. Он что-то подписал? Спасите нас боги от свах-любителей.

— Доктора говорят, ваше здоровье все еще очень хрупкое.

— Тогда я уволю этих докторов и найму тех, у кого есть хоть гран уважения. Что я должна делать — лежать тут, пялиться в потолок и приказать Бейжафлор, чтобы играла мне утробную музыку? У меня ноги отказали, не мозг. Это терапия. Бейжафлор, вызови Лукаса.

«Внешняя связь ограничена по медицинским показаниям», — говорит Бейжафлор по общему каналу. Ариэль издает гневный вопль. Медсестра возвращается и вылетает из палаты как ошпаренная, когда Ариэль орет на нее. Марина отворачивается, пряча удовольствие.

— Марина, корасан, ты можешь вызвать мне Лукаса?

— Уже вызвала, сеньора Корта.

— Да я же тебе сказала: Ариэль.

Марину будит крик. Он в коридоре, бежит, пока Хетти все еще информирует ее о тревоге в палате Ариэль Корты. Ариэль переместили из ОИТ в отдельную комнату на уровень выше, там, где раньше размещалось семейство Корта. Движущая сила заносит Марину в палату, и там она врезается в стену возле койки. Медицинские боты высовываются из люков в стене, чтобы изучить ее. Поверхностные ссадины, серьезного ущерба нет.

— С вами что-то случилось?

— Ничего.

— Я услышала... Хетти подняла меня по тревоге.

— Ничего!

Койка снова приводит Ариэль Карту в сидячее положение. Хетти передает диагностические данные, но Марина и так видит страх в широко распахнутых глазах Ариэль, слышит ее сдавленное дыхание и подмечает губы, возмущенно искривленные от того, что ее застigli в таком неподобающем виде.

— Я не уйду.

— Ничего. Нет. Я его увидела.

— Барозу... — начинает Марина. Ариэль вскидывает руку.

— Не произноси вслух. — Она сердито вздыхает, сжимая кулаки. — Я все время его вижу. Каждый раз, стоит чему-нибудь шевельнуться; боты, кто-то в коридоре, ты; и он тут как тут.

— Нужно время. У вас была травма — серьезная травма, вы должны исцелить свою память...

— Вот только не надо мне этого терапевтического трепы и прочего исцеляющего дерьма.

Марина прикусывает язык. Она выросла на разговорах о хорошем самочувствии, о балансе,

равновесии и перерождении. Кристаллы вращались, чакры светились. Обиды хромали, травмы получали раны, оскорбления — увечья. До нее вдруг доходит, что она никогда не задумывалась о принципах и идеях в основе всего этого. Дело-то в аналогиях. Но исцеление, практическое исцеление может касаться только тела, не эмоций. С эмоциями все может произойти по-другому — если вообще ранены эмоции, если «рана» не просто еще одна аналогия для реальности, у которой нет имени и для которой нет слов, помимо переживания эмоции как таковой. А может быть, дело и не в процессе, а во времени и угасании воспоминаний.

— Мне жаль.

— Дерьмо эта ваша самопомощь, — рычит Ариэль. — Что мне нужно: мне нужна возможность снова ходить, а также ссать и срать, не чувствуя что-то теплое в мешке на бедре. Мне нужно выбраться из этой койки. Мне нужен проклятый мартини.

«Ты сердисься», — едва не говорит Марина. Нет.

— Мой брат, Скайлер, служил в армии.

— Правда? — Ариэль приподнимается на локтях. Койка вторит ее движению. История из жизни. Люди, которые делают разные вещи; она такое любит.

— Он работал где-то в Сахеле. В тот период армию бросали в дело по любому поводу, будь то вспышка какой-нибудь заразы, устойчивой ко всем лекарствам, беженцы, голод или засуха.

— Что вы, ребята, вытворяете там внизу — я в этом ничегошеньки не смыслю.

Марина чувствует укол ярости. Да что о себе возомнила эта высокомерная богатая шлюха-адвокатша? Богатая шлюха-адвокатша с Луны. Парализованная после удара ножом. Пусть эмоция угаснет. Успокойся. Исцелись.

— Он занимался информационным сопровождением. Каждому кризису нужно информационное сопровождение. Но он все равно насмотрелся всякого. Дети. Они были хуже всего. Только это он и сказал. Ничего не хотел объяснять. Они на эту тему не говорят. Ему поставили диагноз: жертва ПТСР. Нет, возразил он. Я не жертва. Не делайте из меня жертву. Тогда люди только это и будут видеть. Тогда это станет всем, что я есть.

— Я не жертва, — говорит Ариэль. — Но я хочу прекратить видеть его.

— Я тоже, — отвечает Марина.

— В каком это смысле ты не трахаешься с другими людьми?

Два часа ночи, и Марина, и Ариэль опять страдают бессонницей в палате медцентра. Они поговорили о людях и политике, о праве и амбициях; поделились друг с дружкой историями и байками из жизни, и вот настал черед историй про секс.

— У меня отсутствует сексуальное влечение к другим людям, — говорит Ариэль. Она полулежит на койке и парит. Доктор Макареэг сдалась, больше никаких предупреждений и предостережений. «Кто платит за ваше дыхание, душенька?» Вейпер новый, длиннее и смертоносней того, которым Марина заколола Эдуарда Барозу. Плавные движения кончика гипнотизируют Марину. — Недопустимо, чтобы они меня отвлекали. Эти слабости, потребность во внимании, необходимость думать о том, кто не думает о тебе... И все это ради того, чтобы договориться о сексе, и сам секс, его начало и конец, а потом еще и любовь. Боже упаси. Куда лучше заниматься сексом с тем, кто всегда доступен, знает, чего ты хочешь, и любит тебя куда сильнее, чем кто бы то ни было. С собой.

— Это прям, ой, ух ты, — говорит Марина. Прибыв сюда в качестве свеженапечатанной Джо Лунницы, она изучила сексуальное разнообразие Луны, но есть ниши в этой экосистеме — сексуальном дождевом лесу, — которые ей даже не снились.

— Ты такая земная, — говорит Ариэль и взмахивает вейпером. — Секс с другим человеком — всегда компромисс. Вечные неуклюжие передвижения и перепихон, попытки подогнать одно под другое, и кто кончит первым, и кому что нравится, и тебе не нравится то, что нравится другой стороне, а ей не нравится то, что нравится тебе. Вечно что-то приходится держать в тайне; та вещь, которую ты по секрету любишь или хочешь попробовать, или то, что заставляет тебя забывать обо всем и кричать до потери голоса, но ты не можешь сказать об этом вслух, потому что партнер посмотрит на тебя, спросит: «Ты что, серьезно хочешь это сделать?» — и увидит не того, кого любит, но чудовище. Нет более грязного места, чем то, которое у тебя в голове. Когда ты сама с собой, когда ты рукоблудничаешь, ловишь боб, ищешь жемчуг, играешь в женский гандбол, устраиваешь сиририку; не надо переживать ни о ком другом, не надо сдерживаться. Никто не осудит, ни с кем не сравнит, не утаит от тебя мысли о ком-то другом. Я-секс — единственный честный секс.

— Я-секс? — переспрашивает Марина.

— «Самосекс» звучит грязно, «аутосекс» — это когда боты трахаются, а любое слово, в составе которого есть «эротика», по определению неэротично.

— Но что же ты...

— Что я с собой делаю? Да все, дорогуша.

— Та комната в твоей квартире, куда ты меня не пустила...

— Туда я уйду, чтобы оттрахать саму себя. Какие у меня там штучки. Как мне там было весело.

— А этот разговор приемлем для работодателя и служащего?

— Как ты уже не раз напоминала, я не твой работодатель.

— Господи боже, — говорит Марина; выражение в духе старой бабушки, но ничего другого ей в голову не приходит, чтобы выразить должным образом изумление и шок. Она как будто открыла ту запертую дверь в маленькой, голой квартире и обнаружила бесконечную страну чудес: луга и радуги, маслянистая кожа и мягкая плоть, оргазмические песнопения.

— О чем ты думаешь? — спрашивает Ариэль.

— Я не...

Ариэль перебивает:

— Вот уж дудки. Когда говоришь кому-нибудь, что ты «А», они тотчас же начинают сравнивать лучшее, что делали наедине с собой, с лучшим, что делают с нынешним партнером. Каждый раз такое. Ну и о ком ты думаешь?

Это тьма, это поздний час, это щелчки и жужжание лунной машинерии, слышимые всегда, но в этой комнате и на этом уровне особенно громкие и ощутимые; это чувство, что в мире остались только она и Ариэль, — вот что наделяет Марину смелостью признаться:

— О твоём брате.

Ариэль расплывается в широкой благоговейной улыбке.

— Да ты амбициозная, детка. Один из семьи. Вот почему ты мне и впрямь так сильно нравишься. Карлиньос? Ну конечно, Карлиньос. Он великолепен. Всерьез следит за собой. И не болтает слишком

много. Если бы я была девушкой, которая трахается с другими, с ним бы захотела потрахаться. — Вейпер Ариэль застывает по пути к губам. Глаза широко распахиваются. Она подается вперед и хватается Марину за руки. Жест ошеломляющий; кожа адвокатессы все еще горячая и сухая от медикаментов. — Ох, ми корасан... — говорит Ариэль. — Скажи, что это неправда. Ты ведь не влюбилась в него? Ох, глупышка. Разве моя мама не сказала тебе про эту особенность нашей семьи? Не сближайся с нами, не переживай за нас; самое важное — не влюбляйся в нас.

Пыхтя от усилий, прикусив нижнюю губу от боли, Ариэль Корта сползает с койки. Марина смотрит и мучается.

— Можно мне?..

— Нет, мать твою, нельзя, — рывкает Ариэль. Она подталкивает себя к самому краю так, что ноги безвольно свисают, натягивает на бедра нижнюю часть платья в пол вместе с многослойной нижней юбкой. — Ноги, ко мне.

В углу комнаты с жужжанием приходят в движение «ноги». Робототехники «Корта Элиу» разработали и построили их менее чем за день: все другие проекты приостановили ввиду чрезвычайной важности того, чтобы Ариэль Корта снова смогла ходить. «Ноги» идут через всю палату к койке. Походка естественная, легкая, человеческая, и Марину она весьма ужасает. Они как кости, с которых содрали всю плоть. Они будут являться ей в кошмарах еще много месяцев. Прильнув к безвольно повисшим ногам Ариэль, они открываются, точно капканы, и защелкиваются от ступней до таза.

— Теперь мне нужна твоя помощь, — говорит Ариэль.

Марина обхватывает ее рукой за талию, подставляет плечо под мышку и поднимает — а в это время нейронные коннекторы, как пауки, поднимаются по позвоночнику Ариэль, выискивая разъем, который хирурги вживили в спину. Адвокатесса легка, как мысль; кости и воздух, но Марина чувствует ее стальную волю, подобную туго натянутой проволоке. «Пауки» бегают по коже под складками ткани и погружают соединительные устройства в разъем. Ариэль шипит от боли. Две капли крови.

— Давай попробуем.

Марина отступает. Ариэль оседает на пол. Машинные ноги подгибаются, на мгновение кажется, что она упадет, но затем гироскопы и сервоприводы подстраиваются под ее намерения, и она уверенно выпрямляется.

— Придержи платье.

Ариэль делает шаг вперед. Без колебаний, без нерешительности. Обходит комнату кругом, и Марина идет следом, держа шлейф платья, как придворная дама.

— Как ощущения?

— Как будто мне семь лет и я напялила туфли мамайн, — говорит Ариэль. — Ну ладно. Придай мне презентабельный вид.

Марина позволяет платью упасть и расправляет складки и слои. Ни намека на протез под тканью. Ариэль изучает себя через Бейжафлор.

— Пока что сгодится. — Трансплантаты лишь отчасти восстановили контроль над мочевым пузырем и кишечником, но пышное платье скрывает неброское оборудование колостомы. — Я не буду носить платья в пол до конца своих дней. Разве что сделаюсь законодательницей новой моды. Пожалуйста, держись позади меня. Я хочу появиться с достоинством.

Лукас первым аплодирует, когда Ариэль танцующей походкой входит в гостиную, но Марина замечает, как на краткий миг его лицо принимает кислое выражение. Поцелуй. Потом Адриана обнимает дочь и отступает на шаг, чтобы восхититься творением инженеров Корта.

— Ох, любовь моя.

— Это временно, — ворчит Ариэль. — Чисто косметически.

Третий член семьи, явившийся в медцентр, — Вагнер. Он для Марины самый интригующий Корта. С вечеринки в Боа-Виста Марина видела его лишь раз, на праздновании дня рождения. Как и Карлиньос, он служит семье за пределами зала заседаний правления, но Марина ощущает, что тут дело в политике, а не в темпераменте. Он темноглазый и темнокожий, с длинными ресницами и высокими скулами, его фамильяр — сфера маслянистых черных резиновых шипов, и он явился сюда в отсутствие Рафы и Карлиньоса.

Ариэль садится, скрестив ноги, вытаскивает вейпер. Марина стоит позади нее и наслаждается шоу.

— Лукас. Правильный никак. — Фамильяры мигают, обмениваясь данными. — Теперь мальчик будет в безопасности и счастлив. Не читай, просто подпиши и больше не вмешивайся в те вещи, в которых ничего не смыслишь.

— Маккензи согласились?

— Согласятся или будут годами спорить по каждому пункту, а Джонатон Кайод с нетерпением ждет шикарной свадьбы.

Лукас опускает голову, но Марина снова чувствует возмущение.

— Вагнер хочет нам кое-что сообщить, — говорит Адриана.

— Ариэль, твоя телохранительница, — замечает Лукас.

— Марина останется, — говорит Ариэль. — Я доверяю ей собственную жизнь.

Лукас смотрит на мать.

— Она спасла двух моих детей, — говорит Адриана.

— Я знаю, что для меня нет места в центре этой семьи, — говорит Вагнер. — Я договорился с Рафой после нападения во время вечеринки в честь лунной гонки. Я провел кое-какое расследование. Мое особое... положение... означает, что я вижу вещи, которые не в состоянии увидеть никто из вас.

Ариэль замечает, как Марина растерянно хмурится.

«Он волк», — шепчет Бейжафлор по частному каналу Марины.

«Что?» — шепчет Хетти в ответ. Марина вспоминает, как он расспрашивал ее в Боа-Виста. Карлиньос спросил, есть ли у нее хоть какой-то опыт работы на поверхности. Вагнер спросил, какая у нее инженерная специализация. Она видит здесь тайный интеллект и ощущает что-то одинокое, дикое, уязвимое. «Волк...»

— В одном из протеиновых процессоров я унюхал что-то знакомое и отследил дизайнера. Она навела меня на заказчиков. Это была одноразовая недолговечная компания-пустышка, но одним из ее хозяев оказался Джейк Тэнлун Сунь. Я отправился в Царицу Южную, чтобы поговорить с Джейком Сунем. Он ждал моего появления. Он попытался меня убить. Меня спасли Волки Магдалены.

«Волки Магдалены?» — шепчет Хетти, обращаясь к Бейжафлор, но у Ариэль есть вопрос:

— Он ждал твоего появления?

— Его слова были: «Ты слишком предсказуем, Маленький Волк. Три Августейших предсказали, что ты

придешь, еще неделю назад».

— О Боги... — говорит Ариэль.

— Ариэль? — спрашивает Адриана.

— Я член Павильона Белого Зайца. Я также член Лунарианского общества.

— Почему мне об этом не сообщили? — спрашивает Лукас.

— Потому что ты мне не сторож, Лукас, — огрызается Ариэль. Она глубоко и долго затягивается вейпером. — Видья Рао также член этого общества.

— Из «Уитэкр Годдард», — говорит Лукас.

— Э рассказало мне про систему аналитических ИИ, которую «Тайян» разработал для «Уитэкр Годдард». Три квантовые универсальные вычислительные машины, предназначенные для высокоточных предсказаний, основанных на детальном моделировании реального мира. Э назвало это «пророчеством». Фу Си, Шэньнун и Желтый Император: Три Августейших.

— Сунь — наши союзники, — говорит Адриана.

— Со всем уважением, мамайн, — возражает Лукас, — Сунь — союзники лишь самим себе.

— С чего вдруг Суням заказывать устройство, чтобы убить моего сына? — спрашивает Адриана.

— Чтобы подтолкнуть нас именно туда, где мы находимся, мамайн, — говорит Лукас. — На край войны с Маккензи.

Лукас просыпается за миг до того, как Токинью его вызывает. Настоящее — иллюзия. Он прочитал об этом еще ребенком. Человеческое сознание отстает на полсекунды от каждого решения и поступка. Палец движется бессознательно, разум принимает случившееся действие и воображает, будто сам его инициировал.

«Элен ди Брага», — говорит Токинья. Во тьме перед Лукасом появляется Эсперанса Мария, ее фамильяр.

«Лукас, твоя мать попросила позвонить тебе».

Значит, время пришло. Лукас не чувствует ни страха, ни ужаса, ни беспокойства. Он подготовился к этому моменту, много раз отрепетировал свои эмоции.

«Ты можешь приехать в Боа-Виста?»

— Я уже в пути.

Элен ди Брага встречает Лукаса на платформе трамвая. Они официально целуются.

— Когда вы узнали?

— Я тебе позвонила сразу, как только доктор Макарег сообщила мне.

Лукас никогда не достаивал доктора Макарег особым почтением. Ее профессия бесполезна. Машины занимаются медициной куда лучше; чище, обезличенно.

— Состояние вашей матери ухудшилось, — говорит доктор Макарег.

Лукас обращает к ней свой безупречно хладнокровный взгляд, и она вздрагивает. Еще одна вещь, с которой машины справляются лучше: правда.

— По сравнению с чем?

— По сравнению с тем, как она себя чувствовала до дня рождения. Сеньора Корта проинструктировала нас...

— Вы амбициозны, доктор Макарэг?

Застигнутая врасплох, она начинает суетиться:

— Я этого не стыжусь, но да, у меня есть амбиции — я рассчитываю развивать свою частную практику.

— Хорошо. Скромность — сильно переоцененное качество. Надеюсь, у вас все получится. Моя мать должна была рассказать вам все о своем здоровье. Но вы оставили меня в полном неведении. Как, по-вашему, я должен на это отреагировать?

— Я личный врач сеньоры Корты.

— Ну да, разумеется. Есть ли какая-то медицинская причина, по которой я не могу увидеть свою мать?

— Она очень слаба. Ее состояние...

— Что ж, хорошо. Где она?

— Она в поверхностной обсерватории, — говорит доктор Макарэг и ускользает из поля зрения Лукаса.

На ухоженных лужайках появляются слуги Боа-Виста во главе с Нильсоном Нуньесом. На их вопросы Лукас Корта не может ответить, но он все равно Корта, он власть. Он кивает каждому в знак признательности. Хорошие, верные люди. Следом за ними — мадриньи, и он находит словечко для каждой.

— Сколько ей осталось на самом деле? — спрашивает Лукас у Элен ди Браги.

— В лучшем случае дни. Возможно, всего лишь часы.

Лукас на миг прислоняется к перемычке из полированного камня в вестибюле лифта.

— Я не могу винить ее доктора за то, что она подчинилась приказу.

— Она попросила вызвать тебя и только тебя, Лукас, — говорит Элен ди Брага.

— Ты! — кричит Лукас. Краем глаза он заметил, как движется что-то белое: ирман Лоа летит между колоннами вестибюля, словно лист бумаги. — Вон из моего дома!

— Я духовная советница вашей матери, — бесстрашно отвечает ирман Лоа.

— Ты лгунья и паразит.

Элен ди Брага касается руки Лукаса.

— Сестринство очень утешало Адриану, — говорит ирман Лоа.

— Я вызвал охрану. Они не будут цацкаться.

— Майн Одунладе предупреждала меня о ваших манерах.

Появляются Эйтур Перейра и охранник в элегантном костюме. Ирман Лоа отбрасывает руки, тянущиеся, чтобы ее схватить.

— Я ухожу.

— Этой женщине навсегда запрещен вход в Боа-Виста, — говорит Лукас.

— Мы вам не враги, Лукас! — кричит ирман Лоа.

— Мы не ваш проект, — кричит в ответ Лукас и входит в лифт, прежде чем Элен ди Брага успевает

спросить, что он имеет в виду.

Над Морем Изобилия стоит последняя четверть Земли. Адриана повернула свое кресло так, чтобы любоваться ею в полной мере. Следы колес в пыли намекают на спрятанные в стенах медицинские боты. Рядом с Адрианой только столик, на котором чашка кофе.

— Лукас.

— Мамайн.

— Кто-то был здесь недавно, — говорит Адриана. Голос ее легок и слаб, от силы воли осталась лишь тень, и Лукас слышит в этом голосе истину: ее болезнь зашла куда дальше, чем подозревает он сам или даже доктор Макарэг.

— Вагнер, — говорит Лукас. — Охрана его видела.

— Что он делал?

— То же, что и ты. Смотрел на Землю.

Профиль Адрианы озаряет слабейшая из улыбок.

— Я слишком сурово обошлась с этим мальчиком. Я ничего не смыслю в том, какой он, но ведь я даже не пыталась понять. Он просто очень сильно меня сердил. Не поступками, а самым фактом своего существования. Уже то, что он просто жил, постоянно повторяло мне: «Ты дура, Адриана Корта». Это было неправильно. Попытайся вернуть его в семью.

— Мамайн, он не...

— Ошибаешься.

— Мамайн, доктор Макарэг сказала мне...

— Да, я снова кое-что утаила. И что бы ты сделал? Собрал всю семью? Призвал сюда всех Корта со всех концов Луны? И последним, что я бы увидела, были бы все вы, окружившие меня и глядящие мрачно, большими глазами, полными слез? Тьфу. Омерзительно.

— По крайней мере Рафа...

— Нет, Лукас. — Адриана еще не полностью утратила командный голос. — Возьми меня за руку, ради всех богов.

Лукас заключает в свои ладони кисть, похожую на воздушного змея, обтянутого кожей, и источаемый этой кистью сухой жар его шокирует. Эта женщина умирает. Адриана закрывает глаза.

— Кое-какие последние распоряжения. Элен ди Брага уходит на пенсию. Она достаточно сделала для этой семьи. И я хочу, чтобы она оказалась подальше от нас, в безопасности. Она не игрок. Я боюсь за нас, Лукас. Это ужасное время для того, чтобы умирать. Я не знаю, что произойдет.

— Я позабочусь о компании, мамайн.

— Вы все позаботитесь. Так я все устроила. Не сломай ничего, Лукас. Я так решила. Я так выбрала.

Рука Адрианы в ладонях Лукаса сжимается в кулак, и он ее отпускает.

— Я за тебя боюсь, — говорит Адриана. — Слушай. Секрет — только для тебя. Для тебя одного, Лукас. Ты поймешь, когда он тебе понадобится. На первом этапе, когда все шло к тому, что Маккензи нас уничтожат, Карлос ввел в строй оружие возмездия. Он подсадил троянца в системы, контролирующие плавильни «Горнила». Троянец все еще там. Это программа с умным кодом: она прячется, адаптируется,

обновляет сама себя. Она очень простая и элегантная. Она перенаправит зеркала «Горнила», повернет их на сам поезд.

— Боги всемогущие...

— Да. Вот, Лукас.

Йеманжа и Токиню мгновенно обмениваются данными.

— Спасибо, мамайн.

— Не благодари меня. Ты используешь это, только когда все будет потеряно и семью уничтожат.

— Значит, не использую никогда.

Адриана хватается Лукаса за руку с неожиданной силой.

— О, ты хочешь немного кофе? «Эсмеральда Гейша Спешл» из Панамы. Это страна в Центральной Америке. Я заказала, его привезли. На что еще мне тратить деньги?

— Я никогда не был ценителем его вкуса, мамайн.

— Какая жалость... Сомневаюсь, что ты сможешь оценить его сейчас. Ох, ну разве ты не видишь, чем я занимаюсь? Посиди со мной, Лукас. Включи какую-нибудь музыку. У тебя такой хороший вкус. Тот юноша, с которым ты хотел сочетаться браком... было бы хорошо иметь в семье музыканта.

— Семья для него показалась чересчур семейной.

Адриана гладит Лукаса по тыльной стороне ладони.

— И все же ты правильно поступил, что развелся с Амандой Сунь. Мне никогда не нравилось, как она шныряет по Боа-Виста. Мне она вообще никогда не нравилась.

— Ты согласилась на никах.

Лукас чувствует, как рука Адрианы вздрагивает.

— Согласилась, не так ли? Я думала, это необходимо для семьи. Единственное, что для семьи на самом деле необходимо, — это семья.

Лукас не может подыскать нужные слова, так что он приказывает Токиню играть.

— Так хорошо?

— Жоржи. Да.

На глазах Адрианы проступают слезы, взгляд смягчается.

— Все дело в мелочах, Лукас. Кофе и музыка. Любимое платье Луны. Рафа, который сообщает мне результаты своих гандбольных команд, будь они хорошими или плохими. Звук текущей воды снаружи моей спальни. Полная Земля. Вагнер прав; можно забыть самого себя, когда смотришь на нее. Это так опасно: на нее не смеешь смотреть, потому что она способна приковать к себе твой взгляд и напомнить обо всем, от чего ты отказался. Это ужасное место, Лукас.

Лукас прячет от матери всплеск обиды. Снова хватается ее за руку.

— Я боюсь, Лукас. Я боюсь смерти. Она похожа на зверя — на грязного, крадущегося зверя, который выслеживал меня всю мою жизнь. Какая красивая музыка, Лукас.

— Я включу его «Aguas de Marco».

— Пусть играет, Лукас.

Адриана открывает глаза. Она задремала. От этого ей становится холодно, кружится голова. Может, она спала в последний раз и столько всего не сказала. Теперь ее сердце от озноба колотится неумолимо. Лукас сидит рядом. По лицу Адриана догадывается, что он работает; Токиню превратился в вихрь из файлов, контактов и сообщений. Музыка закончилась. Она была очень хороша. Тот парень умеет петь. Она бы попросила Лукаса включить ее опять, но не хочет портить момент; она бодрствует, а он ничего не замечает.

Она обращает взгляд к Земле. Предательница... Йеманжа показала ей сияющую тропу, проложенную через море, из того мира к Луне. Она прошла по тропе. Это была ловушка. Обратной дороги нет. Через это сухое море не ведут никакие линии из света.

— Лукас...

Он отвлекается от работы. Его улыбка прекрасна. Все дело в малом.

— Прости.

— За что? — спрашивает Лукас.

— За то, что я тебя сюда притащила.

— Ты не притаскивала.

— Не будь таким буквальным. Почему ты вечно ко всему придираешься?

— Там, наверху, не мой мир. Здесь мой мир.

— Мир. Не дом.

— Тебе не за что просить прощения, мамайн.

Адриана тянется к чашке на столике, но кофе остыл.

— Я скажу, чтобы приготовили свежий, — говорит Лукас.

— Будь любезен...

Граница света и тени на полумесяце Земли проходит через Атлантику; завиток тропического циклона, кружась, движется с севера на северо-запад, во внутритропической зоне конвергенции тихонько растворяются в ночи потоки облаков, похожие на орнамент «пейсли». Край зелени, кончик северо-восточной Бразилии, тянется за горизонт. Ночная сторона планеты окаймлена кружевами из огней. Скопления и завитушки; они отражают метеорологические узоры, как зеркало. Эти люди, живущие там, внизу...

— Ты знаешь, что с ними случилось?

— С кем, Лукас?

— Когда ты так смотришь на Землю, я знаю, что ты думаешь о них.

— Они потерпели поражение, как это случается со всеми, кто там живет. Что еще они могли сделать?

— В нашем мире жизнь совсем не легкая, — замечает Лукас.

— И в их мире тоже. Я думала о моей майн, Лукас. О том, как она в нашей квартире поет; а пай занимается своим автосалоном, полирует машины. Они так сияли в лучах солнца. Я вижу Кайо. Но не остальных. Теперь даже Ачи стала нечеткой.

— Тебе хватило смелости, — говорит Лукас. — Есть только одна Железная Рука.

— Дурацкое имя! — ворчит Адриана. — Проклятие, а не имя. Поставь мне снова ту музыку, Лукас.

Адриана устраивается в кресле. Ее окружают шепчущий голос Жоржи и быстрая гитарная музыка. Лукас наблюдает за тем, как его мать сквозь слова и аккорды погружается в неглубокий сон. Все еще дышит. «Кофе принесли», — сообщает Токинью. Лукас берет его у горничной и в тот момент, когда ставит на столик, замечает, что дыхание его матери остановилось.

Он берет ее за руку.

Токинью показывает жизненные показатели.

Ушла.

Лукас судорожно вздыхает, но все не так ужасно, как он себе представлял; совсем не ужасно. Йеманжа медленно выцветает до белизны и сжимается в точку. На восточном горизонте навечно замирает полумесяц Земли.

Луна в красном платье бродит босиком по валунам и пустым водоемам Боа-Виста. Ручьи пересохли, вода больше не падает из глаз и губ десяти ориша. Рафа не может объяснить, почему он отключил водяную систему Боа-Виста, но никто не спорил с ним, кроме Луны. Он смог выразить лишь то, что Боа-Виста должен был как-то отреагировать на случившееся.

Поминальная церемония вышла бестолковой и досадной. Гости не могли превзойти Корта в их панегириках, однако у семейства отсутствовали традиции прощальных речей, так что выступления были искренними, но с запинками и плохо организованными, а Сестринству, которое знало толк в религиозных действиях, запретили появляться. Слова были сказаны, горсть компоста — весь оставшийся от Адрианы Корты углерод, который КРЛ позволила забрать для частной церемонии, — рассеяна, представители великих семейств отправились к трамваю. Во время короткой церемонии Луна бродила, легкомысленная как вода, изучая свой странный пересохший мир.

— Папай!

— Оставь его, охенеба, — говорит Лусика Асамоа. Как дочь, она в красном платье; у Асамоа это погребальный цвет. — Он должен привыкнуть к тому, что случилось.

Рафа проходит по каменной дорожке над пересохшей рекой и попадает в бамбуковую рощицу. Он смотрит вверх, на лица ориша с приоткрытыми губами и широко распахнутыми глазами. Между бамбуковыми деревьями маленькие ступни протоптали тропинку: Луна. Она знает это местечко и все его секреты лучше отца. Но теперь это его, он сеньор Боа-Виста. Есть целая вселенная различий между тем, чтобы жить где-то и владеть чем-то. Рафа пропускает длинные бамбуковые листья с грубыми краями сквозь пальцы. Он думал, что станет плакать. Он думал, что будет безутешен, станет всхлипывать как дитя. Рафа знает, как легко в нем вызвать сильные эмоции, от гнева до радости или ликования. «Ваша мать умерла». Что он почувствовал: шок, да; напрасный паралич от того, что нужно что-то сделать, сотню вещей, зная, что ни одна из них не сможет изменить истину смерти. Гнев — в какой-то степени; на внезапность, на то, что Адриана была больна уже давно и с вечеринки в честь лунной гонки знала, что болезнь дошла до терминальной стадии. Угрызения совести из-за того, что водоворот событий после покушения на убийство утопил любые сигналы, которые Адриана могла бы подавать о своем состоянии. Обида из-за того, что последние часы с нею провел Лукас. Рафа не безутешен; не подавлен; никаких слез.

Рафа на миг задерживается в павильоне Сан-Себастьян, чьи ручьи теперь пересохли; высыхающий ил на дне потрескался, образовав шестиугольники. Это был ее любимый из павильонов Боа-Виста. Существовал павильон для чаепития, павильон для светских приемов и другой — для деловых гостей, павильон для приема родственников и павильон для чтения, утренний павильон и вечерний, но этот, в

восточном конце главной камеры Боа-Виста, был ее рабочим павильоном. Рафе павильоны никогда не нравились. Он считает их жеманными и дурацкими. Адриана построила Боа-Виста эгоистично; это дворец ее особенных мечтаний. Теперь он принадлежит Рафе, но никогда не станет по-настоящему его. Адриана в сухих прудах и руслах ручьев, бамбуке, куполах павильонов, лицах ориша. Он не может изменить здесь ни листа, ни камешка.

— Вода, — шепчет Рафа, и Боа-Виста содрогается, когда через трубы и насосы начинает течь вода; там бурлит, тут капает; льется из шлюзов и кранов; ручейки собираются в потоки, заполняя каналы, и вода журча огибает камни, создавая маленькие водовороты, поднимая пену и мертвые листья; вода накапливается в глазах и ртах ориша; неторопливо растут огромные слезы, дрожа от поверхностного натяжения, а потом проливаются медленными водопадами; сначала морось и капель, потом — прыгучие водопады. Пока Рафа не заставил их замолчать, он не понимал, насколько плеск и журчание текучей воды наполняют Боа-Виста.

— Папай! — восклицает Луна, подобрав платье и стоя по икры в бегучей воде. — Холодно!

Боа-Виста теперь принадлежит Рафе, но Лусика все равно не разделит с ним это место.

— Ну что, переедешь обратно? — спрашивает Рафа.

Лукас качает головой.

— Слишком близко. Я люблю соблюдать дистанцию. И акустика тут ужасная.

Прикосновение к рукаву пиджака от Бриони, в который одет Рафа.

— На два слова.

Рафа удивлялся, с чего вдруг Лукас отыскивал его в дальнем конце сада, рискуя промочить отвороты брюк и испортить туфли среди дорожек из камня и водоемов.

— Ну валяй.

— Мы с мамайн поговорили о многом на протяжении последних часов.

Горло Рафы напрягается, челюсти сжимаются. Он старший, хвэджан, золотой сын. Последние слова она должна была разделить с ним.

— У нее был план для компании, — говорит Лукас. Шум падающей воды маскирует его слова. — Ее завещание. Она создала новый пост: чхвеко. Она хотела, чтобы его заняла Ариэль.

— Ариэль.

— Я попытался это обсудить, но она была весьма упряма. Ариэль станет чхвеко. Первейшей. Главой «Корта Элиу». Выше меня и тебя, ирман. Не спорь, не предлагай ничего. Я уже все спланировал. Мы ничего не можем сделать с завещанием. Это решено и зафиксировано.

— Мы можем сражаться...

— Я же сказал, не спорь, не предлагай. Сражаться через суды — трата нашего времени и денег. Ариэль знает суды, она свяжет нас по рукам и ногам навсегда. Нет, мы все сделаем согласно уставу. Наша сестра была тяжело ранена в результате нападения с ножом. Она фактически парализована ниже талии. Ее выздоровление будет медленным, и никто не может утверждать, что полноценным. В уставе «Корта Элиу» есть оговорка о медицинской пригодности, позволяющая отстранить члена правления от занимаемой должности в случае болезни или ранения, которые помешают им в полной мере исполнять свои обязанности.

— Ты предлагаешь...

— Да, предлагаю. Ради компании, Рафа. Ариэль — в высшей степени компетентный адвокат, но о добыче гелия она не знает ничего. Это не будет переворотом в правлении. Мы просто временно приостановим ее власть и полномочия.

— «Временно» — это на какой срок?

— До той поры, пока мы не сможем перестроить компанию, чтобы она в большей степени соответствовала нашим нуждам, а не капризам нашей матери. Она была очень больной женщиной, Рафа.

— Захлопни пасть, Лукас.

Лукас отступает, примирительно вскидывая руки.

— Разумеется. Прости. Но я вот что тебе скажу: наша мать ничего не смогла бы предъявить против оговорки о медицинской пригодности, которую сама же и придумала.

— Пошел ты на хрен, Лукас.

Он отступает еще на шаг.

— Нам нужны всего два медицинских отчета, и они у меня есть. Один из медцентра Жуан-ди-Деуса, другой — от доктора Макарег собственной персоной, весьма довольной тем, что пост семейного врача остался за ней. Два отчета и большинство голосов. — Удаляясь, Лукас кричит сквозь шум водопада: — Сообщи мне!

Луна с плеском идет по ручью, поднимая тучи серебристых медленно оседающих брызг. Они улавливают свет солнечной линии и преломляют его: дитя, увенчанное радугами.

Дверь трамвая закрывается, потом открывается. Ариэль выглядывает.

— Ну, ты идешь?

На платформе нет никого, кроме Марины, к кому Ариэль могла бы обращаться, но она все равно хмурится и беззвучно спрашивает: «Я?»

— Да, ты, кто же еще?

— В строгом смысле слова мой контракт закончился...

— Да, да, ты не работала на меня, ты работала на мою мать. Ну и что — теперь я нанимаю тебя.

Хетти издает сигнал: входящая почта. Контракт.

— Давай же. Надо выбираться из гребаного мавзолея. Нам предстоит устроить свадьбу.

Одиннадцать

Меридиан любит свадьбы, и нет свадьбы пышнее, чем бракосочетание Лукасинью Корты и Денни Маккензи. Орел Луны выделил для церемонии свои личные сады: деревья украсили бантами, биолампами и мерцающими звездами. Бергамоты, кумкваты и карликовые апельсины обрызгали серебряной краской. Между ветвями подвесили бумажные фонарики. Тропинку усеяли лепестками роз. АКА пожертвовала сотней белых голубей для зрелищного выпуска с хлопанием крыльев. Их запрограммировали на смерть в течение двадцати четырех часов. Законы о паразитах строги.

Контракты подпишут в Оранжевом павильоне. За счастливыми юношей и юношей эскадрилья воздушных гимнастов исполнит крылатый балет высоко в хабе Антареса, вырисовывая в воздухе идеограммы с помощью знамен, прикрепленных к лодыжкам. Орел Луны учредил для жителей хаба Антареса доступные небольшие дотации, чтобы они украсили окрестности. С балконов свисают знамена, вымпела гирляндами украшают пешеходные переходы, а с мостов струйками стекают биолампы для Дивали. Воздушные шары в виде летучих мышей, бабочек и уток в стиле маньхуа курсируют в воздушном пространстве хаба. Аренда места на балконах с лучшим видом достигла шестисот битси. Лучшие наблюдательные посты на мостах и узких мостиках помечены и зарезервированы уже давным-давно. Эксклюзивные права на съемку получил Гапшап после свирепого аукциона: соглашение о доступе строгое — медиадроны должны держаться на уважительном расстоянии, и никто не будет брать прямые интервью ни у одного из око.

Четыреста гостей будут обслуживать двадцать официантов и восемьдесят сервер-ботов. Культурные и религиозные предпочтения в еде учтены, как и всевозможные пищевые аллергии. Будет мясо. Из уст в уста передается шутка о том, что Лукасинью приготовил свадебный торт сам, в своем фирменном стиле. Неправда: у пекарни «Кер Ва» самая продолжительная из устоявшихся традиций тортов для око и лунных тортов. Кент Нарасимха из бара «Полная Луна» гостиницы «Меридиан Холидей» создал специальный праздничный коктейль: «Зардевшийся мальчик». Он включает уникальный дизайнерский джин, пузырьки, кубики желе, которые растворяются, порождая спирали цвета и вкуса, обогащающие джин, и хлопья золотой фольги. Для тех, кто не употребляет спиртное, есть безалкогольные коктейли и вода с экстрактами трав.

Служба безопасности начала проверки неделю назад. Охранники КРЛ, Корта и Маккензи сотрудничали на беспрецедентном уровне. Сады Джонатона Кайода просканировали до последней пылинки и отмершей частицы кожи.

Три дня до свадьбы года! Что наденут мальчики? Вот публикации с последними нарядами Лукасинью Корты. Элегантный мальчик из коллоквиума. Твидовый пиджак и желто-коричневые брюки, в которых он был на вечеринке в честь лунной гонки. Две недели в качестве иконы стиля, когда все вслед за ним напяливали на себя скаф-трико и рисовали на них маркерами. Восьмидесятый день рождения его бабушки; панихида по его бабушке, так печально, так внезапно. Его возвращение в лучи модных прожекторов: кто делает ему макияж? Шик сезона. Выше головы, мальчики! Вы все будете ему подражать. Денни Маккензи: ох, какая разница? Разве хоть кто-то из Маккензи когда-нибудь одевался по-настоящему модно? Но кто же создаст свадебные костюмы? Такое попросту нельзя предоставить фамильярам. Дизайнерские ИИ, любимые нами, включают «Лойаль», «Сан-Дамиано», «Бой де ла Бой», «Брюс-энд-Брагг», «Сенерентола». Кто получит контракт? И косметика...

Два дня до свадьбы года! Что в Драконах есть такого, из-за чего они намного лучше любого из нас: шик. Корта продемонстрировали безупречный шик на протяжении матримониального процесса. Прошло

меньше месяца после ужасного покушения на Ариэль Корта, но она не просто уже подвижна, как раньше, на своих роботических ногах, но еще и разобралась с никахом, даже не встав с больничной койки! И всего лишь две недели назад вся Луна содрогнулась и опечалилась от новости о смерти Адрианы Корт. Но разве есть для Корта лучший способ показать свою смелость, чем вскинуть подбородок, нарядиться, пригладуриться: свадьба года! Шик диктует особые правила.

Один день до свадьбы года. Безусловный знак нынешнего положения в обществе: ты в списке гостей или нет? Никто не говорит об этом вслух, но Гапшпал взыскал кое-какие долги, кое-кому пригрозил, не пожалел поцелуев и микрокотят, и мы можем сообщить вам эксклюзивную информацию о том, кто есть в списке! И кого нет! Приготовьтесь к потрясению...

День свадьбы года. Начинается он с небольшой очереди; охотники за знаменитостями с местами, забронированными там, откуда открывается наилучший вид, против аэростатов: летучих мышей, бабочек и зверей, приносящих удачу. В заранее назначенное время жители хаба Антарес вывешивают с перил балконов знамена и позволяют им медленно развернуться в гобелен, полный благословений и свадебных оберегов. Охранники занимают посты по мере того, как прибывают лифты с гостями. Приглашения сканируются, гостей направляют к стойке администратора праздника и к специально предназначенному для них бару «Полная Луна» со сделанными на заказ «Зардевшимися мальчиками». Джонатон Кайод и Эдриан Маккензи — восхитительные хозяева. Дроны-камеры порхают и маневрируют на предписанном расстоянии, бьются за снимки знаменитостей крупным планом. За полчаса до подписания никаха гостей провожают в Оранжевый павильон. Хореография незаметна и надежна, план рассадки выполняется неукоснительно. Шаферы рассыпают повсюду розовые лепестки. Двадцать минут: прибывают семьи. Дункан Маккензи и его око, Анастасия и Аполлинария Воронцовы. Его дочь Тара, ее око; их непослушные сыновья и дочери. Брайс Маккензи с решительным и грозным видом ковыляет на двух тростях в сопровождении дюжины приемышей. Хэдли Маккензи ведет себя с достоинством и выглядит сногшибательно. Роберт Маккензи не в состоянии покинуть «Горнило» и шлет счастливой паре свои извинения и поздравления с наилучшими надеждами на мирное урегулирование между великими домами Маккензи и Корта. Его представляет Джейд Сунь-Маккензи.

Корта: Рафа и Лусика, Робсон и Луна, Лукас в одиночестве. Ариэль и ее новая эсколта, которая занимает место среди членов семьи, отчего в толпе гостей тут и там раздается взволнованный ропот. Карлиньос — костюм сидит на нем отменно. Вагнер и его око, нервная с виду Анелиза Маккензи, а также члены его стаи; их тридцать, одеты они в темное и выглядят отдельной свадебной компанией, прибавляя толику опасности к серебру и лентам свадебного сада.

Все занимают свои места, маленький оркестр исполняет «Ночь распутившихся цветов и полнолуния»[\[44\]](#).

Теперь все, что необходимо для свадьбы года, — это жених и жених.

Мужчина должен раздеваться с нижней части, как доводилось слышать Лукасинью, потому что одеваться ему надлежит в обратном порядке. Рубашка, только что из принтера. Серебряные запонки. Золото — это вульгарно. Галстук — серый с голубовато-розовым отливом, с орнаментом «сейкай-ха», завязанный изысканным пятичастным узлом «элдридж», который Цзиньцзи показал Лукасинью, и тот практиковался каждый день в течение часа. Белье: паутинный шелк. Почему из него не делают всю одежду? Потому что тогда все бы только и делали, что наслаждались ощущениями. Носки такие же, до середины икры. Нельзя, чтобы лодыжка была видна: это ужасный грех. Теперь брюки. Лукасинью много дней колебался, прежде чем остановил свой выбор на «Бой де ла Бой». Он отверг пять дизайнов. Ткань серая, на тон темнее галстука, с едва заметным цветочным дамасским узором. Крой: никаких отворотов,

жесткие стрелки, два зашпи. Два зашпи — это сейчас такой тренд. В тренде всего по два: для пиджака — две пуговицы спереди, две пуговицы на манжетах, срезанный воротник. Четырехсантиметровые высокие лацканы. Отверстие петлицы. Нагрудный платок, сложенный двумя треугольными пиками. Совпадающие края платка вышли из моды целый месяц назад. Подходящая федора с узкими полями, двухсантиметровой шелковой лентой и бантом, которую Лукасинью будет нести в руке, не надевая. Он не хочет, чтобы она испортила ему прическу.

— Покажи.

Цзиньцзи демонстрирует Лукасинью его самого через камеры в комнате отеля. Он вертится, прихорашивается, надувает губы.

— До чего же я знойный, мать твою.

Прежде волос макияж. Лукасинью заправляет салфетку за воротник, садится за стол и позволяет Цзиньцзи снять свое лицо крупным планом. Набор косметики также сделан на заказ, от «Котери». Лукасинью наслаждается ритмом ритуала; наносит слой за слоем, совершенствует и смешивает, помня об изысканных оттенках и нюансах. Моргает подведенными глазами.

— О да.

Теперь, за тем же столом, волосы. Лукасинью аккуратно взбивает челку, подкрепляя ее начесом сзади и стратегическим нанесением лака, мусса, геля железобетонной фиксации. Качает головой. Волосы движутся, как живое существо.

— Я бы сам на себе женился.

И завершение. Он вставляет свои пирсинги один за другим. Цзиньцзи в последний раз дает ему возможность взглянуть на себя, а затем Лукасинью Корта переводит дух и покидает гостиницу «Антарес Хоум».

Поджидающее моту открывается навстречу Лукасинью Кorte. Команда Цзиньцзи посылает его кружным путем в поток машин на торговой площади Хан Инь. Отель расположен близко к центру, в одной поездке на лифте от Орлиного Гнезда. Ничто не оставлено на волю случая. Люди на площади смотрят на него, приглядываются, узнают. Кто-то кивает или машет рукой. Лукасинью поправляет галстук и смотрит вверх. Хаб похож на водопад из разноцветных знамен; маньхуа-аэростаты покачиваются, тыкаются друг в друга. Очертания мостов расплываются из-за собравшихся толп, он слышит, как их голоса эхом отражаются от стен хаба Антарес, похожего на огромный колодец.

Там, наверху, свадьба года. По другую сторону торговой площади, напротив парадного входа гостиницы «Антарес Хоум», располагается продовольственный магазин АКА, фешенебельное заведение для тех, кто увлекается кулинарией. Лукасинью выходит на улицу и идет туда. Дорожное движение перестраивается вокруг него, волны самоорганизации бегут от торговой площади вдоль всех пяти проспектов. В витринах подносы с яркими овощами, внушительное мясохранилище демонстрирует висящих лакированных уток и колбасы из домашней птицы; рыба и лягушки на льду; в задней части магазина стоят морозильники и корзины с бобами и чечевицей, букеты салата под освежающим туманом. Две женщины средних лет сидят за прилавком без дела и покачиваются, смеясь тайком над чем-то, сказанным ранее. У них фамильяры адинкра, согласно обычаям Асамоа: гусь «Санкофа» и звездочка «Ананси Нтонтан».

Они прекращают смеяться, когда Лукасинью входит в магазин.

— Я Лукас Корта-младший, — объявляет он. Женщины знают, кто перед ними. Светские каналы вот

уже неделю показывают только его лицо. Они испуганы. Он кладет федору на прилавок. Вытаскивает из левого уха металлический штырек и кладет рядом со шляпой. — Пожалуйста, покажите это Абене Маану Асамоа. Она знает, что это означает. Я прошу Золотой Трон предоставить мне защиту.

Мы Земля и Луна, размышляет Лукас Корта. Брайс Маккензи — беременная планета, а я — маленький поджарый спутник. Аналогия доставляет Лукасу удовольствие. Еще одно удовольствие: они в том же отеле, из которого удрал Лукасинью. Две слабые улыбки. Других удовольствий во время этой встречи не предвидится.

Брайс Маккензи топает к дивану — трость, нога, другая трость, нога, словно какой-нибудь антикварный горный комбайн на четырех конечностях. Лукас с трудом может на это смотреть. Как этот человек может выносить самого себя? Как его выносят многочисленные аморы и «приемные дети»?

— Выпьешь?

Брайс Маккензи пыхтя опускается на диван.

— Я так понимаю, это означает «нет». Не возражаешь, если я выпью? Персонал гостиницы на почасовой оплате, и, ну, ты меня знаешь. Я из любой ситуации люблю извлекать максимальную выгоду. А эти «Зардевшиеся мальчики» и в самом деле весьма хороши.

— Твой легкомысленный настрой неуместен, — говорит Брайс Маккензи. — Где пацан?

— Пока мы разговариваем, Лукасинью должен прибыть в Тве.

Гости, семьи и еще священник. Эта роль заключалась всего лишь в том, чтобы засвидетельствовать подписание никаха обеими сторонами, однако Джонатон Кайод принял ее на себя и наделил полным великолепием Орла Луны. Когда Ариэль предложила ему провести обряд, он изобразил изумление, даже застенчивость. «Нет, нет, я не могу, ох, ну ладно».

Джонатон Кайод нарядился в официальную агбаду, украшенную золотыми регалиями, которые он специально заказал по такому случаю. «Он что, в туфлях на платформе?» — шепотом спросил Рафа у Лукаса. Эта деталь, будучи замеченной, затмевала все прочее. Без туфель с высокой подошвой Орел был бы на голову ниже пары, которую собирался сочетать брачными узами. Рафа попал во власть собственной шутки. Он зажмурился, зажал рот рукой, но все равно трясся от подавленного смеха.

— Прекрати, — прошипел Лукас. — Мне надо подняться туда и передать ему Лукасинью.

Инфекция оказалась неодолимой. Лукас проглотил нервное хихиканье и тайком вытер слезы. Оркестр заиграл «Цветы, что распускаются дождливой ночью». Брайс Маккензи встал и занял свое место возле Оранжевого павильона. Все головы повернулись. Денни Маккензи шел по тропе, усеянной лепестками роз. Походка его была неуклюжей, стеснительной, неуверенной. Он понятия не имел, куда деть собственные руки. Брайс Маккензи просиял. Джонатон Кайод распахнул объятия, войдя в роль священнослужителя.

— Представление начинается, — прошептал Рафа брату.

А потом все фамилы Корта прошептали одновременно: «Сообщение от Лукасинью».

Через тридцать секунд Гапшап распространил новость по всей Луне: «Лукасинью Корта: сбежавший жених».

— Ты на связи с сыном? — спрашивает Брайс Маккензи.

— Я не получал от него никаких вестей.

— Приятно слышать. У меня сложилось впечатление, что вы все это подстроили.

— Какая нелепость.

Брайс Маккензи трясет головой; движение напоминает нервный тик.

— Вопрос в том, как мы возместим ущерб?

— А есть ущерб?

И опять тик: раздувающиеся ноздри, громкий вздох.

— Ущерб имиджу моей семьи, репутации «Маккензи Металз»; наша компенсация за иск, который Гапшап нам предъявит.

— И счета за выпивку, наверное, будут большие, — говорит Лукас. Он встречался с Брайсом Маккензи дважды, оба раза на приемах, никогда по бизнесу, но Лукас вычислил его трюк, его маландрагем. Физическое устрашение — не с помощью мышц, но благодаря весу. Брайс Маккензи доминирует в комнате, и сила его подобна гравитации; споткнешься, упадешь — и сломаешься. «Знаю, в чем фокус, — думает Лукас. — Но ты Земля, а я Луна». От скрытой силы у него голова идет кругом. Все стало ясным, ясным как никогда.

— Какое легкомыслие, — говорит Брайс Маккензи. Он потеет, эта мокрая громадина.

— Ни твою семью, ни мою не запугать угрозами судебных исков. Что ты предлагаешь?

— Заново организовать свадьбу. Затраты поделим. Можешь дать мне гарантию, что твой сын точно явится?

— Не могу гарантировать, — отвечает Лукас. — Не могу говорить за сына.

— Ты его отец или как?

— Как уже было сказано, я не могу говорить за Лукасиню. Но я всем сердцем поддерживаю его решение, — говорит Лукас. — От своего имени заявляю: иди ты на хер, Брайс Маккензи.

Третий тик: Брайс жует верхнюю губу. Те, ранее, были от раздражения. Этот — от ярости.

— Отлично...

Рубаки Брайса входят из вестибюля, помогают ему встать с дивана, обрести равновесие на своих тростях и удивительно стройных ногах. Он тащится мимо Лукаса, стуча тростями по полу. Вот и третье удовольствие, понимает Лукас, злобное, но очень приятное: он причинил неудобство Брайсу Маккензи.

У двери Брайс поворачивается, вскинув палец, трость на петле свешивается с его запястья.

— Ах да. Чуть не забыл. — Брайс делает шаг вперед и отвешивает Лукасу пощечину. Силы в его ударе мало; Лукас пошатывается от потрясения, от дерзости, от последствий. — Назови своих секундантов и защитника, если хочешь, чтоб тебя кто-то представлял. Время и место определит суд. Маккензи взыщут за это плату кровью.

* * *

Фамильяры Котоко появляются вокруг Абены Маану Асамоа один за другим. У нее перехватывает дыхание. Она охвачена благоговейным страхом в большей степени, чем ожидала. Адинкра светятся на ее линзе, каждую секунду появляется новый символ. Ее окружают сияющие афоризмы. Абена из почтительности подготовила свою комнату. Члены правления могут быть людьми, которых встречаешь в туннелях, в трубофермах, на улицах и в зданиях, но Котоко — больше, чем составляющие его индивиды. Это непрерывность и перемена, родословная и разнообразие, абуса и корпорация. Любой имеет право посоветоваться с Котоко; но подразумевается вопрос — зачем такое может понадобиться? Абена спрятала

свои немногие личные вещи, сложила мебель, зажгла биолампы, черные, красные и белые, разложила треугольником на полу, а сама села в центре. Приняла душ.

Последним появляется Сунсум — фамильяр Омахене. Абена дрожит. Она призвала могущественные силы.

— Абена, — говорит Адофо Менса Асамоа. Фамильяры разговаривают голосами своих пользователей. — Как дела? Золотой Трон приветствует тебя.

— Яа Доку Нана, — говорит Абена.

— О, ты прибралась, как мило, — замечает Акусуа Дедеи из Невидимой стороны.

— Эти лампы — приятный штрих, — добавляет Кофи Анто из Тве.

— Итак, что ты хочешь у нас спросить? — интересуется Квамина Ману из Мампонга. За вопросом прячется другой вопрос.

— Я дала слово, — говорит Абена, и ее пальцы неосознанно теребят цепочку, на которой висит амулет «Геньями». — И теперь мне пришлось его сдержать, но я не уверена, что была вправе обещать хоть что-нибудь.

— Дело в Лукасинью КORTE, — говорит фамильяр, который, как известно Абене, принадлежит Лусике Асамоа.

— Да. Я знаю, мы в долгу перед Корта из-за того, что случилось с Коджо во время лунной гонки, но что если Маккензи обратятся против нас, как обратились против Корта?

— Он просит убежища, — говорит Абла Канде из агрария Кирилл.

— Но могла ли я его предлагать?

— Что Луна подумает о нас, если мы не сдержим данного обещания? — говорит Адофо Менса. По кольцу фамильяров прокатывается стройный шепот: «*Fawodhodie ene obre na enam*». Независимость приходит вместе с ответственностью.

— Но Маккензи... я хочу сказать, мы ведь не самая большая семья, не самая богатая или самая могущественная...

— Давай-ка я расскажу тебе кое-что из истории, — говорит омахене Адофо. — Ты права. АКА не самый богатый и не самый старый из Пяти Драконов. Мы не экспортеры, благодаря нам не горят огни на Земле, как это происходит благодаря Корта, и не работает тамошняя промышленность, которую питают Маккензи. Мы не промышленники и не IT-гиганты. Когда мы прибыли на Луну, у нас не было политической поддержки, как у Суней, богатства, как у Маккензи, или доступа к пусковым установкам, как у Воронцовых. Мы не были азиатами и не пришли с Запада; мы были ганцами. Ганцами, которые отправились на Луну! Какая наглость! Она же для белых и для китайцев. Но у Эфуа Менсы была идея, она увидела возможность и трудом, силой и спорами пробилась все-таки сюда, на Луну. Знаешь, что она увидела?

— Можно разбогатеть, копая грязь лопатой, но тот, кто продает лопаты, точно разбогатеет, — отвечает Абена. Каждый ребенок узнает эту поговорку, как только подключается к сети, обзаводится линзой и фамильяром. Она всегда считала эту мудрость стариков почтенной, но скучной. Они лавочники и зеленщики; нет у них шика, как у Корта и Маккензи с их красивыми пылевиками или как у Воронцовых с их изысканными игрушками.

— Мы дорого заплатили за свою независимость, — говорит Адофо Менса. Ее фамильяр состоит из сиамских крокодилов и «Эсе не текрема» — адинкра, символизирующих единство и взаимную зависимость. — Мы ее не уступим. Мы не позволим Маккензи себя запугать.

— Или кому-то еще, — добавляет Квамина Ману.

— Ты получила свой ответ? — спрашивает омахене Адофо.

Абена опускает голову и поджимает пальцы — так на Луне принято. Фамильяры Котоко один за другим гаснут. Тот, что принадлежит Лусике Канде-Асамоа-Корта, продолжает светиться.

— Не получила, верно?

— Чего?

— Ответа.

— Получила, я просто не могу...

— ...успокоиться?

— Мне кажется, я подвергаю семью опасности.

— Сколько людей живет на Луне?

— Что? Примерно полтора миллиона.

— Миллион семьсот тысяч. Кажется, что это много, но недостаточно много, чтобы мы могли не беспокоиться о генофонде.

— Близкородственное скрещивание, скопление мутаций, дрейф генов. Фоновая радиация. Я это в школе учила.

— И у каждого свой механизм борьбы с этим. Мы усовершенствовали систему абуса и все правила относительно того, с кем нельзя заниматься сексом. Ты у нас кто?

— Бретуо. Асени, Ойоко и, конечно, моя собственная абуса.

— Сунни женятся на всех и каждом, половина лунных жителей — Сунни; у Корта их странная система мадриний, но генофонд свой они держат открытым и чистым. А с Маккензи все иначе. Их семья закрыта на все замки, они боятся загрязнить родословную, разбавить свою идентичность. Они заключают браки внутри семьи и не брезгают обратным скрещиванием; откуда, по-твоему, взялись все эти веснушки? Но это рискованно — очень рискованно, поэтому им нужны гарантии того, что потомки будут нормальными. Они наняли нас, чтобы конструировать генетическую линию. Мы этим занимаемся уже тридцать лет. Это наш секрет, но такова причина, по которой нам не надо бояться Маккензи. Они боятся родить двухголового ребенка.

Абена шепчет молитву Иисусу.

— Асамоа хранят чужие секреты. Но ты следи за Лукасинью, Абена. Маккензи не посмеют нас тронуть, но они не забывают обид, и ножи у них длинные.

Заббалины аккуратно подбирают и уносят мертвых голубей, которые усеивают сады Джонатона Кайода. Их выпуск был запрограммирован; клетки распахнулись, и птицы взмыли в небо, хлопая крыльями, пронесли над головами расходящихся гостей. Ариэль осторожно, с тихим жужжанием пробирается сквозь гниющие розовые лепестки. Она не доверяет своим роботическим ногам на скользкой слизи. Как и мать, она испытывает отвращение к живой материи. Органика так быстро становится омерзительной.

Джонатон Кайод принимает ее в своих апартаментах, откуда открывается вид на сад. Ленты и посеребренные фрукты все еще украшают цитрусовые деревья, лужайки усеяны пищевым мусором. Боты усердно трудятся, но за вечеринкой из четырехсот гостей прибраться непросто.

— Ну и бардак, — говорит Джонатон Кайод, приветствуя Ариэль.

— Мы нанимаем людей, чтобы они ликвидировали наш бардак, — замечает Ариэль.

— У меня не было возможности упомянуть об этом во время «праздника», но просто чудесно, что вы так подвижны. Длинные платья вам к лицу. Я побывал в паре мест. Свадьба года обернулась фиаско, но тетя жениха установила новый модный тренд. Как дела у мальчика?

— Асамоа его приютили.

— Вы всегда были близки, Корта и Асамоа.

— Джонатон, я хочу, чтобы вы это прекратили.

Джонатон Кайод качает головой, касается пальцем лба.

— Ариэль, вы знаете не хуже меня...

— Если КРЛ хочет, чтобы что-то произошло или не произошло, КРЛ находит способ.

Они сидят по разные стороны низкого столика. Бот приносит два «Зардевшихся мальчика».

— Знаете, они пришлись мне по вкусу, — говорит Орел.

Ариэль сегодня не может сказать того же самого. Орел делает глоток. Он пьет шумно.

— Прошло два года с последнего поединка в Суде Клавия, — говорит Ариэль.

— Не совсем. — Джонатон Кайод ставит бокал на стол. — Альяум против Филмус.

— Там бы ни за что не дошло до ножей. Я это знала. Маландрагем. Так я и побеждаю. И эти два дела совсем разные. То было делом о разводе. А здесь у нас старомодный вызов на дуэль, поединок во имя чести.

— Брайс Маккензи прям вцепился в вашего брата.

— Вы можете все отменить, Джонатон.

— Уверены, что не хотите выпить? — спрашивает Орел Луны, поднимая бокал, и поверх его края смотрит в глаза Ариэль. Его взгляд быстро перемещается к задней части апартаментов: один, два, три раза. Ариэль широко распахивает глаза.

— Для меня немного рановато, Джонатон. — В суде и среди адвокатов ходит стандартная шутка о том, что Эдриан Маккензи связал Орла Луны по рукам и ногам, словно собираясь продемонстрировать его в качестве образца сибари. Выходит, это не шутка.

«Им нужна кровь», — беззвучно говорит он.

— Кто представляет Лукаса?

— Карлиньос.

Рот Джонатона Кайода приоткрывается от потрясения. «Твой око не сообщил тебе, что им нужна кровь из сердца».

— Они назначили защитником Хэдли Маккензи. Нам пришлось соответствовать.

Она не позволит Орлу Луны отвести взгляд. «Ты можешь это все остановить, спасти двух молодых людей».

— Джонатон?

— Я не могу вам помочь, Ариэль. Я не закон.

— Похоже, у меня это превращается в привычку, но пошел ты на хер. — Ариэль приказывает робоногам поднять себя. Подбирает свой клатч. Поднимает голос, точно в зале суда, чтобы сказанное достигло дальней стены гостиной: — И ты тоже иди на хер, Эдриан. Я надеюсь, мой брат разрежет твоего на части.

Он вернулся в Боа-Виста ради битвы. «Я бы так не смогла», — думает Ариэль. Даже в самый темный час, когда она чувствовала, как ее вскрывают, шарят внутри, насилуют, когда она страшилась, что больше никогда не сможет ходить на своих прекрасных ногах, когда видела нож всякий раз, закрывая глаза, она не позволила матери отвезти себя назад в Боа-Виста. Ты тоже видишь нож, Карлиньос. Каждый раз. Он позади меня, он впереди тебя. Меня бы парализовало от страха.

Он лежит на животе на столе в павильоне Носса Сеньора да Роча. С края купола капает вода, собравшаяся от брызг из водопада Ошуна. Над его телом трудится массажист, глубоко погрузив пальцы в мышечные волокна. Карлиньос постанывает — его тихие крики напоминают секс. Ариэль это отвратительно: другой человек касается твоего тела так интимно. Другой коснулся ее тела, и это было интимнее массажа или секса.

Карлиньос поворачивает голову и широко улыбается при виде сестры.

— Ола.

— На этот раз мой серебристый язык меня подвел, Карлу.

Лицо Карлиньоса искажается в печальной гримасе. Он морщится, когда массажист опять забирается глубоко. «Ты великолепен, — думает Ариэль, — и у меня в голове ножи, рассекающие эту безупречную кожу, и меня переполняет холодный ужас».

— Прости.

— Тебе не за что извиняться, — говорит Карлиньос.

— Я могу попытаться... Нет, я ничего не могу сделать. У меня закончились слова. Они получают свою дуэль.

— Знаю.

Ариэль целует брата в шею, чуть ниже затылка.

— Убей его, Карлу. Убей его медленно и больно. Убей у них на глазах, чтобы они увидели, как истекают кровью все их планы по поводу нашей семьи, все до единого. Убей его ради меня.

— Я могу пойти? Можно?

— Нет! — грохочет Рафа.

Робсон спешит следом за отцом.

— Я хочу поддержать Карлиньоса.

— Нет, — опять говорит Рафа.

— Почему нет? Ты идешь. Все идут.

Рафа поворачивается к Робсону.

— Это не гандбол. Это не игра. Это не та вещь, где можно болеть за игрока. Мы идем, потому что Карлиньос не должен сражаться в одиночку. Я не хочу идти. Я не хочу, чтобы он туда шел. Но я пойду. А

ты — нет.

Робсон переминается с ноги на ногу, хмурится.

— Тогда я хочу его увидеть сейчас.

Рафа раздраженно вздыхает.

— Ладно.

Спортзал в Боа-Виста используют реже прочих помещений. Боты очистили его от многолетней пыли, медленно прогрели, изгнав холод глубоких вечных скал. Карлиньос подвесил к потолку глиняные колокольчики на лентах. Семь колокольчиков. Одетый в бойцовские шорты, он носится по залу, делая обманные выпады и финты, нанося режущие удары и вертясь вокруг своей оси.

— Ирман.

Карлиньос подходит к ограждению, тяжело дыша. Кладет нож на выступ, опускает подбородок на сложенные руки.

— Привет, Робсон.

— Тиу.

— Задел какой-нибудь? — Рафа кивком указывает на свисающие колокольчики.

— Я никогда их не задеваю, — говорит Карлиньос.

Тут что-то движется, так быстро и неожиданно, что он не успевает ответить. Робсон прижимает острие ножа к мягкой коже под правым ухом Карлиньоса.

— Робсон...

— Хэдли Маккензи научил меня: если ты забрал у кого-то нож, ты должен его использовать против своего врага. Никогда не теряй свой нож.

Карлиньос превращается в быструю реку; он уклоняется от острия и одновременно выворачивает запястье Робсона в достаточной степени, чтобы причинить боль. Подбирает упавший нож.

— Спасибо, Робсон. Я буду за этим следить.

Все колокольчики начинают издавать тихий звон. Еще одно слабое лунотрясение.

Карлиньос выходит из ванной комнаты с широко распахнутыми глазами.

— Там джакузи. У меня даже в Боа-Виста не было джакузи.

— Это меньшее из того, что я могу сделать, Карлу.

Подготовка Команды Карлиньоса, которой занимается Лукас, оказалась неожиданно сложной. Свадебное фиаско все еще баламутит социальную атмосферу. Если просочатся новости о дуэли между враждующими Драконами, даже одновременные угрозы судебных исков от Корта и Маккензи не остановят сети слухов. Красивые парни дерутся полурасдетыми. Это даже лучше, чем красивые парни, которые сочетаются браком. Эксклюзивные апартаменты в хабе Орион сняли через подставную компанию; дизайны для принтера заказали через другую, а массажистов, физиотерапевтов, психологов, поваров, диетологов, изготовителей ножей и тайных охранников анонимно наняли через посредников-ИИ. Соорудили тренировочную комнату, и Мариану Габриэл Демария тайком перевез ее из Царицы Южной и установил в примыкающей квартире. И наконец, боевые ножи Карлиньоса, из лунной стали, привезли из Жуан-ди-Деуса и поместили в додзе.

— Это спальня.

— Да вокруг этой кровати гулять можно...

Карлиньос падает на кровать спиной вниз, закидывает руки за голову. Он светится от радости. Лукас напряженно сжимает губы.

— Прости.

— Что?

— Прости. За это. Я не должен был просить...

— Ты не просил. Я сам предложил.

— Но если бы я не стал покрывать Лукасинью...

— Ариэль приехала в Боа-Виста повидаться со мной. Знаешь, что она сказала? Попросила прощения за то, что не может это остановить. А ты просишь прощения, потому что думаешь, будто все из-за тебя. Лука, я всегда знал, что это случится. Я напечатал свой первый нож, посмотрел на него и увидел — это. Не Хэдли Маккензи, но битву, в которой семья будет зависеть от меня.

Это прощение.

— Хэдли Маккензи в хорошей форме и очень проворный.

— У меня форма получше.

— Карлиньос...

Лукас смотрит на брата, который распростерся на кровати и блаженствует на настоящем хлопке. Через двадцать четыре часа ты можешь быть мертв. Как же ты с этим справляешься? Как ты можешь тратить хоть миг на нечто банальное? Может, такова мудрость бойца; банальные вещи, непосредственное физическое ощущение импортного хлопка со множеством волокон, чувственные вещи — жизненно важные вещи.

— Что?

— Ты проворнее.

Вагнер берет ножи, инстинктивно находит баланс. Смотрит на штуковины в своих руках. Он только что миновал полную тьму, и его сосредоточенность и концентрация на пике. Он мог бы часами рассматривать линию края, узор на металле.

— Ты слишком уж спокойно с ними обращаешься, — замечает Карлиньос.

— Жуткие штуки. — Вагнер возвращает их в ящик. — Я буду там. Мне не хочется, но я буду.

— Мне тоже не хочется.

Братья обнимаются. Карлиньос предложил Вагнеру комнату в апартаментах, но тот предпочел остаться со стаей. Дом Стаи — холодное и тусклое место, когда Земля прячется во тьме. Он приехал из Теофила накануне ночью и беспокойно спал в стайной постели, маленький, раскинувшись насколько это было возможным, но все равно оставаясь одним человеком; к нему то и дело возвращался тревожный сон о том, как он стоит голым посреди Океана Бурь. Анелиза не поверила в историю о том, что он отправляется в Меридиан по семейным делам, но не сумела отыскать очевидную ложь, чтобы за нее уцепиться.

— Я могу что-нибудь сделать? — спрашивает Вагнер.

Смех Карлиньоса застает его врасплох.

— Все остальные только и твердят, как им жаль, как их терзают угрызения совести. Ни один не спросил, что он может для меня сделать.

— Так что же мне сделать?

— Я бы очень хотел поесть мяса, — говорит Карлиньос. — Да, хотел бы.

— Мясо...

— Ты можешь это есть?

— В этой ипостаси — обычно нет, но ради тебя, ирман...

Сомбра находит шуррасерию, тщеславно дорогую. Она может похвастать мясом свиней редких пород и мясом карликовых коров «курогэ васу», которых на ферме массируют по методике «джин» и включают им музыку, чтобы говядина была помягче. Стекланные мясные витрины демонстрируют тушки размером с домашних животных. От цен кружится голова. Карлиньос и Вагнер занимают кабинку и разговаривают, окунают вафельки из эксклюзивной говядины в соусы, но большую часть времени хранят дружелюбное молчание, как это заведено у близких мужчин, и как-то само собой оказывается, что они сказали друг другу все.

«Бежим со мной», — сказал он.

Марина и Карлиньос пристраиваются к хвосту Долгого бега. Через пять вздохов они подхватывают ритм ритуала. На этот раз Марина не боится петь. Есть только один Долгий бег. Он не остановился ни на день, ни на ночь с той поры, как она выпала из череды бегунов. Потом ее сердце, ее кровь, ее мышцы настраиваются на единство.

«Да, я сейчас, да», — сказала она. Марина пришла на зов Карлиньоса, ожидая секса, надеясь на что-то еще. Что-то, что выведет их из этой квартиры, провонявшей надвигающейся смертью. Карлиньос хотел отправиться домой и бежать. Жуан-ди-Деус был всего-то в часе пути на экспрессе. Они с Карлиньосом ехали в нарядах для Долгого бега. Они привлекли восхищенные улыбки и взгляды. «Красивая пара. Кто они такие, не знаете? Да вы что, серьезно?» Наряд Марины, более смелый, облегал ее туже, чем она когда-нибудь себе позволяла; узоры на теле были более агрессивными. «Я напряжена и агрессивна», — думала она. Она достала зеленые ленты Огуна из вакуумного хранилища и носила их с гордостью.

Марина прибавляет ходу, направляясь к голове колонны. Карлиньос смеется и догоняет. «Неутомимое лезвие, нож Огуна режет путь на волю. Неутомимое лезвие. Нож Огуна хочет убить». Затем время, личность, самоосознание пропадают.

Они бросаются в поезд домой, милые и потные, падают на свои места, когда поезд начинает ускоряться по направлению к Первой Экваториальной, опираются друг на друга. Марина сворачивается в клубочек рядом с Карлиньосом. Он такой хороший, он пробуждает в ней кошку. Она любит инаковость мужчин; они непознаваемы, как животные. Она их любит, потому что они такие непохожие на нее и такие чудесные.

— Ты придешь? — спрашивает Карлиньос.

Она ждала этого вопроса и страшилась, так что ответ подготовлен.

— Да, но...

— Не будешь смотреть.

— Карлиньос, прости. Я не смогу увидеть, как тебе причинят боль.

— Я не умру.

«Десять минут до Меридиана».

— Карлу. — Это первый раз, когда Марина назвала Карлиньоса его самым интимным именем, именем для семьи и аморов. — Я собираюсь покинуть Луну.

Он говорит:

— Я понимаю.

Но Марина чувствует, как напрягается тело Карлиньоса рядом с нею.

— Я заработала деньги, и с мамулей все будет в порядке, и твоя семья была со мною мила, но я не могу остаться. Я боюсь каждый день. Каждый божий день, постоянно. Я все время чего-то боюсь. Так жить нельзя. Мне придется уехать, Карлиньос.

Пассажиры уже встают и собирают детей, багаж, друзей в ожидании прибытия. На той стороне платформы, где есть воздух, Марина и Карлиньос целуются. Она встает на цыпочки. Люди, выходящие из поезда, улыбаются.

— Я там буду, — говорит Марина.

Они отправляются каждый в свою квартиру, и утром Карлиньос идет на битву.

Боты заканчивают подметать зал суда за несколько секунд до того, как появляются бойцы. Это место не использовали лет десять. Воздух очистили; ни намек, реального или воображаемого, на запах старой крови. Кажется, в зале холодно, хотя на самом деле температуру подняли до телесной. Он маленький и очень красивый, стены и пол покрыты деревянными панелями. Его сердце — пятиметровый бойцовский ринг с гибким полом, подходящий для танцев или сражений. Арену обрамляют узкие галереи со скамьями для свидетелей и судей. Противоборствующие стороны и судьи сидят достаточно близко, чтобы их оросило брызгами артериальной крови. Такова моральная основа судебного поединка: насилие затрагивает всех.

На скамье Маккензи: Дункан Маккензи, Брайс Маккензи. Он едва втиснулся в узкую галерею. Вместо Роберта Маккензи — Джейд Сунь-Маккензи, мать защитника. На скамье Корта: Рафа, Лукас, Вагнер и Ариэль. С нею эскольта, Марина Кальцаге. Ариэль отбила поданный в последнюю минуту запрос от правовой команды Маккензи, которым суду вменялось в обязанность вызвать Лукасинью, Робсона и Луну в зал. Процедурой руководят судьи Реми, Эль-Ашмави и Мишра, ни один из которых ранее не работал с Ариэль Кортой.

Судья Реми призывает присутствующих к порядку. Судья Эль-Ашмави зачитывает правонарушение. Судья Мишра спрашивает, не будет ли примирения или извинений. Нет, говорит Лукас Корта.

Формальности успокаивают, формальности упорядочивают, формальности отдаляют от того, что случится на этой арене, окруженной деревянными панелями.

Появляются секунданты. За Маккензи — Денни Маккензи и Констант Дюффус, заместитель шефа охраны. За Корта — Эйтур Перейра и Мариану Габриэл Демария. Каждая сторона представляет боевые ножи судьям. Те тщательно их изучают, хотя ни один не разбирается в ножах, и одобряют по одному из каждого ящика. Мариану Габриэл Демария целует рукоять, когда укладывает нож из лунной стали в его колыбель.

Бойцы выходят из закутков под рингом. Оба смотрят вверх, потом вокруг, оценивая пространство и его ограничения. Места меньше, чем они рассчитывали. Сражение будет напряженным, быстрым и свирепым. На Карлиньосе кремовые бойцовские шорты, на Хэдли — серые. У обоих они контрастируют с

цветом кожи. В цифровом смысле они обнажены, без фамильяров. Украшения — слабость, но вокруг правой лодыжки Карлиньоса обернут зеленый шнур: знак покровительства Сан-Жоржи. Секунданты Карлиньоса подходят к нему вплотную.

Марина прячет лицо в ладонях. Она не может смотреть на Карлиньоса, она должна смотреть на Карлиньоса. Он мальчик, большой улыбчивый мальчик, который брел из комнаты в комнату, не понимая, что позади него каждая дверь закрывается на замок и каждая новая комната меньше предыдущей, пока он не окажется здесь, на убийственном ринге. Ей плохо; каждая кость и каждое сухожилие в ее теле испытывают тошноту. Карлиньос приседает, Эйтур и Мариану наклоняются к нему и что-то бормочут. По другую сторону ринга Хэдли Маккензи скачет, прыгает, принохивается, пляшется; вихрь энергии и целеустремленности. Он зарежет Карлиньоса, думает Марина. Она еще никогда не испытывала такого ужаса — даже когда маме поставили диагноз, даже когда МТА покотился по взлетной полосе в Уайт-Сэндз.

Суд приказывает бойцам подойти к скамье. Карлиньос, в котором два метра десять сантиметров роста, выше Хэдли, но тяжелее. Маккензи сделан из проволоки и стали. Судья Реми обращается к обеим сторонам:

— Мы должны вам сообщить, что, хотя этот поединок совершенно законен, Суд Клавия сожалеет о его необходимости. Это варварство, не подобающее вашим семьям и корпорациям. Можете продолжать.

Мариану Габриэл Демария вручает Карлиньосу нож. Он чувствует тяжесть оружия, сжимает его должным образом, находит баланс и скорость. Пробует вес, репетирует удары, кончиком разя в девяти направлениях. Хватка крепкая, но изменчивая. Усилия — нужны или нет. Ложный выпад, рывок, верчение — это не рубящий удар. Все усилие в том, чтобы рубить. Жить, до предела обострив все чувства, ощущая невидимые колокольчики, висящие во тьме лабиринта.

— Секунданты, уходите.

Эйтур и Мариану удаляются в свой закуток под галереей для свидетелей. Нет раундов, нет перерывов или пауз для того, чтобы посоветоваться в углу судебной арены. Сражение пойдет до победы.

Карлиньос поворачивается к своей семье и опускает голову. По лицу Марины Кальцаге медленно катятся крупные слезы.

— Сближайтесь.

Карлиньос и Хэдли встречаются в центре ринга, приветствуют друг друга, подняв ножи.

— Сражайтесь.

Бойцы принимают стойки; вес их сбалансирован, руки подняты. И вот они сталкиваются. Карлиньос вертится, пытается потянуть за собой Хэдли, выбить его из равновесия, но Маккензи умен и проворен, настолько проворен, что на миг Карлиньос теряет темп. Потом восстанавливается. Марина еще ни разу не видела ножевой бой. Он уродлив, полон насилия, жесток. Нет в нем ничего славного: никаких умелых режущих ударов и выпадов, парирования и ответных уколов, атаки и защиты с помощью лезвия, как это происходит с мечом. На стезе ножа первый контакт с лезвием будет последним. Любое попадание в цель окажется финалом. Рубани, обезоружь, ткни, обездвижь. От скорости движения тошнит. Они быстрее мысли. На лице Хэдли ухмылка черепа; его концентрация абсолютна. И он резвее, легче, сообразительнее. Финт, поворот, возврат. Марина бросает взгляд на других Корта. Глаза Рафы закрыты. Ариэль зажимает рот руками. Вагнер нацепил маску полной сосредоточенности. Лицо Лукаса похоже на череп. По ту сторону ринга, на лицах Маккензи, похожие выражения.

Она не может смотреть. И не в силах отвернуться.

Никто не в состоянии долго поддерживать такой убийственный темп. Она видит, что Карлиньос теряет

равновесие. Его реакции на йоту замедляются. Кожа блестит от пота. Взгляд суров, лицо каменное. Это танец, убийственный тустеп. Близко, быстро — сверкают ножи, нанося режущие и колющие удары: в руку с оружием, в сухожилия ноги. Выше, ниже. Карлиньос делает ложный выпад, Хэдли парирует и оставляет на бицепсе Карлиньоса порез, который идет кругом, переходя в рану на его брюшных мышцах. Карлиньос отпрыгивает от ножа, и тот рисует на его животе кровавую линию. Он не замечает. Он пылает от адреналина, не чувствует боли, не чувствует ничего, кроме единства битвы. Но порез на бицепсе тяжелый. Он теряет кровь. Он теряет контроль. Он проигрывает дуэль. Карлиньос вертится и отступает, оставляя расстояние между собой и Хэдли. Хэдли рвется занять освободившееся место, но Карлиньос в тот же миг перекидывает нож из правой руки в левую. Это становится сюрпризом на мгновение, достаточным, чтобы вынудить Хэдли отступить. Он качает головой, словно разминая затекшую шею, и перекидывает нож из правой руки в левую.

Босые ноги скользят в потеках теплой сладкой крови Карлиньоса.

Карлиньос видит все способы, которыми Хэдли Маккензи может осуществить следующую атаку, все сразу, и в каждом из них нож вскрывает сухожилия на его руке, обезоруживает, рвет сухожилия на ноге, опрокидывает и вспарывает ему брюхо.

Он здесь умрет.

А потом он видит другой путь, не стезю ножа. Путь маландрагем. Кто привносит бразильское джиу-джитсу в ножевой бой? Карлиньос отбрасывает свой нож. Он вонзается в деревянную стену зала для поединков, дрожа. Хэдли провожает его взглядом, и в тот же миг Карлиньос проходит его защиту, руками блокирует замах и ломает ему локтевой сустав.

Треск разносится по всей арене. Нож падает.

Карлиньос заворачивает сломанную руку за спину Хэдли. Двое мужчин близки, как любовники. Карлиньос подхватывает упавший нож и тем же движением вонзает его в горло Хэдли Маккензи, вскрывая внутреннюю яремную вену.

Судьи вскакивают на ноги.

На лице Хэдли выражение легкого изумления, затем — разочарования. Кровь хлещет из ужасной раны, руки умирающего бестолково болтаются. Карлиньос опускает его, оставляя булькать и дергаться в луже собственной крови.

Карлиньос рычит. Отводит плечи назад, сжимает кулаки, рычит. Пинает деревянную галерею, снова и снова, бьет кулаком в стену. Рычит. Обратившись лицом к своей семье, стряхивает пот с волос и орет в знак победы.

Марина прячет лицо в ладонях. Ей невыносимо на это смотреть. Вот это — Карлиньос. И всегда был Карлиньос.

Хэдли теперь затих, и в зале суда слышится второй голос; долгий, пронзительный вой, такой жуткий и такой нечеловеческий, что его источник становится очевидным, лишь когда Джейд Сунь бросается к перилам. Дункан Маккензи хватается за нее, удерживает. Она продолжает нечленораздельно кричать от утраты и скорби. Секунданты Маккензи прикрывают тело.

— Дело решено, — кричит судья Мишра поверх рычания и воя. — Заседание суда окончено.

Эйтур Перейра и Мариану Габриэл Демария пытаются проводить Карлиньоса в нижнее помещение. Он стряхивает их и пересекает арену, чтобы порычать перед Маккензи. С его тела капает пот с примесью крови. Он тыкает обвиняющим пальцем в Джейд Сунь, в Брайса Маккензи.

Жизнь покидает Марину.

— Секунданты, приструните вашего защитника! — кричит судья Эль-Ашмави. Эйтур и Мариану хватают Карлиньоса, повисают у него на плечах и с трудом тащат к воротам. Джейд Сунь плюет. Плевков на Луне летит далеко. Сгусток слюны попадает Карлиньосу в плечо. Он поворачивается, бьет ногой по кровавой луже на полу. Брызги крови падают на ее лицо, веснушками испещряют кожу прочих Маккензи.

— Уведите его оттуда! — вопит Рафа.

Марина уже сбежала с судебной арены. Она прижимается затылком к стене, надеясь, что ее плотность и прохлада подавят импульсы тошноты. Мимо бегут эскольты, чтобы сопроводить всех Корта в поджидающий транспорт; стеклянная перегородка делит коридор на сторону Корта и сторону Маккензи. Их рубаки сгрудились вокруг пришедших на суд Маккензи, но Марина видит, как Дункан вытирает кровь с лица мачехи.

— Ох, Карлиньос... — шепчет Марина. — Я могла бы тебя полюбить.

Первый из экстракторов «Корта Элиу» гаснет через десять минут после победы Карлиньоса Корт в Суде Клавия. Тридцать секунд спустя от сети отключается второй. За три минуты вся самба-линия северного Моря Дождей темнеет.

В пассажирском отсеке лунного корабля ВТО «Пустельга» вспыхивают фамильяры Рафы, Лукаса, Карлиньоса и Эйтура Перейры. В поезде, идущем обратно к узловой станции Ипатия, Сомбра предупреждает Вагнера Карту. В моту, едущем к квартире в Меридиане, Бейжафлор и Хетти информируют хозяек о происходящем.

«Корта Элиу» атакуют.

Аренда лунного корабля ВТО тяжела даже для Дракона, но Рафа знал, что каким бы ни был результат на убийственной арене Суда Клавия, ему понадобится быстро доставить семью в безопасное место. К моменту, когда корабль садится на площадку в Жуан-ди-Деусе, Западное и Восточное Море Дождей, а также центр Моря Ясности полностью потеряны.

— Мы только что потеряли Запад Ясности, — говорит Эйтур Перейра, пока корабль передает пассажирский отсек тягачу. — У меня тут Юг Ясности, сейчас я вас подключу.

На линзах у всех появляется трансляция со шлема: разгромленная самба-линия. Камера дает панораму разбитых машин и обломков, кусков металла и пластика, далеко разбросанных по реголиту; пять экстракторов мертвы, ровер вскрыт, как череп, на который свалилась строительная балка.

— Вы это видите? — кричит женский голос. Тег фамильяра идентифицирует ее как Кине Мбайе: Море Ясности. — Они нас убивают.

Позади нее вспышка в небе, взрыв света. На камеру несется целая опорная ферма, кувыркаясь. Женщина матерится по-французски. Камера отключается. Именной тег белеет.

— Карлиньос! — Рафа трясет брата. После взрыва ярости и безумия судебной арены Карлиньос провалился в кататонию. Секунданты через силу выволокли его в предназначенное для защитника помещение, где медицинский бот заштопал его брюшные мышцы и бицепс и накачал транквилизатором. Секунданты смыли с него кровь, одели по-уличному и погрузили на борт «Пустельги». — Что происходит?

Карлиньос пытается сосредоточиться на лице брата.

— Мы потеряли всю самба-линию Юг Ясности, — сообщает Эйтур Перейра с серым лицом. Воздушные шлюзы стыкуются, давление выравнивается, пассажиры входят в вестибюль лифта. — Тридцать

человек.

— Карлиньос! Ты же пылевик.

— Покажи, — говорит Карлиньос. Он просматривает съемку Кине Мбайе три раза, пока едет лифт. — Остановить все самба-линии.

— Что происходит... — начинает Рафа, но Лукас перебивает его:

— Я уже отдал приказ.

— Это не задержит их надолго. Они просто заново просчитают траектории. — Карлиньос смотрит на каждого в кабине лифта по очереди, проверяя, не догадался ли кто-то. — Они стреляют в нас капсулами БАЛТРАНА. Если замедлить отчет из Юга Ясности, то прямо перед ударом можно заметить одну. Эта вспышка — не вспышка, а удар капсулы БАЛТРАНА.

— Нам не спрятаться, — говорит Рафа.

— Такое не затевают спонтанно, — говорит Лукас. — Нужно вычислить расположение каждого из наших экстракторов, забронировать капсулы, нацелить пусковые установки. Они это спланировали давно.

— Кто? — спрашивает Эйтур Перейра. Лукас набрасывается на него:

— А ты как думаешь, старый дурак?

«Квадра Сан-Себастьян, проспект Кондаковой», — сообщает лифт.

— Что мы можем сделать? — спрашивает Рафа.

— Предложить лучшую цену, — говорит Лукас. — Деньги побеждают в любой войне. — Он отдает приказ Токинью. Пауза. Раньше таких пауз никогда не было.

«Доступ к счетам „Корта Элиу“ временно невозможен», — говорит Токинья.

Дверь лифта открывается.

— Объясни, — говорит Лукас.

«Наши банковские системы находятся под атакой „отказ в обслуживании“», — говорит Токинья.

Вестибюль лифта содрогается. Все живое на проспекте Кондаковой смотрит вверх, повинувшись инстинкту пещерных людей.

— Только этого нам и не хватало, — говорит Рафа. — Лунотрясение.

— Нет, — говорит Карлиньос. — Кумулятивные заряды.

Одна женщина, один мужчина, элегантно одетые по последней моде, сходят с экспресса № 28 и идут через воздушные шлюзы на станцию Тве. Они движутся сквозь толпу пассажиров с достоинством, целеустремленно; похоже, в знаменитом лабиринте Тве у них имеется четкий маршрут. Их ведут. У публичного принтера они забирают два заказанных заранее пластиковых ножа; зазубренных, острых, отлично подходящих для того, чтобы причинить вред. Женщина и мужчина — убийцы, нанятые, чтобы разыскать Лукасинью Корту и зарезать его. Их фамильяры наводятся на Цзиньцзи. Мальчишка открыт публике, беззащитен. Они отслеживают его через туннели и аграрии, по высоким пешеходным дорожкам, среди отвесных стен фермерских труб; по эстакадам, которые идут вверх по спирали в жилых зонах, и с каждым шагом расстояние между ними сокращается.

Лукасинью Корта провел утро в своей комнате, ожидая новостей из Суда Клавия и терзаясь муками совести. Отец ему постоянно твердил, что дело не в свадьбе. Дело в пощечине. Просчитанное

оскорбление, вызов на дуэль. Дело в отношениях между Лукасом и Брайсом Маккензи. Свадьба — предлог.

«Я еду», — сказал Лукасинью.

«Вот уж нет», — отрезал Лукас.

«Я должен это увидеть», — возразил Лукасинью.

«Никто не должен видеть такое, — ответил Лукас. — Оставайся в Тве. Там ты в безопасности. Я тебе сообщу».

Лукасинью пытался сидеть, гулять, играть в игры, просматривать социальные сети, что-то печь. Он не мог успокоиться. Он не мог сконцентрироваться. Его тошнило от ужаса. Потом Цзиньцзи засветился и выдал сообщение от Лукаса: «Карлиньос победил». И все.

Карлиньос победил. Лукасинью чувствует облегчение. Он ощущает, как спадает напряжение. Он ликует. Он должен кому-то сказать, должен с кем-то повидаться. Сообщение через фамильяра — не годится. «Абена, надо встретиться». Он почти бежит по туннелям Тве. Фамильяры убийц перебрасываются сведениями. Цель движется. Это намного проще, чем взламывать систему безопасности в квартире. Они пересекутся с ним у Круга Нкрума и убьют там же, на людях. Они думают, будто их каналы связи безопасны. Вот он. Они хватаются за спрятанные ножи. Двигутся к Лукасинью, беря его в клещи.

«Опасность, — говорит Цзиньцзи. — Опасность, Лукасинью Корта!»

Лукасинью застывает, вертится посреди плазы Роулингз, пытается понять, кто из сотен людей хочет его убить. Он видит мужчину, который делает шаг вперед, держа руку на ноже. Убийца близко. Лукасинью не видит женщину позади себя.

Но ее видит робот на крыше. ИИ АКА усмотрели закономерности в прибытии этих двух пассажиров, деятельности принтера на улице Куфуора и развитии событий на поверхности. Они дали задание охранному боту, умному пауку, который бежал, невидимый, по загроможденным потолкам многолюдных туннелей Тве, преследуя убийц, которые преследовали Лукасинью Кортю. Теперь бот захватывает цель и атакует. Он прыгает на шею женщины-убийцы и всаживает в нее иглу, заряженную нейротоксином. Одновременно с тем, как ее легкие каменеют, бот снова прыгает, делает кувырок над плечом Лукасинью и падает на лицо мужчины-убийцы. Тот даже не успевает вскинуть руки, чтобы защититься, а игла уже впивается в его плоть. Ботулотоксин АКА разработан для быстрого и надежного действия. Тела падают по обеим сторонам от Лукасинью Корты, а паук торопливо уползает на нижний уровень архитектуры плазы Роулингз. АКА не любит вмешиваться в политику других Драконов, но если приходится, то стратегия Золотого Трона состоит в том, чтобы действовать быстро и решительно.

«Теперь ты в безопасности, — говорит Цзиньцзи. — Помощь скоро прибудет».

У Вагнера развилась привязанность к тихой колонне в конце платформы на узловой станции Ипатия. Это место между мирами — миром полной Земли и темным миром; теперь оно стало местом между временами: прошлым и будущим. Каждый Дракон, даже полу-Дракон вроде него, живет в тени насилия, но Вагнер еще ни разу не видел, как один человек умирает от рук другого. Он все еще чувствует запах крови. И будет чувствовать всегда. Он воображает, что от него несет ею и что все в поезде это чувствуют. Вагнер знает волка в себе, но на судебной арене он увидел внутри Карлиньоса нечто, превосходящее волков, нечто, доселе неизвестное Вагнеру, и оно его пугает, потому что всегда жило там, в Карлиньосе, и он ничего не замечал. От этого каждый момент и опыт, который они разделили как братья, становится фальшивым.

Когда дерутся Драконы, чью сторону должен занять волк?

Загорается Сомбра: звонок от Анелизы.

— Вагнер, где ты?

— В Ипатии.

— Вагнер, возвращайся в Меридиан.

— Что случилось, Ана?

— Отправляйся в Меридиан. Не приезжай сюда. Не возвращайся домой.

Тихая поспешность ее голоса, приглушенный тон, таинственность шипящих звуков — все это заставляет Вагнера насторожиться, вздыбливает волосы на его руках и шее.

— Что случилось, Ана?

Она переходит на шепот:

— Они здесь. Они ждут тебя. О Господи, они заставили меня пообещать...

— Ана, кто...

— Маккензи. Они вынудили меня, они сказали — или ты семья, или нет. Не возвращайся, Вагнер. Они хотят убить всех Корта.

— Ана...

— Я — твоя семья. Верь мне. Верь мне, Вагнер. — Он слышит испуганное, подавленное всхлипывание. — Уходи!

«Я потерял связь», — говорит Сомбра.

— Восстанови.

«Не могу, Вагнер».

На платформе полным-полно семей. Детские голоса порождают эхо, которое в свою очередь воодушевляет их кричать еще громче. Картонки от лапши летают на странных подземных ветрах, уваливая от мусорных ботов. Там, наверху, сражаются Корта и Маккензи. Внизу, на станции, люди пересаживаются с поезда на поезд, думая о работе, семье, друзьях, любви, удовольствии. Если кто из них видел человека, сжавшегося в комочек у подножия колонны, притянувшего колени к груди, мог ли этот кто-то вообразить, что он борется за свою жизнь?

Анелиза осталась там. Он не знает, что с ней случилось.

«Уходи», — сказала она.

Вагнер встает, отделяется от своей колонны и пересекает платформу, направляясь к поезду, идущему в противоположную сторону. Что ж, ему дорога в ссылку — в компанию волков.

Проспект Кондаковой снова трясется. Потревоженная пыль сыпется с высоких крыш искрящимися облаками, грациозными, точно благодать. Улица замирает. Люди сначала смотрят вверх, потом — друг на друга.

«Повреждения у главных шлюзов Санта-Барбары и Сан-Жоржи, — сообщает каждый фамилльяр своему пользователю. — Безопасность лифтов нарушена».

— Они идут через крышу, — говорит Рафа.

«Вооруженные и враждебные отряды на главной станции».

— Покажи мне, — приказывает Карлиньос. Сан-Жоржи демонстрирует ему людей в натальной броне для защиты от колющего оружия, которые выгружаются из шлюзов поезда и строятся на платформе по командам. На них скрещенные лезвия и кобуры с тазерами. Ну подумаешь, просто вторжение, на 87-м курьерском поезде. Пассажиры хмурятся в замешательстве: это что, съемка очередной серии «Сердец и черепов»? Пассажиры поезда и гражданские не представляют собой законные цели. — Сколько их?

«Пятьдесят. По десять в шлюзе Санта-Барбары и шлюзе Сан-Жоржи. По пять в каждом из лифтов Сан-Себастиана». Квадра Сан-Себастиан содрогается от очередного взрыва. «Потеря целостности аварийного шлюза. Мои камеры отключились».

Солнечная линия мигает. Солнечная линия не должна мигать. По проспекту Кондаковой прокатывается ужасный стон, исполненный страха. Люди больше всего боятся оказаться в ловушке в темноте, с утекающим воздухом. «Вражеский персонал в квадре Сан-Себастиан. Вражеский персонал продвигается по проспектам Кондаковой и Терешковой».

— Они нас тут всех перережут, — говорит Карлиньос. — Эйтур, мне нужны эскальтеры для Лукаса и Рафы. Рафа...

— Я должен быть с детьми. Они, наверное, в Боа-Виста...

— Ты не попадешь на станцию с этой стороны квадры. Иди в периферийный туннель и выйдешь на двенадцатом Западном. Используй вход на проспекте Серовой. Лукас?

— Я включаю сигнал общей эвакуации.

— Молодец. Но тебе тоже надо отсюда выбираться.

— Я останусь с семьей.

— Не ты здесь боец, Лукас. Они тебя на части разорвут.

— Они попытались убить Лукасинью, Карлу. Они попытались убить моего мальчика.

— Ты теперь «Корта Элиу». Прости, Рафа. Спасай компанию. Есть план?

— У меня всегда есть план.

— Так ступай же, иди, иди.

Небесная линия вспыхивает. Семь коротких вспышек, одна длинная. Общая эвакуация. То, чего боишься больше всего на свете; оно только что произошло. Радиация, вышедший из-под контроля пожар, разгерметизация, обвал крыши, пролом. Вторжение. Отправляйтесь в безопасное место, ищите убежище, уходите. Тысяча фамильяров на проспекте Кондаковой и на каждом уровне, каждом проспекте каждой квадры Жуан-ди-Деуса повторяют сигнал тревоги, точно эхо. На миг квадра застывает в потрясенной тишине, а потом все резко приходит в движение. Моту поворачивают и везут своих пассажиров в ближайшие пункты сбора. Пешеходы переходят на бег; летуны устремляются вниз, в безопасные точки, указанные им фамильярами. Магазины, кафе, бары, клубы пустеют. Пьянчуги в панике глазают на небо, как будто оно падает. Школьные учителя собирают классы и гонят своих плачущих подопечных в убежища. Где майн, пай? Родители звонят детям, потерявшиеся малыши плачут в панике, боты разыскивают беспризорных и потерянных, отводят их в безопасные места. Семьи воссоединятся после, если оно наступит. В квадрах ночи и маньяна — там, где царит глубокая ночь или раннее утро, — просыпаются потрясенные вахтовики. Ужас, пожар, обвал! Офисы, квартиры пустеют; на уровнях и пешеходных дорожках раздается топот. Люди вливаются в толпы, бегущие по лестницам, или прыгают с нижних уровней, доверившись низкой гравитации.

Фигуры в боевой броне продвигаются по проспекту Кондаковой, не обращая внимания на бегущих вокруг людей. Позади них взрываются офисы «Корта Элиу», один за другим, и летят во все стороны обломки строительного пластика, дешевого дерева и мягкой мебели.

— Сан-Жоржи, напечатай мне броню.

«Будет готова в общественном принтере на 15-м Западном через три минуты».

— Эйтур, дай мои ножи.

Эйтур Перейра открывает церемониальный ящик. Свет солнечной линии отражается от лунной стали ножей Карлиньоса Корты. Прибывает запыхавшийся взвод охранников «Корта Элиу»: неэкипированный, сбитый с толку, слишком малочисленный.

— Ты и ты — с Рафой и Лукасом. Эйтур, возьми пятерых эскольта и отходи. — Карлиньос не может себе позволить пятерых эскольта. Но он видел трупы среди разлетающихся обломков взорванных офисов. Маккензи уничтожают тело и душу «Корта Элиу». — Сделай общее объявление: всем служащим «Корта Элиу» присоединиться к вам. Доставь их в убежище «Себастиан-Восточный». Маккензи их там не тронут.

— Ты так думаешь?

— Убежища — это святое. Даже Маккензи не взорвут убежище. Ступай.

Эйтур Перейра подзывает своих солдат. Они вприпрыжку бегут по проспекту Кондаковой, держа руки на рукоятках ножей. Вид у них отважный и безнадежный. Жуан-ди-Деус слишком велик, слишком разнообразен, раскинулся по слишком многим временным зонам, и Маккензи уже повсюду. Жуан-ди-Деус потерян.

— Рафа!

Лукас уже на уровень выше, взбирается по крутым лестницам с двумя телохранителями, идя против потока беженцев. Для интригана он справляется с этой задачей умело.

— Убирайся оттуда!

— Карлу!

Лукас кричит ему с расстояния в два уровня. Улицы и проспект теперь пустеют; брошенные моту загромождают аварийные шлюзы, бесполезные боты шныряют туда-сюда.

— Я могу их сжечь. Маккензи. Роберта, Джейд, Дункана, Брайса: всех. Я могу их всех сжечь.

— Мы не такие как они, Лукас.

Лукас кивает и продолжает подниматься по лестнице, помогая себе руками. Рафа бросает на него последний взгляд и мчится на боковую улицу, пригнувшись. Карлиньос надевает броню и вкладывает ножи в магнитные ножны.

— Мы должны выиграть время, — говорит Карлиньос своему взводу. Восемь эскольта. Рубаки Маккензи движутся по проспекту Кондаковой, двадцать человек в ряд. — Дадим бой напоследок. Купим время по дорогой цене. Ладно, за мной. — Он бросается бежать. Его бойцы строятся клином. Карлиньос издает дерзкий вопль, и его голос звонким эхом отражается от стен опустевшей квадраты Сан-Себастиан.

Рафа бежит. Полы его пиджака и галстук развеваются. Туфли совсем не подходят для бега. Желтые аварийные огни вертятся и пульсируют. Пол периферийного туннеля усеивают брошенные бутылки от воды, барабаны и разноцветные ленты ориша. Долгий бег наконец пришел к завершению.

* * *

Прежде чем они покидают квартиру, Ариэль набивает свои сумки и сумки Марины наличкой.

— Лукас сказал, счета заблокированы, — говорит Ариэль. — Это работает всюду.

— И в поезде?

— Я забронировала билеты десять минут назад.

«Корта Элиу» рушится. Жуан-ди-Деус атакуют. Карлиньос сражается. Рафа пытается попасть в Боа-Виста. Никто не знает, где Лукас. Вагнер в Меридиане, Лукасинью в Тве. Ариэль и Марина намереваются присоединиться к нему и просить убежища. Марина не может поверить, как быстро все рассыпалось на части.

Двадцать уровней, один километр до станции Меридиан. Там их может поджидать сотня смертей. Моту быстры, но моту можно хакнуть. В лифтах и эскалаторах могут ехать по дюжине рубак. Любой человек — или все люди — из сотен на улице могут оказаться наемными убийцами. Прямо сейчас дроны могут брать на прицел эту квартиру, боты-убийцы и нейротоксичные насекомые могут карабкаться по трубам.

— Бери свои ноги, — говорит Марина. — Идем пешком.

Ариэль застывает на полпути к ладейре.

— Идем! — кричит Марина.

— Не могу, — отвечает Ариэль. — Ноги не слушаются.

Марина позаботилась о каждой угрозе и каждом взломе, кроме самого личного и уязвимого.

— Снимай их. — Следующий взлом может скомандовать ногам отвести Ариэль напрямиком в кольцо рубак.

— Не могу их отсоединить, — шипит Ариэль, напряженно и испуганно. Марина вытаскивает нож.

— Прости меня за это.

Первый разрез — юбка отправляется на пол. Вторым и третьим она рассекает гибкие кабели, ведущие к источнику питания. Сервомоторы затихают, ноги подгибаются. Ариэль, зашатавшись, падает, и Марина подхватывает ее.

— Сними их с меня, сними! — кричит Ариэль, неловкими движениями пытаюсь стащить мертвые протезы.

— Я не хочу тебя порезать. — Марина работает аккуратно и быстро, кончиком ножа поддевает пластиковые замки и защелки. Ее концентрация неистова. — Не шевелись! — Осталось два соединителя. Квартира Ариэль расположена на тихой боковой улице, но вполне возможно, что у них всего секунды до того, как те, кто хакнул робоноги, придут проверить, почему план не сработал. И это тупик. — Получилось. — Марина раскрывает «ноги». Ариэль выползает из протеза.

— Карабкаться сможешь? — спрашивает Марина.

— Могу попытаться, — отвечает Ариэль. — А что?

Марина кивает на служебную лестницу в дальней части служебного переулка.

— Не знаю, хватит ли мне сил добраться до самого низа, — говорит Ариэль.

— Мы не пойдем вниз. На каждый метр пути к станции там будет по Маккензи. Мы пойдем вверх. — Вверх, в бедные кварталы, на самую верхотуру, в Байрру-Алту. Город тех, на кого всем наплевать. Там лучший матримониальный адвокат Луны и ее телохранительница могут исчезнуть на крыше мира. — Я тебе помогу. Но сначала... — Марина касается указательным пальцем точки между глаз. Отключить фамильяров. Бейжафлор исчезает спустя мгновение после Хетти. — Ты первая.

— Помоги, — приказывает Ариэль, сражаясь с пиджаком костюма.

Марина помогает его снять. Ариэль раздевается до трико-капри и спортивного бюстгальтера: ее бойцовский наряд.

— Дай сумку, — говорит Ариэль.

Марина пинком отправляет ее вне досягаемости адвокатессы.

— Как собираешься нести? В зубах?

— Наличка может быть полезной.

— Полезнее, чем забота о безопасности собственной глотки?

Ариэль, подтягиваясь, преодолевает две, три, четыре перекладины лестницы.

— Я не смогу уйти далеко.

— Я же сказала, что помогу. — Марина ныряет под лестницу, под висящее тело Ариэль. Помещает парализованные ноги по обе стороны от своей шеи. — Наклонись вперед и перенеси свой вес мне на плечи. Нам придется действовать сообща. Левые руки. Правые руки. Моя правая нога, потом моя левая нога. — Ариэль карабкается по лестнице, сидя на закорках у Марины. Мышцы Джо Лунницы и лунная гравитация уменьшают вес Ариэль, но не до нуля. По оценкам Марины, адвокатесса весит примерно десять килограммов. Как долго она сможет карабкаться по вертикальным лестницам с десятью килограммами на плечах? Один уровень, и у нее уже все болит.

Два уровня. Три. До крыши мира еще шестьдесят. Что Марина будет делать там, она не знает. Выживут ли Корта или умрут, выстоит их империя или падет, она не знает. Найдется ли для нее место в Байрру-Алту, выживет ли она, ждут ли ее там Маккензи, она не знает. Она знает только одно: левые руки, правые руки, левая нога, правая нога. Левые руки, правые руки, левая нога, правая нога, перекладина за перекладиной, уровень за уровнем, Марина и Ариэль карабкаются в изгнание.

Звуковая комната горит; языки пламени лижут стены, акустически безупречный пол. Совершенные механизмы под ним ломаются с треском. Дым клубится, под действием системы кондиционирования превращаясь в призраков и дьяволов, озаренных бликами огня. Сгусток пара и дыма, воспламеняясь, обращается в огненный шар. Система предотвращения пожара включается, запечатывает комнату и тушит пламя хладомом.

Первый тазер бьет Карлиньоса в спину. Он застывает. Каждую мышцу сводит спазмом. Карлиньос вскрикивает от усилий, пытаясь не выронить ножи. Он рубит сверху вниз, вздрагивает, когда удаётся расцезь провода, которыми шипы присоединяются к тазеру. Вертится, бьет. Рубаки отступают. Теперь он один. Все его солдаты неловко раскинулись в лужах собственной крови на проспекте Кондаковой. Рубаки Маккензи пляшут вокруг, но Карлиньос Корта продолжает сражаться. Его броня покрыта порезами и дырами, зазубринами от шипов в том месте, где тазеры попали в кевлар, а не в плоть. Он прикончил пятерых Маккензи, но каждую секунду прибывают новые.

Карлиньос сражается, шаг за шагом, Маккензи за Маккензи, приближаясь к шлюзу восточного убежища. Эйтур Перейра мертв, как и все его эскольта, но убежище наполнено, запечатано, люди в безопасности.

Рубаки собираются вокруг Карлиньоса, дразнят и тыкают ножами. Ему не спастись. Не выбраться. Второй тазер заставляет его упасть на колени. От третьего он теряет ножи. Четвертый превращает его в дергающуюся марионетку из плоти, запутавшуюся в блестящей паутине из проводов тазеров. Его сила, его проворство, его ножи — все потеряно. Он умрет на коленях в пещере на Луне. Остается только гнев. Вперед выходит рубака, снимает шлем. Денни Маккензи. Он поднимает один из упавших ножей Карлиньоса и восхищается искусной формой и краем.

— Красиво.

Он оттягивает голову Карлиньоса назад и рассекает ему горло до самой трахеи.

Когда в трупе не остается ни капли крови, рубаки раздевают его догола. Потом они тащат Карлиньоса Карту на пешеходный мост на 7-м Западном уровне и подвешивают там за ноги.

Пять минут спустя рассылаются контракты. Всем выжившим служащим, подрядчикам и агентам «Корта Элиу». Сроки, условия и вознаграждение за переход на службу в «Маккензи Металз». Деньги более чем щедрые. Маккензи платят втрое.

Ровер мчится на север через Море Изобилия.

Только у дурака может быть лишь один план спасения.

Лукас впервые разработал стратегии аварийного отхода, когда возвысился до правления «Корта Элиу». Каждый год он их анализирует и пересматривает на случай такого дня, как этот. Все они основаны на одном озарении: на Луне негде спрятаться. Он это понял, когда занял свое место за столом правления, коснулся руками полированной древесины и почувствовал, насколько же хрупки этот элегантный стол, этот длинный стул с тонкими ножками, на котором он сидит, ощутил тяжесть камня над собой и холод камня под собой. Спрятаться негде, но выход есть. Последнее указание, которое Лукас отдал Токиню, прежде чем отключить его, состояло в том, чтобы проложить курс к расположенному в центральном районе Моря Изобилия терминалу «лунной петли».

Десять миллионов золотом, помещенные на депозит в банке Мирабо в Цюрихе, на Земле, пять лет назад. Воронцовы обожают золото. Они верят ему, когда не верят собственным машинам, собственным кораблям, собственным сестрам и братьям.

«Спасайтесь, — приказал Лукас своим эскольта у шлюза. — Выбросьте ножи, избавьтесь от брони, уйдите на дно. Дальше я сам».

Он не хотел, чтобы они узнали, в чем заключается истинный план спасения. Он надеется, у них все получилось. Лукас всегда ценил истинную службу. Как и Маккензи — так что они не станут неразумно тратить хороших работников, ограничатся только необходимым кровопролитием. Так бы поступил он сам. Лукасу пришлось сбежать быстро и тихо, чтобы избежать обнаружения Маккензи. Жуан-ди-Деус падет. Карлиньос умрет. Он может лишь надеяться, что Рафа добрался до Боа-Виста, что мадриньи успели отправить детей в безопасное место. Маккензи уничтожат его семью, от корня до ветвей. Так бы поступил он сам. Вагнер в бегах. Ариэль. Он понятия не имеет, что с Ариэль. Лукасины в безопасности. Асамоа подтвердили свою независимость двумя мертвыми убийцами, подсланными Маккензи. Это согревает Лукаса в его пластиковом пузыре с воздухом, прижатом к брюху ровера «Корта Элиу». Его мальчик в безопасности.

«Пять минут до терминала Изобилие-Центр», — говорит ровер.

— Подготовить капсулу, — приказывает Лукас. Изогнутый экран демонстрирует ему терминал: километровую башню из балочных ферм, к которой примыкает длинный ряд капсул для транспортировки космическим лифтом. Приспособления для погрузки и стыковки, солнечная электростанция, подъездной путь от проходящей неподалеку Первой Экваториальной: Изобилие-Центр — крупный грузовой терминал для контейнеров с гелием-3 от Корта и поддонов с редкоземельными металлами от Маккензи. Сегодня он переправит другой груз.

— Запустить программу стыковки, — говорит Лукас.

Проворный ровер устремляется к кольцу мигающих синих огней: наружный шлюз. И замирает на месте.

— Ровер, пожалуйста, осуществить стыковку с терминалом.

Ровер стоит посреди Моря Изобилия в пяти метрах от вспыхивающего шлюза.

— Ровер...

— Не сработает, знаешь ли, — раздается чей-то голос на канале связи.

На экране появляется лицо: Аманда Сунь.

— А это не чересчур для постразводной мстительности? Ты разве не могла просто порезать на лоскутки несколько пиджаков?

Аманда Сунь искренне и громко смеется.

— Должна отдать тебе должное, Лукас, ты профессионал. Но в самом деле — пиджаки? Депринтер? Нет, то, что здесь произойдет, с нашим разводом не связано. Впрочем, ты и сам знаешь. И я собираюсь тебя убить. На этот раз у меня получится. Или у тебя где-то припрятана изобретательная и храбрая раздатчица коктейлей? Что-то не верится.

— А мы все удивлялись, как та муха преодолела систему безопасности...

Аманда Сунь постукивает себя по мочке уха.

— В украшении, милый. Твой сводный брат в конечном итоге докопался бы до правды. Он настойчивый. Вами, Корта, до нелепости легко манипулировать. Этот ваш бразильский мачизм... Маккензи почти не пришлось подталкивать. Но, когда можешь предсказать следующий шаг врага, становится слишком легко. Вот почему мы знали, что ты попытаешься удрать с Луны. И вот я здесь, в твоём софте. Но мы теряем время. Я должна тебя убить. У меня для этого есть несколько вариантов. Я могу тебя взорвать, но ты слишком близко к терминалу «лунной петли». Я могу разгерметизировать ровер. Тогда все случится довольно быстро. Но, сдаётся мне, я просто прикажу роверу ехать и ехать, пока у тебя не закончится воздух.

Разгерметизировать ровер. Человеческая кожа — отличный скафандр. Человеческое тело может функционировать в вакууме пятнадцать секунд. Лунная гонка. Он должен заболтать ее, пока проверяет, есть ли в кабине все, что требуется для спасения собственной жизни. Тщеславие всегда было ее пороком.

— У меня вопрос.

— Да, есть такая традиция — последнее желание. Чего ты хочешь, милый?

— Почему?

— Ой, ну это же совсем не смешно. Чтобы злодейка выдала весь свой грандиозный план? Впрочем, знаешь, я дам тебе подсказку. Ты же умный мальчик, Лукас. Ты должен во всем разобраться. Так тебе

будет веселее, чем просто смотреть, как падает индикатор воздуха. С самого первого дня моя семья приобретала опционы по участкам на поверхности, примыкающим к Первой Экваториальной. Два месяца назад мы начали с ними работать. Это должно в достаточной степени тебя развлечь.

— Уделю этому пристальное внимание, — обещает Лукас и бросается к другой стороне капсулы. Хлопает по кнопке экстренного открытия люка. Тот вылетает. Лукас кричит, когда в его барабанные перепонки вонзаются иглы. Каждую пазуху заполняет кипящий свинец. Крик — это хорошо. Крик спасает его легкие от разрыва. Крик умирает, когда порывом воздуха Лукаса выносит — в пиджаке, брюках с защипами и галстуке — в Море Изобилия. Он падает на реголит, подняв облако пыли, и катится. Глаза. Держи глаза открытыми. Если их закрыть, они замерзнут намертво. Ослепнуть — потерять ориентацию. Потерять ориентацию — умереть. Он заставляет себя встать. Замечает, как на краю поля зрения поворачиваются колеса ровера. Он движется. Она хочет его переехать. Шаг, два. И все. Шаг, два. Но все умирает. Он рвется на части изнутри. Лукас бросается вперед в своих двцветных лоферах и бьет по панели наружного шлюза. Синие огни перестают вспыхивать. Шлюз резко открывается. Лукас забирается внутрь. Герметизация. Легкие, глаза, уши и мозг Лукаса вот-вот взорвутся. Потом он слышит рев воздуха, который снова заполняет шлюз. И поверх этого — собственный голос. Он так и не перестал кричать. Громкий удар, шлюз содрогается. Аманда заставила ровер врезаться в него. Воронцовы строят надежно, однако столкновение с одержимым лунным ровером не входило в параметры, которые они закладывали в свое творение. Лукас делает судорожный вдох и ползет во внутренний шлюз. Дверь открывается, он падает. Дверь закрывается. Терминал Изобилие-Центр снова содрогается. Лукас прижимается щекой к холодному, твердому, чудесному сетчатому полу. На стене, прямо на линии его взгляда, икона Доны Луны. Он протягивает руку и гладит пальцем костяное лицо Лунной Мадонны.

И все же это еще не конец.

— Corcovado, Dorolice, Desafinado, [\[45\]](#) — хриплым голосом Лукас проговаривает код.

«Добро пожаловать, Лукас Корта, — говорит терминал. — Ваша капсула готова. Стыковка „лунной петли“ и орбитального транспорта состоится через шестьдесят секунд».

Собрав последние силы, Лукас ковыляет в капсулу.

«Пожалуйста, учтите, что максимальное ускорение мгновенно превысит лунную гравитацию в шесть раз», — сообщает капсула, пока ему на грудь опускаются предохранительные перекладки, а талию охватывает мягкий ремень. Шлюзы герметизируются. «Терминал поднимается». Содрогание иного рода заставляет Лукаса встряхнуться в своей капсуле, и он едва не плачет от облегчения: капсула отделяется и поднимается по башне терминала к платформе лифта. «Подъем в процессе. „Лунная петля“ перехватит капсулу через двадцать секунд».

Он представляет себе, как «лунная петля» летит к нему, кувыркаясь вдоль экватора, заставляя противовесы подниматься и опускаться по всей своей протяженности, чтобы опуститься пониже в колодец лунной гравитации и подхватить эту «посылку» с человеком внутри. Потом Лукас вскрикивает, когда захваты цепляют капсулу. Капсула с вопящим и скорчившимся внутри Лукасом Кортой рывком улетает в небо, и ее зашвыривает прочь от Луны, в великую тьму.

Вдоль платформы трамвайной станции Боа-Виста лежат тела, точно раскиданный по поверхности мусор. Тут полег целый взвод рубак Маккензи. Стрелометы поворачиваются и захватывают цель-Рафу с такой скоростью и точностью, что у него перехватывает дыхание. Пушки медлят. Если Маккензи взломали систему безопасности, Рафа умрет, не успев достигнуть ворот. Стрелометы резко уходят вверх, прочь. Проходи, друг.

Сократ пытается вызвать Робсона и Луну, но сеть Боа-Виста упала.

Рафа выходит со станции, ожидая ужасов. Длинная аллея пустынна. Вода каскадами льется между бесстрастными лицами ориша, бурлит в ручьях, бассейнах и порогах. Шевелится бамбук, листья колышутся на легком ветру. Солнечная линия указывает время после полудня.

— Ола, Боа-Виста!

Его голос возвращается десятком эхо.

Может, они успели уйти. Может, они лежат мертвые в лужах собственной крови среди колонн, в комнатах.

— Ола!

Комната за комнатой пусты. Боа-Виста еще никогда не напоминал его собственный дворец в меньшей степени, чем сейчас. Апартаменты его матери, просторные комнаты, выходящие в сад. Комнаты для приемов, комната для заседаний правления. Покои слуг. Старые апартаменты, которые он делил с Лусикой, лаз, куда Луна забиралась, чтобы прятаться и подглядывать, и думала, что никто не знает. Все пустынно. Он проходит сквозь дверь, ведущую в служебные помещения, и тут его хватают, разворачивают, прижимают к стене, швыряют на пол. Над ним стоит мадринья Элис, острие ножа в сантиметре от его левого глазного яблока. Она резким движением убирает оружие.

— Простите, сеньор Рафа.

— Где они?

— В убежище.

Боа-Виста содрогается. С потолка сыплется пыль. Глухие удары зарядов ни с чем не перепутаешь.

— Идемте со мной.

Мадринья Элис берет Рафу за руку. Комната за комнатой, через лабиринт постоянно расширяющихся коридоров Боа-Виста. Убежище — резервуар из стали, алюминия и бронированного стекла; выкрашенный в желто-черные полосы, универсальный цветовой код опасности. Мадриньи и слуги Боа-Виста нервно жмутся друг к другу на скамейках; Робсон и Луна бросаются к окнам, прижимают ладони к стеклу. Фамильяры могут говорить через местную сеть. Рафа опускается на колени и прижимает голову к окошку.

— Слава богам, слава богам, слава богам, я так испугался...

— Папай, ты идешь к нам? — спрашивает Луна.

— Через минуту. Я должен проверить, нет ли там кого-нибудь еще.

Боа-Виста снова сотрясается от взрыва. Убежище поскрипывает на своих пружинах, гасящих вибрации. Оно задумано таким, чтобы двадцать человек смогли жить и дышать, если Луна продемонстрирует худшее из того, на что способна.

— Я могу это сделать, сеньор Рафа, — говорит мадринья Элис.

— Ты сделала достаточно. Иди внутрь. Ступай.

Открывается шлюз. Мадринья Элис устремляет на Рафу последний вопросительный взгляд; он качает головой.

— Я вернусь, не успеешь даже опомниться, — говорит Рафа Луне. Они прикасаются руками каждый к своей стороне стекла.

Он проверил южное крыло, но офисы компании и вспомогательные пространства находятся к северу

от садов.

— Ола!

Новый взрыв. Надо спешить. Воздушная установка, станция переработки воды, энергостанция, обогреватели. Чисто. Еще один взрыв — самый сильный из всех, что были, — стряхивает листья с деревьев. С павильона Сан-Себастьян обваливается каменная кладка. По лицу Ошоси-Охотника бежит трещина.

Чисто.

Совершенно чисто. Он дурак, что пришел сюда. Для спасения Луны и Робсона он не понадобился. Мадрины присмотрели за ними, спокойно, действенно. От него одни проблемы, одни опасности. Если он отправится в убежище, Маккензи его разрежут на части, чтобы добраться до Рафы Корты. Они там, наверху, пробивают путь к нему взрывами. Боа-Виста — ловушка. Новый взрыв, еще тяжелее прочих. Трещина на лице Ошоси превращается в разлом. Купол павильона Сан-Себастьян обваливается в воду. Рафа бежит.

«Трамвайное сообщение в настоящее время недоступно, — сообщает ИИ шлюза. — Туннель заблокирован в результате обвала крыши на третьем километре».

Рафа тупо глядит на шлюз, словно тот нанес ему личное оскорбление. У него не осталось никаких идей. Поверхностный шлюз! Он может выбраться тем же путем, каким удрал Лукасинью, в жестком аварийном скафандре. Жуан-ди-Деус потерян, но есть хранилище в Рюрике; два часа бега на полной скорости жесткого скафа. Возьми ровер, доберись до Тве. Перегруппируйся и восстановись. Собери семью, нанеси обратный удар.

Он бежит к лифту, ведущему к поверхностному шлюзу. Его сбивает с ног ошеломляющая детонация, которая приподнимает Боа-Виста и роняет — так боец ломает хребет противнику. Передняя часть вестибюля лифта превращается в стену обломков. Оглушенный, сбитый с толку ударной волной, Рафа понимает значение летящего мусора. Они взорвали поверхностный шлюз. Боа-Виста открыт вакууму.

Волна давления поворачивает в обратную сторону. Боа-Виста теряет атмосферу. Сады взрываются. С деревьев срывает все листья, каждый незакрепленный объект тянет к шахте поверхностного лифта и вышвыривает наружу фонтаном мусора, листьев, садовой мебели, стаканов для чая, лепестков, травы, потерянных драгоценностей, обломков взрыва. Двери и окна срываются с петель, бьются. Боа-Виста — торнадо стеклянных осколков и искореженного металла. Вопят сирены разгерметизации, их голоса слабеют по мере падения давления. Рафа цепляется за колонну в павильоне Сан-Себастьян. Убийственный ветер рвет его на части. Его одежда, его кожа исполосованы тысячами кусков летящего стекла. Его легкие полыхают, его мозг горит, его поле зрения краснеет по мере того, как он вытягивает последний кислород из кровотока. Он судорожно делает последний неглубокий вдох без воздуха. Он умрет там, но не отпустит колонну. Но перед глазами у него темнеет, силы покидают его. Синапсы перегорают один за другим. Хватка слабеет. Он больше не может держаться. Нет смысла, нет надежды. С последним тихим криком Рафа соскальзывает с колонны в бурю.

Капсула «лунной петли» летит над Невидимой стороной Луны. Если бы у Лукаса Корты были камеры или окна, он бы смог полюбоваться чудесной половиной Невидимой стороны, яркой как бриллиант, заполняющей небо. У него нет окон, нет камер, мало что есть из области связи, развлечения или света. Токиню отключен: Лукас всем пожертвовал, чтобы дышать. Энергии не хватает даже для звонка Лукасинью, чтобы мальчик узнал, что Лукас жив. Он все рассчитал впритык, но не сомневается в результате. Верить не надо; уравнения в вере не нуждаются.

Развязавшийся галстук Лукаса парит в невесомости.

План «Тайяна» по-детски прямолинеен. У Лукаса достаточно времени в капсуле, чтобы его обдумать, и он все вычислил через несколько секунд после признания Аманды. Нельзя признаваться. За эту ошибку он воздаст втрое. Она его никогда не уважала. Суни вечно относились к Корта как к низшему, грязному классу. Нелепые гаучос. Выскочки-фавеладос. «Маккензи Металз» уничтожает «Корта Элиу». Планета Земля смотрит и боится за свои гелиевые термоядерные станции. У «Маккензи Металз» есть запас гелия-3, накопленный благодаря попыткам вытеснить «Корта Элиу» с рынка, но долгосрочная игра заключается в том, как «Тайян» пустит в ход свои долгосрочные опционы по экваториальному поясу. Вымостит экватор Луны на шестьдесят километров по обе стороны от Первой Экваториальной солнечными панелями из спеченного лунного реголита и направит энергию на Землю микроволновым излучением. «Тайян» всегда занимался информацией и энергетикой. Луна превратится в неистощимую постоянно действующую орбитальную электростанцию. Это самый дорогой и крупный инфраструктурный проект человечества, но паранойя, которая последует за падением «Корта Элиу» и резким сокращением поставок лунного гелия-3, заставит инвесторов резать друг другу глотки за право швырнуть наличность на стол «Тайяна». Это будет финальная победа Суней в их долгой войне с КНР. Великолепный план. Лукас откровенно им восхищается.

Его великолепие в простоте. Установи несколько простых мотивирующих факторов, и человеческая гордыня сделает все остальное. Муха-убийца была блистательна; все запутала, бросила тень между Корта и Асамоа, но указала на Маккензи. Лукас не сомневается, что сбой программы, который убил Рэйчел Маккензи, родился на одном из серверов «Тайяна»; или в том, что ножевая атака, искалечившая Ариэль, была спланирована во Дворце Вечного Света. Маленькие триггеры. Цепи обратной связи. Циклы насилия. Устрой заговор, чтобы твои враги уничтожили друг друга. Как давно Суни это замыслили? Они затевали проекты на десятилетия, планировали на века.

«Все слишком легко, когда можешь предсказать следующий шаг своего врага», — сказала Аманда. Вагнер упомянул, Ариэль подтвердила, что «Тайян» разработал квантовую вычислительную систему для «Уитэкр Годдард». Три Августейших. Высокоточные предсказания, основанные на детальном моделировании реального мира. Что служит «Уитэкр Годдард», служит Суням еще лучше.

Они не предсказали, что Лукас выживет.

Включается Токинью — базовый интерфейс с низким разрешением, позволяющий Лукасу подключиться к сенсорам и контрольным системам капсулы. Капсула послала запрос и получила ответ из пункта назначения. Все просчитано. Там, ближе к дальнему концу траектории капсулы вокруг Невидимой стороны Луны, на орбите возвращения к Земле, циклер ВТО «Святые Петр и Павел» подключился к системе и взял управление на себя. Галстук Лукаса падает, когда капсула начинает подрагивать, обретая микроускорение; маневровые реактивные двигатели извергают пламя, направляя ее на орбиту сближения. Теперь циклер в зоне видимости камер капсулы, и Токинью показывает Лукасу умопомрачительный вид корабля, озаренного солнцем: пять колец-обиталищ, размещенные вдоль центрального двигателя и оси жизнеобеспечения, окруженные короной солнечных батарей.

Десять миллионов цюрихским золотом купят Лукасу убежище здесь на достаточный срок, чтобы спланировать возвращение и месть.

Двигатели щелкают и извергают пламя, причальные манипуляторы вытягиваются, хватают капсулу и затаскивают Лукаса Карту внутрь.

Лунный корабль проходит низко над полем мусора. Продукты извержения Боа-Виста рассыпаны неровным диском пяти километров в диаметре, распределившись согласно размеру и весу. Более легкий материал — листья, трава — образует внешние кольца; затем осколки стекла, куски металла, камня и пористого стекла. Самые большие и тяжелые предметы, лучше всего сохранившиеся, лежат ближе всего к

останкам шлюза. Женщина-пилот опускает корабль вручную, выискивая безопасное место для приземления. Она играет на маневровых двигателях как на музыкальном инструменте: корабль танцует.

В отсеке для подготовки к выходу на поверхность Лукасинью Корта, Абена и Лусика Асамоа надевают пов-скафы вместе с командой спасателей ВТО и отрядом охранников АКА. Из Боа-Виста не поступало никаких сигналов вот уже два часа, если не считать пульсирующий маяк убежища. Убежища крепки, но разгром Боа-Виста сильно превосходит заложенные при строительстве параметры. Зеленые огни. Корабль садится. Отсек сбрасывает воздух. Лукасинью и Абена касаются шлемами — признание дружбы и ожидание страха. Фамильяры сжимаются в именные метки над левым плечом.

ВТО протестовала, что, завернув в Тве за Лусикой Асамоа, они добавляют опасные минуты к своей спасательной миссии. «Там моя девочка». ВТО все еще возражала. «АКА заплатит за дополнительное горючее, время и воздух». На том и порешили. «Нас будет трое».

«Отсек разгерметизирован, — сообщает Цзиньцзи. — Двери открываются».

Абена стискивает руку Лукасинью.

Лукасинью никогда не летал на лунном корабле. Он ожидал волнения: полета к поверхности быстрее, чем ему когда-либо доводилось путешествовать, во власти мощных реактивных двигателей, спеша на помощь. На самом деле он сидел в кресле в отсеке без окон, испытал серию непредсказуемых рывков и глухих ударов, а также ускорение, которое прижало его к ремням безопасности, и еще у него было много времени, чтобы вообразить, что они найдут внизу.

Спасательный взвод ВТО направляется через поле мусора к шлюзу. Они устанавливают лебедки на треногах и фонари. Лусика с Абеной и Лукасинью и своими охранниками спускаются на поверхность по пандусу. Прожектора лунного корабля порождают длинные, медленно ползущие тени искореженной садовой мебели, искривленных строительных балок, кусков армированного стекла, вонзившихся в реголит, разбитых машин. Лукасинью и Абена пробираются через обломки.

— Нана.

Охранники Лусики что-то нашли. Огни их нашлемных фонарей пляшут по твиду, изгибу плеча, пряди волос.

— Стой там, Лукасинью, — приказывает Лусика.

— Я хочу его увидеть, — говорит Лукасинью.

— Стой там!

Два охранника хватают его, заставляют отвернуться. Лукасинью пытается вырваться, но это свежие работники, шесть месяцев как из Аккры, и силы в их мышцах побольше, чем у любого лунного мальчишки третьего поколения. Абена становится перед ним.

— Посмотри на меня.

— Я хочу его увидеть!

— Посмотри на меня!

Лукасинью поворачивает голову. Он замечает Лусику на коленях на реголите. Ее руки прижаты к щитку шлема, она раскачивается взад-вперед. Он замечает что-то разбитое и исковерканное, взорванное и вымороженное до состояния дубленой кожи. Потом Абена прижимает ладони по обеим сторонам его шлема и заставляет повернуть лицо в свою сторону. Лукасинью отвечает ей тем же. Он тянет Абену к себе, они соприкасаются шлемами в поцелуй пылевиков.

— Я ни за что никогда не прощу людей, которые это сделали, — клянется Лукасинью на частном канале. — Роберт Маккензи, Дункан Маккензи, Брайс Маккензи, я называю ваши имена и бросаю вам вызов. Я поставил отметку. Вам от меня не уйти.

— Лукасинью, не говори так.

— Это ты не говори мне такого, Абена. Это мое дело — не тебе решать.

— Лукасинью...

— Это мое дело.

— Миссис Асамоа-Корта.

Лусика вздрагивает, когда ее вызывают по общему каналу спасатели ВТО.

— Мы готовы.

Она кладет руку на плечо Лукасинью. Тактильные датчики пов-скафа передают ей текстуру ткани, ему — прикосновение ладони.

— Лука, это тебя убьет.

Он увидел лишь малость: ему не позволили увидеть то, что увидела Лусика; его дядю, ее око; но то, что он увидел, уже никогда не забудет.

— Нана, они ждут нас, — говорит один из охранников.

Она аккуратно разворачивает Лукасинью, чтобы он оставался спиной к тому, что умерло. Луна убивает уродливо.

Команда Воронцовых цепляет к лебедкам сначала Лусику, потом Лукасинью и последней — Абену. Лукасинью повисает над черной глоткой шахты шлюза. Смотрит вниз, и луч его нашлемного фонаря расплескивается по стенам ямы. Чудовищный взрыв, сопровождавший разгерметизацию Боа-Виста, ободрал с шахты все, что могло бы зацепить и порвать пов-скаф. И все же это спуск в ужас, во тьму. Убежище постоянно посылает сигнал о помощи, но оно могло сместиться, его могло зажать, системы могли отказать, сломаться.

— Снижаемся.

Наверное, все было почти так же, когда Адриана впервые спустилась в лавовую трубку, которую собиралась превратить в свой дворец. Свет на скале, вибрация лебедки передается по канату. «Ты вылез отсюда, когда разъярился на пай и удрал, — думает Лукасинью и чувствует короткое и жгучее смущение. — Как же непохоже твое возвращение...»

Потом дистанционные датчики Лукасинью начинают пищать, и его ноги касаются земли. Под подошвами ботинок хрустят обломки. Он отстегивает ремни лебедки и входит в Боа-Виста. Команда Воронцовых установила рабочие прожекторы; они намекают на большее, чем показывают. Темные тени в глазницах Шанго. Павильоны, упавшие и рассыпавшиеся как неудачные карточные домики. Лишенные листьев и промерзшие до самого сердца деревья в свете прожекторов выглядят зловеще. Полные, чувственные губы Йансы. Едва заметно поблескивает лед — замерзшие слезы ориша. Луч нашлемного фонаря Лукасинью пляшет по мертвым лужайкам, замороженным накрепко, по линзам черного льда в пересохших прудах и ручьях. Та вода, которую не выдуло наружу во время разгерметизации, мгновенно замерзла и превратилась в блестящую корку.

Лукасинью наталкивается на потерянный предмет, и тот отлетает в сторону, скользя по плитке пола. Луч фонаря его находит: сломанный старый стол, за которым заседало правление «Корта Элиу»;

в трещинах, без одной ножки. Лукасинью ставит его как положено. Стол немедленно заваливается. Через сломанные дверные проемы и разбитые стулья открывается вид на кусты, увешанные изорванными постельными принадлежностями. Его ботинки с хрустом давят осколки стекла и замерзшие в вакууме сучья. Ни один павильон не уцелел. Он окидывает лучом нашемного фонаря лица ориша. Ошала, повелитель света. Йеманжа-Созидательница. Шанго Справедливый. Ошум, Возлюбленная. Огун, Воитель. Ошоси, Охотник. Близнецы Ибеджи. Омолу, владыка болезней. Йанса, королева перемен. Нана, Первоисточник.

Он никогда в них не верил.

— Я все верну, — шепчет он по-португальски. — Это мое дело.

Вторая пара нашемных фонарей вспыхивает и погружает его в бассейн из света, третья: Лусика и Абена прибыли, но он идет впереди них, вниз по руслу мертвой реки, между ориша, вниз — туда, где ждут спасатели.

Глоссарий

На Луне говорят на многих языках, охотно пополняя лексикон словами из китайского, португальского, русского, испанского, арабского, а также языков йоруба и акан.

Абусуа — группа людей с общим предком по материнской линии. АКА сохраняет эти линии вместе с запретами на брак, чтобы уберечь генетическое разнообразие.

Агбада — официальный наряд йоруба.

Адинкра — визуальные символы народа акан, представляющие собой концепции или афоризмы.

Амор — возлюбленный или партнер (любого пола).

Анзинью — ангелочек.

Апату — дух несогласия.

Берсариу — детская.

Бу-хвэджан — корейский корпоративный титул (вице-президент). Также см.: хвэджан, чонму.

Гапшап[\[46\]](#) — главный канал в лунной социальной сети, распространяющий сплетни.

Геньями — символ адинкра, означающий: «Кроме Бога, никого не боюсь».

Глобо — упрощенная форма английского с кодированным произношением, которое могут воспринимать машины.

Джо Лунник/Лунница — новичок на Луне.

Заббалины — фрилансеры, перерабатывающие органические отходы, которые они потом продают КРЛ, обладающей правом собственности на всю органику.

Защитник — наемный боец в судебном поединке.

Инь — цифровая подпись.

Ирман[\[47\]](#) — сестра/брат.

Касадор — охотник.

Кеджи-око — вторая супруга/супруг.

Корасан — «сердце мое». Выражение служит для проявления нежности.

Котоко — Совет АКА с членством на основе ротации.

Кочжао — пылезащитная маска.

Крак — спортивная суперзвезда.

Ладейру — лестница с одного уровня квадры на другой.

Мадринья — суррогатная мать (в буквальном переводе — «крестная»).

Маландрагем — искусство быть трикстером, крутым.

Мамайн/майн, папай/пай — мать/мама, отец/папа.

Маньхуа — китайские комиксы.

Миуду — малыш.

Моту — трехколесное автоматическое такси.

Нана — термин ашанти, уважительное обращение к старшему.

Никах — брачный контракт. Термин арабского происхождения.

Норте — человек родом из Северной Америки.

Око — супруг или супруга.

Омахене — генеральный директор АКА, меняющийся каждые восемь лет.

Онияме — имя Высшего существа в народной религии акан.

Ориша — божества и святые в синкретической афро-бразильской религии умбанда.

Охенеба — «маленькая принцесса» — термин для обозначения нежности.

Патран — крестный отец.

Пов-скаф — скафандр для работы на поверхности Луны.

РФЛ — социальный идентифицирующий номер в Бразилии, необходимый для важных социальных и финансовых дел.

Саудад — меланхолия. Сладостная грусть — замысловатый и чрезвычайно важный элемент музыкального стиля босанова.

Сер — обращение к нейтро.

Сибари — японское искусство бондажа (связывания).

Сиририка — бразильский сленговый термин для женской мастурбации.

Террейру — храм умбанда.

Тиа/тиу — тетя/дядя.

Хвэджан — корейский корпоративный титул (президент).

Четыре Базиса — воздух, вода, углерод и данные: базовые предметы потребления в лунном обществе, за которые ежедневно взимается плата посредством чибов.

Чиб — маленькая виртуальная панель в интерактивной контактной линзе, которая показывает состояние личного счета, покрывающего расходы на Четыре Базиса.

Чонму — корейский корпоративный титул (управляющий директор).

Чхвеко — корейский корпоративный титул («первейший»).

Шуррасерия — бразильское или аргентинское барбекю.

Эскольта — телохранитель.

Гавайский календарь

Лунное общество заимствовало гавайскую систему, в которой каждый день лунного месяца назван в честь определенной лунной фазы. Таким образом, в луне 30 дней, которые не делятся на недели.

- 1: хило
- 2: хоака
- 3: ку-кахи
- 4: ку-луа
- 5: ку-колу
- 6: ку-пау
- 7: оле-ку-кахи
- 8: оле-ку-луа
- 9: оле-ку-колу
- 10: оле-ку-пау
- 11: хуна
- 12: мохалу
- 13: хуа
- 14: акуа
- 15: хоку
- 16: махеалани
- 17: кулуа
- 18: лаау-ку-кахи
- 19: лаау-куу-луа
- 20: лаау-пау
- 21: оле-ку-кахи
- 22: оле-ку-луа
- 23: оле-пау
- 24: калоа-ку-кахи
- 25: калоа-ку-луа
- 26: калоа-пау
- 27: кане
- 28: лоно
- 29: маули
- 30: муку

Сноски

1

Элиу (hélio) — гелий (браз. порт.). Здесь и далее прим. пер.

2

Боа-Виста (Boa Vista) — прекрасный вид (браз. порт.).

3

Название этого лунного города (англ. Queen of the South) представляет собой библейскую отсылку: «Царица южная восстанет на суд с родом сим и осудит его, ибо она приходила от пределов земли послушать мудрости Соломоновой; и вот здесь больше Соломона» (Евангелие от Матфея 12:42).

4

Ап-аут (up and out) — биржевой термин, означающий разновидность барьерного опциона. Выплата по такому опциону зависит от того, достигла ли цена базового актива определенного уровня за некий период времени. Соответствующий уровень в случае ап-аута «выключает», то есть обесценивает, опцион. По всей видимости, аналогия проходит между ростом цены базового актива и подъемом Марины Кальцаге все выше к «крыше мира».

5

Bairro Alto — высокий район (порт.).

6

Лабреты и штанги — разновидности пирсинга.

7

Голубая луна (blue moon) — третье полнолуние в астрономическом сезоне, на который приходится четыре полнолуния вместо трех, либо второе полнолуние, приходящееся на один календарный месяц. На цвет Луны это астрономическое явление, как правило, не влияет. Также название коктейля отсылает к английскому выражению «once in a blue moon» («однажды во время голубой луны»), ближайший русский эквивалент которого — «после дождичка в четверг».

8

«*Águas de Março*» («Мартовские воды») — известнейшая бразильская песня, написанная в 1972 году; один из стандартов (общепризнанных образцов стиля) босанова.

9

MBP, Música brasileira popular — «Популярная бразильская музыка», современный музыкальный тренд, подразумевающий переработку традиционных бразильских стилей с заимствованием элементов джаза и рок-музыки; *функциональная музыка* — стиль, предназначенный для использования в торговых центрах и т. д. с целью воздействия на покупателей; *MOR, Middle of the road music* — коммерческий формат радиовещания, включающий в основном очень мелодичную, приятную и достаточно медленную музыку.

10

Игбо — народ в юго-восточной Нигерии и ряде других африканских государств.

11

Фавелы — трущобы в городах Бразилии.

12

Колостома — открытый конец ободочной кишки, выведенный на переднюю брюшную стенку.

13

До свидания, я тебя люблю, скоро снова свяжемся (*порт.*).

14

Здесь и далее шутки на тему «кайфовой выпечки» представляют собой непере译имую игру слов, основанную на одном из значений глагола to bake — «курить травку в замкнутом помещении».

15

Елена Кондакова — первая женщина, совершившая длительный полет в космос.

16

Давление воздуха в воздушном шлюзе упало не до конца (*порт.*).

17

Скоро нам предстоит отправиться на поверхность Луны. У тебя очень плохой акцент (*порт.*).

18

У дверей стоит Карлиньос Корта (*порт.*).

19

Сеньор Корта получил доступ к твоему принтеру (*порт.*).

20

Пелотон (или *пелетон*) — основная компания бегунов в спортивной гонке.

21

Баоцзы — популярное китайское блюдо, небольшой пирожок, приготовленный на пару.

22

Автор романа использовал по отношению к гендер-нейтральным и гендер-флюидным персонажам местоимения, отличающиеся от традиционных.

23

«*Шпилька*» — жаргонный термин автомобилистов и гонщиков, обозначающий узкий поворот дороги на 180 градусов.

24

Ламé — парча с шитьем металлическими нитями по синтетической основе; обычно золотого или серебряного цвета.

25

Мофу — юноша (*порт.*).

26

À l'esprit de l'escalier — букв. «лестничный ум» (*франц.*). Это выражение означает ответ, который приходит на ум позже, чем следовало бы, «на лестнице». Ближайший русский эквивалент — «задним умом крепок».

27

Бог среди нас, и он зол (*порт.*).

28

Рах — мир (*ит.*); *раз* — мир (*порт.*).

29

Неполная цитата из Евангелия от Луки (2:14): «На земле мир, в человеках благоволение» (*порт.*).

30

Вотивными предметами называют символические дары, приносимые в дар божеству ради исцеления, исполнения желания и т. д.

31

Исцеляющее ангельское рейки — одна из разновидностей нетрадиционной медицины.

32

Вок — круглая и глубокая китайская сковорода с выпуклым дном маленького диаметра.

33

Крема — пенка на кофе, цвет которой считается показателем качества эспresso.

34

Эвтрофикация — нарушение баланса в водоеме, которое может привести к так называемому цветению воды и насыщению ее химическими веществами, губительными для животных и людей.

35

Элис — Элис Режина, одна из самых популярных бразильских певиц (1945–1982); *Том* — Антониу Карлос Жобин, известнейший бразильский музыкант, один из основоположников стиля босанова (1927–1994). «*Elis & Tom*» — их совместный альбом, выпущенный в 1974 году.

36

У ашанти и аканов термином «сунсум» обозначается дух человека, который служит соединяющим звеном между телом («хонам») и душой («кра»).

37

Хантс-пойнт — район в Бронксе (Нью-Йорк).

38

Эллен Лори Очоа — астронавт НАСА, совершила четыре космических полета; с 1 января 2013 года занимает пост директора Космического центра имени Джонсона в Хьюстоне, штат Техас.

39

Униан до Вежелаль (União do Vegetal) — бразильское общество религиозного характера, основанное в 1961 году.

40

Фонд Долгого часа (Long Now Foundation) — некоммерческая организация, основанная в Сан-Франциско в 1996 году. Ставит своей главной целью содействие «творческому развитию долгосрочной ответственности», то есть формированию в людях более ответственного отношения к настоящему и будущему.

41

EDF — крупнейшая государственная энергогенерирующая компания Франции и крупнейшая в мире компания — оператор атомных электростанций; *AREVA S. A.* — французская компания, занимающаяся разработкой и производством оборудования для атомной энергетики и производства электроэнергии из альтернативных источников.

42

PFC (Power Finance Corporation) — корпорация энергетического финансирования, индийское финансовое учреждение, основанное в 1986 году.

43

ЛДЭ — «левитирующий дипольный эксперимент», один из методов управления термоядерным синтезом.

44

«Ночь распустившихся цветов и полнолуния» — романтическая песня, обретшая популярность в 30-х годах прошлого века благодаря исполнению известной китайской певицей Чжоу Сюань и пользующаяся большим успехом в Китае до настоящего времени.

45

Названия известных песен в стиле босанова.

46

Gupshup на хинди и урду означает «бессмысленная болтовня». *Прим. пер.*

47

Португальские слова *lrmã/lrmão* согласно общепринятым правилам транскрибируются на русский одинаково. *Прим. пер.*